БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СКАЗКИ
КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ

СОБРАЛЪ

Е. Р. Романовъ.

ВИТЕБСКЪ.

Типо-Литографія Г. А. Малкина.

1891.

Дозволено цензурою 22 Марта 1891 г. Вильна.

После четырехлѣтняго почти перерыва продолжаемъ свой Сборникъ.

Этотъ, четвертый, выпускъ первоначально предполагалось составить изъ сказокъ животнаго эпоса, космогоническихъ и культурныхъ и миѳическихъ; но затѣмъ обиліе матеріаловъ, поступившихъ во время печатанія, дало возможность ограничиться только космогоническими и культурными, число коихъ въ выпускѣ доходитъ до 170 №№.

Такимъ образомъ, настоящему выпуску приданъ характеръ нѣкоторой цѣльности, хотя разновременность поступленія матеріаловъ была причиною раздѣленія его на двѣ части.

Характеръ изданія нашего настолько опредѣлился, что мы находимъ возможнымъ обойтись на этотъ разъ безъ особаго предисловія. Заявимъ только, что большая часть предлагаемыхъ матеріаловъ собрана нами въ поѣздки, совершенныя на средства Географическаго Общества. Записи произведеній дѣлались, какъ и всегда, подъ диктовку казанниковъ, нами и отчасти нашими спутниками въ поѣздкахъ, гг. Буднецкимъ и Аникіевичемъ, въ нашемъ присутствіи. Нѣсколько №№ доставлено намъ лицами, намъ извѣстными и пользовавшимися нашими указаніями. Исключеніе составляетъ только гуторка *Бай* (стр. 174). Но ее мы и не причисляемъ къ произведеніямъ народной словесности.

Содѣйствіе къ возобновленію изданія намъ оказали слѣдующія лица и учрежденія:

Николай Александровичъ Сергіевскій, просвѣщенному участію котораго обязаны появленіемъ въ свѣтъ и два первые выпуска Сборника.

Князь Θедоръ Ивановичъ Паскевичъ, на бумагѣ котораго изданы четвертый и пятый выпуски.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, при матеріальной поддержкѣ котораго, вызванной участіемъ къ нашему труду академиковъ Я. К. Грота, А. Θ. Бычкова и А. Н. Веселовскаго, изданъ также и третій выпускъ.

Русское Географическое Общество, оказывающее намъ постоянную помощь, и секретарь его А. В. Григорьевъ, съ самаго начала изданія относящійся къ намъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, которое мы весьма цѣнимъ и въ которомъ крайне нуждаемся...

Неизвѣстный намъ, къ глубокому сожалѣнію, рецензентъ нашего труда въ „Рус. Мысли“ (ноябрь, 1887 г.), симпатичный отзывъ котораго помогъ намъ преодолѣть препятствія матеріальнаго свойства, задерживавшія изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ. Заявляемъ объ этомъ, въ надеждѣ, что онъ сообщитъ намъ свое имя.

Пятый выпускъ, заключающій заклинанія, заговоры, апокрифы и духовные стихи, выходитъ вмѣстѣ съ симъ. Шестой и седьмой (сказки) готовятся къ печати.

Вообще, мы стараемся дѣлать, что можемъ.

Существующіе въ нашемъ трудѣ недостатки, которые мы отлично сознаемъ, объясняются, помимо причинъ вышеуказанныхъ, также крайнимъ недостаткомъ времени у издателя, ведущаго почти кочевую жизнь...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дополненіе.

Сказки
космогоническія и культурныя.

КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ.

1. Богъ и Дяволъ.

Колись Господь ходивъ такъ по воздуху. Бача—пузырь висить, и ў пузырѣ штось пищить. Господь спрашуя: „што ты тамъ такое пищишъ у пузырѣ?“ А ёнъ говора: богъ!—„А хто-жъ я?“—А ты, кажа, надъ богамы Богъ! у пузырѣ отвѣтъ дае. „Ну, коли жъ я надъ богамы Богъ“... узявъ и разодравъ пузырь. Вышовъ оттуль чаловѣкъ, съ пузыра, и иде поплячь изъ имъ. Иде. И тяперака говора Господь: „Якъ ба намъ съ тобою зямли отыскать? Потому хоть намъ безъ зямли тожа можно жить, а по настоящаму няльзя. Ё, говора, у вокіяни бязэднымъ зямля—иди ты достань оттуль: ты ето можашъ здѣлати!“—Господь говора тому уже товаришу свойму. Ну, той полѣзъ, узявъ зямли у руки и попрычь у ротъ; и тую, зъ рукъ, Богу отдавъ, а тую затаивъ отъ Бога. Потомъ Господь говора: „ну, мы жъ ету зямельку посѣямъ!“ Господь зямельку посѣявъ; зямелька стала рость. И ў яго ў роти стала рость. Яму стало трудно тогды ўже. Потомъ ёнъ со трудовъ тыхъ кинувся отъ Бога и давай харкать, изъ рота зямлю выкидать. Идѣ харканѐ изъ рота поболяй, тамъ горы, курганы дѣлаютца,—идѣ зямли большъ выкинетца изъ рота; идѣ трохи харкане, тамъ ровнѣй; идѣ плюня—тамъ мохи, болоты. А тамъ усётыки трудно яму жить, што яна не отбавляетца у роти,—ростѐ. Потомъ Господь кажа на яго: „што-жъ ты, каа, окаянный, такъ дѣлаешъ отъ мяне? Потому, што первый ты у мяне, а потому дѣлаешъ такія неподобныя поступки! Лукавый, каа, ты!“ Ёнъ съ того страху говора самъ сабѣ: „дѣлать буду тое, што й ты, Господи!“ Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ житялству. Построивъ ёнъ житялству, Господь призывая Михайлу: „иди яго, окаяннаго, изгони! потому, ёнъ дѣлая лукаво!“ Михайла устрашився,—опустився: ничого ня здѣлавъ яму. Михайлу Господь отвѣтъ дае: „Михаила, будь архангаломъ, а яго трэба оттуля збурить, штобъ ёнъ такъ ня дѣлавъ!“ Михайла устрашився, изновъ назадъ къ Господу: „Господи, говора: вялико имя твоё, ўласть вялика—не могу!“ говора. Тогды Михайлу говора Богъ: „вастрастилъ (архистратигъ) будь, а яго трэба спихнуть!“ Ёнъ яго, бачъ, подвышуя, чины накладая, штобъ якъ ни якъ

а яго спихнуть. Ну, пóтомъ Михайла осиливъ; своимъ огнёмъ пякнувъ яго и осиливъ: ёнъ обурився и полятѣвъ оттуль. Пóтомъ говора окаянный,— пришовъ икъ Господу: „Господи, говора, не востави (остави) мяне, я покорусся табѣ!“ Ёнъ говора: „што жъ ты ето, дяволъ, уздумавъ дѣлать?“—такъ на ёмъ означилось роги и хвостъ. А на ёмъ прежда ня було; а то якъ сказавъ Господь: дяволъ!—такъ роги и хвостъ. Тогды говора Господь: „проклятый ты! прогнявивъ ты Господа свойго! Видишъ, што Богъ твой будя дѣлать: погляди-ка ты, окаянный ты!“ И ўзявъ, исъ красныя зямли здѣлавъ чаловѣка. Пóтомъ Господь отвярнувсь, а дяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго, етый, который лукавѣй. Тогды Господь говора: „лукавый, ты лукавйшъ! Погляди, што Богъ будя дѣлать!“ И ўсадивъ у етаго чаловѣка душу разумную и бязсмертную. А ще жъ Господь сказавъ: „погляди-тка, лукавый, ящѐ што здѣлаю; погляди, чимъ будя питатца чаловѣкъ!“ Тяперака, занявъ Богъ зямли и здѣлавъ родъ товариччій—коровку. „Што жъ ты, лукавый, ня ўздумаешъ ничóго здѣлать, тольки зъ мойго дивисься?“—Господи, говора: устрашився я тябе, ня могу ничóго придумать. Коли позволишъ, Господи, дакъ я хоть кóзочку издѣлаю сабѣ, коли позволишъ ты, Господи!... Господи говора: „Дѣлай, окаянный, козочку сабѣ,—позволю!“ Позволивъ Господь дѣлать козочку яму, ёнъ и ставъ дѣлать. Ляжить жа Богова коровка и яго козочка. Господь на свою дунувъ коровку, яна ўстала и пошла. „Окаянный, дми на свою козку, штобъ пошла!“ Окаянный дмѐ, яна ня йдѐ, ляжить. Тогды ёнъ кажа: „Господи Божа мой, дунй на мою козочку, штобъ яна пошла—нема рады!“ Господь дунувъ, козочка пошла. Пóтомъ Господь на перваго чаловѣка, здѣлавъ на яго йимя Адамъ. Дунувъ, ёнъ уставъ, и живъ зъ Богомъ у раю. Стало пóтомъ яму скушно. Господь разузнавъ, што одному чаловѣку у раю скушно, ну, Адамъ увоснувъ, Господь явивсь яму уво снѣ и вынявъ рабро съ праваго боку и здѣлавъ яму жану,— Ева, названьня. Пóтомъ удвоихъ яны жили ня знали ниякія... грѣху ниякаго ня мѣли. Тогды ставъ клопотать етый самый лукавый, штобъ якъ убратца туды къ имъ и прознустить ихъ. Которое було древо запрачано Богомъ, дяволъ коснувся, и здѣлався гадомъ. Коснувся имъ и говора: „возьми ты не ў показнаго древа яблока поспробуй!“ Господь етыя дѣла увознавъ, повялѣвъ етому древу гольлё поднять повышай, штобъ ня могли достать. Тогды гадъ зновъ явився: „Ева, говора: спробуй етаго яблока зъ естаго древа!“ Ева пытая ў яго, у гада етаго: „што зъ естаго будя, якъ я поспробую?“—Сама собой будешъ богомъ, говора. Што Богъ зная, то й ты! Тогды Ева говора: „якъ жа мнѣ, говора, гадъ окаянный, знять, коли поднялось гольлё ўгору?“ Гадъ етый ёй обястивъ, што я ўласть мѣю достать табѣ!—Ну, коли можашъ, достань! Доставъ. Яна одного

разу ўкусила того яблока, изъ запрачо́ного древа, ну на ёй 'кашилось тое, якъ и на насъ тяперака на грѣшныхъ. Спрежда кожа на ихъ была утэтакая, якъ нохти, а посьли того здѣлалась утэтакая, якъ и тяперъ.

Тяперака, яна обвязала тѣло свое травой,—увознала стыдъ свой. Тогды подыйшла къ Адаму й гукая: устанька, покушай, поспробуй того, што й я покушала! Адамъ послухавъ яѐ и ўкусивъ, и получивъ той грѣхъ на сябе. Узявъ и енъ обвязавсь травой. Получивъ, бачъ, усё, якъ трэба, и тютьку и ўсё, якъ у чаловѣка грѣшнаго; а и ў яѐ, значитца, и цыцки стали, и усё, знатца, якъ у бабы, и типка. Ну, по́томъ Господь пришовъ икъ имъ, гукая: „Адамъ и Ева пойдитя суды!“ Адамъ отвѣтъ даѐ: Господи, мы ўже сограшили, говора.—„Хоть сограшили, а ходитя суды!“ Пришли къ Богу травой по 'бвязуваны. „Адамъ, говора: што ето сукашилося на табѣ?“—Господи, говора: Ева дала мнѣ половинку яблока поспробувать; усяго тымъ я й грѣшанъ ставъ! Господь спрашуя: „Ева, а на табѣ што ето сукашилось такое?“—Господи, говора: явився гадъ и и здѣлавъ ето приключенія. Тогды Господь говора: „гадъ, говора: ходика суды!“ Идѐ икъ Господу гадъ етый. Говора яму̀ Господь: „Гадъ! будуть люди топтать тябе ногамы за ето дѣло! А табѣ, Адамъ, вотъ табѣ копаницу, и ступай на зямлю изъ раю; ступай, говора, и копай землю! А ты, говора: а ты, Ева, будешъ призносить плодѝ отъ мужа, воли яго, и чижалѐ табѣ будя!“ Тяперъ ёнъ заплакавъ, зъ раю идучи, и отвѣтъ дававъ Богу: „благодару табѣ, Господи! Тяперъ мнѣ ня бачить прасвѣтлаго твойго раю и ня слышить Господняго гласу николи ўже!“...

Што Адамъ здѣлавъ на зямлѣ, сыйшовши? Здѣлавъ домъ огромный. У томъ доми було призлишно жить. А по́томъ укоранилось дымъ и смо́родъ у томъ доми, што Адамъ устроивъ,—дымъ и смо́родъ. Тяперъ ёнъ гукая нема знать кого, Адамъ: „што було ў моёмъ доми хорошо, хто дѣлая у ёмъ няпріятность?“ Кричить у ёмъ. Явився къ яму̀ на етый крикъ господинъ одинъ. По́томъ говора: ето я, говора, дѣлаю смо́родъ и дымъ! —„Ну, скажи способъ, говора,—на што ето ты дѣлаешъ: горко жить мнѣ у моемъ доми?“—По́томъ я такъ дѣлаю, штобъ ты со мной расписавсь! „Якую жъ намъ съ тобой расписку дѣлать, господинъ мой?“—А якую жъ? Што жъ ты живымы будешъ уладѣть и мяртвымы? Якимы жъ нябу̀дь и мнѣ трэба уладѣть!... По́томъ того Адамъ сказуя: „подождзика, я пойду свойму Богу помолюсь!“ Потуля молився, покудова пошла изъ вочей кровъ. Тогды явився янгалъ господѝнъ икъ яму и говора: „Адамъ, распишись изъ дяволомъ, штобъ твоѐ живыя, а яго мяртвыя. По́томъ, изъ сёмаго колѣна—Адамъ не робѣй—народитца Исуся. Ёнъ клятьбу ету разруша!“... Ну, уремя нѣскульки етому вялося. У дявола ўже много на́роду погибая мяртваго. Няприлишно Богу зъ нѐбеса гля-

дѣть, што яго нáродъ погибая. Господь собравъ своихъ янгаловъ къ сабѣ и спрашуя ў ихъ: „Сыны моѐ возлюбляниыя! ти ня можно поміжда васъ кого-нѐбудь знайти, штобъ на зямлю сыйти и принять плоть чаловѣчацкую?“ Отвѣту Богу ни ядыный не сказавъ ничóго. Такъ Господь отдяливсь: съ одного лица здѣлавъ три. Пóтомъ на 'дно лицо говора: „Сынъ мой возлюбляиный! издѣлай тое благоволенія, которое зачинаетца! На зямлю трэба, сынъ мой, сыйтить и принять плоть чаловѣчацкую, перайти чаразъ мать-Марéю. Усё моѐ будя благоволенія у тябе, сынъ мой возлюблянный!“

Етому уремю нѣсколыки вялося. Такъ мати-Марея получила отъ Бога благодать. Явився янгалъ и говора: „радуйся, мати-Марея! На тябе найдя духъ святый, говора,—зачанешъ сабѣ сына возлюблéннаго Исуса Христа!“ Мати-Марея ни ў доразумѣніи, отвѣтъ давала янгалу: потому, якъ ето й можа быть, я сабѣ й мужа ня мѣю? Янгалъ отвѣтовавъ: „Мати-Марея! потому, на тябе найдя духъ святый, и радуйся,—то жа не простый чаловѣкъ будя, наракуть яму́ йимя Исусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, возлюбляннаго!“ Мати-Марея кинулася икъ своимъ зродникамъ, похвалилася етымы поступкамы. Такъ зродники отвѣтъ давали: радуйся, благодатная, Господь съ тобою! Тыя постарѣй, уже узнали, што надъ ёй совершаетца Божжая дѣло.

Родився Исусъ Христосъ. Пóтомъ показувавъ людямъ добрыя дѣлы. Якъ показувавъ людямъ добрыя дѣлы?—говоривъ: „ня молитеся етымъ богамъ—такъ вобчаствы дѣлали сабѣ богѝ—етыя богѝ поганыя, проклятыя. Вѣруйтя вы тому Богу, што на небесахъ!“ Кейсаръ етыхъ разговоръ ня ўзлюбивъ, приставивъ яго на судъ. Пóтомъ люди скричали Хвилату: штобъ ты намъ осудивъ етаго чаловѣка на смерть! Ёнъ говора: „по моёмъ писанію, бязъ вины чаловѣкъ; ня могу я яго на смерть прыдать бязъ вины. Вотъ, у мяне, говора, ё два разбойники—а по ихному зáкону, трэба кого згубить на паску, на смерть—вотъ исъ тыхъ разбойниковъ, говора, возьмитя котораго!“ Тяперъ яны скричали, народы: „коли ты намъ разбойника даéшъ, дакъ мы не согласны, а дай намъ Исуся сына Божаго возлюблѐннаго! Ёнъ людей дѣлавъ живымы, нярушъ самъ сябе здѣлая; а мы яго икъ храсту пригвозьдимъ, прикуёмъ залѣзьзямы, цапамы!“ Тяперака жана Хвилатова горко заплакала, сказуя: „другъ мой возлюбленный! Што ето такое, што ёнъ ня ўмре, а тяперъ на смерть отдаéтца?“—Постой, кажа: мы тутъ побáчамъ, што тутъ такое будя? И отдавъ яго на завушенія, завязавши вочи. А Пятрò, вўчаникъ яго, сядѣвъ ли тяплà и трòйча отракнувся отъ Исуса Христа. А якъ запѣвъ пѣвянь, отъ тогды Пятрò пошовъ у ровъ и плача. Пошовъ Исусъ Христосъ у сіяньскій садъ молитца, а къ яму́ янгалъ чашу нясѐ: „покуль, ка

жа, не нальлёшъ етую чашу кровъю своёй, дотуля клятьбы Адамовой ня разрушишъ!“

Отъ потомъ распяли яго на храстѣ... А Хвилатъ усё няспокоенъ: у яго по книгахъ, знатца, сказано, што Исусъ ня ўмрѐ. Призывая ёнъ сотника—якъ отъ понашаму, по дяревни, сотскій—усё сяло подъ имъ. „Сотскій, кажа иди поляди, што тамъ Исусъ?“—А тѣло, каа, погибло! А отъ, учора приходила къ яму мати-Марея; ёнъ ёй обястивъ: иди, мати-Марея возлюблянная къ Ивану: по смерть тябе будя Иванъ питать, а моя ўже тутъ смерть будя! Тогды разбойникъ одинъ кажа: „Божа мой, Божа! мы жъ по кольки чаловѣкъ загубили, дакъ намъ усё 'дно загибать, а ты, Сусъ Христосъ, бясъ причины бязъ усякія страдаешъ на храстѣ умѣсти зъ нами!“ Отвѣтъ давъ Исусъ, што будешъ умѣсти у раю со мной! А другій говора: о, коли бъ енъ Богъ бывъ, дакъ яго ня ўдяржъло бъ зялѣзьзя ето: самъ ба пошовъ, и насъ ба повёвъ за собой!... Ето ўсё сотникъ кажа. Дакъ первый, значитца, разбойникъ ня ўмиравъ, а той другій померъ. Тогды Хвилатъ приказавъ Восипу знять тѣло и поховать у гробъ. И сичасъ депешъ послать къ Кейсару, што Христа поховали. Кейсаръ поворотивъ, штобъ приставили трохъ воиновъ и привалили нятлѣнный камянь икъ дверамъ гробу. Ну, потомъ того, якъ крикнуть пятуху тому ўремя приключаетца, такъ зворотивъ зъ небеся янгалъ господинъ, 'творотивъ камянь 'тъ дврей гробу. Тая стража уробѣла, што яна не знала, дѣ яна была. Пóтомъ, ура́ньни, проповѣдувать стали етыя воины священникамъ, што Христосъ воскресъ. А яны говóрать: не кажитя такъ, дѣтки, а кажитя, што яго ўкрадяно.

А Христосъ по ўскрасэнію своёму у третій день кликнувъ, гукнувъ къ сабѣ Симона и назвавъ яго Пéтромъ. „Иди, Пѐтра проповѣдуй у Русалимъ, што Христосъ воскресъ!“ Пóтомъ Христосъ явився по воскрасэнію своимъ на етыя души, што погибши были, што Адамомъ закляты были етому гаду, съ храстомъ изъ знаменомъ явився у яго царство, идѣ енъ царствувавъ изъ душамы изъ етымы. Спаситаль приказавъ: „Пéтра, отомкни-тка етыя вороты! Пѐтра, накури-тка ладуномъ по яго царству по етомъ!“ Ну, Пятрó вороты отомкнувъ, ладуномъ накуривъ. Скричавъ дяволъ: „помилуй Господи, трудно отъ ладуну отъ твойго! Што дѣлать, Господи? Пусти на покаянія, трудно—ня выдяржу!“—А, вотъ, проклятый, говора: трудно й мнѣ було отъ ладуну отъ твойго! (Отъ пипки, значитца.) Потомъ Суся узявъ заклятыя души и повёвъ за собой. Гадъ засмутнѣвъ и матюка загнувъ! Отъ, Христосъ Богъ вярнувсь, и на дверахъ написавъ: „хто разъ матюка загнѐ, той тутъ будя!“ И повёвъ ихъ къ отцу къ свойму....

С. Вылевъ, гом. у. Отъ кр. Степана Григорьева, 45 л. неграм.

Въ дополненіе къ настоящему повѣствованію, считаемъ умѣстнымъ сообщить слѣдующія народныя вѣрованія:

Число верховныхъ божествъ бѣлоруссу средняго развитія не извѣстно. Онъ говоритъ: „Богъ яго вѣдая, кольки боговъ ѐ. Главный, повинно, одинъ; а Сусъ Христосъ сынъ яго. А духъ святый ето ўже не богъ, сто духъ божій.“ Или: Духъ святый—ето тройца святая.

„Апостолы, другія святцы—ето то жъ боги, тольки меньшія. Яны завѣда́тали надъ чимъ-нибудь однымъ: Илья—завѣда́таль надъ Пяру́номъ; енъ у огнянной (также: золотой) колясницы ѣздя по небу; Юрій, на сивымъ конику,—завѣдаталь надъ звярами, надъ скотомъ (см. разск. о лѣсовикахъ). Но надъ конями Хролъ—кони яму и святкуютъ. Святый Зосимъ—Бога просимъ, той за пчалами глядить, пасылая ихъ съ скалы, гдѣ яны нарождаются, ня ў нашай зямлѣ. Микола за нивой глядить, а Кузьма-Демянъ наглядая за огнемъ, ёнъ ковальскій богъ. Иванъ Воинъ усихъ злóдѣявъ-воровъ зная; якъ обкрадуть, яму молитца треба. Ляксѣй—чаловѣкъ божій завѣдаталь надъ рыбой; ёнъ, бачъ, у рѣшати мóра параплывъ.

„Ангали—ето не боги. Откуль яны узялись—ня звѣстно, ну тольки ихъ съ кажнымъ годомъ усё бóльшая. Старшій надъ ими Михайло, а другія уси ровныя.

„Черти—ето тожъ не боги. Откуль узялись—також ня звѣстно. Кажуть—зъ мора, съ пѣны морськія. Ето, кажу́ть, бывъ у бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ёнъ устраивавъ небу шклянную—хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогды Богъ перунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны ня ўпужались. Тогды Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дожжъ—якъ день якъ ночь лятѣли три дни. Дакъ который куды ўпавъ, тамъ и сядить. Хто ў воду—у водѣ; у болото—ў болоти; у зямлю—ў зямлѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть вострашнаго суду.

„Одного тольки Водяного гоняютъ. Ето втóрый дэмонъ нявидзёмый. Першій, бачъ, Поплешникъ, а Водяный—втóрый,—Оповденникъ зове́тца (бѣсъ полуденный). Дакъ яго Богъ гоняя. До Хращенья ёнъ сядить у водѣ; а якъ пойдя стрѣлъ на Ирдани, воду́ посвятятъ, ёнъ лѣзя на лозы—Лозовикомъ зовуть. Сядить на лозахъ такъ до ма́слянки, а тогды параходя на вербы. А якъ тольки посвѣтять вербы у Вербницу, ёнъ иде на яворъ. На Вяликъ-день Богъ гоня яго зъ явора на жито (ср. волоч. пѣсню съ припѣвомъ: а зялёнъ яворъ кудравый!) У жити ёнъ тожъ ня довго ўсѣдя: на Юрья ўже жито посвяцаютъ. Тогды ёнъ иде у тровы, на краски, на цвяты, и сядить тамъ ажъ до Макавъя. На Макавъя, якъ посвѣтять краски, ёнъ иде на яблону и сядить тамъ до Спаса. А ўже съ Спаса якъ посвѣтять яблоки, ёнъ зновъ лѣзя у воду и сядить тамъ до Хращенья.

„И ёнъ царъ надъ водой и надъ рыбой. У кажной рѣчцы свой. Рыболовцы, звѣстно, молютца яму̂, цару водяному. Коли во̂ хто топитца, ето ёнъ тягня, Оповденникъ. А коли довго никого ня топилось, дакъ енъ выскакуа зъ воды по поясъ и кричить: ротъ есть, да некого ѣсть! Посли того небезпрамѣнно хто не́будь утопитца. Много бачили яго. Кашлатый, кажуть, зъ большой бородой, волосься зялёное.

„А ŷси другія, хто гдѣ упавъ, тамъ и ждуть вострашнаго суду. И коли выбираешъ хату строить, дакъ вотъ и строишъ на яго сялитьбы ногды. Ёнъ тогды не залюбя и ŷрэду дѣлая, иншій разъ такъ, што ŷся сямъя вымра“.

Получается, такимъ образомъ, сближеніе съ Домовымъ. Вообще же, разницы между чортомъ, бѣсомъ, дьяволомъ, сатаною, каду̂комъ бѣлоруссъ не знаетъ.

Къ одному разряду съ чертями причисляются, кромѣ Поплешника-Сатаніила и Водяного, также:

Домовикъ, Домовый —живетъ въ хатѣ, подъ печкой, или подъ запечкомъ, въ золѣ. Зовется также *хозяиномъ*.

Хлявникъ—живетъ въ хлѣвахъ, въ конюшняхъ; въ ру̂кахъ постоянно носитъ кнутъ—пугу и часто ею ляскаетъ—хлопаетъ. Онъ то и мучитъ по ночамъ лошадей, которыя ему не подъ масть.

Гуменникъ—живетъ въ гумнѣ, въ ёвнѣ, подъ осѣтью.

Лѣсовикъ, Лясунъ—живетъ въ лѣсу. Этотъ духъ служитъ пастухомъ у Юрья. Вообще, добръ. Разновидность Лѣсовика-Доброхочій.

Русалки живутъ также въ лѣсу, хотя есть вѣрованіе, что происходятъ отъ утопленницъ.

Мара живетъ на кладбищѣ; является въ видѣ черной тѣни, и душитъ людей.

Стрыжакъ—полевой духъ; живетъ въ житѣ. Тамъ же:

Бабуля съ желѣзною пугой.

Зялѣзная баба живетъ въ огородѣ. Ловитъ людей крюкомъ и толчетъ въ желѣзной ступѣ желѣзнымъ толкачемъ.

Банникъ живетъ въ банѣ, подъ полкомъ.

Наконецъ, болѣзни: Холера, Родимецъ, Паралюшъ, Хиня или Хинтя и Зюзя—лихорадки, Сухотникъ и др.

Къ демоническимъ же существамъ относятся: Доля, Горе, Злыдни, и Чуръ, приносящіе пользу человѣку, или вредящіе ему.

Солнце, Мѣсяцъ и Перунъ—существа живыя: „у ихъ и своѐ хатки е́, и своя сторона“. Для человѣка существа грозныя, при че́мъ Перунъ преслѣдуетъ и убиваетъ больше мужчинъ, нежели женщинъ [1]).

[1]) Считаемъ необходимымъ оговориться, что свѣдѣнія эти собраны путемъ

На вопросъ—бываютъ ли у чертей жоны и дѣти—бѣлоруссъ отвѣчаетъ утвердительно: „А ты думаешъ, у ихъ няма? Естяка! И жонка такая жъ, якъ ба й ёнъ—чартовка, и чартеняты!“ По другой варіаціи, черти женятся на самоубійцахъ женскаго пола, а чертовки идутъ замужъ за самоубійцъ мужескаго пола. „Ихъ жа, бачъ, кольки ё! А ихъ жа й Пярунъ бъѐ!“

„Ёнъ жа казавъ тогды Богу: „што ты мнѣ здѣлаешъ: я заховаюсь, дакъ ты ня можашъ мяне ўбить!“—Нѣ, ўбъю!—„Я ў скотину схуваюсь, Господи!“—Ты ў скотину сховаесься: я скотину убъю и тябе убъю!—„Я ў древо сховаюсь!“—Я древо на щепки расщаплю, а тябе убъю!—„Я, Господи, у чаловѣка сховаюсь!“—Съ чаловѣка грахѝ зниму, а тябе ўбъю!... Отъ, и бъѐ! Ето жъ колись была у Говеновичахъ (дер.) жанщѝна. Дакъ яна жала ў поли зъ бабами. А гроза йдѐ, хмара такаа, што Божа!.. Отъ, яна дурнаа и кажа: „отъ, коли бъ мяне, каа, убило!“ А сатана и почувъ, да къ ёй. Отъ, яѐ якъ ударило, дакъ такъ пополамъ и разорвало.

„А то тожъ чаловѣкъ лыки дравъ. Найшла хмара, ёнъ подъ дровячину, и ставъ. Тольки ставъ, а тамъ у пячуры, у борти, два линъ (рыба). Ёнъ оттуль. Тольки отышовъ, а Пѐрунъ такъ и разодравъ дровячину!

„Ого! ихъ ба ня стольки було, колибъ ня бивъ Перунъ. А то яны, за зиму наплодютца, а лѣтомъ Перунъ поўбиваа.

„Ето жъ вонъ якъ вихоръ подыметца: ето яны по подземелью вясельля гуляють, а няхрищаныя дѣти вихоръ вядуть по земли. Колись у насъ на три вярсты пущу повалило. Отъ-тамъ гулявъ вясельля! Уу-ху-ху!“

По другой варіаціи, черти размножаются еще и отъ того, что люди часто плюютъ и не затираютъ слюны ногою.

„А скидаютца яны усимъ-усякимъ. Тольки у повночь ти ў повдня иди на ростаньки, дакъ сяйчасъ и явитца: ти котомъ, ти собакомъ, ти козломъ, ти овечкой, ти чаловѣкомъ. Наболи любя попомъ скидатца у брыльку (ср. снотолк: попа видѣть во снѣ—сатана приходилъ). А ў грозу, дакъ бѣгаябѣгая, некуды дѣтца, дакъ ёнъ у воду, рыбой скинетца, ти ракомъ. Дакъ у ихъ вочи будуть красныя—красныя. Такихъ не бяри у кошель.

„А спрежда, съ початку вѣка, перстнемъ скидались, поясомъ, чаботами.

„Самъ ёнъ косматый, чорный, на рукахъ и на ногахъ кипти; на головѣ роги козиныя; ззаду хвостъ съ кручкомъ. У чорта дакъ и борода ѐ, козлиная, а ў чартихи няма.

личныхъ опросовъ. Читатели благоволятъ дополнить ихъ массою данныхъ по ѳеогоніи, заключающихся въ бѣлор. сказкахъ, заговорахъ, духовныхъ стихахъ и т. п.

„Ето жъ во̀, дѣ дявоцкія гулища ѐ. Дакъ якъ скачать, погляди тольки у дирочку, дакъ и ўбачишъ, якъ ёнъ мижъ дѣвокъ увихаетца. Тольки, кажуть, страшно: а то ёнъ воко проколя.

„Разъ бывъ чаловѣкъ у гумнѣ, а ёнъ и заходя и проситца подъ осѣть поспать. „Тольки, каа, якъ будя крѣпкая гроза, дакъ буди мяне!“ Отъ, ставъ громъ. Чаловѣкъ и догадався. Да ўзявъ лопату приску, да яму̀ въ вочи! Ёнъ якъ усхбпитца, якъ дёрня —та́къ стяну̀ у ёвни и вывярнувъ! И побѣгъ. Идѣ яна яго ўже пристигла, Богъ вѣдая. Дакъ тогды ўже посли приходя къ тому чаловѣку дядокъ и кажа: „добро, што ты такъ здѣлавъ, а то бъ гумно твоё покнуло!“

„А то у Бацуни (дер.) къ баби пришовъ. Скинувся мужикомъ яѐ и иде,—хоча икъ ёй прикоснутца, значитца—пераспать. И гроши ёй даѐ. А йна ня бывши дурнямъ да кажа: чуръ мяне! Во имя ’тца й сына! Дакъ ёнъ кулакомъ по кубли якъ давъ—и провалився.

„А найпача яны любють съ пъяными вожжатца. Ето уже, бачъ, ихный. Хочуть яго якъ-небудь штобъ опрогся. Коло тыхъ уже Лозовикъ захаджуетца. Завяде пъянаго ти ў лозу куды, ти ў болото, да на купини й посадя, нибытцомъ за столъ садя. Ти къ полыньнѣ подвяде, алебо къ пролубцы. А то разъ дакъ на рукахъ тягли прамо у рѣку: ходи, кажа, поспи ляжъ, во́ постель мяккая! Енъ троху очухався да й кажа: а Божа жъ мой, куды вы мяне нясетя? черти вы! Дакъ яны яго якъ бразнули у воду̀, да по потылицы! Да щѐ мелко було. „Стоявъ я, каа, стоявъ, насилу вочи продравъ!“

„А то щѐ и ў пузо залазють. Во ў насъ у Ольховцы (дер.), у Бялицы (село)—дакъ залѣзъ у пузо да й гомоня. А ў Якимовцы (дер.) дакъ сядить тамъ да й копошитца. А якъ ёнъ туды зала́зя, дакъ ето во́ якъ: ёнъ у воду̀ ўскоча, у няхрищаную, а яна выпъя. Во! А то зявая, да рота не парахристя, а ёнъ туды! У насъ во̀ на Ивольску (село) свёкоръ поставивъ на вокнѣ чарку шкляную зъ зе́льлямъ,—нявѣстцы поддѣлать хотѣвъ. А яна ня бывши дурнямъ, да затопила печку, да чарку за дровы! Дакъ яѐ якъ покнуло—та́къ и выкинуло, и на дребязки разбило! Ого! Такія имцы ё, што й на горѣлцы дають. А й сусимъ пустое, чимъ ето отдѣлать. Якъ бярѐшъ отъ яго чарку, дакъ возьми парахристи мезянымъ па́лцомъ. Дакъ руку̀ сяйчасъ казавъ-ба хто товхонѐ: и чарка выпадя, и тое мѣсто выгора на мосту.

„Самъ Сатаніилъ сядить у пекли; ето усё дробяза лётая. А тольки во̀-ти не зъ годъ тому—проѣхавъ у насъ по Гомяльщини и ёнъ. Дакъ, кажуть, паномъ такимъ, прибравшись, ѣздивъ зъ звонкомъ. И вочи надѣвъ чорныя шкляныя, щобъ ня ўвознали, бачъ. Дакъ ёнъ заяжжавъ у волости, вѣдьмаковъ збиравъ, и усё—усё чистянько записавъ отъ ихъ.

Хоча, бачъ, собрать усё ето бясовськое, да пустить на міръ, а то душъ мало къ яму йде ў пекло. Дакъ во страхоты тамъ буле! Старики кажать, що ето вострашный судъ скора будя“ [1]).

2. Стратимъ—птица.

Богъ вѣдаець, коли гето было,—строивъ сабѣ Яной кольчегъ,—якъ затопу Богъ насылавъ. И приказавъ Яной собрацъ у кольчегъ усихъ звярёвъ, усихъ пцицъ, усякую скоцину. Ну, уси собра́лися, а лебедзь одзинъ—Страцимъ звався по имѐнью—я, каецъ, не пойду ў кольчегъ,—я справлюся зъ водой, усю воду̀ обплыву! Богатырь силный бывъ. Ну и поплывъ. И плаваецъ. Стала затопа. Некуды протчимъ пцицамъ дзѣватца. А Страцимъ плаваець сабѣ. Вотъ тыя протчія пцицы летали—летали, да къ яму, ды на яго и понасѣдали. Дыкъ покуль садзилися на спину, дыкъ ничого, ну а то и на дзюбку стали садзитца—у яго дзюбка вяликая была. Ну, якъ понасѣдали на дзюбку̀, ёнъ носомъ у воду̀—и затопився. Съ поръ и перевёвся.

С. Городецкъ, чаус. у.

3. Богъ, баба и мужикъ.

Давно ето було; коли ще Богъ ходивъ по зямлѣ. Ишовъ ёнъ разъ коло лѣсу и бача, баба жито жне. „Поможи Божа табѣ!“—Спасибо! кажа.—„Ти не знаешъ ты, бабка, дорогу дотуль-то, дотуль?“—Чаму? Пойдешъ во такъ прамо, завернешъ направо, а тогды иди уже такъ, прамо! —„Нѣ, бабка такъ я ня траплю! Ти няльзя бъ табѣ показать мнѣ дорогу?“—А нѣ, мой голубокъ,—мнѣ неколи. Бачъ, треба жито жать!— „Ну штобъ жа ты николи не ўправлялась у работи!“ кажа Богъ. Иде ёнъ да́ли. Бача—мужикъ паша. „Богъ помочь, чаловѣча!“—Спасибо, нябожа! Садись-тка, отдышъ! Можа заморивсь у дорози! Ну, Богъ сѣвъ. Сѣвъ и мужикъ. Вынявъ зъ запазухи табакерку и частуя Бога. Богъ понюхавъ; нюхнувъ и мужикъ. Стали гомонить, объ тое, объ сёе. Троху отдыхавши, Богъ и кажа: „а ти не знаешъ ты, чаловѣча, дорогу дотуля й дотуля?“—А йди во такъ прамо, тамъ звѐрнешъ налѣво, а тамъ ящѐ направо, да тогды ўже и иди прамо. Да я табѣ лучь самъ покажу. Отпрогъ коня, спутавъ. „Ходимъ,“ каа. И пошли. Мужикъ довёвъ яго до самой дороги, куды яму треба було йти. „Ну, кажа, иди зъ Богомъ! Щасьливо!“—Спасибо! Будяшъ жа ты, чаловѣча, заўсягды управлятца ў работи!..

[1]) Это фактъ. За Сатаніила былъ припятъ одинъ собирателъ заговоровъ.

Съ тыхъ само поръ мужики заўсягды здѣлають за ўремямъ свою работу, а бабы никóли ня справютца: здѣлають одну, а семъ ящѐ проситца. Няма ёй и свята.

М. Вѣтка, гом. у. Запис. г-жа Головинская.

4. Горѣлка окаянная, а не проклятая.

У лѣси, ядужа далéко отъ дороги, було большое болото. У етымъ болоти идолы горѣлку гнали. Ну, по етымъ самымъ лясў ишовъ разъ Богъ съ Пятромъ-Павломъ. Бача Богъ, дымъ дужа валя. И стольки яго найшло, што ажъ няможно дыхать. Богъ тогды посылая Павла: „иди ты, каа, подивись, што тамъ такое?“ Ёнъ пошовъ. Приходя туды. „Здоровъ, кажа, вамъ! што вы тутъ дѣлаетя?“—Ничóго худóго: горѣлку гонимъ!—„Што жъ ето за горѣлка?“—А нà поспытай! И поднясли чарочку. Енъ выпивъ. Якъ выпивъ, дакъ и сѣвъ. Давай зъ ими гомонѣть. А на Бога и забывся. Ждавъ, ждавъ Богъ—ня йде Павялъ. „Иди, кажа, ты Пятрò: чаго енъ тамъ забаривсся?“ Приходя туды Пятро, отдавъ добрыдянь. „Што вы тутъ поробляетя?“—Ничóго худого: горѣлку гонимъ!—„Што йто за горѣлка?“—А вò поспытай! подносють яму чарочку. Ёнъ выпивъ. У головѣ задурманѣло—и ёнъ сѣвъ. Сидять удвохъ съ Павломъ и балакають зъ нячистиками. Ждавъ, ждавъ Богъ, не дождався: ни Павла нема, ни Пятра нема. Иде ёнъ самъ. „Здоровъ вамъ, кажа: што вы дѣлаетя?“—Ничого худого: горѣлку гонимъ!—„Што йто за горѣлка?“ Отъ яны и яму подносють чарочку на подносичку. Богъ узявъ, перахристивъ: „ну, коли ты моихъ вярховныхъ апостоловъ прозвела, дакъ ня буду проклинать тябе: будь ты окаянная, а не проклятая!“ Узявъ Пятра и Павла за руки и пошовъ, куды треба имъ було.

Вѣтковская вол. гом. у. Запис. та же.

5. Богъ и вдова.

Ну, вотъ такъ ишовъ сабѣ Господзь тамъ зъ Юрью и зъ Миколою, и обнила ихъ цёмная ночь. Зайшли яны на ночь къ удовѣ. Зайшли яны на ночь къ удовѣ, и захоцѣлося имъ ѣсь,—тымъ, значитца, прочимъ. А ў яѐ нѣту ничого, только крайчикъ хлѣба на столѣ. Тоды йны тэй хлѣбъ украли и зьѣли, Микола зъ Юрью. Тоды йна оглѣдзилася—ругала, сварилася на ихъ: „у мяне дзяцёнку нечаго ѣсьци! На ночь пýсьцила, а вы ў мяне хлѣбъ украли!“...

Ну, пошли яны тожа дорогою—бяжиць вовкъ. „Божа, Божа, пищи мнѣ дай, я ѣсь хочỳ!“ Господзь каець: а йдзи у тыѐ ўдовы, дзѣ мы но-

чавали, ляжиць подсвинокъ подъ поломъ,—дыкъ ты яго возьми! Яны дай упрашавацъ Бога: „мы жъ хлѣбъ у яе, говорюць, украли, а ты, Господзи, ще подсвинка отдаешъ яму̂!“—Ничого, каець, хай, дармо̀! Потомъ вовкъ побѣгъ ды у̂хапивъ подсвинка и побѣгъ.—Идуць яны дорогою—ко̀цитца бочка грошій. „Божа, Божа, говора: куды мнѣ кацитца,—мнѣ мѣста нема?“—А кацись, говора, къ богатому мужику и рассыпся у воротахъ; дыкъ ёнъ выйдзець, цябе хорошо прибяре̇ць! А тые *апостолы* говорюць: „Божа, Божа, пошлемъ гетую бочачку удовѣ: вы поросенка отдали, а мы хлѣбъ украли,—дыкъ ёй бѣдно!“—А Господзъ каець: нѣ, у ёй схovацъ не̇йдзи гетой бочки грошій!

Пошли яны опяць. Ишли, ишли, поу̂томилися, и стали отдыхаць. И дужа у сквэрномъ мѣсьци: во̀ды нѣту, змѣи, гады нялюбо̀е мѣсто. Побыли яны тамъ усяго три часы, имъ показалося три годы,—тымъ то. Ну, тоды пошли яны дали. Стали ночевацъ. И у̂ такомъ-то мѣсьци удашномъ! Удобное мѣсто, усяго доволи. Побыли яны тамъ три годы у удашнымъ мѣсьци. Ну, Господзъ каець, по̀йдземъ!—Нѣ, побудземъ яще! тутъ удашное мѣсто, и мы мало были!—Ну, якъ жа мало, говориць: мы тутъ живемъ три годы, а вамъ показалося три часы,—пото̀мъ што удашное мѣсто. Ну, цяперь ёнъ говориць: „Ци знаеця, говориць, хто по гетыхъ мѣстахъ будзець жиць? У гетомъ мѣсьци, няу̂добномъ, будзець той богачъ жиць, што мы послали бочку золота. А въ удобномъ мѣсьци, у гетомъ, будзець удова тая жиць!“...

Любиницкая вол. гор. у.

6. Богъ и бобылка.

Ходзивъ дзядуля-Богъ пы дзяревни, просився пусциць перену̂чу̂вацъ; ну у̂сякій, якъ у да̀внину, ня мѣючи чаго ѣсьци, отсылали стырика ночувацъ и къ бобылцы, на конецъ. Пришовъ гетый старикъ къ бобылцы, и проситца у яѐ перену̂чувацъ. Ина хоцѣла такъ жа само отказатца, каець: нейдзи у мяне! Дзядуля гетый тоды каець: ахъ, мыя голубка,—я переночую и пыдъ лавкый! Ну, тоды баба яну кажець: штожъ уже, ложися сабѣ и на лавцы,—дамъ табѣ, што маю, пыдослацъ. Дзѣдъ увыйшовъ у хату, лёгъ ны лавцы, и говориць: вотъ жа, баба: къ табѣ сяньни придуць три унуки, просиць у бабки, перебабиць дзяцей! Баба яму кажець: съ чимъ жа я пойду у бабки, кыли у̂ мяне немашъ ни соли дробка, ни хлѣба куска?—Нѣ, каець, идзи, ня ’тказывай имъ; возьми тольки пялёнычку подъ поясъ и идзи; ну у̂пе̇редъ покуль бабиць, ты пыглядзи, што тамъ будзець дзѣитца! Ну такъ гета баба и здзѣлыла. Пришовъ одзинъ унукъ, пышла. Тольки унукъ улѣзъ у сѣни, яна зиръ пыдъ вокно! Ажны видзиць—ны столѣ много вина, хлѣба-соли,—пъюць и закусыюць. Вотъ

ина посли йдзёць къ другому унуку. И перви, покуль ици ў хату, узновъ зиръ пыдъ вокно,—ажны тамъ носютца съ шаблями, зъ ружжами, и усё колютца. А къ третьцему унуку йдучи, увидзила ина, што тамъ пъюць, закусуюць, гуляюць и плачуць. Тоды нызаўтриго, якъ уставъ тэй дзѣдъ, ставъ пытатца, што дзѣ ина видзила, идзѣ была. Ина яму обо ўсё и рысказала. Вотъ ёнъ ей и кажець: „Што первый унукъ—пъюць ды закусыюць—бесчислённо будзець быгатъ; другей унукъ—дзѣ колютца—у сылдаты пойдзець; а третьцій унукъ——дзѣ гуляюць и плачуць—повѣнчавшиси, ѣдучи зъ вѣнца, утопитца. За гетымъ, бывай, баба, здорова, живи ня тужи! Я твоё обыйшовъ клѣци и засики!“—Што, каець, миленькій дзядуличка,—у мяне тамъ ничого нема!

Пошовъ дзядуля зъ двыра, а баба тая у клѣць. Якъ отчинила двери, хлѣбъ такъ и посыпувся черезъ порогъ... Дыгыдалася тоды баба, што ў яе Богъ ночувавъ, и дужа жъ ина рада стала, што ничого па яго бридливаго не сказала. Ну, а тое ўсё, якъ енъ кызавъ, такъ усё и злучилося. Одзинъ унукъ, богато ставъ жиць, другій у сылдаты пошовъ, а третьцій, почувши тое, узявъ купивъ передъ вясельлемъ волову шкуру и обшивъ колодзесь. Вотъ, ѣдучи съ пыдъ вѣнца, захоцѣлось яму дужа пиць. Енъ пошовъ пиць къ свиньнячей рыцьвини, нагнувся пиць—и захлипнувся.

Д. Опарченки, мошк. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Никифора Кондратьева запис. въ моемъ присутствіи г. Доморацкій.

Богъ являвся старичкомъ колись, дядкомъ. А Сусъ Христосъ ходя й тяперъ по зямлѣ зъ Вяликодня и до Ўшестя. Рай шесть нядѣль отчинятъ, а пекло зачинято. Дакъ ёнъ и ходя. Просто ходя,—у наськой свити, у лаптяхъ. Увойдя, побудя, посядить, погомоня. Пришовъ разъ у водну хату, а дятёнокъ сядить, ладный уже—*сѣдянь*. Ёнъ кажа: „устанька, нябожъ!“—Нѣ, кажа, панидѣдьку—я ня ўстану!—„Устанька, ўстань!“ Ёнъ уставъ. Ёнъ яго два разы провёвъ, отъ лавки къ дврамъ и назадъ. „Ну, тяперъ, каа, ходи!“ И много такъ дѣлаа.

7. Пъяный чаловѣкъ хуже дурного собаки.

Чортъ выдумавъ горѣлку гнаць. Выстроивъ проваръ и ставъ гнаць. Нагнавъ ёнъ скольки тамъ и увидзѣвъ, што идзець Богъ по зёмли. Енъ наливъ горѣлки у бутэлю, и надзѣвъ чарку на бутэлю, на рыло повѣсивъ, и проця Бога поставивъ. Богъ ещё не подышовъ, ёнъ уже насупроця яго поставивъ. Яны утрёхъ ишли: Микола, и Юрій, и самъ Богъ. Ну, ёнъ поставивъ перядъ ими бутэлю, и поспробувавъ Богъ тыя водки. Ёнъ яё ня спробувавъ, а тольки примѣръ тэй здзѣлавъ. И давъ имъ поспробуваць, Миколи и Юрью, по рюмки, и благословивъ яё и перехрисцивъ.

Выпили по рюмки и пошли. Ну чортъ тэй убравъ посудъ и бяжиць услѣдъ. „Господзи, говориць,—што жъ мнѣ за гето будзець, што я выдумавъ такое?“ Богъ говориць: а хто, каець помрéць зь яé, тэй твой ўдзець!

Трохи яны пройшли, сычасъ яны говорюць: „Господзи, говорюць: гето хорошее дзѣло пиць гето. Скольки мы тамъ яé выпили, а ўдвойнѣ вума прибавилось. Гето можно пиць нашаму народу!“ Ну, цяперь яны ишли—вотъ такъ якъ бы у насъ, у Полыковичахъ, Ладомірськаго проваръ—приходзюць яны, ажъ бяжиць собака дурная (бѣшеная). Дыкъ Микола и Юрій говорюць: гето собака дурная бяжиць! И звярнули. „Ну, а Богъ прямо пошовъ, наўпроци дурного собаки. Ёнъ якъ бѣгъ мимо, дыкъ такъ и побѣгъ, тольки головў звярнувъ трохи на бокъ. Ну, пошли яны дальше. Ишли, ишли усё по той жа дорози, и идзѐць наўпроци ихъ чаловѣкъ пъяный. Рубашка у яго расхристана, грудзи жовтыя, жовтыя—запяклися, цячéць потъ зъ яго. Богъ говóриць: треба обыйци гетаго чаловѣка пъянаго,—начанѐць дратца! А Микола зъ Юрьемъ говорюць: Господзи, чаго жъ, говорюць, чаловѣка обходзиць?—Ну, идзиця, каець, сабѣ!.. Дыкъ Господзь обыйшовъ мимо, а яны прямо пошли на пъянаго чаловѣка. Ну, якъ ёнъ пъяный бывъ, дыкъ енъ сичасъ давай у ихъ прáшпорта спрашиваць: откуль, што за людзи, невядóмыя? Пристаéць, пристаець, да дратца идзець. Насилу яны уцякли отъ яго. Ну, пóтомъ того яны сышлися знову. Отъ, Господзь говóриць: „А што? Я казавъ—пъянаго обыйци треба: пъяный чаловѣкъ хуже дурнóго собаки!“...

С. Полыковичи, могил. у. Отъ кр. Ларіона Терентьева, 33 л. негр.

8. Спасёный.

Ѣхавъ сабѣ такъ панъ одинъ, и згубивъ чамойданъ. Бѣгъ услѣдъ охвотьникъ, ўхапивъ чамойданъ и побѣгъ у лѣсъ. А йде ззаду такъ чаловѣчакъ. Оглѣдився панъ—няма чамойдана; ёнъ послакъ кучара шукать, Той прибягаа къ чаловѣчку: дѣ чамойданъ?—Я ня бачивъ!—Брэшашъ большъ никого няма! И стали яны яго бить. Били-били, надыходя на ихъ спасёный, што ў пущи спасаетца. „За што вы, каа, бъетé ягò: вашъ чамойданъ тамъ и тамъ вонъ!“ Яны й яго бить кинулись,—ажно й руки ня подымаютца. Ну, яны й поѣхали. Приходя спасёный къ свойму древу, дѣ живъ: „древо, отчинись!“ Ня ’тчиняетца. „Древо, отчинись!“ Ня ’тчиняетца. „Древо, отчинись!“ Ня ’тчиняетца. „Господи, гувора: чимъ я сограшивъ?“—А зачимъ ты, каа, заступавсь за того чаловѣчка? Ёнъ батьку-матку ўбивъ, я яго на покуту послáвъ, а ты заступаесься! Я кольки страждавъ, а слова не сказавъ!..

Чеботовичи, гом. у.

9. Микола и Касьянъ.

Рано, чуть-свѣтъ на зорочкў, сыйшли зъ неба на зямлю святый Касьянъ и Микола чудотворацъ. Идуть яны сабѣ по дорози и гомонять, што якъ ето Богъ хорошо ўсё на свѣти подѣлавъ. Ишли, ишли святыя угодники и бачать, што мужикъ завъязъ у гразь изъ возомъ дровъ. Убачивъ мужикъ святыхъ угодниковъ, бухъ имъ кўлямъ у ноги; святый Касьянъ, угодничакъ Божжій, вызволи! свѣчку табѣ поставлю! А Касьянъ кажа: атъ, буду я ради тябе свою райськую одéжу марати! А на имъ одежа уся золотая да зъ блискучихъ каменьнявъ. Пошкробъ мужикъ потылицу, бача, што съ Касьяномъ рады нема, повярнувся къ Миколу чудотворцу, —ёнъ тыки мужицкій заступникъ, на имъ и одéжа мужицкая: свиточка бѣлянькая, да оборочка замѣстъ пояса. „Миколай, угодничакъ Божжій, заступникъ ты нашъ навышній, ослобони!" Послухавъ Микола мужика. засучивъ свитку и полѣзъ у гразь; пóравсь, пóравсь и вытягъ возъ мужицкій. Поѣхавъ мужикъ. Походили угодники ще тамъ кольки по зямлѣ, приходять на небо. Убачивъ ихъ Богъ и пытая: „ну што, Миколай угодникъ и святый Касьянъ! дѣ были, што бачили, што чували?" Касьянъ кажа: были мы, Господи на зямлй; бачили, якъ мужикъ вёзъ на базаръ дровы, да ў гразь угрузъ!—„Ну штожъ, ти пособили жъ вы мужику?" —Нѣ, кажа Касьянъ: я пожалѣвъ марать свою райськую одежу!—„А ты, Микола?"—Я троху, каа, помогъ; бачъ, во у гразь упэцкався!—„Дяковать табѣ, святый Микола! За ето табѣ люди будуть празновать два рáзы ў годъ; а табѣ, святый Касьянъ, у три годы разъ!"...

Гом. у. Записала г-жа Головинская.

б) Ишовъ расъ Микола и Касьянъ дорогый. Натходзюць яны ки мшарини, ашъ тамъ кобылёнка—увязла у грясь и ниякъ ня вылѣзець, вотъ-вотъ здохнець. Якъ яны святыи людзи, дыкъ яны знаюць, не пытаясь, што ета кобыленка бѣдныго человѣчка. Микола узжалився и говбрицъ Касьяну: „пбйдземъ, выцягнемъ кобылу, а то бѣднякъ и съ копыльля доловъ: у яго ўсё быгацьця, што ета кобыленка!" Ну, Касьянъ мылодэй, пригожій, и надзѣвшиси у бѣлую пригожую одзежу. И не захоцѣвъ ёнъ мазытца у грясь, цягнуть тую кобылу. Пошовъ Микола одзинъ цягнуць,—вядомо человѣкъ святый и жалостный надъ бѣднымъ. Цягнувъ, цягнувъ ёнъ, вымазався увесь чисценько у грясь, али выцягнувъ одзинъ кобылёнку тую. Прихóдзиць тоды къ Касьяну и говорицъ: „што жъ ты, каець, такей-сякей, не хоцѣвъ пумогчи мнѣ цягнуць кобылы? На то шъ Бохъ насъ и пыславъ удвохъ, капъ мы одзинъ одному пумогали!"—Нў вò, каець: дужа мнѣ была охвота лѣзць у грясь зы кобылёнкой: ина сама того не стбиць!

Пошли яны дальше. Касьянъ смѣётца кылы Миколы: „якъ ты ето, каець, идзешъ, увесь у грязи: будуць говориць, што ты дзѣ-нибудзь валявся пьяный!“—А нехай сабѣ кажуць; я не валявся, а добро дзѣлывъ человѣку!—„Не кажный, братъ, ето знаець, што ты кобылу цягнувъ, а кажный увидзиць, што ты ў грязи!“ Обыйшли яны, скольки имъ тамъ надо было, и приходзюць яны къ Богу. Бохъ якъ увидзивъ Миколу усяго-чисто ў грязи, и каець: „дзѣ жъ ты ето такъ вылявся ў грязи? Вѣрно пьяный бывъ?“ Тоды Микола говориць: Господзи! я добро дзѣлывъ человѣку бѣдныму. Ишли мы съ Касьянымъ дорогый и видзимъ, зыбиваетца у грязи кобыла, и чуць-чуць жива ужо. Стало мнѣ жалко и кобылы и ходяина яе—што йна одна у яго. Тоды я гыворю Касьяну: пойдземъ, выцягнемъ, кобылу! А ёнъ не послухывъ мяне. Ну, я пошовъ и выцягнувъ одзинъ, и запэцкывся ў грясь. А пьяный я николи не бывъ, Господзи! Тоды Бохъ говóриць: „ну, за то, што ты добро дзѣлывъ человѣку, по свѣту ходзивши, я табѣ нызначаю два празьники уво ’днымъ году: одзинъ вясной, а другій зимой!“ Тоды спрашиваець у Касьяна: „а ты што, Касьянъ, здзѣлывъ хорошыго людзёмъ, ходзивши по свѣту?“ Тутъ Касьяну тому и казаць нечего!—„Ну, коли шъ ты ничóго не здзѣлывъ добрыго, и Миколи старому не хоцѣвъ пумогчи, дыкъ вотъ Миколи я пызначивъ два празьники уво ’днымъ году, а табѣ за то, што ты и самъ ничого ня дзѣлывъ и Миколи старому не помогъ, за ето я нызначаю табѣ празьникъ одзинъ расъ черезъ три годы на чацьвёртый, у высокосный готъ!“ Тоды Касьянъ подзякывавъ Богу и за ето, и пошовъ на своё мѣсто.

Орш. у. Доставилъ А. П. Сапуновъ.

10. Иванъ Золотовусъ и Касьянъ.

Были то нѣколи, кажуць, во святыхъ Иванъ Хрясцицель и Касьянъ. Довялося имъ одзинъ разъ, нѣшто, правиць обѣдню умѣсьци, уво днэй цэрькви. Служили, служили, тоды Касьянъ нѣшто спомулився. Иванъ каець: не такъ ты молитвы правишъ, якъ треба,—вò якъ правъ! А Касьянъ кажець: а табѣ якое, каець, дзѣло: ци такъ я правлю, ци нѣ? Ну й заспоровали одзинъ съ однымъ. Спиралиси, спиралиси, а тоды Касьянъ ня ўцерьпивъ: торькъ огнёмъ у Ивана! Якъ тримавъ свѣчку у руцѣ, дыкъ такъ и торьконувъ у бородỳ. Ды не попавъ у бородỳ, ды въ вусы! Вусы и загорѣлиси. Ну, Иванъ тоды кажець: коли жъ такъ, говóриць, будземъ судзитца! Ну й засудзилиси; и пошли къ Богу. Ставъ Иванъ жалитца: „Божа Господзи, рассудзи ты насъ! Правили мы умѣсьци обѣдню; дыкъ Касьянъ не такъ ставъ молитвы правиць. Я яму ку: ня такъ! А енъ на мяне почавъ сварitца, ды тоды свѣчкой торьконувъ и вусы мнѣ обпа-

ливъ!" Разобравъ Богъ гето дзѣло, бачиць, што кругомъ Касьянъ виненъ. Хоцѣвъ ёнъ яго съ святъ скинуць, али ўжо каець: хай у три годы разъ табѣ святкуюць. А табѣ, каець, Иванъ, я здзѣлаю вусы другія, ще полѣпши, чимси былй! И здзѣлавъ яму̊ золотыя вусы.

Ну, дыкъ вотъ съ тыхъ поръ Ивана стали звацъ Золотовусъ; а ў Касьяновъ годъ што-што да прокинетца: ци на людзёхъ, ци на скоцини, ци на лясо́хъ—дзѣ-дзѣ да прокинетца.

С. Любиничи, гор. у. Отъ кр. Евсея Павлова.

11. Илья.

Илья етая колись стольки-то лѣтъ сядѣвъ у сѣдняхъ, а по́томъ, значитца, Богъ давъ яму̊ спалѣньня, и уставъ ёнъ и пошовъ на своихъ ногахъ. А яго родитали пошлй ў лядо, копать. Дакъ ёнъ узявъ, обѣду наваривъ и понёсъ имъ туды у лядо, уже своимъ родиталямъ. Прнося ёнъ обѣдать, а тая уже, яго матка, и кажа: отъ жа, каа, нашъ Ильлюша нясе намъ обѣдъ! А батька кажа: э-э! подъяси ты отъ Ильлюши! погуляашъ! И ня ймали вѣры, штобъ ёнъ икъ имъ пришовъ,—думали, моо-такъ хто иде. А по́томъ ёнъ пришовъ икъ имъ самымъ. Тогды ёнъ приходя икъ имъ и говора: отъ-жа, говора: можа, вы хочатя обѣдать, дакъ садитеся обѣдайтя, а я ўже самъ буду копать лядо! Отъ, яны сѣли обѣдать, а ёнъ якъ ставъ корни вырывать, якъ ставъ—дакъ вырвя и киня, вырвя и киня, вырвя и киня. Дакъ, кажуть, у Полтавской губерни дакъ ровъ ё такій, што ёнъ узрывавъ. Дакъ ёнъ, значитца, ставъ узнавать, коли хто помрѐ, коли што будя. (Пророкъ). Дакъ Богъ яго и ўзявъ на небо съ тѣлясами.

Гом. у.

12. Кузьма-Демянъ.

Кузьма-Демянъ были колись ковалй. И была змяя колись. Дакъ яна убирала людей. И добираетца до ихъ уже, знатца. „Што, братъ: издѣлаемъ мы зялѣзную соху!" Здѣлали яны тяпераka соху, и кажуть змяѣ: „пролизнёшъ троя утъ-этыхъ двярэй, дакъ мы табѣ сядомъ на языкъ, ты насъ и зъяси!" Тяпераka, яна разъ лизнула, другій лизнула, и трэтьтій —и пролизала троя двярэй. Яны тогды цапель! да за языкъ яѐ клящами. Да одинъ гвоздя по́ голови, а другій запрагаа у соху. Якъ запрагли яѐ, дакъ орали яны на ёй лѣсъ, орали яны лугъ, орали яны по́ля, орали ўсё—и не давали пить, покуль пріоралисъ къ Няпру. Якъ пріоралисъ къ Няпру, яна якъ вырыла ровъ, якъ стала пить, якъ стала пить—и опраглась. А яны тогды и пристановилися.

Гом. у.

13. Слѣды Богородицы.

У нашамъ боку много ё камнявъ съ слѣдами Бугуродицы. На нихъ каплички строють. Одинъ такій камянь жидова узяли—были у свою лазьню у кагалную. Агу! имъ ноги и поподгинало.

И ёнъ увесь на литарахъ (съ написью). И тольки трохъ словъ не разобрать. А колибъ разобрали, дакъ ба знали *якъ* на томъ свѣти, *якъ* и на етомъ. Такій камянь ѐ у Васильлевичахъ (село) мозырскаго уѣзда.

А ў Славени (село) дакъ ѐ такій камянь—кравецъ. Ёнъ усимъ одежу шивъ. Якъ принясѐ хто сукно да скажа: Стяпанъ, сшій мнѣ кафтанъ! дакъ ёнъ и сошъѐ. Зъ вечара сукно положъ, а нараньня й готово. Дакъ одна баба принесла разъ сукно да й кажа: Стяпанъ, сшій мнѣ ни тое ни сёе. Назаўтраго приходя—агу! одинъ рукавъ тамъ, гдѣ трэба, а другій на полѣ ўнизу. Ну, й годи съ тыхъ поръ шить. А ножни и тяперъ на имъ знашны.

Гом. у. Подобныхъ камней-кравцовъ намъ извѣстно нѣсколько. Одинъ изъ нихъ имѣетъ напись и несомнѣнно принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ Борисовыхъ камней. (С. Выс. Городецъ, сѣнн. у. См. Могилевскія Губ. Вѣдом. 1885 г. № 42 и „Древности“, т. XIII).

14. Богатый Пилипъ.

Бывъ сабѣ чаловѣкъ богатый Пилипъ, и никого ёнъ не даривъ и на ночь ня пускавъ. А Господзь ходзивъ по зямлѣ йщѐ. Отъ и зайшовъ къ яму ночавацъ. А яго дома нема, Пилипа—у каршмѣ. А баба одна дома. Ёнъ ставъ проситца на ночь у бабы. Баба яго ня пускала, боялася Пилипа, што будзецъ Пилипъ сваритца. Дыкъ Господзь говорицъ: „ды я ляжу за печчу, енъ и ня ўвидзицъ!“ Ну пошовъ и лёгъ за печку. Пришовъ Пилипъ съ каршмы. Енъ тамъ ставъ шаволйтца за печкой, а Пилипъ почувъ. „Хто тамъ, говорицъ, шаволитца? вылѣзай сюды!“ Ёнъ къ яму вылязъ. Ёнъ яго ўзявъ за ковнѐръ ды й повёвъ за вороты на вулицу. А баба услѣдъ идзецъ за ими, отборяниваць того нищаго, што пусьцила. Ну, Господзь цярыпѣвъ, цярыпѣвъ ды й ударивъ яго ницъ рукою. Якъ ударивъ—дыкъ ёнъ и ставъ конёмъ. Тоды бабу ударивъ ницъ рукою, баба стала камянямъ. Ну, коня узявъ Господзь за поводъ и повёвъ. Вядзецъ того коня по полю,—работаецъ старикъ исъ старухой на поли, и бязъ лошадзя, копаюцъ копаницами лядо. Ёнъ говорицъ: „старикъ и старушка, што вы такъ работаеця бязъ лошадзя? Наця вамъ лошадзя, работайця имъ шесь годовъ, и ѣсь яму не давайця ничого, тольки ў годъ три жменьки трышнику (тростнику) сухого дацъ; и работай, николи не давай яму отдышки, усё работай! Тоды наживѐшъ добро гетымъ конёмъ,

подзѣлимъ тоды пополамъ!“ Цяперь Господзь говориць на старушку: „идзи домовъ, зата́плюй печку, приставляй цугуны, вари вячеряць!“ Яна отвѣщаець яму̀: „дзядуля-татуля,—нема ничо́го!“ Ёнъ говориць: я приду, дыкъ я тамъ куляшу заколочу вамъ! Яна пошла, затопила и поставила. Тоды Господзь пошовъ къ имъ и ў цугуны муки потрусивъ. И ставъ кулешъ густый, хорошій,—давъ Богъ спорья. Нў, тоды пошли вячеряць. Повячерявши, Господзь пошовъ сабѣ, а старику отдавъ коня того работаць на шесь годовъ. Вотъ ёнъ шесь годовъ работавъ и наживъ добра много дужа, наживъ добра и дзенегъ.

Пройшло шесь годовъ. Приходзиць Господзь. Ёнъ ходзиць нищимъ. Прихо́дзиць. „Што, говориць, чаловѣча,—ци много наживъ добра?“ Ёнъ яму показавъ хлѣбъ, добро гето знатца, и гроши. „Ну, цяперь, говориць, будземъ дзялиць!“ 'Зяли гроши дзялиць спочатку; рассунули на кучи. Цяперь старикъ говориць на старуху: „старуха! тамъ у мяне ящѐ чатыре копѣйки ёсь, ляжиць у калицѣ, няси й тыя сюды, подзѣлимъ!“ Вотъ тому Господу усердзія гето жалко стало. „Чаловѣча, говориць: не надо мнѣ твоё ничо́го; забирай, говориць, и гроши своѐ и добро. Я тольки коня свойго возьму!“ Цяперь енъ коня ўзвявъ и повёвъ къ тому камню. Ударивъ, привёвши, коня того рукою—ставъ чаловѣкомъ. Ударивъ по ка́мяню рукою ницъ—тожа *стала* женщиною. И пославъ ихъ Господзь у царство нябесное,—заслужили яны сабѣ, святыми стали.

С. Староселье, любин. вол. гор. у. Отъ кр. Агаѳона Яковлева, 55 л. негр.

15. Юрай, Микола и мужикъ.

Орэ мужикъ, а ѣдуць якіясь два паны вярхами. Погнавсь мужикъ у другій конецъ, а яны подъѣхали къ яго колёсамъ и привязали своихъ коняй къ травѣ къ яго. На колёсахъ трава була. Вярнувсь мужикъ назадъ ужо, съ конца того, другого, пріяжжаа къ колёсамъ. Яны говоруци мужуку тому: ты, моа, травицы жалѣяшъ тэя? Дыкъ ёнъ: „нѣ, каа, паночки: на здоровъика ко́нямъ вашимъ, паночки! Поѣли-поѣли, яще на́йдземъ, коли Богъ дасць!“ Тогды Юрай говора ўжо: „запражи-тку мойго коня, свойго выпражъ. Ци богато полосъ у цябе ё!“—Двѣ полосы яще ё! Ну, дыкъ енъ перапрогъ коня, свойго выпрагъ, а Юроваго запрогъ. Якъ поѣхавъ,—одну полосу отразу узоравъ! Тогды тэй ужо, Микола, кажа: ну, цяперака запражи мойго коня! Ёнъ запрогъ; поѣхавъ, узоравъ яще полосу отразу ўсю. Вѣдомо, Божжа слово. Тогды Микола кажа мужуку: „а што, который лучче конь?“—Во ето, паночки, лучче конь,—на Юрова коня говора. Ну, яны и поѣхали. Тогды Микола ужо кажа Юраю: „я, кажа, мужуку отобъю грозою усё чисто, морозомъ выморожу!“ Ну, Юрай, почувши ето, къ му-

жуку: „такъ и такъ, кажа, дзѣлай! буры ня дожидай, тоя й тоя урэмя дзѣлай!“ Ну, мужикъ такъ и здзѣлавъ. Цяперака, жито урўнило хорошо. Юрай цяперъ говора мужуку: продай, кажа, жито жиду якому, ци кому! Ну, мужикъ пошовъ набився жиду. Жидъ тэй бача, што рунь хорошаа, давъ яму грошы,—наградзивъ такъ, што Божа мой. Ну, цяперъ жидъ тэй дождався, знатца, вясны ўжо,—нема рупи тэя нійдзѣ. Ёнъ тогды на мужука: давай, каа, грошы моѐ тэя! Што я за пустую зямлю плацить буду, каа. А Юрай подъѣдзя къ мужуку ды й наўчаа: отдай, кажа! А жито твое, кажа, узновъ якъ було, такъ и будзя! Ну, пбтомъ, жидъ узявъ своѐ грошы,—отдавъ мужикъ грошы. Жито тое такое узялось,—нема-вѣдома откуль. Ну, цяперака Микола кажа: я, кажа, градомъ, бўрой поломаю усѐ! Юрай тогды къ мужуку: лядзи жъ, кажа: у тоя и тоя урэмя возьми, кажа, найми и сожни—и въ ёвпю; сычасъ у гумно перавязи! Ну, мужикъ такъ и здзѣлавъ. Ничого яму Микола не згрозивъ. Ну, тогды пріяжжаюць яны узновъ удвоихъ. „О, хйцяръ, кажа, мужучокъ! Ну, ды я на яго Злыдню, кажа, нашлю“. А того Микола ничого ня вѣдаа, што Юрай наўчаа мужука. Ну, Юрай сычасъ мужуку кажа: у порожній, каа, инбаръ—просячы вокошки два малыхъ, а двери позабивай на завалъ! Ну, приславъ Микола Злыдню. Яна пришла у инбаръ, сядзѣла, сядзѣла—нечаго ѣсць, зъ голоду пропадаа. Ну, яна и вышла. Знатца, ничого ня здзѣлала по приказу Миколову. Мужучокъ жита намолоцивъ и живе,—споживаа яго.

С. Меркуловичи, рогач. у. Отъ кр. Григорьева Василія, 73 л. негр. Варіанты запис. мною и въ др. уу.

б, Ходзивъ Микола зъ Юрьимъ пы зямлѣ. Расъ идуць яны дорогый, ашъ пашиць мужикъ пшаницу кылы самый дороги. Яны говорюць яму: „здрастуй, мужучокъ! Бохъ помычъ!“—Здоровъ! Дзякуй! Ну, пройшли яны дальши и заспоровали: кому зъ насъ мужикъ здрастуй давъ? Микола кациць: мнѣ давъ, бы я человѣкъ старый! А Юрья говбриць: мало-што ты старый, ды ёнъ мнѣ давъ здрастуй, а не табѣ!—Ну, кыли такъ —вѣрнемся нызатъ и спытаемся! Вярнулись нызатъ къ мужуку: „а што, братъ: кому ты зъ насъ здрастуй давъ?“ Мужикъ подумывъ—подумывъ, ды й кажиць: конешня стыму старыму человѣку! Микола тоды кажиць: а што, Юрья: я табѣ кызавъ, што мнѣ мужикъ давъ здрастуй, а не табѣ, блазну! Юрья рассердзився и говбриць: нў, коли шъ ёнъ табѣ давъ здрастуй, дыкъ я яму ету пшаницу усю градымъ побъю!

Вырысла тая пшаница у мужука дужа ладная. Жалко стало Миколи мужука. Приходзиць ёнъ къ мужуку и говбриць: „здзѣлый-тку ты такъ, якъ я табѣ скажу: сходзи ты къ быгатыму куму къ свойму и прыдай

яму̑ ету пшаницу, хуць за осмину жита; а то йна соусимъ пропадзе́ць!“ Мужикъ такъ и здзѣлывъ. Приходзиць къ куму и гово̀риць: „вотъ што, кумъ, я къ табѣ ходжу: дай ты мнѣ осмину жита, а сабѣ возьми мою пшаницу. Признатца, хлѣба умаленьня, купляць незышто, новыго выжидаць няскоро, ще далёка пѣсня, а дзицей кормиць надо; грошій у мяне нема, дыкъ ты хуць пшаницу возьми. Бязъ грошій жа ты не даси?“— Конешня бязъ грошій не дамъ. А на пшаницу можно. Идзи скорѣй за мѣшками ды не гывори никому! Ратъ ставъ, што еткую пшаницу̑ за осмину жита купивъ, и у̑сё считаець, скольки ёнъ нажне́ць. намолоциць. Ашъ ныйшла силная буря и побила градымъ пшаницу, усю чисценько умясила у̑ зямлю.

Тоды говориць Микола Юрьи: „ты разуменъ, а мужикъ ящо разумнѣй: ёнъ жа шъ продавъ пшаницу за осмину жита быгатыму куму. Ето ты кумыву пшаницу побивъ!“—Ну шъ коли такъ, я ныpoжy зъ етый соломки дужа хорошыю пшаницу! А тэй быгатый кумъ ставъ кума ругаць: „хто цябе знаиць, можа ты якей чиравникъ: дывай нызатъ мою осмину жита, нехай табѣ твыя пшаница!“ Што тутъ дзѣлыць мужуку: ни грошій нема, ни пшаницы, и жито поѣвъ. Жалко Миколи стало мужука, приходзиць къ яму и даѐць гроши: „купи, каиць, осмину жита и отдай куму, а пшаницу возьми нызатъ сабѣ. Тольки якъ поспѣиць—во ’дзинъ дзень звязи съ поля!“ Ну, тэй такъ и здзѣлывъ. Тоды Микола говориць Юрьи: „ты разуменъ, а мужикъ разумнѣй: ёнъ отдавъ куму осмину жита, а пшаницу узявъ нызатъ сабѣ, и ты ныродзивъ ня куму, а яму̑!“—Ну, коли шъ такъ, дыкъ я не дамъ умолоту етый пшаницы (дат.): хуць ёнъ посодзиць на ёвню три копы—вымылыциць три мѣрки, хуць усю разымъ посодзиць—усё три мѣрки!

Приходзиць опяць Микола къ мужуку: „ну, пшаница твоя уродзилась добрая; али ты садзи яе́ на ёвню усё по три снопы!“—Добря, стыричокъ: буду такъ дзѣлыць, якъ ты кажишъ! Пычавъ мужикъ мылоциць пшаницу; и содзиць по три снопы, а берець по три мѣрки чистыя пшаницы. Насыпавъ повенъ ынбаръ. И ставъ прыдаваць, и на новъ у повтора рыздаваць,—ставъ быгацѣць. Тоды Микола говориць Юрьи: „разуменъ ты, а мужикъ ящо разумнѣй: ёнъ садзивъ на ёвню по три снопы, а бравъ пшаницы по три мѣрки!“—Ну, коли шъ ёнъ хицеръ, дыкъ я поставлю ли двярей, ли ’нбара Прорву: ина поѣсь яго пшаницу! Пошовъ Микола опяць къ мужуку и каиць яму: „прысячи ты у своимъ ынбари двери у другей сцянѣ, ны горо̀тъ; ци самъ будзешъ браць пшаницу, ци прыдываць, дыкъ усё у тыи двери. А еты зыкылоци!“ Ну, мужикъ такъ и здзѣлывъ. Рыздавъ, рыспродавъ пшаницу и ставъ быгатымъ хыдзяинымъ. А Прорва стоиць ли забитыхъ двярей, зъ голоду̑ до̀хнець.

Тоды Микола говорыць Юрьи: „што, братъ: разуменъ ты, ды мужикъ усётки разумнѣй: ёнъ жа шъ забивъ еты двери, дзѣ ты Прорву поставивъ, а празъ другіи пшаницу рыспродавъ, разбывъ, и ставъ быгатъ!“ Рассердзився тутъ Юрья: ну, коли шъ такъ, дыкъ я яго спалю со ўсимъ яго дворомъ и добромъ!.. Стало жалко Миколи мужука. Идзець ёнъ къ яму: „што, братъ: ци празнуюць у васъ у восень Юрью?“—Празнуюць, и ня то што Юрью, дыкъ и Миколи празнуюць!—„Дыкъ вотъ што я табѣ скажу: ссучи ты къ Юрьи три свѣчки: одну большўю, другую поменьшыю, а третьцію соусимъ маленькыю. И большую поставъ у цэркви Юрьи, другую Миколи, а самыю малыю усимъ святымъ!“—Добря, здзѣлыю!

Ну, пришло Юрья. Идзець мужикъ у цэркву къ обѣдни, и нясёць три свячи. Стрѣлись зь имъ Микола и Юрья: „здрастуй!“—Здрастуйця, мои дырогіи!—„Куды ты йдзёшъ?“—А къ обѣдни!—„А свѣчки кому нясёшъ?“ пытаетца Юрья.—А кому жъ я нясу: большую—ету Юрьи: яго сягоньни празьникъ, пумолитца яму, святому угоднику, треба. А меньшыю—Миколи; а самыю малыю—ету ўсимъ святымъ!—„Ну, мылодзецъ, што ты дыгацався, мнѣ самыю большыю свѣчку нясешъ ставиць; а то я ўжу хоцѣвъ цябе спалиць! Цяперь живи сабѣ зъ Богымъ!“ Пупрощались, и пошли сабѣ дальши. Мужикъ шапку знявъ и ў зэмлю ныклонився: прыщайця! Тутъ ужу ёнъ узнавъ, што ето были людзи не простыи, а обои угодники, Юрья и Микола.

Орш. у. Сообщ. А. П. Сапуновъ.

16. Откуда попъ.

Богъ хутѣвъ съ чаловѣка издѣлать ильва. Утъ ёнъ здѣлавъ каплатую гуловў, зъ довгйми вулосâми, зъ большими зубами. Ды й спухватився, што ўсяго тольки двѣ ноги. Идѣ жъ яцэ узять двѣ? Утъ ёнъ думавъ—думавъ, ды й кажа: „ну, ня будяшъ жа ты чаловѣкомъ, а будяшъ попомъ!“

М. Жлобинъ, рогач. у.

17. Откуда медвѣдь.

Разъ ишовъ Богъ по вулицы. Вотъ одинъ человѣкъ захотѣвъ его спугать. Ставъ за вугломъ и дожидая Бога. Тольки Богъ подыходя къ ямў, а ёнъ на его зъ за вугла—агууу! Дакъ Богъ и кажа: штобъ жа ты такъ довѣку гувъ. Той человѣкъ сичасъ и здѣлався медвѣдемъ. Оттого и ступня у его человѣччая.

Зашт. г. Бѣлица. Сообщ. В. Р. Романовъ.

18. Откуда буцянъ.

Ишовъ разъ Богъ ны зямлѣ и нёсъ мѣхъ гадывъ разныхъ, кабъ не расповзалиси. Нёсъ, нёсъ и ўтомився. Видзиць, дыгоняець яго человѣкъ. „Добрыдзень,“ каець.—Здоровъ!—„Ци не поднёсъ ба ты мнѣ гэтый мѣхъ троху,—я заморився?“—А чаму? давай! Отдавъ Богъ ямў мѣхъ. „Тольки, глядзи, каець, не раскрывай мѣха, не глядзи, што тамъ ёсь!“ Ну, тэй человѣкъ понёсъ, а Богъ отстався троху отдыхаць. Видзиць человѣкъ, што Богъ отстався, и зацикавився ёнъ пыглядзѣць, што тамъ у гэтымъ мяху ёсь. Ну, енъ узявъ, мѣхъ развязавъ. Тольки ставъ глядзѣць, а гады ўси оттуля, оттуля—якъ пычалй скакаць,—уси й повыскакывали. А тутъ и Богъ идзѣць. „Коли жъ ты мяне, каець, не послухывъ, дыкъ идзи цяперъ, собирай гэтыхъ гадывъ!“ И здзѣлывъ яго буцянóмъ (аистомъ).

Г. Сънно. Отъ м. Ивашкевича.

19. Откуда табака.

Жила сабѣ такъ одна дѣвка. И бывъ у яѐ одинъ собака. И яна етаго собаку прiўчила съ собой у постелю спать. Ну, той собака спавъ, спавъ зъ ёй, да й улюбився у яе. Здѣлали яны грѣхъ, дѣвка тая забярэменила, и родила щанка. Якъ родила яна ето щанкà, батька яѐ и ўбивъ, и закопавъ. Кольки тамъ урэмъя прошло посли того, выросла на томъ мѣсти, на могили, табака. Стали люди глядѣть, што за трава за такая, и захотѣли увознать, откуль яѐ корань иде. Ну, тогды, раскопали зямлю, коли поглядять, ажъ корань иде, чаразъ тютьку, съ самаго пуза дѣвки тыя... Отъ, яго и стали *тютюнъ* звать.

Краснобудск. вол. гом. у. По друг. вар., табакъ выросъ тамъ, гдѣ „задавився Юда. Дакъ Богъ сказавъ табаку курить и плювать на Юду“.

20. Богъ и мужикъ.

Бывъ сабѣ одзинъ бѣдный мужучокъ. Пошовъ ёнъ разъ на кирмашъ и купивъ сабѣ кобылку жаробную, за карбованца, моа, за якого. Вядзе ёнъ яе домовъ и обняла яго цёмная ночь уво днэй у дзяревни. Просився ёнъ на ночь, просився, и нихто яго ня пускаа. Тогды одзинъ мужикъ кажа: „бывъ тутъ у мяне поперѣдъ за цябе одзинъ старичокъ, просився. Дыкъ вунъ ёнъ за дзяревней ночуя; и ты туды вядзи!“ Ну, енъ и пошовъ. Приходзя туды. „Здрастуй табѣ, дзядуля!“—Здоровъ!—„Ци нялъга бъ и мнѣ ли цябе переночаваць!“—А ночуй сабѣ! Увоткнувъ коликъ у зямлю. Во, кажа, привяжи кобылёшку! Ну й обночавали. Назаўтраго устаюць яны ураньни,—кобыла жарабилася. Отъ яны и занялй споръ за

жарабя. Мужикъ говора: кобылка моя жарабилася! А старикъ говора, што количакъ мой жарабився! Потому яны спорили, спорили и давай судзитца. Повёвъ яго мужикъ уво 'дзинъ судъ, у другій, у третьцій—усюдыхъ дзѣдъ выйграѐ. Ёнъ усюдыхъ гроши дававъ у судзѣ. Обходзили яны ўси суды, ну, тогды дзѣдъ говора мужуку: „Ну, цяперъ, кажа, обходзили мы ўси твоѐ суды, пойдземъ цяперъ на мой судъ,—што мой судьдзя признаа!“ Приходзюць яны къ святому Гаврилу. „Ну, што, кажа дзѣдъ: рассудзи ты насъ, святый Гаврила! Такъ и такъ, такое и такое дзѣло: што жарабилося—ци яго кобылка, ци мой количакъ?“ Святый Гаврила тольки узглянувъ на яго и говоря: ишовъ я, Господзи, черазъ синя мо̀ря и сѣявъ овёсъ; не знаю, ци поросъ, ци нѣ, Господзи? Господзь Богъ тогды говора: „идзѣ жъ яно поросцѐ на мори?“—А йдзѣ жъ, Господзи, количакъ жаребитца?... Отъ, тогды Господзь Богъ, посля свойго суду, отправивъ мужука и отдавъ яму кобылку зъ жарабёнкомъ. И пошла тая кобылка мужуку ў пуць.

М. Гайшинъ, быхов. у. Отъ кр. Ѳедора Ѳедотова 38 л. негр. Гов. смѣш.

21. Съ того свѣта новины.

Живъ сабѣ такъ старикъ со старухой, и было у ихъ троя сыновъ: два разумныхъ, а третьцій Иванушка дурачокъ. И дужа бѣдно жили яны, по старому ўремю. Тоды бацька говбрицъ на большаго сына: идзи ты куды—небудзь служицъ! Сынъ тэй пошовъ и нанявся на службу къ сусѣду. И ўговорилиси яны такъ, што коли по правдзи служицъ будзець, дыкъ шесьдзесятъ цалковыхъ дамъ, а коли не поправдзи, дыкъ тритцаць. Ну, тоды ходзяинъ яму говорицъ: „однакъ у насъ цяперь работа не вялика,—вядзитку ты ко̀ній пасьциць!“ Повёвъ гэтый работникъ коній насьциць, пусьцивъ ихъ на лугъ, а самъ пошовъ на гору̀, сѣвъ подъ дубомъ, сядзѣвъ-сядзѣвъ ды й заснувъ. Ци довго ци нѣ спавъ, прошинаетца—нема ко̀ній. Што тутъ дзѣлаць? Шукавъ ёнъ ихъ, шукавъ,—нема нійдзѣ. Ёнъ ужо хоцѣвъ домовъ ици, коли полядзиць, ашъ кони яго идуць изъ лѣсу. Ставъ ёнъ дужа радъ, што яны нашлиси, и погнавъ ихъ домовъ. И яму здалося, што ёнъ дзень пасьцивъ, а гэто не именно дзень, а годъ пройшовъ. Ходзяинъ тоды пытаетца: а што, каець, ци ня видзѣвъ ты идзѣ якія повины?—Нѣ, каець, нійдзѣ ничого ня видзѣвъ. Тоды ходзяинъ давъ яму тритцать рублей и отправивъ яго домовъ: „вотъ, сынокъ, каець: не по правдзи ты у мяне служивъ!“

На другій годъ отправляець старикъ свойго сярэдняго сына на службу къ сусѣду. Ёнъ и тому такъ жа само говорицъ: вядзи, каець, сынокъ, коній пасьциць, однакъ цяперь дзѣлаць нечаго! Ёнъ повёвъ ко̀ній,

пусьцивъ на лугу, а самъ пошовъ на горў, сѣвъ подъ дубомъ и ў скоросьци заснувъ. А кони й пошли. Прошнувся ёнъ, нема коній. Шукавъ, шукавъ до самаго вечара. А ўвечари кони сами пришли зъ лѣсу. Ёнъ ихъ и погнавъ домовъ. И тожъ не именно дзень пройшовъ, а цѣлый годъ. Пригнавсь енъ домовъ, ходзяинъ у яго пытаець: ци ня видзѣвъ, сынокъ, идзѣ нибудзь якія новины?—Нѣ, каець, нійдзѣ ничого ня видзѣвъ! Тоды ходзяинъ говориць: вотъ сынокъ, и ты ў мяне ня вѣрно служивъ! И давъ яму тритцать цалковыхъ, и отправивъ яго домовъ.

На третьцій годъ проситца Иванушка дурачокъ у бацьки: пойду я, татъ, служиць!—Идзѣ табѣ, дураку, служиць? Большія, разумнѣйшія ня ўслужили, а то ты услужишъ!—Нѣ, татъ, пойду! И ўпросився у бацьки, и пошовъ служиць. Ходзяинъ и яму говориць: вядзи коній пасьциць! Ёнъ повёвъ, пусьцивъ ихъ на лугу, а самъ пошовъ на гору, сѣвъ подъ дубомъ и ставъ табаку куриць и лапци плесць. Полядзиць ёнъ на коній, а кони уво 'днымъ мѣсьци ня ходзюць, ды ўсё дальше йдуць. „Э, каець дуракъ, тутъ ужо лапцявъ не спляцешъ!“ Кинувъ лыки подъ дубомъ, а самъ пошовъ за конями. Кони идуць дальше, и ёнъ идзець. Куды кони, туды и ёнъ. Ишли, ишли гэтыкъ и пришли къ рацѣ. Кони поплыли чаразъ рѣку, и Иванька ухвацився за коньскій хвостъ, и ёнъ пераплывъ. Ишли-ишли, и пришли ў садъ. А ў томъ саду косьцёлъ. Тоды кони обярнулись чаловѣками и пошли у косьцёлъ Богў молитца. И Иванька за ими. Помолившись Богу, вышли съ косьцёлў, и скинулись узновъ конями. Вышли съ косьцёла, Иванька сорвавъ у саду два яблоки: одно золотсе, а другое сяребраное, и пошли назадъ. Тольки отыйшлиси отъ косьцёла, гонюць два малцы овечакъ. Одзинъ гониць бѣлую стаду, а другій чорную. Тоды Иванька пытаець: куды вы ихъ гониця? А яны яму сказали: идзи, дурень, куды йдзешъ! Тоды Иванька погнавъ коній дальше. Идуць яны, и приходзюць къ большой хаци. Зайшовъ Иванушка туды, ашъ тамъ бѣгаець чаловѣкъ ды кричиць: ай, цѣсно, ай, цѣсно! Тоды Иванушка говориць: чаго ты кричишъ? гэто шъ тутъ роскошно! А ёнъ говориць: идзи, дуракъ, куды йдзешъ! Пошовъ Иванька дали за своими лошадзьми, видзиць—уклавъ чаловѣкъ головў у горщокъ и ѣсь, и ўсё кричиць: ай, ѣсци хочў! ай, ѣсци хочў! Тоды Иванушка говориць: чаго ты кричишъ, ты жъ яси? А ёнъ каець: идзи, дуракъ, куды йдзешъ! Ну, ёнъ и пошовъ дали. Пришли къ рацѣ, видзиць ёнъ, што уклавъ чаловѣкъ головў у рѣку и кричиць: ай, пиць хочу! ай, пиць хочу! Иванушка ямў говориць: што табѣ, ци мало? Ты шъ уклавъ голову у водў! А ёнъ кажець: идзи, дуракъ, куды йдзешъ! Тоды кони поплыли чаразъ ракў и Иванька зъ ими. На берази найшовъ двѣ травинки: одну золотую, другую сяребраную. Ёнъ ихъ сорвавъ и поклавъ къ яблокамъ. Тоды при-

гнавъ ёнъ коній домовъ, ходзяинъ и пытаетца: а што, ци ня видзѣвъ ты якéй новины? Иванушка дурачокъ ямў говбриць: „а вотъ якую я табѣ новину скажу! Ишли мы, ишли,—пришли къ рацѣ. Моé коники пераплыли; и я зъ ими, узявшись за конській хвостъ. Пришли мы къ саду, а у томъ саду косьцёлъ. Тоды коники пообярнулись чаловѣками, и пошли мы ў косьцёлъ Богу молитца. Вышли мы, помолившись, съ косьцёла, тоды, яны по'бярнулись кониками, а я оторвавъ тамъ два яблочки: одно золотое, другое сяребраное!“ И отдавъ яму гэты яблочки.—Ну, каець, ци ня видзѣвъ ты и другей якéй новины?—„А вотъ, якъ вышли мы съ косцёла, дыкъ видзѣли—гнали два мáлцы овецъ, одзинъ бѣлыхъ, другій чорныхъ. То я пытаюсь: малцы, куды вы гониця гэтыхъ овецъ? А йны говоруць: идзи, йдзи, дуракъ, куды йдзéшъ! То мы и пошли дальше...“ Тоды ходзяинъ говориць: гэто вы были на томъ свѣци. Бѣлыя овечки, гэто людзи йшли съ пекла у рай, а чорныя—гэто йшли изъ раю ў пекло! Ну, а щè ци ня видзѣвъ якéя новины?—„А вотъ, каець: ишли мы ишли, видзимъ—бѣгаець чаловѣкъ по усей хаци ды кричиць: ай, цѣсно! Я кажу: гэто шъ хата большая, чаго ты кричишъ? А ёнъ каець: идзи, дуракъ, куды идзèшъ!“—Вотъ сынокъ: гэтый чаловѣкъ на гэтомъ свѣци, якъ хто попроситца нучувадь, не пускаець, кажець: у насъ цѣсно! Вотъ яму и тамъ цяперъ цѣсно. А ще ци ня видзѣвъ якèя новины?—„А якъ мы ишли, то одзинъ чаловѣкъ уклавъ голову у горщокъ и ѣсь, и усё кричиць: ай, ѣсь хочў! Я говору: ты жъ яси, ци табѣ мало?—А ёнъ каець: идзи, дуракъ, куды йдзèшъ!“—А гэто, сынокъ: коли на гэтомъ свѣци попросиць нищій ѣсци, а йму не дадуць, скажуць: намъ самимъ нечаго ѣсць! Вотъ имъ и на томъ свѣци мало!—„А 'ящо табѣ скажу новину. Ишли мы, ишли, пришли къ рацѣ. А тамъ одзинъ чаловѣкъ уклавъ головў у рѣку и кричиць; ай, пиць хочу! Я яму кажу: ты пи! што, табѣ мало? А ёнъ каець: идзи, дуракъ, куды йдзéшъ! То я й пошовъ дали.“—А гэто, сынокъ, яму на гэтомъ свѣци ўсё було мало, вотъ яму й на томъ мало. А ще што ты видзѣвъ?—„А больше я ничбго ня видзѣвъ, только якъ пераплыли чаразъ рѣку, сорвавъ я двѣ травинки: одну золотую, а другую сяребраную!“ И давъ яму гэты травинки. Тоды старикъ тэй каець: вотъ. сынокъ, ты ў мяне вѣрно служивъ! Давъ яму шесьдзесятъ цалковыхъ и отправивъ домовъ. И съ тыхъ шесьдзесятъ цалковыхъ яны разжилиси и стали жиць хорошо и богато.

Ульянов. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Афанасія Стельмахова.

22. Купеческій сынъ.

Живъ такъ богатый купецъ. И бывъ у яго сынъ Иванъ. Ёнъ день

и ночь пойдя у особянную комнату и молитца, и читая божествянное. И такъ кольки разовъ. Тольки разъ являятца къ яму ангалъ и говора: проси батьку свойго, якъ ня можно, штобъ ёнъ тябе не жанивъ, то будяшъ святымъ. Ёнъ пришовъ назаўтраго и кажа: тать, не жани мяне! А ёнъ кажа: якъ жа намъ тябе не жанить? ти мы якія убогія? Енъ заплакавъ и пошовъ опять читать. Прилятая къ яму опять ангалъ и говора: проси скорѣй, якъ ня можно, батьку, штобъ не жанивъ тябе! Наставъ день, ёнъ опять пошовъ къ батьку и говора: не жани мяне! Батька яму опять жа такъ отказавъ. Ёнъ заплакавъ и пошовъ читать. Прилятая изновъ ангалъ: ти ўпросивъ?—Нѣ!—Ну, иди жъ проси, якъ ня можно, штобъ бравъ за тябе сиротину! Енъ пошовъ и говора: ну, тать: жани, тольки бяри за мяне сиротину!—Эй! Якъ намъ сиротину за тябе брать? Мы жъ возьмямъ такую, якъ мы сами!... Ну, и ўзяли такую, якъ сами, богатырку. А яна была колдунка. Пошли яны спать. Яна приспала свѐкра и свякруху и говора яму: иди порѣжъ ихъ! На табѣ мечъ! Ёнъ отмогавсь—отмогавсь, кажа: я боюсь, яны устанути!—Нѣ, кажа,—ня бойся, иди, а то мой мечъ, табѣ голова съ плечъ! Нечаго яму дѣлать, пошовъ къ имъ у хату,—стукая, кричить, штобъ яны, бачь, устали. А яны ня чуять, спять. Ёнъ пошовъ къ ёй и говора: якъ жа мнѣ, кажа, рѣзати свойго батьку й матку! Яна мечъ у яго ухапила, побѣгла, головы имъ потсякала. Тогды узяли ободва и подъ мостъ ихъ поклали. Назаўтраго приходя къ имъ сусѣдка. Бача, няма старыхъ. „Игдѣ ваши, кажа, старыя?"—А поѣхали ў гости! На другій день приходя сусѣдъ бытцамъ у позыки. Игдѣ, кажа, ваши старыя?—Да поѣхали ў гости!... Ну, тутъ уси дознались, што яны штось издѣлали съ старыми. Пошли, объявили старосту. Пришли ўси и стали пытать у яго. А енъ кажа: яна ихъ порѣзала! Отъ яны узяли яе, привязали къ конському хвосту и пустили у чистое поля, а яго закували ў зялѣзы и пустили, а ключъ укинули у рѣку. Ёнъ и пошовъ у свѣтъ. Ходивъ, ходивъ, приходя у лѣсъ. А у томъ лясу старикъ живъ, пустэлникъ. Енъ яго пытая, старикъ: чаа ты, кажа, ко мнѣ забрывъ?—А такъ и такъ: наложи покуту!... Ну, ёнъ заставивъ яго пасти чорныхъ овецъ, покуль станутъ бѣлыя. Ёнъ пасъ, пасъ, двадцать пять годовъ, а яны усё чорныя. Тогды тэй пустэлникъ давъ яму грошай, кольки-тамъ, и кажа: „иди, кажа, на базаръ и купи рыбину, зъѣжъ!" Пошовъ Иванъ на базаръ, купивъ рыбину. Разрѣзавъ, ажъ тамъ ключъ. Отъ ёнъ пошовъ туды и хвалитца: во, я, кажа, ключъ у рыбини знайшовъ! Ёнъ говора: ти не отъ твоихъ ето зялѣзовъ? Енъ примѣравъ, сычасъ замокъ и разомкнувъ. Якъ разомкнувъ, такъ и стали овечки уси бѣлыя, якъ снѣгъ. Ну, тогды старикъ яму кажа: отъ на такой и такой горѣ ходятъ твоѐ батькй! Пошовъ ёнъ къ той горѣ, и ставъ просить

батьку: татка мой, прости мнѣ! Ёнъ кажа: Богъ прощая и я прощу. Пошовъ ёнъ къ матцы: прости, каа, мяне, мамъ! Яна кажа: Богъ прощая, и я прощу. Якъ сказали такъ, ёнъ и параставився, и помёръ.

С. Переростъ, гом. у.

23. Пилипъ Милосэрный.

Живъ такъ сабѣ у дзяревни Пилипъ Милосэрный. Ёнъ—хто придзець, усякаго дóрицъ, усякаго жалѣецъ,—вядóмо, чаловѣкъ милосэрный. Алѐ самъ сабѣ надумався: пойду ў свѣтъ, пойщу, ци ёсь такій чаловѣкъ, якъ я? Ну, пошовъ. Зайшовъ ёнъ у домъ—такій домъ стоицъ—зайшовъ ёнъ на ночь, у лясу. А ў тòмъ доми старикъ,—то разбойницкій домъ. Ну, тоды попросився ёнъ тамъ на ночь. А ёнъ одзинъ старикъ тамъ, а ў яго сыновъ тамъ семъ ци восемъ, и ихъ не было тоды. Ёнъ, тэй старикъ каецъ: лѣзь за печку да й ночуй! Позно вечарóмъ пріѣжжаюцъ сыны зъ разбойниства. И старикъ, ихъ отецъ, спрашіецъ: а што, ци попалося сяньни што, выробицъ кого?—Нѣ, каецъ, сяньни нидзѣ не попало ничого!—Ну, дыкъ вячеряйця, говорицъ, ды ѣдзьця обворуйця Пилипа Милосэрнаго, однача ничого не попало! А ёнъ, Пилипъ Милосэрный, за печкой гето чуецъ, ды й говорицъ: братцы! нáця вамъ ключи, ня порцыця замковъ, ды и возьмиця, што угодно у мяне! Тоды яны кауцъ: хто жъ ты такій?—А я жъ, каецъ, тэй самый Пилипъ, куды вы ѣдзеця воровацъ,—тэй самый ёнъ!... Хорошо.—Якъ жа ты, што? Куды ты йдзéшъ? спрашуюцъ у яго.—Я, говорицъ, иду смотрѣцъ, ци ё такій чаловѣкъ, якъ я, у свѣци! Ну, тоды тэй говорицъ: однача, говорицъ, пойду и я съ тобой: ци ё гетакій чаловѣкъ, якъ я ўжо?... Ну, идуцъ яны ужо ўдвухъ. Гето было разбойницкій дворъ, а то зайшли яны у воровый дворъ, у злодзѣйскій. Ну, тамъ яны ничого: злодзій тэй пусьцивъ ихъ ночавацъ: хто вы, што, куды йдзеце?—А я, каецъ, Пилипъ Милосэрный, дарю ўсихъ, усякаго жалѣю! И разбойникъ каецъ: а я, каецъ, разбойникъ,—живу зъ разбойниства, кабъ што попалося, выробицъ кого. Идзёмъ у свѣтъ смотрѣцъ, ци ёсь такія людзи, якъ мы ў свѣци! Ну, тоды и злодзій тэй говорицъ: ну, пойду и я зъ вамы шукацъ, ци ё у свѣци такій чаловѣкъ, якъ я, говорицъ. Идуцъ яны ужо утрёхъ. Увыйшли у лѣсъ цёмный, сустрѣкаецъ ихъ старикъ, ну довжно быцъ Господзъ. Давай у ихъ распрашавацъ,—што за людзи, куды йдзеце? Ну, тэй говорицъ: я Пилипъ Милосэрный! А тэй: я разбойникъ! А тэй: я злодзій! Призналися уси своей причиною. Обнила ихъ цёмная ночь. Ну, старичокъ показавъ имъ на три дороги: ну, ты, Пилипъ, идзи гетой дорогой ночавацъ, а ты гетой, а ты гетой идзи! Показавъ имъ на три дороги. Ну, и пошли. Пришовъ Пилипъ, стоицъ домъ,—свѣчи горяцъ, вя-

черя на столѣ стоиць: хлѣбъ, соль, проскурки, то, сё,—посьцеля послáна. Ну, вотъ, говориць: вячеря стоиць, кушаньни, да нема никóго у доми! Повячерявъ, Богу помолився и лёгъ спаць. Назаўтрего ўставъ, водзица стоиць и рушники висяць. „Хоця бъ, каець, сказавъ ба спасибо кому,— хала табѣ Божа, усяго досъ былó—дыкъ и некому! говориць тэй Пилипъ. Вышовъ на тое мѣсто, идзѣ разлучалися, и ставъ ожидаць ихъ, покуль собярутца.

А разбойникъ цёмной ночой якъ пошовъ, увыйшовъ у садъ. Якъ стала буря, якъ стало сучча по ёмъ хлёпаць! Ёнъ уцекаць. Куды прибяжиць— замётъ! Куды прибяжиць—замётъ. Бѣгавъ, бѣгавъ, а сучча по ёмъ, по ёмъ, хлёпъ да хлёпъ! Бѣгавъ, бѣгавъ цѣлую ночь. Давъ Богъ зарю— нема нiйдзѣ ничого.

А злодзiй пришовъ къ рѣчцы. Ляжиць кладка на рѣчцы. Пошовъ ёнъ по кладцы и увалився у воду̑, и тонець. Дакъ ёнъ общапився рукамы за кладку и ногамы заклавъ за верхъ, и ўсю ночь плаваець. Давъ Богъ зарю—и нема ни рѣчки ни кладки.

Ну, тоды собралися уси опяць, уси троя, на тоя мѣсто. Ну, тоды спрашуюць одзинъ у 'днаго: яковъ вамъ ношлегъ бывъ. Пилипъ каець: мнѣ, хала табѣ Божа, усяго было досыць, тольки некому было спасибо сказаць!.. А разбойникъ каець: а я бѣгавъ по саду усю ночь, и сучча мяне било. Куды прибягу—некуды уцець; назадъ побягу—опяць бъець!.. А злодiй каець: якъ пошовъ я по кладцы, увалився, дыкъ и общапився за кладку рукамы и ногамы, ды ўсю ночь и плававъ такъ: и пусьциць нельзя и выплысць нéякъ, уночи!.. Ну, тоды почали яны яму̑ казатца, Пилипу: „ты, значитца, чаловѣкъ хорошiй! дай мнѣ покуту: я буду отвѣчаць!“ Тоды Пилипъ узявъ яблонковый колъ и ўбивъ: „носи, говориць, воду̑ ротомъ и поливай гетый коликъ. Коли гетый коликъ прiметца и зацвициць и стануць яблоки на имъ, дыкъ тоды табѣ Господзь грѣхъ просьциць!“ разбойнику гето. А злодзiй такъ сцёрся, пошовъ нема вѣдома куды, и грѣхъ не прощёнъ яму.

Пошовъ Пилипъ *дома*, и ставъ ужо царковнымъ старостомъ,—што при церкви, староста. Черезъ скольки тамъ годовъ, много ўжо пройшло, имъ треба ужо тоды ѣхаць исъ попомъ у Мугулёвъ, у губэрню. Ѣдуць гето яны у Мугулёвъ,—запáхнули яблоки ли дороги, у лясу. Ёнъ каець на попа: „бацюшка, говориць: пахнуць яблоки: дзѣсь недалёко яблонка стоиць. Треба оставиць коня, треба пошукаць яблоковъ!“ Ну, ўзявъ и пошовъ. Приходзиць туды,—опознавъ тое змященiе, мѣсто тое, а то не познато усимъ. И разбойникъ яго опознавъ: а, говориць, ты Пилипочка! —Я!.. Другъ дружку познали. Ну, рóспытъ пошовъ: съ кимъ ты ѣдзешъ, што, кýды? Ёнъ говориць: съ попомъ ѣду ў Мугулёвъ! Бытца тэй раз-

бойникъ почавъ яго просиць: а милый ты мой Пилипочка! вядзи мяне къ попу,—хай мяне посповѣдуець! Ну, потомъ попъ яго посповѣдавъ, разряшивъ яму ўси гряхи. Якъ разряшивъ, тутъ и скончився, и ў святъ ставъ.

Любиницкая вол. горец. у. Отъ кр. Андрона Яковлева.

24. Богъ, мужикъ и панъ.

Живъ сабѣ бѣдный чаловѣкъ. И на яго мѣвъ злосць панъ, што каждый дзень наказувавъ. Черезъ ето той чаловѣкъ: „пойду дожду рябиновыя ночи, якъ будзець дожджъ, молодня и громъ, и спалю пана!" Тоды набравъ сабѣ подтопы и пошовъ палиць пана,—дождавши рябиновыя ночи. Дойшовъ до пущи и ўвидзѣвъ огонь; и тоды спрятаетца обыйци огонь етый,—спугався—обыйци огонь. Ходзивъ, ходзивъ, усё кружка огня ходзиць,—забывся пуць. Ну, ставъ. Сядзиць коло огня старикъ и гукаець яго: ходзи сюды, коло мяне пуць! Ёнъ пришовъ къ огню и старикъ говориць яму: „чаловѣча, обдумайся, ня йдзи, вярнись, попомнишъ ты мой совѣтъ!" Послухавъ ёнъ старика и вярнувсь. Панъ, бытца-то знавъ, ставъ большую злосць мѣць. Тоды ёнъ дожидаетца рябиновыя ночи: ня ўступлю, спалю пана! Дождавсь и пошовъ. Опяць-жа ў томъ мѣсьци огонь и старикъ. „Ну, думаець,—цяпер жа ўжо дальше займу да обыйду!" Занявъ дальше, обыйци мѣсто тое. Ёнъ и говориць, старикъ: ходзи, я цябе поўчу, якъ палиць пана! Тоды ёнъ ставъ ето слухаць, што ёнъ говориць, и забывъ пуць. „Ну, идзи жъ, говориць, икъ спальни, съ той стороны заджигай, а тоды ко мнѣ забяжи, уцекая!" Вотъ, ёнъ пошовъ и запаливъ. И прибѣжавъ къ старику къ етому. И спугався ёнъ и ня можець ёнъ отдыхаць, такъ заморився бѣгши. Старикъ говориць: „ня бось, ня бось! панъ ужо згорѣвъ! А не послухавъ ты мойго перваго совѣту! Стань ззадзи мяне и поглядзи на праву сторону!" Ёнъ поглядзѣвъ. „Што ты тутъ видавъ?"—Ахъ старичокъ, я тутъ хорошо видзѣвъ: горница привукрасная, посьцеля—и не видавъ я зроду, столъ господській, привукрашанный, и на столѣ напитки разныя. И пцички пяюць—заслухатца; и господзинъ сядзиць за столомъ и чай пьець!..—„Ну, што ето: смотри на лѣву сторону назадъ! Што тамъ увидзишъ?" Ёнъ посмотрѣвъ и увидзѣвъ огонь большій, и ў томъ огни чаловѣкъ сядзиць и гориць, и кричиць рятунку: рятуйця мяне! И ёнъ распосцёръ руки, и нихто яго не рятуець!.. Тоды спрашіець ёнъ у старика: чаму мнѣ тоды не показали етыя чудовины?—А я жъ табѣ говоривъ упервыхъ: поцярьпи, горя прими! Отъ, господзинъ, панъ, сѣвъ, за твоимъ столомъ, а ты попавъ у паньское пекло!..

Городецк. вол. горецк. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова, 80 л.

25. Богъ и малецъ.

Жила сабѣ удова и ў яѐ нѣту никόго—одзинъ сынъ. И такъ ёнъ не загулюетца ни зь дзѣвкамы, ни на кирмаши ня ходзиць, ня скачець, ня пляшець,—яго дзѣвки ня любюць. То-жъ и мацъ яго за гето ня любиць. И тамъ, у коляды, выправила яго: идзи, гуляй!—на йгрища выправила. Ёнъ не хоцѣвъ, али нечаго дзѣлаць, мацери треба послухаць, —узявъ, пошовъ. Пошовъ сабѣ дзяревняй до каршмы. Уво 'днэй хаци гуляюць сяреднія женщины и сяреднія мущины. Тамъ яму показалося такъ дренно, няўдобно,—не спозрѝлася тамъ гульня. Узявъ, оттуль и пошовъ. Идзѐць ёнъ дзяревняй,—гуляюць у другей хаци старухи и старики. Ну, зайшовъ енъ туды,—не показалося ямў й тамъ: дужа дренно, ще дряннѣй, якъ и ў сяреднихъ. Ну, пошовъ ёнъ дальше. Гуляюць дзѣвки и хлопцы, усё холостыя. Зайшовъ енъ туды, и тамъ яму ня ўподобало,—дренно. Мўзыка граéць,—передъ празьникомъ тожа не годзитца. Пошовъ енъ тоды дзяревняй,—сидзяць старики со три на завалины, подъ вокошкомъ,—говорюць хорошія рѣчи. Ну, говорюць яны хорошія говорки, такія понятныя, чистыя, што ямў спозрилося коло ихъ посядзѣць. Вотъ тутъ старики тыя разговарююць: „коли бъ хто, говорицъ, у томъ и томъ номастыри побывавъ—али у Барколабови, али въ Ворши, али ў Мугўлéви,—дыкъ ба Суса Христа повидавъ!“ Отъ, ямў тая говорка ўподобала; обѣщався ёнъ туды сходзиць, поглядзѣць гетаго.

Ну, потомъ того, пришовъ *дома*, мацъ яго спрашіецъ: ци гулявъ? дзѣ гулявъ? Дыкъ ёнъ каецъ: ня бывъ нійдзѣ, ня гулявъ. Дыкъ ина яго обругала, набила: „Якое ты ў мяне нялюдное! Одзинъ, а ни съ кимъ не гуляешъ; ни зъ дзѣвкамы ня водзисься, цябе дзѣвки ня любюць. На кимъ жанитца будзешъ?“ Вѣдомо, баба: дурный розумъ. „Кабъ я цябе ня видзѣла гетакаго дзиця! Одно ты дзиця ў мяне, кабъ цябе й того ня было!..“ Ну, енъ тое на вумъ узявъ, што йна сказала, и пошовъ—уздумавъ на тэй номастырь. Ни хлѣба не ўзявъ зъ дому, ничόго—такъ, якъ стоявъ, такъ и побѣгъ. Тамъ ци была нáпрядка якая, ци не была.

Потомъ того, енъ бѣгъ, бѣгъ—захоцѣвъ ѣсьци. Захоцѣвъ ѣсьци, побѣгъ по кусочкахъ кланятца, хлѣба собирацъ. Собравъ ёнъ тамъ торбочку хлѣба сабѣ, кусочковъ,—бяжиць дорогою. Сустрѣкаецъ яго старикъ. Ёнъ дорогою бяжиць и хлѣбъ ѣсць. Тэй старикъ спрашіецъ: куды йдзешъ, дзицятка, ци дзѣ бывъ? Енъ ямў, расказавъ: такъ и такъ. Расказавъ усё якъ было, сказавъ усю правду.—„Ну, ничого: хорошая дзѣло, коли сходзишъ!“ И пошли ўмѣсьци. Пришли къ рѣчцы. „Сядземъ, каецъ, троху отдыхаемъ!“ „Сѣли яны, и давай тэй хлѣбъ укучи уже ѣсьци яго. Тоды тэй дзѣдъ каецъ: „утъ гетыя будземъ ѣсьци, гетыя будземъ ѣсьци, гетыя будземъ ѣсьци, а ге-

тыя ня будземъ!“ Отобравъ бытцамъ то и чисьцѣйшія, ды не вялиць ѣсьци; а плошѣйшій который, пушнѣйшій,—тэй, каець, будземъ ѣсьци. Ну, тамъ троху укусили. „Гетый хлѣбъ, пушнѣйшій, возьми, каець, у торбочку, а тэй тутъ оставъ!“ Ну, ёнъ тэй забравъ, а тэй покинувъ. И пошли опяць дорогой укучи. Тамъ яны узновъ скольки прошли, тэй старикъ—отдыхнёмъ, говорипь, опяць! Ну, тэй старикъ заснувъ нибытто, а тому хлопцу уздумалось открасьцись, ды тэй хлѣбъ узяць—чисьцѣйшій. Прибѣгаець енъ туды, ажъ тамъ шупуюць нячистыя силы тэй хлѣбъ! Ну, ёнъ тоды, тэй старикъ, пытаетца: ци ходзивъ по тэй хлѣбъ?—Ходзивъ, каець—призвався.—Што жъ тамъ?—А, дзядулька: нячисьцики имъ заўладали! Ну, енъ тоды яму̑ каець: „вотъ жа, каець: которыя табѣ давали куски и бо̀льшія и чистыя, ды скупуючи. А которыя хоць и плошѣйшій и кусочекъ меньшій, ды не шкодуючи, няўговорно,—дыкъ тэй и ѣсь позво̀ляно!“

Ну, тоды жъ тыки яны дойшли у номастырь. Помолилися и узвярнулись назадъ. Идуць *дома* (вм. домой), тоды тэй хлопчикъ: ходзимо къ моёй матцы троху побѣдаць! Ну, ёнъ пошовъ. Тольки ставъ няпругожій, короватый,—нищій ставъ. Ну, яна—матка тая—яго ня ўзлюбила крѣпко, хлопца того: „ты ко мнѣ зъ добрымы людзьмы не заходзишъ! Привёвъ нѣйкаго короватаго, нищаго!“ Хлопчикъ тэй ставъ просиць, ставъ просиць: дай, мамка, намъ обѣдаць! И ўпросивъ яѐ, кабъ ина имъ ковбасу зжарила. Ну, йна зжарила имъ ковбасу и поднесла имъ на столъ. Тая ковбаса обярнулася змяёй и скрупилася—и живая. Гето ли того, што йна дужа скупуючи дала, зъ няпріятносьцю. Ну, яны тоды понялися, съ кимъ гето яны бясѣду вядуць.

„Ну, цяперь, каець на мальца, ходзи ты ко мнѣ!“ И ввёвъ яго такъ у домъ. „Ходзи сабѣ тутъ,—на хлопца на того—вотъ тутъ и садъ, разгулюйся, што хочешъ ѣжъ, тольки не ходзи сюды, у гету ка̀морту!“— Тамъ ка̀морта не запёрта, ничо̀го, тольки лычкомъ завязана. Ну, ёнъ ходзивъ, разгуливався, ну й треба у тўю ка̀морту сходзиць! Отчинивъ енъ тую каморту—ажъ тамъ яго матка у смолѣ кипиць. „Ци видавъ, каець, матчинъ страдъ?“—Видавъ, каець, Господзи, Спасъ милосэрный!.. Ну, такъ яны и разыйшлися.

Любиницк. вол. гор. у. Отъ кр. Андрона Яковлева.

26. Христовъ братъ.

Живъ сабѣ одзинъ мужикъ. Потомъ ёнъ помёръ и приказавъ сыну, кабъ не забывацъ на нищихъ браціявъ. Ну, ёнъ дождався вяликодня, накупивъ яецъ и повёзъ икъ церкви пораздавацъ нищимъ. Дзяливъ, дзяливъ усихъ, тольки одному старенячкому старичку не стало яйца. Хло-

пяцъ етый кажа тогды тому старичку: „ходземъ, дзѣдзенька, ко мнѣ въ вотцовъ домъ и ў насъ, разговѣемсь!“ И поѣхали. Пріѣхали ў дворъ, сѣли за столъ, якъ треба быць, ну матка яго не захоцѣла зь имы обѣдаць. „Я лучь, каа, зъ борзымъ сяду, чимся зъ естымъ старикомъ!“ Такій ёнъ [1]) бывъ коравый, няпругожій. Ну, нечаго дзѣлаць, сынъ тэй побѣдавъ съ старичкомъ удвохъ. Побѣдавши, пошли яны отдыхаць. И ўбачивъ тэй хлопецъ у старика на грудзяхъ хрестъ. Што одзежина на имъ древная, дзиравая, а хрестъ ажъ горицъ, якъ жаръ. Ну, тогды тэй старичокъ кажа на яго: „давай помѣняемся на храсты!“—Нѣ, кажа, дзѣдзенька: у мяне ёсць за што купиць етакій хрестъ, а ў цябе ёнъ усё!—„Нѣ, кажа, давай!“ Ну й замѣнялись. Тогды, отдыхнувши тамъ ци много, ци мало, идзѐ старичокъ прочь, и кажа етому хлопцу, кабъ на тоя вяликодня пришовъ къ яму у госьци. „Кудой жа жъ мнѣ йци къ табѣ, я ня вѣдаю дороги?“—А ты выйдзи зъ двора, ды скажи: богослови, Господзи, пуць дорожку! и табѣ будзя дорога видна!

Ну, дождавшись другого вяликодня, хлопецъ етый такъ и здзѣлавъ. Вышовъ зъ двора, перахрисцився: богослови, Господзи, пуць-дорожку *менѣ!* И увидзѣвъ ёнъ дорожку, высыпанную жовцяпькимъ пясочкомъ, и пошовъ етой дорожкой. Ишо̆въ, ишовъ—стоицъ дзѣвка ля дороги, пераливая съ одного колодзежа да ў другій воду̀. Якъ увидзѣла хлопца етаго: „ахъ, каа, Христовъ братъ! помяни тамъ объ мяне Христу: ци довго мнѣ мучитца?“ Ёнъ ничого ёй не сказавъ, пошовъ дальшъ. Пройшовъ сколькм тамъ, бача—стояцъ старики, подпёрши тынъ—прамо, ажъ мохомъ поросли. Убачили яго, кажуць: Христовъ братъ, помяни тамъ объ насъ Христу: ци довго намъ тутъ мучитца? Ня 'твѣчаючи имъ ничо́го, пошовъ ёнъ дальше. Трохи пройшовъ, и ўбачивъ того старика, што ў яго разговлявсь. Ну, ёнъ упавъ перадъ имъ на ўкбляпцы и поклонився яму. Вѣдомо, увознавъ уже, што ето Господзь. Ну, спрашуя у яго Господзь: „кого ты видзѣвъ?“ —А такъ и такъ, Господзи: видзѣвъ дзѣвку, воду̀ съ одного колодзежа ў другій пераливая, ды стариковъ—тынъ подпираюць. Просили помянуць объ ихъ, Господзи, ци довго имъ такъ мучитца?—„Отъ жа, кажа: дзѣвка, што пераливая воду, на тымъ свѣци молоко продавала и ў молоко воду̀ мѣшала. Ну, якъ вылля ина съ того колодзежа воду̀ у другій, тогды просцитца ёй грѣхъ. А старики, што дзержа́ць тынъ, на тымъ свѣци говорили: абыбъ на етымъ свѣци пожиць, а на тымъ свѣци ты мной хоць тынъ подопри! За тоя яны дзержа́ць тынъ!“

И повёвъ Богъ хлопца у райськую святлицу, и позволивъ яму усюдахъ ходзиць, тольки не позволивъ глядзѣць уво дну хатку. Ну ёнъ ня

[1]) Считаемъ нужнымъ разъ навсегда заявить, что мѣстоим. 3 л. вездѣ слѣдуетъ произносить *ёнъ*; употребляемъ *е* вмѣсто *ё* единственно по недостатку шрифта.

ўцерпивъ и поглядзѣвъ у тую хатку, и убачивъ тамъ свою мацъ, што кипицъ яна у смолѣ кипучай. Заплакавъ ёнъ и пошовъ къ Богу. „Господзи, кажа, Божа, Спасъ милосьцивый! Ослобони, Господзи, мацъ мою!“ Ну, Богъ повялѣвъ яму: „зви вяровку съ койстрички и выцягни яѐ!“— Якъ жа мнѣ, Господзи, вицъ яѐ?—„Ты возьми у жменьку койстры, да скажи: богѳслови Господзи! Яна и будзя витца.“ Ёнъ пошовъ, и стала вяровка витца сама. Вивъ ёнъ сту вяровку три дни, благословившись у Господа, и пошовъ къ пеклу. Закинувъ вяровку и хвацивъ матку за шію. Яна полядзѣла на яго: „ахъ ты, кажа, бо́рзый! Хоцѣвъ мяне ўдавицъ!“ Якъ сказала такъ, вяровка оборвалась, и ўпала яна у смолу, на самое дно. Сынъ заплакавъ и пошовъ къ Богу. Богъ ямў сказавъ: „цяперака ты не яѐ сынъ, а йна не твоя мацъ! Ня плачъ! Не хоцѣла йна помянуцъ и тутъ Христа!..“ А вяровку ёнъ вивъ ня три дни, а три годы.

Довская вол., рог. у. Вар. запис. и въ гом. у.

27. Богъ кумъ.

Жило сабѣ такъ три братья. И ўводнаго пусьцилося, троя рабяцишковъ народзилося. И яны такъ жили хорошо мижда собой, покуля дзѣци подросьли; ну, якъ тольки дзѣци у яго подросьли, яны и подзялилися— што дзѣци объѣдали. Якъ тольки яны яго отдзялили, дакъ ёнъ и збяднѣвъ крэпко: то бывъ бѣдзенъ, а то ще побяднѣвъ. Не́кому работацъ було, а дзѣци дробныя. Прожили яны скольки-тамъ, отдзялившись, и забярэменѣла яго баба. Родзила сына. И ёнъ просивъ бабку, кабъ перабабила—нихто не пошовъ,—затымъ, што енъ бѣдзенъ крэпко. Ну, ина ўзяла, сама перабабила. Тогды ёнъ пошовъ кумовъ просицъ, къ хрaсту выправляцъ. Опяцъ жа нихто не пошовъ, затымъ што бѣдзенъ. По́томъ ёнъ самъ, узяла породзиха рабёшачка, у сповилки сповила, свойму дзѣду на руки отдала,—свой грѣхъ у христову вѣру уве́сьци,—сами мы хресцьяне. Тогды ёнъ понёсъ къ попу ксцицъ. На дорози сустрѣкаецъ яго человѣчекъ ста́ранькій и говорицъ: „Человѣчекъ, человѣчекъ, гово́рицъ: кого ты, говорицъ, нясешъ?“—Свой грѣхъ! гово́рицъ. Родзився у мяне хлопчишка; я, гово́рицъ, самъ хресцьянинъ, дакъ я хочу у христову вѣру увесьци; а я бѣдзенъ, дакъ ко мнѣ нихто не пошовъ: ни бабка, ни кумы—нихто!— „Человѣчекъ, говорицъ: отдай мнѣ свой грѣхъ, што ты нясешъ, я яго понясу икъ попу, у хресцьяньскую вѣру увяду!“ Ёнъ говорицъ: нѣ, моя баба—потому што яна не завѣрицъ, и протчія людзи,—скажуцъ, што мы грѣхъ сотворили, а мы бѣдны, ксцицъ нечимъ, дакъ мы яго у рѣчку ўкинули, утопили,—якъ не принясешъ ногды, сохронь Божа, домовъ. Дакъ скажуцъ, што нечимъ приживитца у ихъ, дакъ мы свой грѣхъ и ўтопили!...

Гэтый дзѣдъ тогды обороцивъ къ яму слово: „Кумянёкъ, говорицъ: я буду ў цябе за кума и возьму твойго рабяцишку и перакщу яго, говорицъ, и домовъ къ вамъ принясу. А потомъ того, за гэто ты молотчина, што— не пошовъ къ табѣ—дакъ ты самъ понёсъ у христову вѣру увесьци, кабъ ня бывъ хресцьянинъ жидомъ!“ Тогды, потомъ того, отдавъ енъ того дзяцёночка и плачецъ. И тэй старикъ яму̀ говдрицъ: „не плачь, говорицъ, кумянёкъ! Я твойго дзяцёнка перакщу и принясу. А йдзи ты домовъ къ своёй баби и скажи ты ёй, кабъ ина у чистую одзёжу перадзѣлась.“ Дакъ ёнъ кажецъ: Господзи, Господзи! не ўво што жъ моёй баби перадзѣтца, тольки одна рубашка на плечахъ! Тогды енъ яму̀ сказуецъ: „идзи къ своёй баби и скажи гэтакъ; нябось, ёсь уво што перадзѣтца, нехай ина полядзицъ у скрыни. Кабъ ина ня была такъ, породзихой. И кабъ усё було прибрано у хаци, и почисьцицъ, подмёсьци,—ня тольки хату, и дворъ. И потомъ идзи ты по ўсёй дзяревни и позови на хрезьбины, ня тольки жъ зъ родни, а й братовъ и не братовъ, усихъ зови; и ня тольки съ своѐ дзяревни, али съ протчихъ и протчихъ дзеравенцовъ,—што пѐбочъ дзяревни —усихъ проси, не глядзи, што нечимъ у цябе честовацъ,—Господзь дасъ. И глядзи, кабъ у цябе усё прибрано було, бо зьѣдзетца къ табѣ людзей и много съ усихъ зъ дзеравень, съ протчихъ!...“ Старичокъ жа пошовъ къ попу рабёшачка кстицъ, а ёнъ пошовъ домовъ. Приходзицъ домовъ и кажецъ баби своёй: бабка, бабка! отъ, говорицъ, я свой грѣхъ отдавъ, говорицъ, человѣчку,—енъ ставъ просицъ. Дай, каецъ, я занясу къ попу перакщу. Яна заплакала: „што жъ дзѣлацъ, говорицъ, коли пашовся кумокъ; енъ нашъ грѣхъ принясёцъ, не захочецъ!“—И сказувавъ ще, кабъ ты у чистую одзёжу перадзѣлася; нехай, каецъ, у скрыни вѐзьмецъ! Пошла ина ў скрыню и узрадовалася ина силно: „што, слава табѣ Господзи,—ня було одзежи у мяне ниякія, а цяперъ Богъ давъ нязвѣстно откуль,—што ёсь у мяне уво што перадзѣтца!“—И ёнъ, каецъ, сказувавъ, кабъ усихъ звацъ на хрезьбины и своихъ и чужихъ, и съ протчихъ дзеравень! Баба кажецъ: дурань ты, каецъ: чимъ жа мы ихъ будземъ честовацъ?—Ну, што жъ дзѣлацъ,— сказавъ! Дакъ енъ якъ побѣгъ звацъ, дакъ и съ своѐ дзяревни позвавъ и съ протчихъ, у повчаса. Потому, ёнъ оттуль думавъ идучи, кабъ людзёмъ собрацъ столовъ, перадковъ, кабъ людзёмъ посядзѣцъ. Прибѣгъ ёнъ домовъ, а́жно, слава Богу, усяго ў доми и стоицъ.

Тогды тыя людзи, кого звавъ, услѣдъ за имъ идуцъ и ѣдуцъ. Хто спытаетца: куды йдзецё?—На хрезьбины ўсё, кы Ивану! И наѣхало повянъ дворъ и хата. А браты стояцъ на вулицы у ворбцяхъ и дзивютца, —куды, кажуцъ, duракъ гэтый зовёцъ стольки народу, што у яго нечаго говорицъ, самому ѣсь, а стольки народу зазвавъ. Чимъ ёнъ ихъ будзецъ

честовацъ? Дакъ браты объ тымъ и дзивютца, и ўзываюць яго дуракомъ. И не пошли на хрезьбины. Тогды ёнъ, тольки жъ пришовъ домовъ, обороцився къ яму старичокъ тэй и принёсъ рабяцишку. „Отъ, говориць, кумокъ: боявся свой грѣхъ мнѣ дацъ, повѣриць, думавъ, каецъ, што я у христову вѣру не ўвяду, да затоплю. Ажно вотъ я, говориць, и принёсъ. Кумка, кумка, каецъ: цяперъ узываетца Иванъ твой сынъ. Дзержавъ яго подъ храстомъ, судзи Божа стояць яму подъ вянцомъ. Цяперъ, говориць, сядзь, кумокъ, ли мяне: выпимъ по стагану горѣлки! А ёнъ говбриць: кумокъ, кумокъ! дзѣ жъ я, говориць, горѣлку буду брацъ, коли я, говориць, бѣдзенъ дужа, нема за што хлѣба купиць, ня тольки, говориць, кумокъ, горѣлки! Дзякуй табѣ, кумокъ, што у хресцьяньскую вѣру хоць увёвъ!... И склонився и ў рукў яму поцалувавъ. А енъ говориць: „кумокъ, идзи, говориць, у свою истопочку, тамъ у истопочцы ёсь у цябе горѣлка!“

Тогды ёнъ пошовъ у яе, у свою истопку—идзёць и думаець: якъ жа я иду по горѣлку, коли я не ставивъ тамъ яе? Увыйшовъ у выстопку, ажно тамъ разныхъ напитковъ,—и пляшки, оприч горѣлки. Тогды ёнъ узявъ одну пляшку и думаець: Господзи, што у мяне ничого ня було, а тутъ столько разнаго, разнаго!.. И спужався, што столько напитковъ у яго стало. И боитца брацъ боли. Увыйшовъ у хату и говбриць: кўмокъ, говбриць: боюсь я, говориць, несьци! Такія, говориць, напитки, што я не бачивъ никбли, и ня було ў мяне. Я принёсъ одну пляшку, не горѣлки, али такъ—ня вѣдаю! Ёнъ, кумъ, говориць: „гэто намъ Господзь давъ, што ты бѣдзенъ,—хай дзивютца твоѐ браты, што яны цябе не поддзержили; што ты бѣдзенъ ставъ, а яны богаты. Дакъ гэто цяперъ табѣ Господзь давъ. Я табѣ сказувавъ, што табѣ Господзь дась усяго! Кумокъ, говориць: няси стаганъ; выпъю я, и куму дамъ, и кумѣ, потому—гэто напитки неўрадзицялныя,—гэто, говориць, Господзь давъ! Тогды говориць: идзи жъ цяперъ, возьми пляшки. Сколько столовъ ёсь, дакъ ты возьми, на столъ по стагану поставъ и по плясцы напитковъ тыхъ поставъ. Потомў людзи уробѣюць, што яны не видали такихъ напитковъ и ў свѣци. Тогды, говориць,—давай людзёмъ, яны ўробѣюць,—нехай ня пўжаютца: гэто напитки не ўрадзицялныя!“ Ёнъ тогды пошовъ, пляшки ўси ўнёсъ и поставивъ на кажйномъ столѣ и стаганъ и пляшку. Якъ тольки поставивъ, Господзь давъ закуску, нема-знаць откуль и съ чаго, и досъ усимъ. Тогды людзи кажуць: „сусѣдзя, сусѣдзя! мы боимся гэтыя напитки пиць, потому мы ня бачили зъ вбтроду такихъ напитковъ! Выпитка ты самъ упѐрадъ!“ Тогды кумъ яго отчинивъ на дворъ вокно и говбриць: кумокъ, пи, нябось, и людзёмъ не ўрадзиць ничого гэто! Тогды ёнъ узявъ, выпивъ самъ—и пиця, говориць, добрыя людзи: мнѣ Господзь давъ. Тогды

яны по стагану якъ выпили и поўпивалиси, и стали пѣсьни піяць. Тогды кумъ яго говорицъ: „сходзи яще, попроси своихъ братовъ: можецъ ли яны ще придуць посядзѣць изъ людзьми. Потому, яны ня йдуць, што ты бѣдзенъ!“ Ёнъ пошовъ позвавъ: браты, браты! ходзиця, говорицъ, не лядзиця на мою бѣдноту: у мяне людзи и пъюць, и ядуць, и пѣсьни пяюць; ходзиця, полядзиця мойго дзива! А яны говоруць: чаму мы пойдземъ, коли у цябе нема ничого, и спрежда ня було и цяперъ немашъ! Тогды ёнъ пошовъ, ждавъ-ждавъ ихъ—нема. А большій братъ говорицъ на свою дочку: „сходзи, дочушка, полядзи, што ў мойго брата, а ў твойго дзядзьки, за пиръ,—потому, енъ дужа бѣдзенъ, и народу зьѣхалося, и гэтакъ дужа ёнъ понапаивавъ, што ажно пѣсьни пяюць. Вѣрно, яны, говорицъ, такъ пяюць: зьѣхалиси, дакъ и пяюць!“ Ня ўвѣрацъ. Тогды тая дочка побѣгла, братняя, и полядзѣла подъ вокно. Ажно людзи пъюць, ядуць, разныя напитки. Тогды яна прибѣгла домовъ и говорицъ: „таточка, таточка, дармо што мы богаты, а ў насъ и вотроду ня було того, што ў нашаго дзядзьки бѣднаго. Хвалимся, што мы богаты: у нашаго жъ, каецъ, дзядзьки народъ сядзицъ за столами и перадъ кажінымъ, усякимъ, человѣкомъ свѣчачка горицъ, а перадъ яго кумомъ, говорицъ, горицъ дзьвѣ!“ Тогды, потомъ того, углѣдзилася дочь, што на дворѣ видно—ношное ўремя, и видно. Ина ўзяла, празъ щелку и полядзѣла. Ажно и на дворѣ само такъ: горицъ перадъ кажіной душой свѣчачка. Тогды браты, потомъ того, жалко имъ стало, и сами сходзили полядзѣли. Тольки жъ того, што посоромилиси ици къ людзёмъ,—полядзѣли, да й домовъ пошли.

Тогды кумъ говорицъ на кума: „кумянёкъ, говорицъ: уже свѣтъ; будземъ мы людзей отправляць домовъ уже. Сходзи ты, кумокъ, на дворъ и склонися людзёмъ—хай ѣдуць домовъ, бо пиру уже ниждонаго нема: хрезьбины уже згуляли. На гэто я васъ просивъ.“ Ну, тэй кумъ сходзивъ на дворъ и склонився людзёмъ, што дзякуй, братцы, што вы на мою бядноту не полядзѣли! Ажно Господзь мнѣ давъ, я й васъ участовавъ. Тогды тыя людзи выяжжаюць отъ яго и дзякуюць: благодаримъ, говоруць, за честованьня! Дзѣ были на хрезьбинахъ, то не пили гэтакихъ напитковъ, якъ у цябе, сусѣдзя!.. Тыя поѣхали у разъѣздъ уси домовъ, остався кумъ тольки исъ кумомъ и съ кумой, и говорицъ: „человѣча, человѣча! живъ ты бѣдно, а цяперъ нарадзився табѣ наслѣдникъ и дась яму щасьця Господзь, и будзецъ табѣ жиць хорошо,—ты на ўсё своё гора и забудзесься! Цяперъ ты, говорицъ, сходзи—якъ яны коло цябе спрежда сміялиси, браты, дакъ сходзи къ братомъ, попроси лубочки!“ Дакъ ёнъ: на што мнѣ, кумянёкъ, лубочка,—у мяне нечаго мѣраць! А ёнъ говорицъ: „у цябе ёсь, говорицъ, у твоёй у выстопочцы, грудокъ грошій, го-

ворицъ, насыпано. Дакъ ты къ имъ сходзи лубочки, перамѣрацъ!“ 'Къ ёнъ пошовъ бывъ, да й вярнувся. Кумокъ, кумокъ, говорицъ: я два разы ходзивъ просицъ ихъ на хрезьбины, яны не послухали; дакъ мнѣ уже совѣсно ходзицъ: яны мнѣ не дадуцъ. А ёсь у мяне три рабяцишки, дакъ я пошлю рабяцишковъ, имъ можа дадуцъ. Тогды кумъ говорицъ: ну, пошли сабѣ своихъ рабяцишковъ! Ёнъ пославъ. Пошли тыя рабяцишки: дзядзьки, говоруцъ: дайця намъ лубочку! А йны пытаютца: на што жъ вамъ, пляменнички, лубочка? А йны говоруцъ: дзядзячки, гроши будземъ мѣрацъ! Пытаютца браты ўже у пляменниковъ: а дзѣ жъ вы ихъ брали? —Мы ня вѣдаемъ, дзядзячки, намъ Богъ давъ! Дакъ енъ имъ лубочку давъ. Яны побѣгли домовъ, понясьли тую лубочку, да стали гроши мѣрацъ. И кумъ говорицъ: позаторкувай у лубочку, скольки ўлѣзецъ, якъ можно, коло обруча, усюдахъ,—табѣ больше застанетца! Тогды перамѣрали; дзѣци узнова понясьли лубочку икъ дзядзькамъ своимъ. Дакъ у ихъ, што зъ лубочкой принясьли, дакъ на вяку̂ столько ня було грошій, а богатыми считалиси.

А тэй кумъ якъ пошовъ, дакъ и пошовъ, большъ не оказувався. А гэтый бѣдный ставъ жицъ съ тымъ добромъ, жицъ довѣку хорошо: што дальше, дакъ ёнъ богацѣецъ. И цяперъ живецъ хорошо дужа.

Д. Шарнево, обчужск. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Степана Петрова. 40 л. негр.

28. Божжая цяпло.

Якъ було два браты. Жили яны ўмѣсьци. У меньшаго брата дзѣци были, а ў большаго ня було дзяцей. Тоды яны ўзяли и пыдзялилиси. Большый братъ кажыцъ: „у цябе дзѣци; я на твоихъ дзяцей усё работаю, а пользы отъ цябе ниякей не маю!“ И давъ яму добра только по чатьверичку. Остався гэтый меньшый братъ одзинъ. И дужо яму було плохо жыцъ безъ старшаго брата! Такъ што, якъ пришовъ вяликій постъ, дыкъ яму и ня было чымъ заговѣцъ: зварили поливки однэй и тымъ заговѣли. Тоды ставъ ёнъ просицъ Бога: Господзи, якъ намъ паражыцъ вяликій постъ, што нема у насъ ані ничого? И такъ зробилося—якъ ёнъ пыпросивъ Бога, Богъ яму такъ давъ, што яны усё спали,—увесь постъ ды святого Вяличка. Тоды прошнувся самъ ходзяинъ, вышовъ на вулицу, полядзицъ и дзивитца: што гэто, каецъ? На первый дзень поста усё идуцъ изъ лубычками, изъ ношычками? И дзивитца: што гэто такое? Приходзицъ у хату и будзицъ жонку. И кажыцъ: што гэто такоя сягони за свято, што ўси идуцъ зъ лубычками, зъ ношычками?—Ня вѣдаю, каецъ жонка. Али жъ, кажыцъ, якъ мы сусимъ пыколѣли. Идзи ты куды-нибудзъ пыпроси цяпла! Ёнъ пошовъ къ большому брату и кажыцъ:

„Здрастуйця вамъ!“—Здоровъ!—„Ци не дали бъ вы мнѣ цяпла троху!“ —Во́ чаловѣкъ: проци Вяличку цяпла не маець; ты за сномъ и свѣту ня видзишъ! А ёнъ усё пыглядаець зъ боку па бокъ и дзивитца, што у яго на столѣ дужо богато. Ну, не давъ яму братъ цяпла и вонъ вывгнывъ. Ёнъ тоды пошовъ къ сусѣду просиць цяпла. Гэтый сусѣдъ кажыць: што жъ ты такъ не назыпасився цяпломъ: сягони Христовъ дзень —цяпла не дають! И не давъ яму. Вышовъ ёнъ на вулицу и глядзиць, —самъ не вѣдыець, што яму дзѣлаць. Полядзиць, ажъ пыдъ ляскомъ цяпелцо гориць. Ёнъ и пошовъ туды. Приходзиць къ цяплу, ажъ тамъ сядзиць старый стыричокъ. „Здрастуй, стыричокъ.“—Здоровъ! Чаго пришовъ ко мнѣ?—„Ды пришовъ я къ табѣ пыпросиць цяпла́!“—Нѣшто жъ ты такъ: и здрастуй кажышъ, и цяпла не маешъ? Сяньни жъ нихто ня кажыць: здрастуй! Сяньни Христовъ дзень, и кажуць: Христосъ воскросъ! —„Ды вотъ, стыричокъ: мнѣ Господзь такъ давъ, што я проспавъ увесь вяликій постъ. А цяперъ у мяне нема ни синь—порыха, ня то што— хату нема чымъ обогрѣць. Ци ня можно бъ, дзядуля, у цябе цяпелца ўзяць?“—Зачымъ, каець, можно! Набяри угольковъ холодныхъ и накидай дома у лубычки, у дзежычки, у засѣчки, пы 'дному угольку. Тоды возьми жаркій вуголь и зытапливый печку и вари, што табѣ ўздумыетца: будзець у цябе усяго. Ёнъ яму подзякувавъ и пошовъ. Приходзиць домовъ, поўкидывавъ пы ўгольку усюдыхъ. Тоды кажыць жонцы: на́ табѣ жаркій вуга́ль, зытопи печку ды пойдземъ у клѣць! Ина зытопила печку и пошла ў клѣць. Приходзюць туды, полядзяць,—ажъ тамъ столъ готовый, получче ще, якъ у брата. Пошли яны дали; полядзяць —ажъ у яго зъ засѣковъ мука сыпитца. А золыта и серабра—не зняcёно! Ёнъ тоды изъ радосьцю побѣгъ къ брату: „брацецъ мой роднянькій! Ты мнѣ не давъ цяпелца,—полядзитку цяперъ, што мнѣ Богъ прислав!“ Тэй тоды каець: „ды ня што жъ ты зы вяликій постъ дзѣлывъ, мусиць ныкравъ!“—Нѣ, каець: мнѣ Богъ такъ давъ. Тоды братъ каець: ну, коли ты такъ разбыгацѣвъ, ходзи пыкажи мнѣ своё быгацьця! И пошли къ яму. Тэй якъ полядзиць, ажъ у яго и золота и серабра такъ много, што ї пераличі́ць няможно. Дужо яго завись зыбрала. Ставъ ёнъ пытатца: дзѣ ты, каець, усяго гэтаго набравъ?—А такъ и такъ, каець: якъ я къ табѣ приходзивъ просиць цяпла́, ты мнѣ ня давъ. Вышовъ я на вулицу и ўбачывъ коло лѣсу цяпелцо, и пошовъ туды. Приходжу, ажъ тамъ сядзиць стыричокъ. Я кажу: здрастуй! А ёнъ каець: цяперъ не кажуць: здрастуй! Сягони Христовъ дзень. Ты проспавъ увесь вяликій постъ и ня вѣдаешъ. И давъ мнѣ угольковъ. На̀, каець, пыложи, дзѣ тольки ёсь у цябе лубычки, ящычки, засѣки. Я такъ и зробивъ. Приходжу послѣ, ажъ тамъ повно усякаго добра́.

Зависъ бярецъ того брата. Вышовъ ёнъ на вулицу, бачыцъ—цяпелцо ще горицъ ли лѣсу; ну, енъ и пошовъ туды. Приходзицъ туды, стыричокъ сядзицъ. „Здрастуй, каецъ, стыричокъ!“—Якій здрастуй? Не здрастуй, а Христосъ воскросъ!—„Я, каецъ, стыричокъ, не знавъ!“—А ча ты ко мнѣ пришовъ?—„Ды хоцѣвъ цяпла попросицъ!“—А полядзитку назадъ,—вунъ у цябе дзѣ цяпло! Пылядзѣвъ ёнъ назадъ,—ажъ яго дворъ горицъ. Ёнъ тоды побѣгъ, тушивъ—тушивъ,—ничого ня здзѣлывъ. Згорѣвъ дворъ чысценько ўвесь. Приходзицъ ёнъ тоды къ меньшаму брату и проситца жицъ, у сусѣдзи. Тэй кажыцъ: „пыгодзи, я сходжу пыпытаюся у стыричка, ци можно цябе ўзяцъ! Пошовъ, зыпытався. Стыричокъ тоды яму кажыцъ: ты, каецъ, яго возьми, ды тольки капъ ты имъ кымандывавъ, а ня ёнъ тобой; а коли ёнъ тобой уродывацъ зачанѐцъ, ты яго выгони! Ёнъ такъ и здзѣлывъ; пусьцивъ яго ў хату. Тоды ёнъ, братъ тэй, поживши тамъ сколькі, ставъ изъ имъ сваритца и битца,—хоцѣвъ имъ уродывацъ. Тэй братъ яго и выгнывъ. Якъ выгнывъ, такъ яго нихто не пусьцивъ у хату. И пошовъ ёнъ ходзицъ по міру, куски собирацъ.

Г. Сѣнно. Отъ мѣщ. Агафьи Бѣляневой, 57 л. неграм.

29. Пётра хлѣбопёкъ.

Живъ сабѣ Пётра, и ёнъ занимався хлѣбопёкомъ. И такую ёнъ злось мѣвъ,—нищихъ не даривъ никдли. И мацъ у яго была такая жъ, што у свой вѣкъ кусьцика цубули не подала, не подарила. Тоды лукавый уцѣшаетца: „вотъ, говбрицъ,—мацъ пряжйла пяцьдзесятъ лѣтъ,—не подала милосьцину никому; тольки ходзивъ Господзь по зямли пяцьдзесятъ лѣтъ, то за пяцьдзесятъ лѣтъ кусьцикъ цубульки подала. Такей и сынъ: никбму милосьцины не подавъ!“ Господзь услыхавъ, што лукавый хвалитца, што не дорицъ, и говорицъ: „пошлю я своихъ двохъ ангаловъ, и милосьцину Пётра подась!“ И стали яны, пришли ангалы, у рубищахъ, предъ вокошкомъ и просюцъ милосьцины: „господзинъ Пётра, подай милосьцину!“—Што жъ вы жалаеця милосьцину,—пяўжли вы ня можеця зарябйцъ сабѣ хлѣбушка?—„Пожалуста, говорюцъ, Пётра, намъ милосьцину!“ Вынимавъ Пётра хлѣбъ съ печки и ўморився. Тоды на посьцелю обрацився и лёгъ на руцѣ у вотдыху. А яны скучаюцъ подъ вокошкомъ: „милосьцины подай! милосьцины!“ Тоды Пётра начавъ дремацъ; узвёвъ вочами, а яны докучаюцъ. „Ахъ вы, якія бродзяги! не даецё отдыху!“ Ну яны усё своё: „пожалуста, Пётра, милосьцину!“ Тоды Пётра усхвацивсь съ посьцели и ўхвацивъ булку хлѣба и кинувъ имъ у вокошко: отступця вы, бродзяги! Яны за тэй хлѣбъ ды къ Богу. Вотъ тоды Го-

сподзь сказавъ: „вотъ, неспрявядливось твоя, лукавый. Во, якъ я сказавъ, такъ милосьцину подавъ!"

Тоды етый Пётра, посли етыя милосьцины, скольки ў яго было добра, усё пораздавъ по нищихъ. И тоды йдзець зимою по городу, прибравшись у шуби. И идзець такій то человѣкъ, пъяница такій, голый и босый. И спрашуець ёнъ, Пётра: „объ чомъ етакъ ня мѣешъ сабѣ одзёжи? Што ты трусисься нагій?"—Господзинъ Пётра: ня мѣю ничого силы, не могу чаго зарябиць. Подарицья мнѣ ету шубу! Ёнъ говориць: „ахъ, моли жъ Бога за мяне!" Узявъ и винотовую шубу отдавъ етому нагому.

Черезъ скольки ўремя идзець коло лавки и видзиць на купцу шубу,—свою. Обышовъ ёнъ и видзиць надпись на шуби свою. „Ахъ, говориць, брацецъ: откуда ета шуба досталася табѣ?"—А вотъ, говориць, такій то пъяница отдавъ за три рубли! Тоды ёнъ отышовъ шаговъ на дзесяцьци на пятнатцаць и обрацився узяць у купца свою шубу. Смотриць—ажъ Спасицель нагій стоиць... Тоды ёнъ обрябѣвъ и подаривъ.

Д. Рекотка, город. вол., чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова, 80 л.

30. Чортъ и пастухъ.

Пасьвивъ пастухъ овечакъ на лугу, и игравъ ёнъ у дуду. А дыяволъ выслухавъ, што ёнъ хорошо йграець, подышовъ ёнъ къ яму. Наўчи ты мяне играць у дуду, а я цябе наўчу письма, и такого письма, што й попомъ будзешъ! Ну, начавъ ёнъ яго учиць у дуду перво йграць. Вотъ ёнъ не понимаетца. И ёнъ яго бивъ много за гето; покуль выўчивъ, дакъ ёнъ яго болно збивъ. А выўчивъ играць хорошо. Цяперь ёнъ яго начавъ учиць письма. Ёнъ яго наўчивъ за 'дзинъ дзень,—не довялося яго яму набиць ни 'днаго разу.

Дождали ўремя зимняго; скотъ зачинили до самыхъ колядъ. Тоды попъ тыѐ парахвіи поѣхавъ къ помѣщику наймаць работниковъ. Ёнъ за имъ, гетый жа самый чортъ, за попомъ; и звёвъ ихъ сваритца и битца съ тымъ. Цяперь панъ подавъ у консыстораю жалобу: „у мяне, говориць, будзя пастухъ попомъ!" Ну вотъ, спросили попа у консысторою, тамъ яго разжаловали, съ поповства долой, расстригли. А пастуха спросили тожа ў консысторою, гету самую. И на то стало, што здзѣлали попомъ гетаго пастуха.

Цяперь яго посадзили на попы, и бывъ ёнъ до Христоваго дня попомъ. На Христовый дзень ставъ ёнъ на 'бѣдьню. Тольки закладаець проскомидзяю, а ёнъ идзець зъ дудою, гетый самый чортъ. „Паладзь, говориць, мнѣ дуду! у мяне вясельля,—треба играць!" Ёнъ яму ўзявъ да

дуду наладзивъ. „Цяперь, говорицъ, зайграй!“—на попа, на 'бѣдьни. Ёнъ не хоцѣвъ играць, дужа не хоцѣвъ. Енъ каецъ: „заиграй, а то и попомъ ня будзешъ, коли не зайграешъ!“ Ёнъ, нечаго дзѣлаць, узявъ и зайгравъ на 'бѣдьни. Вотъ людзи ўсторопилися, ето, што ёнъ заигравъ. Цяперь подали у консыстораю тожа жалобу, што енъ на 'бѣдьни играецъ. Вотъ, яго тамоцьки спросили, отчаго енъ зайгравъ ў дуду? Коли хорошо, говорюцъ, играешъ, дыкъ зайграй тутъ, зайграй, говорюцъ. А чортъ яму даецъ дуду. Дыкъ енъ заигравъ, а дыяволъ подлѣзъ яму, архирею, подъ ноги, дыкъ енъ пошовъ скакаць... И скакали цѣло повдня зъ имъ, покуль и заморивсь. Тоды архирей говорицъ: польно йграць! Ды й дуракъ, говорицъ, хто ето подававъ жалобу на дуду на гету! Гето хорошо. Даць яму дзесятое начальство!—гето благочинство, значитца. Дыкъ яго здзѣлали благочиннымъ, попа того. Цяперь попомъ остався и служиць.

Любиницкая вол. гор. у. Отъ кр. Гапея Яковлева, 55 л., негр.

31. Чужого снопа не бяри...

Живъ сабѣ богатый ходзяинъ, и ў яго було три сыны. И не стало у яго сѣна на коляду. Дыкъ ёнъ купивъ сѣна, ды далёко дворъ. Отъ ёнъ и пославъ сыновъ за сѣномъ. Узяли яны тое сѣно и ѣдуць ныздадъ. И дужа крѣпко яны поѣхыли. Дыкъ одзинъ братъ и звалився. Дыкъ енъ кричавъ, кричавъ, а яны й поѣхыли. Бѣхъ ёнъ, бѣхъ,—и не догнавъ. Лёхъ пытъ копешкой отдыхаць, ажны нѣхто кажецъ: сотниця, возьмиця! Дыкъ енъ ускочивъ и побѣхъ дали. Бяжицъ, бяжицъ, ажны стоицъ пуня. Зайшовъ енъ у тую пуню, и полѣзъ на жито, троху полежаць. Тольки ёнъ лёхъ на снопы, а нѣхто кажецъ: выньця мяне, цѣсно! Ёнъ соскочивъ и побѣхъ дали. Бяжицъ, бяжицъ, ажны стоицъ ёвня. Забѣхъ ёнъ у тую ёвню, ажны пахнецъ горѣлкой. Ставъ ёнъ шукаць и нашовъ горѣлку и латки. Дыкъ енъ горѣлку выпивъ, латки поѣвъ, ды й сѣвъ за кулёмъ. Ажны идзецъ породзиха и бапка. Пришли у тую ёвню, запалила баба лучинку и каецъ на породзиху: выпъемъ ды закусимъ! И идзецъ къ яму горѣлку браць. Тоды енъ выскычивъ и побѣхъ дали. Бѣхъ, бѣхъ—забѣхъ на нѣйкій дворъ и сѣвъ ли дровосѣка. Ажны чуецъ—нѣхто кажецъ: выньця мяне! Ёнъ спужався и побѣхъ дали, и ўскочивъ у сѣни. Ускочивъ гэто ёнъ у сѣни и лёхъ зы водзянкой. Тольки лёхъ, а нѣхто кажецъ: утопився! утопився! утопився! Спужавсь ёнъ и побѣхъ дали. Приходзицъ уво 'дну хату, нема никдго. Чуецъ ёнъ, пахнецъ гусяциный. Отъ ёнъ полѣзъ у печь, доставъ гусяцину ды зъѣвъ, а ны яѐ мѣсто узявъ ды поклавъ лапыцъ. Тоды узлѣзъ на палаци и лёхъ. Ажны приходзицъ дзѣдъ зъ бабый зъ госьцей,—на бясѣдзи нейдзи были. Тоды дзѣдъ кажецъ: „вынимай тку,

баба, што тамъ Богъ давъ. У людзей добро, а дома ще лѣпи!“ Дыкъ баба полѣзла у печь, ажны тамъ лапыць. Тоды дзѣдъ тэй говорицъ: ну, капъ я знавъ хто гэто здзѣлывъ, я пъ яго забивъ! Тоды тэй малецъ скокпу̀въ съ палаць и уцёкъ. А гэто усё дзѣялося ношнымъ уремямъ. Бяжицъ ёнъ, бяжицъ,—стоицъ хатка. Попросився ёнъ туды па нычь, яго пусьцили. Ходзяинъ тэй тоды пытаетца ў яго: идзѣ шъ ты, малецъ, бывъ, и куды ты йдзёшъ?—„Ды вотъ, каецъ, дзядуля: мы ўтроихъ ѣздзили за сѣнымъ, ды я звалився зъ воза. Кричавъ, кричавъ, а йны не почули и поѣхыли. Тоды я пытъ копешкой лёхъ, ажны нѣхто кажецъ: сотниця, возьмиця!“ Дыкъ дзѣтъ кажецъ: Якъ будзеця жацъ, дыкъ не покидайця колоса на ниви, бо яму̀ за то цяшко!—„Тоды я спужався и побѣхъ. Забѣхъ у пуню и полѣзъ на жито. А нѣхто кричицъ: цѣсно, цѣсно!“—А гэто, каецъ, николи не бяри чужого снопа на поли, бо яму̀ цѣсно мижду чужими!—„Тоды я оттуль побѣхъ на дровосѣкъ. Ажны тамъ пѣхто кричицъ: выньця мяне, выньця мяне!“—А гэто, каецъ, коли сячёшъ дровы, николи не покидай топора у колодзи!—„Тоды я зайшовъ у сѣни, ды й сѣвъ подъ дзешкый. А нѣхто кричицъ: утопився, утопився!“—А гэто, кажецъ дзѣдъ,—коли пъёшъ, николи не покидай кварты у дзешцы!...

М. Черея, сѣнн. у. От кр. Якова Радушкевича.

32. Проклятая.

Жили два браты купцы. И ўво днаго была дочка̀. Купецъ тэй помёръ, а дочка осталася свойму дзядзьку па выхуваньня. Якъ вырысла ина большая, дыкъ ина дужо не любила мальцовъ. Хто тольки ни прѝдзецъ къ ёй, дыкъ ина усякому давала згапу. А найна́ча ина не любила тыхъ, што ходзили зъ быродой ци зъ вусами. Расъ нѣякъ, разговорившиси, дзядзька скызавъ ей: а што бъ ты пляменница, робила, кабъ у цябе бырода была? Ина якъ рассерчаецъ на яго: ахъ ты, каецъ, старый дзѣтъ! Я сычасъ прикажу табѣ быроду̀ зголицъ! Тольки ина гэдыкъ скызала, такія словы, ёнъ дужа зыпечалився, зысмуцився, и зыхворѣвъ. И такъ зыхворѣвъ, што и помёръ. Тоды перадъ смерцю ёнъ узявъ и прыклявъ яе: „будзь ты, каецъ, проклята отъ мяне, и будзь ты зъ быродой, и кого ты тольки ни попросишъ, нихто табѣ яе ня зголицъ, а зголицъ табѣ быроду тольки тэй, кого ты просицъ ня будзешъ. И тоды ты будзешъ спасёна!“ Помёръ дзядзька, ина сабѣ й ничого: не гылосила, не скучала. Тольки расъ ина прышипаетца, ашъ у яе бырода, ды икрасъ такая, якъ была у дзядзьки. Ина яе зголила, а ина знова отрысла. И скольки разовъ ни голила, ничого не подзѣлыецъ—усё отрыстаецъ. Тоды яна зъ большого гора, зъ дысады стала никуды не ходзицъ, усё сядзѣла дома, покуль и помёрла. Ну,

штожъ? Якъ была ина прыклятая, дыкъ яѐ земля не принила, и яна усё ходзила ноччу по своимъ доми. И пройшло такъ скольки годовъ.

Расъ одзинъ малецъ, учився цырулниства, пошовъ у свѣтъ отъ хыдзяина, щасьця шукаць. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и зайшовъ енъ у тэй яе домъ на нычь. У тымъ доми живъ яе другій дзядзька. Проситца ёнъ у того дзядзьки на нычь, а енъ каець: „у мяне жонка хвора,—нейдзи нучуваць. Коли хочешъ, ходзи туды, куды завяду цябе!“ Повёвъ яго у яѐ комлаты, и думаець самъ сабѣ: „што зъ имъ будзець? Ци прйдзець ина къ яму̀, ци нѣ?“ Завёвъ яго туды, покинывъ тамъ, а самъ пошовъ нызатъ. Малецъ тэй лёгъ на яѐ посьцели и глядзиць на яѐ полтретъ и думыець: кабъ гэта паненка пришла, ды мнѣ ѣсць принесла! И заснувъ. Тоды, видзиць енъ уво снѣ, што идуць къ яму два лакеи, нясуць по 'днэй свячѣ у рукахъ, и пыставили ны столѣ, а сами пошли. Пóтомъ приходзиць ина сама, шаликомъ обкруцившись, кабъ ня видно було быроды; а за ёй лакеи нясуць усякія напитки и наѣдки. Тоды ина подыходзиць къ яму и зовець яго ѣсць. Ёнъ прошнувсь и каець: спасибо! Сѣли яны за столъ, стали пиць и ѣсць и бясѣдоваць. Увидзѣвъ ёнъ яѐ быроду и говбриць: дбобро бъ булб, кабъ я вамъ быроду̀ знявъ! Ина змовчила. Тоды ёнъ узявъ свою бритву и пыдголивъ ёй быроду. Якъ тольки знявъ ёй быроду, ина здѣлылася спасёна, и отжила. Тоды ина усё чисто яму расказала и пыдарила яму̀ безъ числа много грбшій, и сама пышла зъ дому. Ёнъ лёгъ спаць, а назау̀траго у̀ставъ, узявъ гроши, што ина яму̀ дала, и пошовъ ны базаръ. Тамъ купивъ сабѣ хорошую одзежу и приходзиць къ гэтуму дзядзьку. „Продай мнѣ, господзинъ купецъ, гэтый домъ!“ —Купи, каець. Заплацивъ енъ гроши, пошли яны у̀ тыя комлаты, ашъ ина тамъ сядзиць. Ну, яны тоды поженилиси и стали тамъ жиць. И цяперъ живуць, мёдъ-вино пъюць, по свѣту пускаюць и насъ насычаюць.

Г. Сънно. Отъ кр. Марьи Кучинской.

33. Царь Давыдъ.

Живъ царь Давыдъ у Кіяви. Ишовъ ёнъ у храмъ у воскресный дзень и стрѣцивъ майстра пъяницу,—пъяница идзець и пяець пѣсьни. А царь Давыдъ спрашіець: „што ты, говбриць,—празьникъ большій, а ты пяёшъ?“—Ваша царьства, хто празьнику радъ, той дб свѣту пъянъ!—„А што ты за якій чаловѣкъ находзисься?“—А я, говориць, майсцяръ!—„А якій ты майсцяръ?“—Што ёсь у свѣци, то я могу издзѣлаць!—„А можашъ ты мнѣ издзѣлаць домъ на то̀му свѣци на дзевяносто у̀покоявъ?“ —Могу, ваша вяликое царьство, тольки ци хвациць йимущества?—„А у̀сё, коли я могу обиждатца, то я могу зямлю заставиць прочимъ королямъ.

Але, што жъ ты зъ мяне такъ дорого бярёшъ?"—Ваша вяликое царьство,—височень бязмѣрная ўстроиць.—„Ну, глядзи жъ, каба мнѣ къ воскресному дню, каба я ў свой домъ увыйшовъ!"—Могу. Тольки слухайце мяне, кабъ ни ў чомъ остановки не было!.. Тоды могъ ёнъ продаць три гурты скота рогатаго и лошадзей, и скольки было ў яго хлѣбушка, и скольки чаго,—усё майстру—пъяницы повѣривъ и раздавъ. Тоды, приходзиць ето ужо вяликій постъ, и треба ўзнаць, ци готовъ домъ. И приходзиць до тыя сцепени, што и спрашіець у майстра: „скольки мнѣ ў дому зряботано на томъ свѣци?"—Ваша вяликое царьство, состроянъ увесь, тольки покрыць!—„Цяперь што зъ мяне хочешъ?" говориць царь Давыдъ.—Заставляйця свою зямлю, а домъ покрывайця!—„Добро жъ, я цябе послухаю; каба мнѣ у доми уся дрянажа была: и стульля, и столы, усё царьское ухождзенія, самувары и протчая, и протчая!" Заставивъ зямлю. Ну, цяперь, дождали воскреснаго дня, и говориць царь Давыдъ,—идзёць изъ майстромъ у храмъ Господній и говориць: „што жъ, мой домъ готовъ?"—Готовъ! Вотъ, якъ вы сядзиця ў храми Господнимъ на престоли, такъ и ўсмотриця домъ свой! Такъ ўбачивъ царь Давыдъ свой домъ и ўзрадовався. И ввыйшовъ у свой домъ и ўкрашаетца, што несказанная чудá. Вотъ тоды царь Давыдъ узнявъ скаканья и пѣніе, и радосць и вяселіе. Тоды собравъ протчихъ своихъ королей и ставъ пируваць. Самъ сѣвъ у кресли посерёдъ стóла и переставився, тольки сказавъ: „хала табѣ Божа, што увыйшовъ у свой домъ!..."

Городецк. вол. чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова.

34. Доля.

Живъ сабѣ такъ бѣдный чаловѣкъ. И пошовъ ёнъ у гумно спаць. И гукаець яго Доля: „коли, чаловѣча, коли будзешъ гóря горюваць: ци зъ молодосьци будзешъ глыдаць косьци, ци подъ старосць?" Вышовъ ёнъ съ подосѣтьця и говóриць: „хто мяне ето гукаець, увѣщаець?" А Доля разъ и другій, и третьцій разъ. Тоды ёнъ говóриць: „лучче зъ молодосьци глыдаць косьци, чимся подъ старосць!" Добро. Пошовъ домовъ, гукаець жану, посмотрíць—гумно гориць. Побѣгли гумно ретуваць, посмотряць—дворъ згорѣвъ. Осталѝсь тольки удвоихъ зъ жаной. Тоды што? непрѝчемъ жиць,—пошли у страдъ. Идуць дорогою—ѣдзець панъ. И посмотрѣвъ ёнъ, што жана пригожа. „Што ты, каець: у рубищахъ и обгорѣвши, отчá ты пригожую такую за собою вядзёшъ?" И кажець на кучаря: „злѣзь, прикатай яго бизуномъ!" А жонку уссадзивъ съ собой и повёзъ. Ящô, злѣзши, сапогомъ яму давъ; прикатавъ мужика, бросивъ на дорози. И три лѣты ёнъ страждавъ, той мужикъ. И ободрявсь ёнъ, ня мѣець ёнъ сабѣ

напрядки. И приходзиць ёнъ у сяленія. И тамъ заўдовѣла паня и собираець обѣдъ дли нищихъ. Первый разъ обѣдъ и другій разъ,—ня можець увознаць промижда нищихъ мужа свойго. Тоды у третьцій разъ пригласила обѣдъ дли нищихъ, ици ў храмъ Божій, и даваць свѣчку кажному нищаму, и запалёмши ици ў цэрькву. И такое урочища здзѣлаць: котораго свѣчка на порози погаснець, то мой мужъ! Во тоды, погасла у яго свѣчка, у того, нищаго ў того. Узяли яго забрали. И обробѣвши. Посли обѣдни божъяй и говориць нищій: „господзиновна, што я вамъ виновенъ? Што, мяне наказуваць будзецця, али што?“—А помнишъ ты, якъ мы, погорѣвши, ишли дорогой? И цябе господзинъ наказавъ и отобравъ жану твою отъ цябе? Во, то жъ воспомни, што я твоя жана!... Ну, и стали тамъ жиць. Живуць и пануюць.

Городецк. вол. чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова.

35. Доля пахаря и купца.

Вотъ сабѣ были два браты. Подзялилися яны. Одзинъ дужа богатый бывъ, а другій бѣдный. Богатый мени робиць, да богато живéць. Доля служиць, а бѣдный робиць—робиць, и ничого не маець. Ну, разъ была у богачá толока: жали жито, складали снопы. А бѣдняково стоиць не жато. Назаўтряго бѣднякъ вышовъ на пóля, сцяречь свойго жита, рано, дужа рано, —зарёю. Смотрйць,—ходзиць по богачовой ниви чаловѣкъ то якій, собираець колосься и кладзець у снопы. Енъ подыйшовъ, бѣдный той, да й ухапивъ яго за ковнѐрь: хто ты такій? Ёнъ говориць: я братнія Доля! —А моя дзѣ? Яна говориць: „ляжйць твоя Доля подъ яблонькой у поповымъ садзи, у краснымъ жупани. Коли, говориць, яблочко попадзéць у ротъ, дакъ яна зъѣсць, а не попадзець, дакъ и такъ живѐць!“—А што мнѣ дзѣлаць зъ ёй, говóриць.—„А возьми бизунъ, идзи ў поповъ садъ, споймай яе, да й задай ёй бизуномъ хорошенько. Дакъ яна табѣ скажець, съ чаго жиць!“ Ёнъ узявъ бизунъ, пошовъ. Ляжиць яна подъ яблонькой догоры. Ёнъ подышовъ къ ёй поцихоньку, поймавъ яе, якъ задавъ ёй бизуномъ хорошенько, разы три ци пяць давъ; говóриць: „братнія Доля на ниви ходзиць, колосься собираець, а ты штó?“—Я такъ не хочў!—„А якъ жа ты хочешъ?“ А йна отвѣчаець: я не хочў пáхатой, а хочў заниматца купцомъ! Идзи на торгъ, купи лыкъ хоць на три копѣйки, и пляци лапци,—бýдземъ купчуваць!.. Цяперь поплёвъ енъ тыя лапци. Продавъ лапци,—што отдавъ три копѣйки, то ўзявъ злотъ. Ето Доля помогаець ямў. Цяперь опяць купивъ за злотъ лыкъ; тыя поплёвъ, продавъ за полциньника. Цяперь яна говóриць яму: зряндуй лавку и торгуй-ка вотъ

лутьцямп. Вотъ ёнъ, што купицъ за пятакъ, продасцъ за гривяникъ,—и ставъ богатый, разбогатый купецъ, и цяперь купчуець...

С. Любиничи горецк. у. Отъ кр. Агафона Яковлева.

36. Доля и Злыдни.

Жили сабѣ такъ два братѣ, бóльшій богатый, а мѐньшій бѣдный. Разъ, бѣдный пошовъ ураньни, ще до свѣта, у пóля поглядѣть, ти нява шкоды. Приходя до братскія полосы, чуя—хтось плача. Подыйшовъ ёнъ ближай, приглѣдився, ажъ ето молодая дѣвка, пригожая, зноcя снопы, што кони поразбивали, и складая ихъ у копы. Мужикъ думая сабѣ: „што ето такое? сяньни нядѣля, а яно работая!“ Поткрався къ ёй да за плечи: стой! ты хто такій?—А я твойго брата Доля!—А моя гдѣ Доля?—А твоя Доля у лѣси подъ дубомъ играя ў балабайку. Иди, дакъ и побачишъ яѐ! Пошовъ той мужикъ у лѣсъ, приходя къ дубу, ажъ тамъ сядить голая дѣвка, пригожая—пригожая; сядить да й грая у балабайку. Ёнъ тогды выразавъ ладный дубецъ, да поткрався ззади на цыпочкахъ, да й ну яѐ жарить по спинѣ хлудиной! Отъ, яна заплакала да й кажа: за што ты мяне бъёшъ бязвинно?—А якъ тябе ня бить: братняя Доля снопы нося, работая, а ты гуляяшъ, у балабайку граяшъ, а ня помогаяшъ. Я сусимъ збяднѣвъ. Яна тогды кажа: я ў етымъ дѣли ня винна: твоѐ дѣлы мнѣ няcподрушны. Отъ, коли бъ ты пошовъ къ пану да ўзявъ коршму на 'рэнду, дакъ ты бъ тогды убачивъ; тогды бъ я ня йграла, а табѣ помогала. И ты бъ бувъ богатѣй за брата!

Тогды мужикъ пришовъ домовъ, продавъ хату и ўсё, и пошовъ, зарандовавъ коршму ў пана. Ставъ складать худобу свою на возъ, параѣжжать, бачь,—ажъ чуя, хтось плача подъ печкой у яго ў хати у старой. Ёнъ пытая: хто ето тутъ плача?—А ето мы, твоѐ Злыдни!—Чаго жъ вы плачетя?—А якъ жа жъ намъ ня плакать: кольки годъ ты кормивъ, кукобивъ насъ, а тяперъ покинаяшъ!—Ти богато жъ васъ тутъ?—Богато!—Дакъ што жъ мнѣ зъ вами дѣлати?—А возьми насъ съ собой!—Ну, дóбро! Полѣзайтя ў бочонокъ! Отомкнувъ имъ барылку, яны и полѣзли туды. „Ну, ти ўси улѣзли?“—Уси! Ёнъ тогды узявъ и забивъ шпунтъ. Узявъ тую барылку съ собою да ѣдучи и кинувъ у воду, у рѣчку: „вотъ вамъ, проклятыя! живитя тутъ!“

Параѣхавъ у коршму, и ня боли якъ съ—повгода пройшло, здѣлався ёнъ силно богатъ, куды богатѣй за брата. Дочувся ето бóльшій братъ, што ёнъ ставъ богатѣй за яго: „дай, говора, жонка, поѣдомъ у гости къ брату, поглядимъ, што йто за диво!“ Запрагли коня и поѣхали. Пріяжжаять туды, братъ той радъ крэпко-силно, што хоть-разъ яго братъ къ

яму̀ ў гости пріѣхавъ: посадивъ яго зъ жонкой за столъ, ставъ частовать; подавъ чаю, горылки, мѐду, вина, пива, усяго-ўсякаго, и молока, и масла, и сыру, и ковбасъ и пироговъ. Братъ той дивився-дивився, и говора: скажи мнѣ, пожалуста, якъ ето ты скоро такъ разбогатѣвъ? Той братъ зъ радости, што убачився, расказавъ яму̀ усё чистянько, усю правду. Ну, тогды, попили—поѣли, братъ той распрощався и поѣхавъ.

Ѣдучи по дорози, думая сабѣ: „дай я зновъ напущу яго тыхъ Злыднявъ!" Поѣхавъ къ рѣчцы, доставъ барылку и пытая: хто тутъ? А яны чуть-ня-чуть проговорать: ето мы, Злыдни твойго брата! Отъ ёнъ отбивъ шпунтъ: ну, вылазьтя! кажа. Яны вылазять, косматыя, ня то коты, ня то собаки. „Идитя жъ, кажа, зновъ къ мойму брату!"—Ой, нѣ, чаловѣча, кажать: якъ мы пойдомъ къ яму? Бачь, ёнъ якъ насъ поморивъ. Спасибо табѣ, што ты насъ отратовавъ,—мы лучь къ табѣ пойдомъ, ты чаловѣкъ добрый! И пошли. Дакъ што жъ ты думаяшъ: за повгода зъѣхавъ богачъ такъ, што й кошки у дворѣ не осталось.

Краснобудск. вол. гом. у.

37. Богачъ и Доля.

Колись то давно, якъ у насъ ще лясы були, занимались наши дяды ти прадяды вотчиной. Дакъ разъ одинъ зѐмяцъ, Мартынъ-богатый, пошовъ у лѣсъ, пчолъ своихъ провѣдать. Ну, приходя къ соснѣ, закинувъ плеть, щобъ уже лѣзти, да такъ яму случилось, що ёнъ отъ тыя дровячины отвярнувся на минуту. Тогды, значитца, приходя ёнъ зновъ къ соснѣ, ажъ на яго плети сядить дѣвка голая и колышатца: „якъ бувъ, каа, Мартынъ богатый, такъ и будя! якъ бувъ Мартынъ богатый, такъ и будя!" Лихо яго вѣдая, що яму уроилось у голову̀, тому мужику,—узявъ, отыйшовъ оттуль, выразавъ ладный дубецъ, да поткрався, да якъ вытягня яѐ дубцомъ по голому тѣлу! Дакъ яна заплакала и пошла у лѣсъ. Иде да голося: „якъ бувъ Мартынъ богатый, а тяперака ня будя! няхай своѐ Доли ня бъѐ занапрасно!" Ну, дакъ чаразъ годъ усё Мартыново богатство и знистожилось.

Гом. у.

38. Солдатъ, черти и смерть.

Служивъ солдатъ цару дватцаць пяць годовъ. Наживъ сабѣ грошій за дватцаць пяць годовъ три копѣйки. Узявъ чистую оставку и идзе домовъ. Стракая ёнъ на дорози старичка—ходзяку. „Подари, говора, мяне, служивянькій, радзи Христа, цара нябеснаго!"—Ёсь, говора, ў мяне, убо-

гій, три копѣйки, разви табѣ одну даць? И ўзявъ вынявъ одну копѣйку и давъ яму̀. Ну й пошли, тэй сабѣ, тэй сабѣ. Наконецъ, пройшовъ ёнъ кольки, стракая опяць ходзяку. „Здрастуй, говора, служиванькій!“— Здрастуй, говора, старичокъ!—„Подари, говора, служиваныкій!“—Да, говора: одну отдавъ убогому, осталось двѣ,—разви табѣ одну подаць?— „А подай, коли ласка твоя!“ Ёнъ узявъ вынявъ копѣйку и подавъ яму̀. Ну й узнова, тэй туды, тэй туды. Пройшовъ солдатъ скольки, стракаетца зь имъ опяць у третьцій разъ. „Здрастуй!“ говора.—Здрастуй!—„Подари, говора, радзи Христа нябеснаго!“—Што жъ, говора, двѣ копѣйки отдавъ,—разви третьцію отдаць? На̀ табѣ, говора, и третьцію, А причомъ жа я, говора, останусь жиць? А ёнъ говора: „на̀ табѣ, говора, ка́йсцерочку мою!“ Ну, солдатъ узявъ и пошли яны ўмѣсьци. Ну, и обняла ихъ ночь. Ёнъ говора на солдата: ну, говора, идзи сабѣ, служиванькій, у коршму̀ ночаваць, а я пройду дальше трохи. Ну, тогды гэтый шинкаръ наливая солдату чарку горѣлки и подпашуя. А служивый говора: я табѣ папародъ говору, што грошій у мяне нѣту. Што жъ ты шинель заграбишъ, ци што, мою?—Нѣ, не заграблю. Выпи, говора, румку горѣлки и закуси, я цябе такъ хочу ўгосьцицъ. Назаўтраго солдатъ яще сьпиць, а яму ужо вужинъ стоиць и румка водки. Опяць ёнъ говора: у мяне нема грошій, я ня буду ни пиць, ни ѣсь! А шинкаръ говора: мнѣ твоѐ гроши ня треба, я та́къ хочу цябе угосьцицъ! Ну ёнъ выпивъ, закусивъ, подзякувавъ и пошовъ. Выхо̀дзя зъ дзяревни, сустракая зновъ того старичка дзядульку. И пошли ўмѣсьци. Пройшовъ умѣсьци троху, и стали прощатца. „Ну, каа, служиванькій,—идзи ты сабѣ одзинъ, и добрый пуць табѣ, и на̀ табѣ твоѐ три копѣйки!...“

Тогды ёнъ идзець ля рѣчки, а плаваюць три гусі. Ёнъ говора: ахъ, коли бъ гэтыя гусі да ў мою торбочку! Дыкъ гэтыя гуси потплыли, да ў яго торбу. Тогды енъ пришовъ къ коршмару. „Вотъ, говора: па̀ табѣ одну гусь, урэжъ мнѣ, а другую табѣ подарую, а третьцію на горѣлку!“ Дакъ енъ горѣлку пъѐ и гуся ѣсь, закусуя, и въ вокно смо̀тра. А тамъ бывъ царській дворъ выстроянъ хорошій. Ёнъ говора: а почаму, говора, гэткій домъ *вяликольпный* да пустуець, вокошакъ нема? Гэтый шинкаръ говора: тутъ черци жиць не даюць! Ёнъ говора: пойду ка я къ цару̀, попрошу, кабъ ёнъ позволивъ мнѣ пожиць троху у гэтымъ дворцы! И пошовъ. Ну царъ яму̀ отвящаа: идзи ты, говора, служивый и съ косьцямы и съ шкурой домовъ, коли ты отслуживъ Богу и государу! А ёнъ говора: „якій я служиталь, коли я служивъ вѣрой и правдой, да кабъ я тутъ не пераночававъ! Позвольця, ваша вяликое 'нияраторство!“ Ну, той говора: пераночуй, даю табѣ повную волю! Ёнъ тогды пришовъ у гэтый домъ, кайстрочку па̀ сцяну повѣсивъ, табаку на столѣ

поставивъ, трубку закуривъ, и ходзя по комлаци й покуруя. Якъ стало збиратца туды чарцей, дыкъ и ня здумаць, скольки ихъ туды собралося. „Ты, говоруць, тутъ зачимъ, служивый?“—А вы, говора, тутъ зачимъ? —„Мы, говоруць, тутъ збираемся у карты йграць. Ты можашъ зъ намы играць?“—Могу,—тольки ня ў ваши карты, а ў мое́! Ну, й сѣли. Якъ почали яны играць, дакъ ёнъ ихъ обыйгравъ чисто ўсихъ и кольки було грошій и ў склепи и ўсюдахъ—повыцягнули яму. Наклавъ ёнъ золота кулёвъ повянъ вуго́лъ. Ну тогды ёнъ обыйгравъ ихъ,—стало имъ жалко грошій. Захоцѣли яны здзѣлаць *шкандалъ*,—дратца зь имъ хоцѣли, забиць яго. Тогды ёнъ говора: полѣзяйця ко мнѣ ў торбу! Дыкъ яны туды! Ёнъ узявъ ихъ завязавъ, и повѣсивъ торбу на сцянѣ, на кручокъ. Давъ Богъ дзень, царъ тэй присылая у дворецъ узнаць, ци живъ тэй старикъ, а коли ня живъ, дыкъ косьци приховаць. Тыя слуги приходзюць, смотра́ць—а ёнъ живъ и здоровъ, и ходзя по комлаци, и грошій наклавъ повянъ вуго́лъ, благодариць цара за домъ ужо. Тогды ёнъ собравъ ковалёвъ, понёсъ ихъ у кузьню пераковаць. Дыкъ яны спужалися, давай клястца: „ня по́йдземъ нико́ли сюды, будземъ обходзиць за сто вёрстъ!“ Ну, ёнъ которыхъ поковавъ ды й выпусьцивъ, а кривого чорта завязавъ у торбу и повѣсивъ на кручокъ.

Цяперака ёнъ ожанився и ставъ жиць у томъ доми. И народзився у яго сынъ. Дыкъ ёнъ поживъ скольки-тамъ, да якъ ставъ нездоровъ, ставъ нездоровъ, дыкъ ёнъ уси чисто гроши пролячивъ на дохторовъ. Тогды уздумавъ на кривого чорта. Знявъ, развязавъ: ци знаешъ ты, говора, вотъ уси гроши пролячивъ на сына,—чимъ яго пользоваць?—Твой сынъ, каа, будзя здоровъ, а самъ ты будзешъ дохторомъ. Тольки, говора, пусьци мяне съ цѣпа! И давъ яму́ стаканъ. „На́, табѣ, говора, стаканъ: якъ хворому треба выздоровѣць, дыкъ че́разъ *вода́* пойдзя, а якъ треба ўме́рци, дыкъ нѣ!“ Ну, ёнъ тэй стаканъ узявъ, а чорта пусьцивъ. „Я, кажа, цябе большъ ня буду чапа́ць!“ Ну, тэй и ставъ лячиць.

Лячивъ и князёвъ и грапов, и много вылячувавъ. Ну, и ставъ хворъ царъ. Дохторы лячили, лячили, ня вылячили. Позвали яго. Ну, ёнъ поглядзѣвъ, наливъ воды,—ня йдзѐць че́разъ. „Умрѐць“, кажа. Царъ говора: коли я умру, дыкъ сь цябе голову́ зниму! Дыкъ ёнъ тогды: ахъ, говора: смертушка-матушка, хай царській вѣкъ мнѣ, а мой хай царъ живе! Ну, царъ выздоровѣвъ, а ёнъ захворѣвъ. „Позволь, говора, смертухнаматухна, мнѣ сходзиць исъ сыномъ попрощатца, изъ жаной, на *три чецъверци* минуты. Приходзя домовъ. Лёгъ на лавцы. Приходжуя смерць. Ёнъ торбу гэту узявъ. „А што гэто?“—Торба!—„Полязяй у торбу!“ Дыкъ яна й полѣзла ў торбу. Тогды ёнъ яе́ узявъ, да висо́ко-висо́ко на осину узнёсъ да й повѣсивъ.

А самъ тогды живъ тэй солдатъ бязъ смерци, покуль стрѣла тая старуха, якой ня треба ужо по зе́мли ходзиць. „Служивый, говора: дзѣ ты смерць подзѣвъ? Пусьци, говора, а то мы напрасно труждаемся!" Дыкъ ёнъ полѣзъ доставаць ды й пусьцивъ яе́. Тогды самъ скоро помёръ.

Княжицк. вол., могил. у. Отъ кр. Антона Вадкова.

39. Солдатъ у чорта на служби.

Служивъ солдатъ двадцаць пяць годовъ, бязъ роду, безъ породу— одзинъ душою. И служивъ ёнъ ли царя ли самаго, у гвардзіи. Цяперь яго выпусьцили домовъ. Ёнъ вышовъ за городъ и гово́рицъ: „служивъ Богу и царю, а цяперь, гово́рицъ, идзи хоць икъ чорту!" А ёнъ тутоцьки и стоиць ли яго, ужо и ёсь. „Коли гетакъ, говорицъ, дыкъ ходзи ко мнѣ, послужи семъ годовъ. У мяне, гово́рицъ, будзешъ семъ годовъ и ничого ня будзешъ работаць, тольки будзешъ распоряджаць гроши: мѣдзь и серябро и золото,—будзешъ показуваць, идзѣ ихъ ссыпаць. И ня будзешъ у мяне, говорицъ, бритца, ни стрицца, ни мытца, ни молитца, и коптурёвъ отрѣзаць—ни на рукахъ, ни на ногахъ, ни на чомъ. И будзешъ ты ў мяне позыватца Грапъ Нячосаный. А тоды, говорицъ, я цябе за семъ годовъ ожаню, и здзѣлаю царёмъ; и получу три подарки за цябе, што ожаню!" Отъ, ёнъ и пошовъ къ яму́ служиць на семъ годовъ. Ёнъ яму́ показавъ, идзѣ ссыпаць гроши,—у три пары возюць. Прослуживъ такъ семъ годовъ ёнъ. Цяперяка ёнъ говорицъ, чортъ: „што жъ, Грапъ Нячосаный,—цяперь надо жаниць цябе,—пора!" А енъ кажецъ: якъ хочешъ сабѣ! Ну, енъ пошовъ къ царю ў сваты, самъ, тэй адыяволъ. Сватаць то сватаць, за кого?—За Грапа Нячосанаго, бо́льшую дочку. А Грапа Нячосанаго нема у царьстви. Цяперь енъ пославъ, царь тэй, живописа знящь зъ яго потретъ, якій ёнъ. Живописъ поѣхавъ туды изъ имъ. Показавъ яму Грапа Нячосанаго. Ажъ такого грапа и ў свѣци нема: обрёсъ якъ пёсъ—во́лосы до пояса̂ и боряда и во̂лосы, и коптури довгія. Ну, живописъ зъ яго потретъ знявъ, такій якъ ёсь ёнъ, якъ ляжиць. Привёзъ къ царю, показавъ потретъ той дзѣвцы. Дзѣвка ня йициць замужъ. Тая не пошла, большая, которую засватавъ, а пошла сяредьняя. Цяперь треба ѣхаць на свадзьбу Грапу Нячосаному. Вотъ адыяволъ давъ яму́ одну бутылку выпиць. Ёнъ узявъ выпивъ бутылку. Цяперь гета ўся руда на ёмъ объѣхала,—ставъ чистый. Дае́цъ другую—ставъ молодзецъ—и ў свѣци нема такого: здоровый, чистый, пригожій. Цяперь запрягли лошадзей, уссадзивъ грапа и поѣхали. Пріѣжжаюць на крылецъ на дворъ,—ажъ ня тэй человѣкъ, што живописъ знявъ. Полядзѣли, што ня тэй человѣкъ, енъ узявъ живописа, царь, да й завѣсивъ,—што нявѣрно знявъ по-

третъ. А бо́льшая дочка тая, якъ убачила,—зъ досады пропала. А самъ тоды царь тэй—нема живописа, нема дочки—помёръ и самъ. А ёнъ ихъ ожанивъ и вясельля згулявъ, и ў томъ царстви енъ царёмъ ставъ—Грапъ Нячосаный. А дыяволъ усё-тыки три подарки узявъ: живописа завѣсивъ, дочка зъ досады пропала и царь помёръ.

Любиничская в. гор. у. Отъ кр. Агафона Яковлева.

40. Чортовы загадки.

Ну, такъ жа позычивъ человѣкъ у чорта̀ грошій, и ниякъ ёнъ ня можа зъ яго зыскаць: бѣдный дужо человѣкъ бывъ. Ёнъ къ яму ходзивъ, ходзивъ пѣскульки годовъ,—нема грошій. Цяперь, старшій кажець: идзи загадай яму за́гадку!—самый старшій чортъ. Коли ёнъ отгадаець, дакъ яго гроши, а ня 'тгадаець—дакъ бяри яго сюды, тожа, пропадзёць ёнъ! Цяперь чортъ подышовъ подъ вокно: „человѣча, кажець: а што ўдвухъ?" А человѣкъ отвѣчаець: дорога короцѣй!—„А ўтрёхъ?"—Молоциць ляхчѣй!—„А ўчетырёхъ?" спрашуець енъ у яго. А ёнъ кажець: ня черци бъ у цябе грошій просили, кабъ мы ўчетырёхъ молоцили!.. Тоды чортъ и побѣгъ; потому, мужикъ отгадавъ уси за́гадки. Такъ гроши мужикъ и ня 'тдавъ.

Д. Староселье, любин. вол. гор. у.

41. Чортъ у мужика на служби.

Живъ старикъ съ старухой. И чортъ ихъ зва́дзивъ, зва́дзивъ сваритца, да ня звёвъ. Цяперь жа пошовъ дзѣдъ у лѣсъ съ топорёмъ. И ў яго ничого ня було, тольки торбочка послѣдняя, и ўзявъ у тую торбочку хлѣбца кусочекъ. Пришовъ дзѣдъ у лѣсъ, ставъ дровы сѣчь, а торбочку положивъ на пенячку̀. А чортъ пришовъ и подравъ тую торбочку, усё, кабъ сварилися. Дзѣдъ тэй рубивъ, рубивъ дровы, захоцѣвъ ѣсць. Пошовъ хлѣбца ўкусиць,—а торбочка подряна уся на кусочки, на такія на маленькія. Цяперь ёнъ клопочиць, старикъ тэй,—вотъ, кажець, баба посваритца! Пошовъ старикъ домовъ. Приходзиць къ старуси. „Вотъ, говориць, баба: одна была торбочка, и тую подравъ! Лядзи, кабъ не сварилася!" Баба гово́риць: хварѣй ина, торбочка! Ня буду сваритца: пропадзи ина, кудукомъ возьми! А чортъ стоиць подъ вокномъ, слухаець, ци будзець баба сваритца на дзѣда. Баба не сваритца,—ня звёвъ. Ёнъ пошовъ до старшо́го чорта. Старшій спрашуець: ци звёвъ, говориць. Ёнъ говориць: нѣ; ниякъ няможно звесць! Узявъ старшій зялѣзный прутъ, сѣкъ, сѣкъ чорта! И ссѣкъ прутъ зялѣзный: чаму ня звёвъ сваритца. То-

ды говорицъ на гетаго на чорта старшій: „ступай, яму три годы отработай, што ты ўбытки прознёсъ! И коли порябйшъ усю рябо̂ту, дакъ забярёмъ ихъ, а не порябйшъ, дакъ пропало три годы: будзешъ дурно рябо̂тацъ!" Вотъ енъ пошовъ къ яму̂, къ дзѣду, къ старику къ гетому, и ставъ рябо̂тацъ. И рябивъ усё чисто, якъ ёсцъ. Старикъ ставъ богатый. Ну, работу чортъ кончаецъ, и три годы приходзицъ. „Давай, дзѣдъ, работу̂," говорицъ. А тутъ работы нема. „Ну, говорицъ, я забяру васъ, коли ў васъ работа ўся: мнѣ треба було ўсё подзѣлацъ!"—Топи лазьню, каецъ дзѣдъ: треба помытца у лазьни; тоды забярéшъ насъ! Пошовъ енъ лазьню топицъ. Вытопивъ. Пошли съ старикомъ мытца яны, чортъ тэй. Помылися; пришли домовъ. „Цяперь, каецъ, вядзи мою бабу мый! На̀ табѣ кусокъ мыла и змый зъ яé лапикъ. А ня вымыешъ, дакъ усё твоё пропало!" Вотъ енъ повёвъ яé у лазьню. Мывъ, мывъ у корыци, мывъ, мывъ, а баба каецъ: отмый лапикъ, а то ня пущу! Вотъ ёнъ мыло тое измывъ, увесь брусъ, и ничого ня здзѣлавъ. Тоды кинувъ да й побѣгъ; пропавъ, уцёкъ. А дзѣдъ остався жицъ.

Любин. вол., гор. у. Отъ кр. Ганея Яковлева.

6. Ну вотъ, горѣлку гету выдумавъ тожа нячистая сила.—Повёвъ разъ мужикъ на болото коня пасьвицъ, ды й лёгъ спацъ, ды й перяксцився. Ну, а ихъ жа тожа у болоци много,—не одзинъ ёнъ тамъ. Дакъ малый кажецъ: „я гетаго человѣка укину ў болото!" А старшій каецъ: нѣ, ня ўкинешъ! Тоды енъ пошовъ ды яго подымацъ. Бравъ-бравъ, бравъ-бравъ,—не ўзявъ. „Ну, цяперь, старшій каецъ, ты яму будзешъ три годы служицъ, што поднявся ў болото ўкинуцъ, ды ня ўкинувъ!"

Ну, тэй уставъ, коня забрытавъ, хочецъ ѣхацъ, а ёнъ изъ болота выскакуецъ. „Дзядзька, каецъ: найми мяне!" Енъ каецъ: мнѣ не надо ты; у мяне и кобылёнка одна, мнѣ и дзѣлацъ нечаго: ли чаго ты мнѣ? Дакъ ёнъ къ яму набився насильня. Тоды ёнъ запрёгъ тамъ соху, дыкъ енъ каецъ: идзи сабѣ, дзядзька, у *воръ*, я буду̂ одзинъ работацъ! Ну, тоды почавъ ёнъ работацъ—дыкъ тому мужуку треба бъ нѝвѣсь—сколькн работацъ. А ёнъ узявъ, поднявъ, поднявъ,—што тому мужуку нядзѣлю пришлось бы работацъ. Вядо́мо, ёнъ работаецъ своéй силой. Ну, назаўтряго скородзѝцъ. Ёнъ самъ хоцѣвъ ѣхацъ, а ёнъ: нѣ, говорицъ, я поѣду, дзядзька! Ну, енъ и скородзивъ такъ жа шибко. Штобъ треба тому человѣку сколькн работацъ,—надзѣлю ци двѣ, на 'дной кобылёнки, дакъ енъ за дзень выскородзивъ. Ну, да ё ще у ихъ лядо сѣчь. Говорицъ: пойдземъ, дзядзька, лядо сѣчь! Ёнъ каецъ: „на што намъ лядо? у насъ сѣчъ нечимъ, и мы не ўдзярёмъ!"—Уздзярёмъ, каецъ: найдзёмъ чимъ сѣцъ! Ну, потомъ пошли у лядо: ты сабѣ, каецъ, дзядзька, ня йдзи,—я

одзинъ буду сѣчь! Якъ завинувся, дакъ яно такъ—удругъ. Ну, такъ жа, и драць само, высякши, поѣхали. Дакъ ёнъ якъ завинувся тожа й драць такъ,—магнэтомъ, скоро. Ну, тоды, лядо готово, а сѣиць нечимъ. А коло ихъ сусѣдъ богатый. Дакъ енъ каець: идзи, дзядзька, къ гетому сусѣду да й попроси овса одзинъ чецьверикъ. А тоды я приду забирацъ. Ну, енъ пошовъ; чецьверикъ овса давъ тэй сусѣдъ, выпросивъ у яго. Тоды енъ пошовъ по тэй овесъ, забравъ дзярюги, мяшки,—забравъ увесь овесъ у того богатаго. Ёсь што сѣиць ужо. Поѣхали, засѣили. Зародзивъ тэй овёсъ хорошо. Ну, тэй овёсъ яны помолоцили, спожили,—то ихъ ужо овёсъ. Ну цяперя, нанимаець панъ жней, на гроши; а енъ говориць: „дзядзька, пойду я наймуся. Тольки кабъ плацивъ мнѣ снопами, скольки понесьци. Я на гроши ня буду!" Ну тоды, змовився у пана дзень жаць и ў вечари ношку сноповъ узяць, не на кони, а на сабѣ. Тоды енъ ношку сноповъ набравъ, дакъ усю дзесяцину й забравъ. Ну тоды жъ, пожинавъ ёнъ дзень овса, пожинавъ дзень и жита гетыкъ. И жита дзесяцину забравъ. Куды Нема и приступу до нашаго мужука! Ужо богацѣй за того. Ну, и пашаницы такъ жа и гречки—усякаго добра по дзесяцини узявъ. Ну, тоды молоциць треба горохъ. Отъ, наказуець панъ на дзяревню: приходзиця горохъ молоциць! Ёнъ каець на ходзяина: „пойду я горохъ помолачую у пана? Зароблю што нибўдзь."—Идзи! Ну, енъ змовився горохъ молоциць у пана на четыре гарцы за дзень. Тоды панъ яму усыпавъ четыре гарцы, а ёнъ горохъ увесь забравъ, што намолоцили, и понёсъ.

Ну, назапасили яны хлѣба много,—нѣйдзи имъ и сыпаць ужо. Ну тоды ёнъ: „дзядзька, куды мы будземъ хлѣбъ дзѣвацъ? Будземъ прѐваръ строиць, будземъ горѣлку гнаць!" Выстроивъ енъ прѐваръ, и погнали горѣлку. Якъ перегнали хлѣбъ на горѣлку, кончилося три годы яму̂. Ёнъ узявъ и горѣлку запаливъ. Усё й погорѣло. И остався мужикъ такимъ бѣднымъ, якъ бывъ.

Д. Староселье, любин. в. гор. у. От кр. Андрона Яковлева.

в, Живъ бѣдный человѣкъ, находзящійся такъ при бѣдной дзяревни; такъ што достатковъ у яго ня було ниякихъ, а тольки была одна овца, одна свиньня, кобыла одна и баба. А хлѣбъ не постоянно ў яго бывъ: коли ё, коли нема. Ёнъ дождавъ сабѣ нащотъ природы, шубку пошивъ сабѣ новую, лѣтъ за дватцаць пяць можа. Дождали празьника вясеньскаго, нащотъ Благовѣщиньня. Идуць людзи къ церкви, и яму̂ захоцѣлось. Енъ надзѣвъ ету бѣлую шубу и пошовъ къ церкви. Коло яго людзи уси дзивютца: што дождавъ шубы бѣлыя, што ниразу не ходзивъ къ церкви, а то й къ церкви йдзѐць. Яму и самому было стыдно. Стало черцянку̂ заўростно луччай посьміятца надъ имъ. Вотъ ёнъ ишовъ. Была рѣчка по

дорози, куды у храмъ идуць, и мосту ня було, а кладка. Ёнъ тольки на кладку ставъ ступаць,—черцянókъ и пихнувъ яго у воду у бѣлой шубцы. Енъ вылизъ зъ ряки зъ естыя и ставъ обтрисаць шубу. Ставъ народъ на яго сьміятца; што не ходзивъ пляшивый къ церкви дватцаць пяць годовъ, а пошовъ, дакъ и плѣшъ поцерáвъ! Енъ узявъ со стыда и вярнувся домовъ: некуды ўже къ церкви ици. Народъ знову захохотавъ отъ дзива отъ етаго: што ишовъ, не дойшовъ, и опяць завярнувъ домовъ. Етый черцянокъ уже пошовъ къ свойму чорту на пораду, што скусивъ такого человѣка бѣднаго, што вѣкъ шубы новыя не носивъ, а якъ надзѣвъ, дакъ я и ету укинувъ яго у рѣку. Што народъ нахохотався, и я самъ насьміявся! Етый старый чортъ ня ўзлюбивъ етаго и приказавъ: „зачимъ ты етакаго искушаешъ? Етый, говорицъ, нашихъ рукъ ня прóйдзецъ, у насъ будзецъ. А табѣ треба скусицъ такого, который отъ насъ отвращаетца и отъ мѣста ўдаляетца,—то ба табѣ и награда была. А цяперь дóвжанъ етому бѣдному годъ служицъ. Ступай, отправляйсь!"

Ёнъ пошовъ,—нечаго! слухаць приказанія дóвжанъ. Приходзицъ къ етому бѣдному человѣку, прóситца на ночь. Ёнъ яго пусьцивъ: ночуй, тольки ѣсць нечаго! А ёнъ у яго допрáшіецъ: „я ў цябе буду служицъ!" А ёнъ говорицъ: „на чорта ты мнѣ служицъ,—мнѣ самому нѣчаго ѣсць, ня тольки цябе кормицъ и гроши плацицъ!"—А я такъ у цябе буду служицъ и дзенягъ твоихъ не жалаю!—„Ды што жъ мы будземъ дзѣлаць?" —Нáйдзетца работа! Ўсё 'дно гуляць ня будземъ!.. И оставсь. Давъ Богъ ранья. Енъ узявъ яго кобылу, повёвъ пасьвицъ, и хлѣба ў яго ня просицъ. У вечари, енъ такъ цѣлый дзень патавса ў малцахъ, идзѣ яго рязы, кабъ пахаць. Яны яму показали,—уси бярезникомъ заросли. Привёвъ ёнъ къ вечару кобылу домовъ, а ѣсць тыки опяць ня просицъ. Такъ лёгъ спаць, ня ѣвши. Назаўтряго тэй дзядзька подумавъ, подумавъ, ды й послѣдній кусокъ хлѣба даéцъ. Енъ у яго пытаецъ: што дзядзька, дай мнѣ твой топоръ, я пойду лядо церябицъ и кобылу пасьцицъ! Отъ енъ давъ яму̀ топоръ. Дакъ енъ лядо копавъ цѣлый дзень, и выкопавъ енъ рѣзъ съ конца ў конецъ, зъ вярсту ў довжки, сажаней дзесяць ширинёй. Пріѣхавъ домовъ и хвалитца дзядзьку: а што, дзядзька,—я табѣ одзинъ рѣзъ раскопавъ, а заўтра поѣдземъ драцъ! Ёнъ, дзядзька, возразився на яго и ставъ кричаць: „кабъ черци шкуру твою подрали! на кимъ тутъ драцъ?"—О, дзядзька,—нябось! Уздзярёмъ на етой кобыли усё!—„Ну, коли жъ драцъ, дыкъ драцъ!" Тэй человѣкъ давъ яму соху и самъ пошовъ за имъ. Пришли на тэй пáлядокъ,—дзивитца, што чистое лядо стало, и съ конца ў конецъ. „Запрягай жа соху, дзядзька!"—черцянókъ запиваецъ дзядзькомъ. Запрягли соху. Черцянокъ говорицъ: бярицеся ўси! драцъ, дакъ драцъ! Якъ пошла тая кобыла,—дакъ ня ўпра-

вютца ногъ относиць отъ дзярёнъ! Съ конца ў конецъ проѣхали, оттуль завярнулися,—такъ усю й узорали. „А што, дзядзька! ты казавъ: кабъ цябе черци подрали! Глядзи-тка: во, и ўзодрали. Што, дзядзька, будземъ дзѣлаць? Треба цяперь подъ пáрину приготовиць рѣзъ, а на етомъ овёсъ будземъ сѣиць, а на томъ жито. Дакъ надо ўзодраць и выцерябиць другій рѣзъ!"—А ня вѣдаю: коли занимаесься, дакъ занимайсь: у мяне ня сила ни драць, ни пахаць!—„О, ще, дзядзька! Тольки покажи мнѣ мѣсносць, —я буду драць и пахаць!"

Ну, такъ ето скоро каетца, ня скоро дзѣетца: пришла пора овёсъ сѣиць. Ёнъ говориць: „дзядзька, будземъ овёсъ сѣиць!"—Што жъ, пляменьникъ: коли ўспахавъ, дакъ и сѣй: у мяне нема ничого сѣиць, и на повѣръ нихто не дасць!—„Во, йще, дзядзька! Ты идзи хоць одно овсяное зярно коло зярёнъ у сусѣда возьми: мы засѣимъ,—усё ладно будзець!" Енъ пошовъ гуляць къ сусѣду и выкулупивъ три зѐрня овсяныхъ. Приносиць домовъ. „О, бяри, дзядзька, бяри три мяхи, ды й по зѐрню кидай у кажанъ мѣхъ, ды й кладзи на возъ, и запрягай кобылу и поѣдземъ сѣиць!" Поѣхали сѣиць. Узявъ етый пляменьникъ мяшкѝ, и ў концы гонéй, зъ началу рѣза, мѣхъ узявъ и трихanувъ, и кажець: сѣйця ўси! И посярёдъ рѣза мѣхъ опяць трихanувъ и кажець: сѣйця ўси! И посѣяли ўсё. Дзядзька отправився домовъ, а ёнъ ставъ мѣшаць и пахаць,— сохой мѣшаець, а бороной пашець. Такъ ёнъ за дзень усё успахавъ и ўзмяшавъ. Пріѣжжаець домовъ и говориць: во, дзядзька! ты казавъ, што не ўспашу, не ўздзяру! Ажъ во, успахали, ўзмяшали и ладно будзець, —засѣили! Пошовъ тэй дзядзька полядзѣвъ,—хорошо ўспахано, Ну й ладно. Усходзиць овёсъ,—съ трёхъ зярёнъ цѣлый рѣзъ, и отлишно ўсходзиць. Енъ ставъ узновъ яму̀ казаць: „што, дзядзька! покажи рѣзъ тэй, идзѣ лядо выкопаць, выцерябиць и ўспахаць,—жито сѣиць къ восяни!" Енъ яму показавъ. Енъ пошовъ назаўтраго копаць. За 'дзинъ дзень такъ само и ўскопавъ рѣзъ етый, такій самый, якъ тэй. Дождали восяни; зняли овёсъ! Уси дзивютца: откуль у яго такій овёсъ хорошій? Стали завидуваць: „што ето, прахъ яго вѣдаець? Што одна кобыла худая, и ўспахавъ етакое лядо? И идзѣ набравъ енъ сѣмя и засѣявъ, и выросло хорошо?" Давай етаго малца отмовляць отъ яго,—завидуюць, што ў яго етакая ярь. „Ты у яго не служи,—ёнъ бѣдный, у яго ѣсць нѣчаго!"—А мнѣ, каець, хорошо. Я замѣчаю, што ёнъ человѣкъ хорошій! Ну, собрали ярь тую и ў гу̀мно звязьли. Цяперь, поѣхали опяць жито сѣиць. И жито тожа, тремя зернями засѣяли рѣзъ; у трёхъ мяхо̀хъ тожа вязьли. Жито тое стало усходзиць, якъ на гной,—дужо пріятно усхо̀дзиць. Стали яны задумчиваць—увобралися, овёсъ звязьли, ну й начали молоциць цяперь. Помолоцили, и што продали, што обмѣняли на

хлѣбъ, на жито овёсъ, што й сабѣ оставили на сѣмяны и тамъ мало на што ~~тамъ у~~ ходзяйствянный расходъ. Пляменьникъ кажець: што жъ, дзядзька! треба хату вырубиць: хата крѣпко стара! Енъ кажець: идзѣ-жъ мы вырубимъ? Намъ панъ не даець сѣчь!—О, дзядзька, идзи-ка попроси! Дасць панъ, якъ жа ёнъ не дасць! Ёнъ пошовъ къ пану, дзядзька, просиць хату. Такъ яму панъ и давъ. Пошли яны вырубляць лѣсъ, дзядзька съ пляменьпикомъ. И сказавъ пляменьникъ на дзядзьку: ты жъ не кажи: Господзи Божа, богослови! а дай я начану перша сѣчь!—Ну й сячи, кажець. Ну, ёнъ цяперь узявъ и сяканувъ топоромъ, и говориць: сячиця ўси! Такъ и начавъ лѣсъ и сѣчца и отсѣкатца и ў грудъ качатца. Ну, отсѣкши хату тую, пошли домовъ. Дзядзька етый думаець: якъ хату ету перявезьць,—кобылёнка одна!—О, дзядзька! боисься ты! на тэй кобыли хаты не перявезьць? Перевязёмъ! Поѣдземъ! Узяли, запрягли кобылу и поѣхали по хату. Пріѣхали ў лѣсъ. Дзядзька говориць: „ну, якъ жа мы? Одно бярно, и того не повязёць!"—О, дзядзька! Яна ўсю привязець заразъ!—„Якъ жа ўсю? Якъ жа класць на сани ўсю?"—А вотъ, увидзишъ, говориць: ускладзёмъ! Ну, поперякъ саней два бярны поклали, и пляменьникъ кажець: „ну што жъ? кладзиця ўси!" Ци одзинъ жа ёнъ будзець ирватца? Такъ и начало бярвеньня само кацитца и складатца на сани, щитно усё, такъ якъ и надо. Запрягли кобылу. И пляменьникъ кажець: ну, што, дзядзька: повязёмъ, ускладли! Ну, што жъ, везьць—вязиця ўси, а ты, дзядзька бяри кобылу за поводъ, вядзи! Дзядзька ўзявъ кобылу за поводъ и повёвъ. Такъ, ажъ гремиць хата ета! ня ўправитца кобыла ногъ относиць,—тащитца. Ѣдуць яны! Выѣхали зъ лѣсу на поля. Тамъ бывъ шляхъ уѣзный—зъ города ў городъ. Ѣхавъ нѣйкій господзинъ на тройцы лошадзей и спрашіець: здрастуйця, мужуки! Остановивъ коніи своихъ, хочець допросиць у ихъ, што ето такое: одна кобыла усю хату вязець? „Што, мужуки, я хоцѣвъ васъ распросиць: якъ ето вы? Одна кобыла увесь грудъ лѣсу вязёць?"—Што жъ, у насъ другія нема; а ето намъ зъ-естульки лѣсу надо було на 'дну хату!—„Дакъ якъ жа: на хату, да на 'дну кобылу? У мяне во тройка, ды яны не повязуць етаго лѣсу!"—А ваши такія кони ня крѣпкія. Намъ ета и двѣ, то бъ вязла, али й три хаты коли, то бъ и три вязла! Етый панъ и говориць: ну, што: ци не продали бъ вы мнѣ етыя кобылы, што дужо крѣпкая? Ёнъ, пляменьникъ, на дзядзьку говориць: продавай, ёнъ купиць! —Што жъ ба вы, панъ, намъ дали?—„Да я ня вѣдаю, што вы хоциця?" —Вотъ мы хоцимъ: твоихъ тройку лошадзей давай и триста рублей придапыхъ; тоды мы помѣняемъ! Узявъ етый панъ согласився. Триста рублей имъ отдавъ и тройку коній. Яны ўзяли, запрягли тройку коній подъ бярвеньня, а етый кучаръ кобылу ў возокъ. Ета кобыла нѣшто хвостомъ

круцицъ,—возка везьци ня мусицъ. „Што ето йна?“—А ето йна не привыкла, у возку не привыкла, дыкъ ина хвостомъ круцицъ. Повязецъ, ажъ поляцицъ,—отвѣчаецъ пляменьникъ. Можа, вашъ хвалеторъ не такъ запрёгъ и ня ўмѣецъ правицъ? Пришовъ и сказавъ: вязиця ўси! Такъ кобыла якъ скипѣла, и поляцѣла. А яны съ тройкой, зъ естыми лошадзями, домой; хату привязьли и триста рублей у ихъ.

Ну, скоро сказка кажетца, ды ня скоро дзѣло дзѣетца. Недалёко й годъ ужо яго. Ёнъ усё спрашіецъ ў дзядзьки, што вотъ, отправъ мяне: я ўжо годъ кончивъ! А енъ говорицъ: я не знаю: я цябе не наймавъ и отправляцъ не буду. Хочешъ живи, хочешъ идзи! Ну, узнова: „Ты мяне, дзядзька, отправъ!“ Ёнъ узновъ отвѣчаецъ: я цябе не наймавъ. Хочешъ живи, хочешъ идзи! Ёнъ узновъ за третьцимъ разомъ спрашіецъ: дзядзька, отправъ мяне! Тэй дзядзька рассердзився и сказавъ: идзи ты отъ мяне къ чорту! Такъ ёнъ тоды ўзявъ и пошовъ захохочà,—годъ ужо отбывъ, отслуживъ. А тэй человѣкъ ставъ одзинъ жицъ да поживацъ, да добра наживацъ: слава Богу, што цяперь могу процянуцъ нóгу.

С. Сватошица, гор. у. Отъ кр. Ларіона Васильева, 42 л. неграм.

г, Живъ сабѣ уво 'дномъ сялѣ чаловѣкъ бѣдный, и у яго усяé худóбы було—тольки воликъ худзенькій. Во. Здзѣлавъ ёнъ соху, усклавъ на колёсы и поѣхавъ у пóля. Ѣхавъ, ѣхавъ пріяжжаа къ гразливцы. Во. Сядзицъ тамъ два чарты, и яны, бачуцъ, што мужикъ ѣдзя, одзинъ зъ другимъ закладаютца. Одзинъ кажа: што етый воликъ не перавязé етыя грази! А другій кажа: нѣ, перавязе!—Ну, коли перавязе, дакъ я буду служицъ годъ яму, а коли не перавязе, дакъ ты!—Ну, добро! Якъ тольки чаловѣкъ тэй уѣхавъ у гразь, такъ енъ узявъ ззаду за кóлясы и дзержацъ ставъ. Тэй чаловѣкъ вола ставъ погоняцъ, погонявъ, погонявъ, и вывязъ—тыки изъ грази своè колёсы. Другій чортъ говора: ну, идзи цяперъ годъ служи яму! Во.

Тэй чаловѣкъ выяхавъ у поля, отпрогъ вола того, самъ лёгъ подъ колёсы и вола пусьцивъ на пашу. Такъ тэй чортъ, што треба було йци служицъ, скинувся хлóпцомъ и приходзя къ колёсамъ. Здраствій, чаловѣча! Найми мяне ў паробки! А енъ говора: а, мнѣ самому дзѣлацъ нечаго! А чортъ говора: я, кажа, хоць и дармà годъ буду служицъ! А чаловѣкъ тэй говора: коли дармà, дакъ будзь сабѣ! Во. Ну, тогды чортъ кажа: идзи сабѣ, дзядзька, домовъ, а я буду пахацъ! Тэй и пошовъ. А ёнъ лямавъ-лямавъ подъ колёсамы до ночи, а тогды нóччи ўзявъ соху и ўспахавъ полоску туу на сабѣ. Тогды жъ назаўтраго днёмъ и лёгъ сабѣ подъ колёсы. Ходзяинъ яго принося яму обѣдацъ. Чортъ, по'бѣдавши, кажа яму: отъ жа жъ, каа, дзядзька, покажи мнѣ полоски своè, скольки ў

цябе полосокъ няпаханыхъ?—Ну, ходзимъ! Отъ, ёнъ узявъ яго повёвъ и показавъ уси полоски. Самъ жа ходзяинъ пошовъ домовъ, а чортъ тэй, ночи дождавши, узявъ соху и попахавъ за ночь уси тыя полоски. Назаўтраго зновъ принося ходзяинъ тэй обѣдаць, а чортъ и хвалитца: попахавъ, каа, я ўси тыя полоски, што ты мнѣ показувавъ. Цяперъ ходзяинъ кажа: попахавъ ты, дакъ цяперъ хоць погуляй,—дзѣлаць боляй нечаго! А енъ говора ходзяину: нѣ, ходзяинъ, я ня хочу гуляць, а завядзитка ты лядо копаць! Ну, ходзяинъ повёвъ яго показаваць лядо. Чортъ тэй, дождавшись ночи, гукнувъ своихъ товаришовъ. Дакъ яны якъ стали лядо тое пратаць, дакъ за ночь дзесяцины двѣ выпратали! Назаўтраго ходзяинъ изнова принося обѣдаць яму, и ня здзивитца, што ёнъ здзѣлавъ тамъ за ночь. „Добро то, добро, да што мы будземъ сѣяць, у мяне ничого нема?"—А што намъ сѣяць, дзядзь,—посѣямъ проса! Ну, ходзяинъ тамъ—сямъ доставъ тамъ сколькинёбудзь проса, и засѣяли. И уродзилося тое проса добрачаа. Ну, жжали яго, перавязьли и перамолоцили. И етымъ уремямъ кончився годъ чортовой службы. Пáтомъ чортъ говорицъ: ну, панидзядзька, я табѣ служивъ годъ вѣрно и дармà, послужи ты мнѣ одну ночь! Ну, ходзяинъ кажа: чаму!—Ходзи жъ, каа, со мной! Яны пошли. Повёвъ ёнъ къ церкви, отчинивъ двери и кажа: идзи ты ў церкву, возьми ты рызу и кадзило! Тэй чаловѣкъ пошовъ у церкву, узявъ рызу и кадзило, и приносяя яму. Ну, каа, ходзимъ цяперъ со мной знова! Вышли яны ў поля, дзѣ крыжовая дорога, чортъ тэй кажа на чаловѣка на того: отступимось тройча назадъ! Ободва ето отступились назадъ и опынулись на томъ свѣци, у пекли. Тутъ сяродъ пекла стоицъ стовпъ и на стовпу сядзицъ тамъ главный чортъ и зацѣваецъ другимъ чарцямъ: которому дровы возиць, которому смолу, которому што. Цяперака етый самый чортъ, што служивъ, кажа чаловѣку тому: надзявай, каа, рызу, и возьми кадзильницу, и ўкинь ты ладуну поболи, да кружка стовпа ходзи и кадзи! Во. Цяперъ енъ надзѣвъ рызу, узявъ кадзило и ставъ кружка стовпа ладуномъ кадзиць. Чорту на стовпѣ стало дренно отъ дыму, отъ ладуну, и ёнъ рынувся съ стовпа. Тогды етый чортъ ускочивъ на стовпъ и ставъ зацѣваць надъ усимъ пекломъ. И крычицъ енъ на някелныхъ слугъ: эй вы! насыпця три возы грошай и посодзьця етаго мужука на возъ и отвязиця усё яму у дворъ. Во. Ну, яны насыпали три возы, посадзили яго и отвязьли домовъ. Съ тыхъ поръ мужикъ тэй разбогацѣвъ и живе богато съ тымы грошмы.

Д. Колбовка, столбун. вол. рогач. у. Отъ кр. Петра Онисимова, 60 л., негр. запис. въ моемъ присутствіи, г. Цыбулькинъ.

д, Бывъ сабѣ Сидоръ, да такій змирный,—никому ёнъ зла не творивъ.

И одолила яго бѣдносць, дзѣци,—ня могъ ёнъ сабѣ хлѣбушка спороминць. И работавъ ёнъ на поли, и осталося у яго хлѣбушка съ хунцикъ. Бо́ляй не было ў яго хлѣба, якъ съ хунцикъ. Дождавъ ёнъ до пятаго часу ня ѣвши, до полядьни: тоды ужо, думаець, покушаю ды й спаць буду! А лукавый прихитрився ды хлѣбушка ўворовавъ. Тоды ёнъ оплакався и гово́рипь: няўжли я одзинъ такій на свѣци, што хлѣбушка не маю? Вѣрно ещѐ на свѣци такій жа голодный ёсць, якъ я! Идзѐць зъ работы, съ поля,—плачець, нечаго поѣсць. Пришовъ къ дзяцёмъ, и дзѣци просюць поѣсць. „Дзѣтушки моѐ, што жъ я вамъ дамъ, коли я горькамы слязмы плачу,—нечаго поѣсць?" И ставъ дзяцёмъ говорипь: „дзѣтушки моѐ, молиця Бога,—можа Господзь дасць намъ поѣсць!" Господзь и кажець лу̀кавому: „отчаго ты огорьчивъ Сидоря?"—А оттого я огорьчивъ, кабъ ёнъ мяне ругавъ! ёнъ мяне не ругавъ ниякимы словамы! Тоды Господзь говорипь лукавому: „лядзи, каба ты яго ублаготворивъ,—што ёнъ цябе не ставъ ругаць, а ставъ Бога просипь! Служи яму годъ, етому Сидорю, за етый хлѣбъ, што ты ўкравъ у яго. Возьми яму̀ ляды распахай и хлѣбушка насѣй!" Вотъ тоды лукавый могъ ето здзѣлаць. Распрятавъ ляды и хлѣбушка насѣивъ, што ёнъ не могъ яго нійдзѣ помясьципь,—такъ хлѣбушка богато было́. Тоды отслуживъ ёнъ годъ и нанявся служипь и другое лѣто. Тоды гово́рипь Сидоръ: што жъ мы зъ естымъ хлѣбомъ будземъ дзѣлаць?—Ека ты чудный, Сидоръ! Што съ хлѣбомъ дзѣлаць? А будземъ каець, горѣлку гнаць ды пируваць, ды кумовъ наживаць, ды одзинъ одному бороды драць, напившися. Во̀ што будземъ дзѣлаць!..

Городецкая вол. чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова, 80 л.

42. Микола и попъ.

Ишовъ разъ сабѣ такъ Микола чудотворацъ дорогой, и пёсъ съ собой про́сьвиръ и чецьверць про̀сьвиры. И стрѣлися яны съ попомъ. Поздоровкалися.'„Здрасцьви!"—Здрасцьви!—„Ну, гово́рипь, пойдземъ умѣсьци!" —Ну, по́йдземъ! Ишли скольки яны умѣсьци, наконецъ того захоцѣли ѣсьць. Сѣли на дорози и стали ѣсьць. Ѣли, ѣли удвоихъ ету чецьверць, —ящо побольше осталось, якъ зъѣли. Гэтый попъ тогды, узявъ у яго да гэту про́сьвиру цѣлную и ўкравъ, якъ Микола спавъ. Уставъ Микола и говора: бацюшка, ци ня ты гэто у мяне про́сьвиру узявъ? А тэй кажа: нѣ! Тогды пошли дорогой, опяць жа умѣсьци,—найшли гроши. Дыкъ яны сѣли и начали ихъ дзялипь. Дыкъ Микола раскладая ихъ на три груды. Ёнъ пытая, попъ тэй: „кому ты раскла́дуешъ на три груды? Гэто мнѣ, гэто табѣ, а гэто кому?" А ёнъ'кажа: а гэто тому, хто про̀сьвиръ укравъ! А енъ говора: я!—Ну, коли жъ ты,—давай мою просьвиру,

бяри ты ўси гроши! И отдавъ яму ўси гроши. И тогды яны раздзялилися. Гэтый попъ тогды ишовъ, ишовъ одзинъ, нѣскульки урема йшовъ,—мацъ ёнъ у кишень,—áжно грóшій ни одной копѣйки нема! „Ахъ, говорицъ, жалко што просьвіру отдавъ! Приходзитца по ковалкахъ страмствувацъ.

С. Бракова могил. у. Отъ кр. Антона Вадкова.

6, Живъ сабѣ у кіявськой губэрни одзинъ попъ. Тоды прижывъ до послѣдку, што ўжо не начимъ и обѣдни было служицъ. Тоды: „матушка, говорицъ: испячи мнѣ хлѣбъ у черяпочку, испячи три булочки по кулачочку,—пойду ў свѣтъ!" Сустрѣкаецъ яго Микола. „Куды, каецъ, бацюшка, йдзѐшъ?"—Пойду ў свѣтъ! Ну, пошли умѣсьци. Стали отдыхацъ. Дакъ Микола заснувъ, а ёнъ одзинъ хлѣбъ изъѣвъ. Пришли яны тоды къ ряцѣ, стали переходзицъ. Микола перяйшовъ, а бацюшка съ кладки звалився, да ўтопитца хоцѣвъ. „Што жъ, кажецъ, бацюшка,—ци три хлѣбцы?" А ёнъ кажецъ: два! Тоды Микола яго выцинувъ и пошли опяцъ. Зайшли къ хресцьянину. Дакъ Микола за печку лёгъ, а бацюшка на кутѣ, кабъ яго узбудзили, якъ яны будуцъ полудновацъ. А яны зъ лѣсу пріѣхали ды й говорюцъ: што яго беспокоицъ, отставимъ столъ да пополуднуемъ; а енъ нехай сабѣ спицъ. Тоды Микола яго узбудзивъ, и пошли опяцъ. Приходзюцъ къ городу. Тоды спрашуюцъ у ихъ: што за людзи? А Микола говорицъ: „мы такіе людзи, што здзѣлаемъ съ худого доброе!" А тамъ у воднаго купца барышня была бóльная. Вотъ яны и завяли ихъ, кабъ вылячили. Зайшли. Тоды Микола спросивъ ножъ, столъ,—порѣзавъ яе и перямывъ. Тоды дунувъ—ина и зжилась; другій разъ дунувъ, дакъ ина и отжилась соўсимъ. Гроши имъ дали много. Тоды яны гроши подзялили, и по 'собо пошли,—бацюшка ўжо научився самъ лячицъ. Пошовъ ёнъ ужо самъ собою, и ўслышавъ, што бóльная ёсь. Вотъ ёнъ занявся ёй лячицъ: яму здали. Ёнъ яе порѣзавъ, перямывъ: поклавъ на стóлъ; дунувъ—ня зживаетца. Ёнъ больше дуцъ—ня зживаетца. Дакъ енъ улѣзъ у печь, да й сядзицъ тамъ. Тоды ураньни узяли яго подъ судъ. Осудзили на вѝсѣльницу яго. Микола приходзицъ ужо, якъ яму на шію пятлю наклали, и спрашуецъ: бацюшка, ци три хлѣбцы? А ёнъ говóрицъ: нѣ, два! Тоды Микола сказавъ ослобоницъ яго. Тоды гету барышню опяцъ отжививъ Микола. Дали имъ грошій—скольки понесцъ! Тоды яны вышли за городъ и стали дзялицъ. Рассыпали на три кучки: Вотъ бацюшка спрашуецъ у Миколы: кому гетыя гроши? А ёнъ отвѣщаецъ: „гето табѣ кучка, а гето мнѣ."—А гета, третьцяя, кому?—„А гето тому, хто третьцій хлѣбецъ зъѣвъ!"—Я, кажецъ, зъѣвъ!—„Ну, табѣ ўси гроши, коли ты зъѣвъ!" Уси яму̀ три кучки отдавъ. А самъ пошовъ. Попъ ссыпавъ у мяшокъ ихъ, прицянувъ у канаву, хоцѣвъ узняцъ,—ня

можно ихъ узняць. Отъ ёнъ самъ улѣзъ у канаву, хоцѣвъ мѣхъ гетый на плечи; а мѣхъ черезъ головў, ускацився на головў и задавивъ яго.

Городищен. вол. гор. у. Отъ кр. Захара Романова, 42 л. негр.

в, Уво дномъ сялѣ бывъ на приходзи попъ. Вотъ бывъ престолъ Миколаевській. Пришовъ дзень ангела Миколаевській. Попъ ставъ обѣдню правиць, и не однаго человѣка не было. Правивши обѣдню, да й ударивъ попъ хрястомъ Миколая: якій жа вы святый Миколай, што не было ня 'днаго человѣка на вашъ дзень у церкви? Тоды, обѣдню отправивши, вороцився домой. Вотъ ёнъ пришовъ домой, побѣдавъ и отправився ў свѣтъ. Сустрѣкаетца ямў нищій на дороги. „Куды, говориць, бацюшка, идзецё вы?“ —Иду ў бѣлый свѣтъ! Ну, пошли ўмѣсьци. Пошли ўмѣсьци, и захоцѣли яны ѣсць. И стоиць сперядзи, побочь дороги, криница. Попъ да на нищаго говориць: идзиця, да водзички зачарепниця! А нищій говориць: бацюшка, а якъ ба вы потрудзились? А попъ ставъ убядзително просиць нищаго. Нищій пошовъ и принёсъ. Якъ пошовъ нищій по водў, то положивъ три просьвирочки своихъ ззадзи ў попа. У етое ўремя, покуль ёнъ ходзивъ по воду, попъ одну просьвирку зъѣвъ. Нищій приходзиць зъ водой и бачиць—тольки двѣ просьвирки. Ставъ пытаць у яго: идзѣ жъ третьцяя? А попъ отвѣчаець: я не знаю! Нищій узявъ одну просьвирку и разрѣзавъ на три часьци и стали кушаць; дакъ двѣ часьци осталося, а третьцей стало досыць. Потомъ, покушавши, яны пошли по дороги. Потомоцьки зайшли у господській домъ на ночь. У етаго господзина жана больна, и лакей ихъ не пускаець на ношлегъ: у насъ, говориць, вотъ помѣщицкая жана крѣпко больна; нашъ баринъ ня любиць нищихъ! А нищій отвѣчаець: я яé узлячў! Етый лакей сказавъ барину, што у насъ нищія ночуюць,—бярутца нашу барыню узлячиць! Баринъ потребовавъ къ сабѣ нищаго и попа. „Можеця вы, господа, жанў мою узлячиць?“ Яны кажуць: можомъ, тольки надо баню вытопиць. Вотъ яны баню вытопили, и у баню узнясьли лакеи на просьцинахъ барыню ету, а потомъ узнясьли большое корыто у баню. И нищій обращаетца зъ барыней у бани, а попъ смотриць у вокошко, каба нищій не замѣцивъ. Уложивши барыню у корыто, нищій и разрѣзавъ ножомъ брухо: разрѣзавши брухо, повыкидавъ изъ сярёдки больное гадосць; тоды вымывъ чисто у сярёдки; тоды брухо ёй и сшивъ. Дунувъ духомъ своимъ, и яна устала и жива стала. Тоды яны пошли у горницу къ барину, нищій изъ барыней. Не могъ баринъ самъ чимъ наградзиць за ето дзѣло. Потомъ говориць нищаму: што вы жалаеця за ето, што вы жану мою отживили? А нищій говориць: што милосць ваша, то и награждзенія дадзицё! Баринъ увёвъ нищаго у комлату, идзѣ гроши лежаць золотыя. И набравъ нищій пуды чатыре золота прямо у мяшокъ. И гукаець попа къ сабѣ

и кажецъ: бяри гроши и няси! Попъ узявъ ношку пуды чатыре и отправились по дороги. И ящо зайшли у господській домъ на ночь: тамъ помѣщикъ нездоровъ сильно. Попъ и говорицъ на лакеявъ: што вы смутны? Да—нашъ баринъ три года бо̀лянъ! А попъ говорицъ: „я узлячу!" Наўчився, глядзючи у вокошко. Сказавъ барыни баню протопицъ. Слуги вытопили. Барина уняськли на просьцинахъ у баню. Енъ брухо разрѣзавъ, попъ. Разрѣзавши брухо, перамывъ у сярёдки и сшивъ. Дувъ, дувъ,—ничого ня выдувъ: няживъ баринъ. Увознали слуги, што баринъ няживъ, зарѣзанъ,—попа и ўзяли и связали яго. Связавши яго и повялѝ у комлату, а баринъ остався ў бани. Барыня подала у судъ на попа. Пріѣхали судьдзи и осудзили яго сичасъ завѣсицъ.—Подходзицъ къ судьдзямъ нищій и спрашуецъ у начальства, говорицъ: дайця мнѣ попа на чецьверць часа, испросицъ у яго одно дзѣло! Нищій попа и пытаецъ: „ци бивъ ты хрястомъ Миколу?" Ёнъ отвѣчаецъ: нѣ, ня бивъ я!—„А ци ты просьвирочку зъѣвъ, якъ мы садзилися кушацъ, да я воды ходзивъ?"—Нѣ, я не кушавъ! И побожився.—„Вотъ, говорицъ: цябе на шибельницу икъ смерци душу̀ прадаюцъ,—признайся!" И побожився попъ, што—„ейбогу, я не кушавъ!" По̀томъ обоя—нищій и попъ—обрацились икъ начальству. „Господа начальство, говорицъ нищій: обремяниця (обвремените) маленько, чецьверць часа,—сичасъ баринъ будзецъ живъ!" Ну, яму̀ позволили ици ў баню. Нищій дупувъ своимъ духомъ,—етый баринъ и ўставъ. И ўмѣсьци явились къ начальству. „И што ето наве́дзяна комисія у моёмъ доми?" спрашуецъ такъ баринъ. Начальство говѐрицъ: „бывши вы ўрѣзаны, дакъ мы пріѣхали судзицъ попа. И вы молицеся Богу, што намъ Господзь сославъ нищаго, и васъ отживили!" Баринъ кажецъ: я якъ бывъ здоровъ, такъ и поздоровѣвъ! И позвавъ комисію къ сабѣ ў горницу и ўчасьцивъ ихъ, якъ самъ хоцѣвъ. Яны й поѣхали домой. По̀томъ баринъ призываецъ нищаго: „што вы жалаеця за ето, што вы мяне отживили?"—Што милосць ваша! отвѣчаецъ нищій, И баринъ повёвъ яго у комлату и давъ яму грошій золотыхъ, якъ тольки понесць ношку. Енъ самъ не бравъ, а потребовавъ попа. Попъ поднявъ на плечи ношку и говорицъ: баринъ, прибавъ,—лёхка несць! Баринъ подбавивъ яму. И отправились по дороги. Вотъ попъ уже зъ двюхъ часьцей гроши ўзявъ. Ёнъ нясѐцъ и яму цижало. И нищій спрашуецъ: „што братъ, цяжко табѣ?"—Цяжко! Ну, енъ яму маленячко силы подбавивъ, ёнъ пошовъ улёхко. И пераходзюцъ черазъ рѣчку. Перавозу нема ниякѐго, прямо у водзѣ. Нищій пошовъ по̀верхъ воды, якъ по ляду, а попъ потуль ишовъ, покуль ставъ тонуцъ изъ грошами ўмѣсьци. „Бацюшка, вы тонеця: ци вы святого Миколу били хрястомъ? А ци вы про̀сьвирку зъѣли? Вотъ къ смерци прадаецё свою душу̀!" Енъ побожився, што не я. Нищій узявъ

попа за рукў и пошли якъ по ляду. Перайшли ету самую рѣчку и сколь-ки яны дней ишли по дороги, и недалеча стала имъ ета церква—Миколяевській приходъ. И увидзивъ ето попъ и говорицъ: „ну братъ, моя церква недалеча. Вотъ коли поживёмъ!“ И остановилися у вярсту. Потомъ нищій ставъ дзялицъ гроши, и расклавъ на чатыре кучи. Тоды бяцюшка пытаетца: кому ето? —А ето намъ съ тобой по одной!—„А третьцяя кому?“—Хто бивъ Миколая хрястомъ, дакъ тому!—„А чацьвёртая кому?“—Хто просьвирочку зъѣвъ!—„Дакъ я жъ ето ўсё здзѣлавъ: и Миколу бивъ хрястомъ, и просьвирку зъѣвъ!“—Ну, и гроши табѣ! И отдавъ яму и свою часцъ! Забравъ попъ усѣ гроши съ собою, а нищій отправився. И сказавъ попу: „якъ обѣдню служивъ, такъ и служи по закову Божаму! Я Микола святый!“ И разышлись. Микола святый нема—вѣдома дзѣ дзѣвсь...

М. Дубровна, гор. у. Отъ кр. Корнея Грибкова, 46 л. запис. въ моемъ присутствіи г. Буднецкій. Говоръ смѣшанный.

43. Убогій и коваль.

Ишовъ убогій и куваль и занучували у ўдовы. Вячерацъ нѣчаго. Тоды убогій кажецъ: сходзи тамъ перамяцѝ засѣки! Ина сходзила, перамела засѣки и усыпала зѐрняты у печь сушицъ,—ажъ слава Богу, собрала повну печь. Стала молоцъ—слава Богу, намолола много муки; стала ўчиняцъ,—слава Богу, повна дзежà, ажъ зъ дзяжи прѐцъ; а якъ стала садзицъ у печь, дакъ слава Богу, повна печь; а якъ стала вынимацъ, дыкъ нѐйдзя дзѣвацъ. Ну, назаўтраго пошли дали. Куваль жа наклавъ цѣлу ношку хлѣба сабѣ, а ўбогій ўзявъ тольки одзинъ шпырычекъ. Тоды куваль кажецъ убогому: чаму ты не бярешъ больше сабѣ хлѣба? А ёнъ кажецъ: досыцъ зъ мяне будзецъ, ящо й ты ў мяне попросишъ! Обнила ихъ узнова цёмная ночъ. Тоды убогій кажецъ: ты раскладáй цяпло, а я пойду на вячеру старатца? Ну, приводзицъ убогій бычка на вячеру. „Нà, кажецъ, рѣжъ ды готўй вячеру!“ Ёнъ зарѣзувъ гэтаго бычка, ды якъ ставъ лупицъ, дыкъ отрѣзувъ нырку, ды припёкъ на цяпло ды й зъѣвъ, бо дужо ѣсьци хоцѣвъ. Хвацився убогій нырки. „Ци ня ты нырку изъѣвъ?“—Нѣ, я не бачивъ! Ну, назаўтраго куваль набравъ цѣлую ношку мяса и говорицъ на ўбогаго: чаму ты не бярѐшъ? А то тое будзешъ ѣсьци, што нясешъ!—„Добро, кажецъ: ящо й ты у мяне попросишъ!“ Ну, пошли яны дальше. Ишли, ишли, поѣвъ куваль увесь свой хлѣбъ и ўсё мясо. Нечаго яму ѣсьцъ. Ёнъ и кажецъ на ўбогаго: правду ты казавъ,—дай мнѣ троху хлѣба!—А ци ты нырку зъѣвъ?—Нѣ, я не бачивъ! Ну, убогій давъ яму хлѣба. Пошли дальше, приходзюцъ къ королю; ажны

тамъ сынъ яго хворѣецъ—ня 'тживаецъ, ни ўмираецъ. Убогій говори́цъ: я яму дамъ рады, тольки капъ выстроили мнѣ покойчикъ особянный, пясочкомъ жовценькимъ высыпаный, ельничкомъ вытрушаный, престолъ капъ засланый бывъ и ванна капъ была готова. Ну, яму̂ гэто усё здзѣлали. Тоды убогій положивъ гэтаго мальца на престолъ, узявъ пожикъ ды й разрѣзувъ яго на чатыре часьци, и перамывъ у гэтый ваньни. Тоды склавъ яго ровненько и ставъ дуцъ. Дунувъ разъ—соснувався чаловѣчакъ; дунувъ другѐй разъ—ставъ дыхацъ чаловѣчакъ; третьцій разъ якъ дунувъ —дыкъ малецъ и ўставъ. „Ахъ каецъ: якъ я смашно заснувъ!" А куваль выкруцивъ у сцѣни дзюрку, ды на усё гэто дзиво и глядзицъ. Ну, тоды король дае́цъ яму золота ци серабра тамъ, а ўбогій не бярецъ. Тоды куваль кажецъ убогому: бяри! А ёнъ кажецъ: „а ци ты ўзявъ нырку?"—Нѣ, каецъ, я знацъ не знаю, вѣдыцъ ня вѣдаю!—„Ну, коли такъ, —бяри гро̂ши!" Куваль набравъ цѣлую ношку, и пошли. Ишли, ишли—приходзюцъ къ другому королю. А ў того короля дочка̂ ни живѐцъ, ни ўмираецъ. Тоды куваль кажецъ, што я яе узлячу̂, тольки капъ бывъ мнѣ особянный покойчикъ, пясочкомъ высыпаный, ельничкомъ вытрушаный, и престолъ капъ засланъ бывъ и ванна готова была. Ну, яму гэто ўсё здзѣлали. Куваль тэй пошовъ у тэй покойчикъ, положивъ дзѣвку на престолъ и рѣзанувъ на́крыжъ, и ставъ мыцъ; дыкъ кровъ, а въ убогаго крыви ня було. Тоды король видзицъ, што куваль зарѣзывъ дочку̂, дыкъ ёнъ ска́завъ завѣсицъ яго. Тоды убогій патаетца у куваля: а што, ци ты нырку ўкравъ, дыкъ я дамъ рады? А куваль говорицъ: я знацъ не знаю, вѣдыцъ ня вѣдаю! Ну̂, убогій тоды кажецъ: пусьцица яго, я дочцѣ дамъ рады! Пошовъ и отжививъ яе. Король зновъ дае́цъ золота ци серабра, убогій приказавъ кувалю узяцъ. Набравъ тэй ще боли, и пошли. Ишли, ишли, тоды убогій кажецъ: „якъ жа мы будземъ дзялицъ гэтыя гроши? Мусицъ, на три̂ часьци?"—Якъ на три̂?—„А одну мнѣ, а другую табѣ, а третьцяю тому, хто нырку ўкравъ!" Куваль тэй глядзѣвъ, глядзѣвъ, ды й признався: я, каецъ, укравъ нырку!—„На̂ шъ табѣ уси гроши, коли ты укравъ. Али чаму не признавався ранѣй?" Сказавъ гэтыкъ, и нема—знацъ дзѣ дзѣвся.

Каковчин. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Ивана Кондратова, 80 л. неграм, записалъ, по моимъ указаніямъ, г. Доморацкій.

Варіантовъ много. Мѣсто попа и коваля въ нѣкоторыхъ занимаетъ жидъ, продавшій имущество и пожертвовавшій деньги „па церкву." Объектомъ кражи бываетъ сыръ, взятый Богомъ за излѣченіе дочери помѣщика. Въ одномъ варіантѣ куски тѣла перемываются въ „лѣтней" т. е. тепловатой водѣ, и Богъ съ жидомъ переходятъ черезъ море.

44. Дохторъ.

Бывъ мальчишка малолѣтный; ёнъ сирота; служивъ по людзёхъ. И нійдзѣ не бравъ ращоту, грóшій ни копѣйки: то шкоду здзѣлаець, то поцеряець оброць, топоръ,—яму̀ и не дадудь платы. Тоды нанявся у ходзяина на гóню жита: гоню жита засѣиць и запахаць за службу. Ну, яму ходзяинъ засѣивъ. Дождали вясны. Усимъ Господзь зародзивъ, а яму нѣ,—ничого не зародзивъ. Ёнъ и тамъ, значитца, служивъ дурно (даромъ) годъ. Цяперя нанявся на жаребчика у ходзяина,—кабъ давъ жарябца за службу. Тэй ходзяинъ давъ яму жарябца. Вясною выгнали на Юрья на росу увесь скотъ: и овечакъ и коровъ и кóній. Увесь скотъ цѣлъ, а яго жарябца зъѣли вовки. Ёнъ и тамъ годъ дáрмо служивъ. Цяперь нанявся ў ходзяина на одзинъ обѣдъ: годъ отслужиць и обѣдъ получѝць. Енъ отслуживъ годъ, получивъ обѣдъ. У горшки ўлили, енъ увязавъ и пошовъ у свѣтъ исъ хлѣбцомъ. Идзець дорогою, стрѣчаець Миколу. Микола говориць: „добрый дзень!“—Доброе здоровъя!—„Куды йдзешъ, чаловѣча?“—А йду ў свѣтъ. Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, дакъ ба сѣли побѣдали, и тоды помéрци! Микола говориць: я добрый чаловѣкъ—будземъ обѣдаць! Ёнъ спрашіець у яго: а хто ты? А ёнъ говориць: Микола! Вотъ ёнъ яго наругавъ, Миколу, налаивъ: „добрый чаловѣкъ!... усимъ зародзивъ жито вясною, а мнѣ нѣ!...“ И пошли кажный по сабѣ. Пошовъ енъ дальше,—стрѣвъ Юрью. Юрья говориць: „добрый дзень, чаловѣча!“—Доброе здоровъя!—„Куды йдзешъ, чаловѣча?“ Ёнъ говориць: иду у свѣтъ! Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, сѣвъ ба побѣдавъ, а тоды ўмéрци!... Худо, видзишъ, яму жиць, заробиць нельзя. „А я, говориць, ня худый чаловѣкъ, а добрый,—будземъ обѣдаць!“—А хто ты?—„Я Ягорья!“ Отъ енъ гетаго Ягорья наругавъ, налаивъ: да, говориць, добрый ты чаловѣкъ! у усихъ цѣлъ скотъ, а мойго одного жаребчика и того отдавъ вовкóмъ! Ня буду съ тобой обѣдаць!... И пошли по сабѣ кáжанъ. Ну, тоды гетый стрѣчаець смерць, съ обѣдомъ, зъ гетымъ. Смерць говориць: „добрый дзень, чаловѣча!“ Енъ кажець: добраго здоровъя!—„Куды йдзéшъ, чаловѣча?“ говориць.—Иду ў свѣтъ! Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, сѣвъ ба да й побѣдавъ, а тоды й померць. А хто ты такій? говориць.—„А я смерць!“—Ну, коли смерць, будземъ обѣдаць, тольки зъ вуговоромъ: кабъ тольки помéрць!—„Ну, говориць, тоды побачимъ!“ Вотъ яны сѣли зъ ёй обѣдаць. Обѣдъ у ихъ хорошій бывъ, ходзяйській, дужо хорошій бывъ. Побѣдали. „Цяперь, каець, помираць буду!“ Ина яму отвѣчаець: „не пора табѣ ўмираць! А я табѣ лучче скажу, съ чаго табѣ жиць. Будзешъ ты, говориць, самымъ главнымъ дóхторымъ. Цяперь, идзѣ будуць больныя, мы съ тобой будземъ бачитца уво ўсякаго больнóго. Коли, говориць, буду ў головахъ, дакъ

скажи, што помрéць—ня будзя ничого; а коли буду у ногахъ, дакъ давай помочи: дай воды, дай травы, дай чаго ўгодно: ёнъ будзець живъ. Ступай, говорицъ, у гету дзерявушку, тамъ я буду,—тамъ больные ё!“ Енъ зайшовъ къ больному, а тамъ смерць у ногахъ. Отъ енъ яго тамъ пощупавъ, давъ трявицы, водзицы. „Полѣпшаець, говорицъ,—живъ будзецъ!“ Зайшовъ къ другому,—тамъ ужо ў головахъ. На того сказавъ: „нѣ, каець, ёнъ помрéць скоро, яму̂ ня треба ничого!“ Ну вотъ, потомъ яго узнали. Ставъ большимъ дохтурымъ. Придзялився ў городъ у губэрню, и ставъ богатъ ужо силно. И живъ енъ гетыкъ скольки годовъ дохтурымъ, до старосьци. И пора яму̂ ужо помирацъ приходзитца. Ставъ енъ больнымъ. Приходзицъ яна къ яму, стала ў головахъ,—смерць тая жъ самая. А яму ўмирацъ ня хочетца. Ёнъ сабѣ здзѣлавъ коровацъ зялѣзную на коловорóци. На гетой коровaци ёнъ ляжицъ. Яна къ яму прúдзецъ, станецъ у головахъ, а ёнъ—круцъ коровацъ, яна й ў ногахъ. И гето ўремя вялось повгода: ни якъ ня можецъ яго зловицъ. Цяперича ина ловила, ловила, зловила за шію и говорицъ: „ахъ, кумокъ, кумокъ! круци не круци, а приходзитца ўмярцú!“

Д. Староселье, любин. в. гор. у. **От кр. Гапея Яковлева, записалъ въ моемъ присутствіи г. Будпецкій.**

б) Нѣўкоторымъ царсцьви служивъ старый солдатъ дватцаципяцилѣтнію службу. Наконецъ выслужився ёнъ, и было ў яго чатыре дзеняжки. За 'дну дзеняжку дли товариша узявъ горѣлки на распрощенія,—якъ яму̂ домовъ треба ици. Осталося ў яго три дзеняжки, и пошовъ ёнъ зъ ими домовъ. И была у яго балалайка, и ёнъ умѣвъ играцъ на яѐ. Ну, й выправився на такія сцепа̂ непроходзимыя, што нема никого: ни дзяревни, ни воды. Опяць ёнъ, можа съ часъ подумавши, нашовъ лужинку воды. Ёнъ сѣвъ и перяксцився. Сухарей было хунты два ци три. Ёнъ памàкаваець да спѣдаець. Сичасъ явилися къ яму два старики, сивыя такія, и просюцъ у яго милосьцины. Ёнъ сюрьёзно на ихъ посматриваець, што ня ѣвши стощавъ за троя сутокъ. „Ну, якая жъ у мяне милосьцина, у солдата такого? Коли хочеця, дакъ прошу покушацъ! А боляй нѣту ничóго милосьцины!“ Вотъ яны сѣли зъ имъ и поѣли етыя сухари. Устали и давай милосьцины просицъ. „Што ў цябе за милосцъ, што мы ѣли ўмѣсьци? А ты намъ давай милосьцину!“ Енъ сказуець: Якая ў мяне милосьцина? Ёсь у мяне три деняжки усяго. Вотъ за 'дну, якъ приду домовъ, дакъ поставлю хату, за другую жанюся, а за третьцію коня расстаряюся,—такъ и жицъ буду! Ну, цяперя обдумався етый самый солдатъ: „нехай будзя такъ: избу сострою, а за другую ожанюся, а третьція нехай будзя вамъ! Нехай, якъ Богъ хоцицъ, такъ и будзецъ:

бесъ кобылы буду́ жицъ! Вотъ ёнъ и отдавъ имъ дзеняжку и говорицъ: „вы, сивыя, убирайцесь! Цяперь вы идзиця, куды йдзецё, а мнѣ вотъ сюды продовжацъ. Скажиця, ци не видацъ якого города, ци чаго?“ Яны въ отвѣтъ сказали: сами идзёмъ третьція сутки, и тожа ня видали ни дзяревни, ни города ниякого! Ну, яны сабѣ пошли, а ёнъ сабѣ пошовъ. Опяць ёнъ троя сутокъ ишовъ. На третьція сутки ящѐ являетца пара сивыхъ. „Здрастуй, господзинъ!“—Здрастуй!—„Просимъ милосьцины радзи Христа!“—опяць просюць сивыя етыя. Енъ и объясняець опяць имъ: откудова вы берецёся ўсё сивыя етакія по пари? Ци много васъ подрядзилося по той дорози усё по пари ходзиць? Яны отвѣщаюць: много ня много, мы ня вѣдаемъ, а мы тольки удвоихъ, кажець. Дай, да дай милосьцины радзи Христа! опяць своё плятуць. Ну, солдатъ етый рассерчавъ: „якая жъ милосьцина у солдата, да й ще ў подорожнаго? Вотъ, говорицъ, я милосьцину давъ парамъ сивымъ етакимъ; цяперича на томъ мѣсьци балалайку забывъ, идзѣ ўмѣсьци ѣли! Вотъ вы й сивыя гетакія! Цяперича, говорицъ, што жа у мяне: осталося ў мяне ўсяго дзьвѣ дзеняжки. Было три, дакъ я одну отдавъ. Ну цяперича надо несьци домовъ. Надо за ’дну жанитца, а за другую треба йзбу потстроиць. А прòтчамъ, говорицъ, нàця вамъ и гету!“ А одну сабѣ оставивъ,—рассерчавъ, кинувъ имъ,—штожъ? просюць—и пошовъ съ однэй. Ну, цяперя изнова на троя сутокъ енъ идзець. Нема ничого: ни села, ни двора, ни дзяревни,—нема ничого,—опяць на троя сутокъ. Якъ кончилося троя сутокъ, такъ раньня чацьвёртыя сутки являютца опяць пара сивыхъ, и опяць своё: „Здрастуй!“—Здрастуй! И откуда васъ сивыхъ набрáлось! Ну, што жъ, господа: я̀, говорицъ, знаю, што ў васъ на ўмѣ! Вы жъ бòльшай ничого, якъ будзеця милосьцины просиць!—„Такъ, господзинъ землякъ! Такъ и надо, кабъ намъ милосьцины дали!“—Ну, я, говорицъ, такъ и думаю! Якъ, говорицъ, приду домовъ, нехай ничого не будзець! Я, говорицъ, тымъ доволенъ, што гетыхъ сивыхъ три пары надзяливъ,—нехай останусь такъ, ни причомъ. Коли здоровья, дакъ буду жиць!.. Такъ усердзився и пошовъ, и ничого имъ не сказавъ,—отдавъ послѣднію дзеняжку и ничого имъ не сказавъ, пошовъ сабѣ. Яны сабѣ, и енъ сабѣ. Уже до глыбокаго яго добрали; уже не распрашававъ ни городовъ, ничого!. Идзѐць и думаець, самъ сабѣ толкуець: „што я приду цяперь бесъ послѣдства домовъ? Три дзеняжки былй—нищимъ отдавъ, а самъ приду домовъ, якъ чужéй!“ Тольки ёнъ прекрацивъ гету рѣчь, являетца позадзи,—ѣдуць нѣйкія два господзины, у тарантаси; на пары кòній. „Здрастуй, землякъ!“—Здоровъ, господа!—Што, говорюць, землякъ: якъ ба ты пошовъ у городъ—городъ недалёко ўже видацъ—и вотъ якъ ба дли насъ обобравъ ба ты идзѣ нибудзь заѣздный дворъ хорошій, постоялый дворъ, и кабъ комлаты были хорошія

и кабъ овса кóнямъ, и дли насъ кабъ барана цѣлаго купивъ и обжаривъ, и кабъ цѣлый бывъ, нятревожаный, изъ ногами, изъ рогами; и полуштопъ горѣлки намъ повенъ бывъ!" Ёнъ имъ отвѣщаецъ: вы, говорицъ, господа сами отправцесь, а я вашихъ лошадзей останусь попасовацъ! Яны говорюцъ: „идзѣ намъ? Идзи ў городъ и нанимай дли сябе слугу; а якъ ты пóйдзешъ, дыкъ ты самъ тамъ барана купишъ и горѣлки полуштопъ повенъ купишъ. И мы будземъ скоро ѣхацъ туды!" Енъ цяперя пошовъ. Яны яму дали пяцъ рублей на справки на гетыя: барана купицъ, хвацеру наняцъ, и полуштопъ горѣлки кабъ повенъ бывъ, и овса лошадзёмъ приспособивъ. Енъ узявъ грошн и пошовъ. Сичасъ нашовъ трахтыръ гетый и постоялый домъ, и спрашiецъ у ходзяина: што, дли господъ помящепiя будзецъ у васъ? Вотъ такiя то заѣдуцъ два господзины на пары кóняхъ?—Отчаго жъ, говорицъ,—у васъ ёсь комлаты дли господъ, якiя заўгодно дли васъ,—мы зъ естаго живёмъ! Ёнъ, солдатъ гетый, пошовъ рассмотрѣвъ, кабъ комлаты хороши дли господъ были. Ну, цяперь ёнъ и спрашiецъ: ци ёсь у васъ баранъ дли господъ? Ёнъ выгнавъ яму̀ цѣлый табунъ баранóвъ и говорицъ: выбирай котораго ўгодно. Ёнъ, солдатъ, якъ хвацивъ самаго лучшаго барана́, такъ сичасъ разрѣзавъ и спрашiецъ дровъ, и ставъ готовицъ яго. Ну, й сичасъ обгутувавъ. Няскоро дзѣло дзѣетца, а скоро казка кажетца. Ёнъ обжаривъ барана гетаго и ожидаецъ господъ. А ѣсцъ дужо хочецъ крѣпко, да посматриваецъ на гетаго барана и на полуштопъ, и хлѣба булки на столѣ,—тожа приготовивъ ёнъ дли ихъ. Вышовъ за̀ городъ и слухаецъ, вухо приклавши. Уже цёмно становитца; прислухаецъ—ня чуцъ ѣдучи ихъ, не слыхацъ. Ёнъ увышовъ у комлату и осмѣлився такъ, што ѣсцъ дужо хочецъ. Ёнъ прихитривсь. Узявъ, печацъ, гетый полуштопъ, оторвавъ и стаканъ чайный узявъ, наливъ горѣлки, тоды заплющивъ вочи—дакъ ня стыдно ў поцьмахъ—ды й выпивъ. Тоды узявъ, воды наливъ у стаканъ и повенъ доливъ штопъ. Цяперя полядзѣвъ заднее сцягно, и пячонки нашкрёбъ оттуль, мякоци, да ўзявъ и поѣвъ. Цяперь узявъ, замазавъ саломъ, нóжомъ загладзивъ, кабъ незнашно было́, откуль вынявъ ёнъ пячонку гету. Такъ и штопъ доглѣдзивъ, кабъ незнашно было. Пригрѣвъ гету самую печацъ и здзѣлавъ якъ было̀. И вышовъ зновъ на городъ и ставъ слухацъ. Удругъ явилися гетыя господзины и съ парами лошадзями, и спрашуюцъ: што жъ, землякъ,—тутъ хвацера? Ёнъ отвѣщаецъ: здзѣсь! Кóнiй узявъ, на дворъ вядзѣцъ на постоялый. Вы жъ, господа, убирайцесь туды ў комлату, а я кóнiй убяру самъ, овса имъ засыплю и приду къ вамъ! Ну, яны пошли у комлату. Посмотряцъ, што комлата дли ихъ хороша, выбравъ ёнъ. Такъ яны сѣли за столомъ, одзинъ на правой руцѣ, а другѣй на лѣвой. Уходзицъ солдатъ у комлату,—ковiй уже во-

бравъ. „Ну, господа, говорiць солдатъ: цяперь пора вячеряць!“—Якъ то вячеряць? Што, баранъ ня цѣлъ, да й полуштопъ горѣлки ня повенъ, кажуць господа. Ёнъ, солдатъ глядзиць, да й начавъ спориць: „якъ жа ня цѣлъ? ёнъ цѣлъ; да й полуштопъ пòвенъ!“—Нѣ, говорюць, ёнъ водой долитъ—нѣхто выпивъ стаканъ.—„Я, говòрiць, не знаю, присягаць не стану,—трахтырщикъ продаёць, можа водой доливаець. Печать цѣла!“—Вотъ, ты говоришъ! И баранъ ня цѣлъ!—„Якъ жа ня цѣлъ? Вотъ, цѣлъ!“—Да нѣхто пячонку вышкрябъ зъ гетыя зъ лопатки!—„Ну да, говориць, господа: вамъ усё здаетца такъ! Разьви ёнъ родзився такiй, што ў яго пячонки нема, а я цѣльнаго вамъ зжаривъ. Я не знаю!“... Ну, посьли гетаго спору и стали вячеряць. Ну, ёнъ, гетый солдатъ, узявъ полуштопъ откубривъ и стаканъ сабѣ наливъ етыя горѣлки зъ водой и выпивъ. Яму́ дозволили другей выпиць. Ёнъ пъёць и похваливаець: вотъ, говориць, господа,—вы говорили—вода! Гето жъ горѣлка! Ну, стали яны й сами примѣръ дзѣлаць, нибытцамъ выпиваць—здалося яму такъ,—ну й кушаць. Ну, цяперь яны узновъ устали. Ёнъ ставъ имъ кòнiй прибирацъ. Прибравъ ихъ. Яны стали яго пытаць: ну што, землякъ: у котору сторону табѣ пуць вèсьци? Ёнъ каець: вотъ у гету! Яны кажуць: ну, землякъ, и намъ жа у гету! Будзь у насъ за хурмана!—Ну, говориць, и Богъ ба зъ вами: я бъ жалавъ подъѣхаць,—я здорòжився! Ну, сѣли и поѣхали. Ѣхали яны цѣльныя сутки, опяць на ночь заѣхали у городъ. Заѣхали яны къ удовѣ къ бѣдной на ночь, тамъ на концы города. Убралися ў хату нучуваць ужо, а солдатъ конiй убираець на дворѣ. Пòтомъ и солдатъ улѣзъ у хату. Ну, ў ихъ разговоры идуць; нѣшто баба расказуець, тая ўдова. „Вотъ, говориць, господа: вы ѣздзиця по разныхъ сторонахъ. Ци не слыхали такихъ дохторей, кабъ вылячили у насъ царевну?“ Яны говорюць: мы не слыхали дохторей, а мы вотъ сами дохторя! Тая баба сичасъ якъ тольки почула, што яны сами дохторы̀, такъ поднявши и побѣгла до царя, кабъ не зачапитца. Такъ часовыхъ тамъ туды-сюды упросила: што вотъ, допусьциця до царя, у мяне дохторы̀ два ночуець, и говорюць: царевну злячиць можемъ! Ина сичасъ къ царю подышла и просьбу яму зъяснила. Царь отъ радосьци вялѣвъ сичасъ тройку лошадзей закласць и три жандары, и кабъ гетыхъ дохторей къ яму сичасъ доставили. Ну, цяперя, поѣхали сичасъ по дохторей у кареци,—баба гета вядзець ихъ у свой домъ. Яны сичасъ пришли и гетымъ дохторёмъ сказали: убирайцеся до царя! Яны ўзяли убралися, и поѣхали къ царю. И солдата съ собой гетаго узяли. Ёнъ цяперя, царь, на ўстрѣчу вышовъ и спрашiець отъ радосьци такiя: што жа вы, дохторя хорошiя? Можецё мою дщерь злячиць?—А якъ жа, можòмъ! Ну дакъ вотъ, ваша царьское вяличество, ё у васъ комлата такая особливая, кабъ намъ ля-

чиць, кабъ никого не было? Ёнъ сказуець: ё дли васъ у мяне хоця й дзьвѣ!—„Ну, намъ дзьвѣ ня нужно, а одна нужна, и кабъ у тэй комлаци было—сичасъ 'вялиця—дзьвѣ ванны были: одна холодная, а другая цёплая. И кабъ хворую туды ўнясьли; и кабъ солдаты были у два шары, изъ голамы штыхамы и ружжа зъ парядамы; и кабъ туды нихто не ўходзивъ и не смотрѣвъ!“ Ну, енъ усё гето вялѣвъ здзѣлаць. Яны увобралися у гету комлату и стали разговоръ мижъ собой мѣць. Гетый солдатъ говорицъ: Што жа вы занялися? съ царемъ не зъ жидомъ, съ царемъ не зъ нишимъ! Вы видзиця, што тута стоиць зъ парядамы повными! Да й сами навялй. Лячиць, дакъ лячиць!—Ну, землякъ,—коли хочешъ, дакъ дли цябе повялймъ, кабъ нанясьли пиць и ѣсць разныя разносьцы! Такъ приказали сичасъ дзяжурному, кабъ подали ѣсць разныхъ расносьцевъ, што ў свѣци ё; три трубки зъ длинными цыбуками и табака хорошая кабъ была на столѣ, ну й напитки кабъ и пранцузькія и шпанськія, по три бутылки! Ну, сичасъ царь гето испольнивъ, што яны просили. Потомъ солдатъ ставъ зъ имы спорицъ: што жа? пиць и ѣсць нанясьли, дакъ будземъ пиць и ѣсць!—Отчаго жъ, землякъ,—кушай! Ёнъ, солдатъ гетый выпъецъ, закусиць, у трубку закуриць, и ходзиць. Потомъ узнова и спрашіець: ну, што жа, господа, занялися? Такъ сами сябе слабо ведзецё. Коли лячиць, дакъ лячиця! Яны сказали: не твоё дзѣло, землякъ. Подъѣвъ, дакъ и отдыхай! Гетый солдатъ и лёгъ; шинялёмъ накрывся, а вочи покинувъ, и глядзиць, а бытцомъ ёнъ накрывъ и морду и ўсё. А ёнъ смотриць, и храпиць, притворяетца. Яны якъ сядзѣли за столомъ, дакъ одзинъ зъ лѣвыя руки злѣзъ и пошовъ къ болной и ставъ яе посматрюваць тама. Потомъ узявъ ставъ ножъ точиць. И солдатъ гетый ўсё гето смотриць. Да якъ увидзѣвъ, дакъ и думаець: ну, клямка! Што вѣрно зарѣжуць хворую тую. Вотъ ёнъ пришовъ, узявъ головў отрѣзавъ ёй. Потомъ усю по часьцяхъ порѣзавъ, и рукў и ногў, и въ ванну цёплую складаець. Тоды ўзявъ зъ ванны цёплыя перемываць, да й у холодную опяць и кидаець. Тоды сѣвъ и отдыхаець. А солдатъ смотриць усё гето; тольки ўжо въ яго духъ замёрши. А тэй посядзѣвъ троху и ставъ зъ воды съ холодныя вымаць и перециращь тряпкой. Такъ узявъ головў перямывъ холодной водой и тряпкой перяцёръ, такъ и поклавъ на столѣ коло гетаго, што по правомъ боку сядзѣвъ. Такъ и ўсю ёнъ яе перямывъ и перяцёръ, и склавъ на столѣ процп гетаго. Цяперь гетый, сѣдзя, узявъ дунувъ скрозь усю яѐ,—и основалася такъ яна. Посьли у другій разъ дунувъ,—такъ яна якъ живая стала, ляжиць. Енъ у третьцій разъ дуець—яна й успрыгнула. Гетый узявъ одзежу на яе накинувъ. Болная царевна тоды поклонилася, пуцулувала имъ у руки и ў ноги—чесць—и стала зъ имы разговарюваць, што я народзилася на свѣтъ цяперь, съ оковъ зя-

лѣзныхъ сорвалася! Гетый солдатъ сичасъ успрыгнувъ, тутъ отъ радосьци хо́дзиць по хаци, выпиваець и закусуець, и похваляець, што хорошо вы лячили: „Вотъ цяперь я знаю, што вы дохтори! Што будзець награда, што мы захочемъ!“ Ну, сичасъ скрикнули дзяжурнаго: доложиця государю, што дочь яго здорова! Тэй дзяжурный отчинивъ двери, и ўсмотрѣвъ, што яна была пригожа, а то на семъ кратъ попригожѣла. Сычасъ царю доложивъ: ваша царьское вяличество, дочь ваша здорова! Была пригожа, а цяперь пригожѣй стала! Царь услыхавъ гето, што царевна здорова, пошовъ отъ радосьци смотрѣць, и царицу съ собой повёвъ. Пришовши, увидзѣвъ, што яго дочь здорова, такъ пали на колѣнкахъ царь и царица перядъ гетыми урача́ми: „што вы зъ насъ жалаеця, то и бярицця: ци тутъ живиця, ци половину царства возьмиця, а по смерци и ўсё вамъ!“ Яны сказали: нѣ, ваша царьское вяличество, намъ ня треба ничого! Ёнъ, царь исъ царицай,—ай, якъ жа ничого? Мы отъ радосьци не знаемъ, што дажа вамъ и совѣтувать. Ну, не хоциця ничого, дакъ идзиця хоць нашія казны поглядзиця. Узяли, подвалъ имъ отпёрли —склепъ, значитца—безъ усякаго назору: идзиця, ци золото грябиця, ци серябро, ци бумажки! Яны у вотвѣтъ сказали проци гетаго солдата: сходзимъ, подзивимся! Вотъ, пойшли яны у склепъ у тэй, узяли по червонцу у мѣзяныя палцы и ходзюць по грошахъ. А солдатъ тэй грёбъ-грёбъ, и раняць, и халявы, и сюды во́ за рукавы насувавъ, такъ што ня могъ устаць, нагрёбъ, што не ўстанець. Яны говорюць, гетыя дохторы: ну, землякъ, по́йдземъ ужо́!—Зачимъ жа вы гро́шій не берецё съ собою? Яны говорюць: намъ гроши ня треба! Узяли, и тыя кинули тамъ. Ёнъ цяперь узявъ, гетый солдатъ, отсыпавъ скольки тамъ, кабъ ужо можно было ўстаць. Узяли и пошли цяперя съ царёмъ распрощатца. Распрощались и пошли на тую хвацеру, куды заѣхали. Запрягли лошадзей. Ну, цяперя солдатъ тэй имъ усё покомандувавъ, запрёгъ лошадзей и усё якъ разъ. Тоды спрашіець: ну, куды вамъ, господа, будзець цяперь дорога? Ну, яны такъ, якъ знаюць, што й яму треба сюды ици, дакъ яны сказали: вотъ сюды!—А мнѣ вотъ сюды!—у другій бокъ. Гро́шій набравъ, дакъ кабъ ня 'тобрали. Ну й поѣхали: яны сабѣ, а ёнъ сабѣ. Сичасъ жа, якъ заѣхали за городъ, дакъ ёнъ зайшовъ у трахциръ, сичасъ начавъ пиць и гуляць. Пота́ гулявъ, покуля съ ума́ збився. Такъ и лёгъ сабѣ. Тоды узяли яго обворували, дажа й копѣйки яму ня 'ставили похмялитца. Ёнъ уставъ, подумавъ—подумавъ, ну якъ спрашуваць: ня вѣдаець ничого нійдзѣ. Узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, нядзѣлю ци дзьвѣ, и заблудзивъ ёнъ, не попавъ на свою дорогу, куды йшовъ. И зайшовъ у другое царство, у чужую сторону. Такъ и выпросився ночуваць. И такъ голову пошкрябуваець, подумываець, што было, да нѣту. Тамъ была на хвацери на той, идзѣ ёнъ заночувавъ, старуха нѣйкая. И ина изъ имъ раз-

говарювала и стала ў яго спрашуваць: зачимъ, землякъ подорожный, шкушный? Ёнъ говорицъ: зачимъ жа не скучаць? што было, да й нѣту? —А што ў цябе было? баба спрашіецъ.—Вотъ у мяне была казна нясчислёная, а цяперича и нѣту!—А якъ жа табѣ гета казна, откуда прійшла?—Вотъ, говорицъ, бабулька,—не табѣ слухаць, не мнѣ говорицъ. Я, говорицъ, у такомъ то царсцьви, у йншомъ государсцьви, злячивъ царевну. И со мной было два вучашки; дакъ тыя ў сторону поѣхали къ сабѣ,—обучились коло мяне. Цяперича я казны сабѣ набравъ, серябра ды золота, скольки понёсьци. Зайшовъ у трахтыръ и выпивъ косушку небольшую. Нѣшто захоцѣлось мнѣ отдышиць. Я лёгъ, заснувъ.—А того не кажецъ, што черязъ-чуръ напився и ня помниць.—Прошнувся и нѣту ничого, и не ў кого спрашуваць. Забывся, куды й пуць дзержаць, и вотъ у чужую сторону зайшовъ! Гета баба и говорицъ: вы сами дохторы? Мы слыхали объ тую царевну, да нѣшто, говорицъ, утроихъ тамъ злячили яё! Ёнъ въ отвѣтъ говорицъ: гето были со мною два вучани, а я самъ лѣкарь! А ў томъ царсцьви у царя была жонка нездорова. Семъ лѣтъ яѐ лячили и не вылячили. И розыскъ посылали, и дохторей гетыхъ нійдзѣ не найшли. Вотъ тая баба и побѣгла къ царю. Стала царю расказуваць: вы сколькі, каецъ, пословъ посылали, и не найшли нійдзѣ такихъ дохторей, а ко мнѣ пришовъ нучуваць самый тэй, который злячивъ царевну у такомъ то царсцьви! Вотъ царь вяліцъ пару лошадзей заложиць и дохторя гетаго тойчасъ доставиць. Кóній заклали и сичасъ изъ бабой съ тэй поѣхали по гетаго дохторя̀. Привязьли гетаго дохторя̀, царь ставъ спрашуваць: можашъ ты вылячиць мою жану? Ёнъ говорицъ: могу! Ну, штожъ, говорицъ, ваша царьское вяличество, надо комлата особлівая и надо дзьвѣ ванны кабъ было—одна цёплая, другая холодная, и посьли дзяжурный кабъ стоявъ дли дзьвярей и не пускавъ никóго смотрѣць. Царь приказавъ сичасъ гето справиць, ванны наливъ гетыя, цёплыя и холодныя, солдатовъ калавуръ поставивъ, вокругъ комлаты, два шары, ружжи зъ нарядамы, и дзяжурнаго поставивъ. И солдатъ говорицъ: и кабъ столъ бывъ убра́ный, зъ разными напиткамы и съ кўшаваньнемъ, и кабъ три трубки были изъ длинными цыбукамы, и табака кабъ лежала на столѣ! Ёнъ цяперь увобравсь сичасъ у тую комлату, сичасъ выпивъ, закусивъ хорошо и по комлаци похаджуваець, и куриць, и думаець самъ сабѣ: нѣшто довго было тамъ, якъ лячили, а тутъ я одзинъ примуся поскорѣй лячиць. Ну й узявъ ножъ точиць, такимъ жа примѣромъ. Узявъ сичасъ прійшовъ къ ёй и пощупавъ; узявъ рукў ставъ рѣзаць. А йна явкнула: ай! Дакъ ёнъ говорицъ: ишъ, старая псина! Тая и младшая, да цярпѣла, а ты ня выцерпишъ! Погодзи, я съ тобой разбяруся. Узявъ да й головў прочь отрѣзавъ, и ўкинувъ у цёплую водў. „Вотъ, цяперь, псина, покричи тутъ! заболбочесься у ванни! „Ну, цяперь узявъ, якъ по часьцямъ, якъ

ни попавши, порѣзавши, и поклавъ усю у цёплую ванну. Цяперя узявъ, покуривъ, подъѣвъ, и начавъ: „Што мнѣ отдыхаць? И начану я своимъ порядкомъ, а тоды зъ ёй буду совѣщуватца, якъ ина отживитца!“ Узявъ перямывъ троху и ставъ складаць на столъ, такимъ жа манеромъ, якъ и тэй—на правой руцѣ, и дунувъ злёхка. Яна дажа й ляжиць, якъ лежала. Ёнъ самъ сабѣ и думаець: вотъ, сцерва, псиное мясо! Отразу ще й не думаець ничого основуватца! Ёнъ яще дужѣй дунувъ. Якъ лежала, такъ и ляжиць мясомъ. Ёнъ тоды и начавъ дуць, покуль и вочи вылупивъ,—задувся увесь. Посядзиць, посядзиць, да й опяць знова дмець. Пройшла ночь, отчинивъ дзяжурный дзьвери, полядзиць, што мясо посѣчаное, полядзиць, што уся *царевна* посѣчаная,—сичасъ царю доложивъ: „Вотъ, ваша царьское вяличество, лѣкарь хорошiй: порубивъ царицу на шматьця, и ляжиць ина на столѣ такъ!“ Царь сичасъ—видзиць, што дзѣло дрянь—вялѣвъ шибельницу здзѣлаць и дохторя гетаго повѣсиць. Сичасъ царьское повялѣнiе состроили ўдругъ, шибельницу соснували. Царь приказавъ барабанъ пробиць, кабъ народъ собирався на тревогу, на дохторя глядзѣць. Ну, и начапили гету ўжо шибельницу и спусьцили книзу зверьху. Ну, й вядуць яго вѣшаць. Привяли яго къ шибельницы, ёнъ озирнувся назадъ и ўвидзѣвъ, што у воротахъ гетыя вўчаники яго стояць. Ёнъ ставъ царя просиць: дай мнѣ, ваша царьское вяличество, попрощатца съ своимы вўчаникамы!—А дзѣ твоѣ вучаники? Ты жъ говоривъ, што самъ лѣкарь. Ну, позволяю: распрощайся зъ имы! Усё одно, говориць. Допусьцили ихъ къ яму дли распрощеньня. Яны стали просиць царя: ваша царьское вяличество, позвольця намъ яѐ лячиць? Ну, царь говориць: усё ’дно дли мяне! сягони одна шибельница, къ заўтраму дзьвѣ состроимъ! Позволивъ лячиць. Опяць увяли ихъ, усихъ трёхъ, у гету избу, и повялѣвъ лячиць. Яны сказали, кабъ ванна была перямѣнита другая, и кабъ кушаньня и табака и ўсё разное перямѣнито другое, и кабъ часовыя стояли у два ряды—ружжи зъ нарядамы и съ штыхамы, и кабъ дзяжурный ставъ у дзьверяхъ, кабъ нихто не смотрѣвъ туды. Царь усё гето здзѣлавъ. Солдатъ гетый ни пьець, ни ѣсць, и лёгъ спаць сичасъ,—не зацѣваець лячиць. Лёгъ и дзивитца. Яны, узновъ потъ—повночь злучилося—якъ настала повночь, одзинъ гетый ставъ перебираць гетыя куски; идзѣ надо перярѣзаць, перярѣзавъ ящо и ўкладаець у цёплую ванну. Поўклавъ у цёплую ванну, сѣвъ отдыхаць. Нямного отдыхнувъ и начавъ укладаць у холодную, перекладаць и перемываць, а тряпкой упираць и опяць на столъ укладаць. Перша голову поклавъ, а тоды и ўсё. Сложивъ ёнъ яѐ цяперя. А другiй, сѣдзя на правомъ боку, дунувъ. Якъ тольки дунувъ, такъ оснувалася; другiй разъ дунувъ—яна стала якъ живая,—тольки не говориць; третьцiй разъ дунувъ, дакъ ина и ўскочила. Вотъ

тоды солдатъ тэй якъ ускочивъ, дакъ ставъ и пиць и ѣсць, и подхвалювацъ. А то соўсимъ залягло було! И спрашіецъ у царицы: ци здорова ты? Вотъ дзяжурный усмотрѣвъ у щель и увидзѣвъ, што йна здорова, доложивъ царю. Царь отъ радосьци сичасъ убѣгъ глядзѣць. Видзиць, што яго жана здорова, и ставъ спрашувацъ у ихъ, у лѣкарей у гетыхъ: што награды хоцицся за гето, што излячили? Яны говорюць, што мы ничого не жалаемъ! Солдатъ говорӧць: якъ жа ничого не жалаецця? Сколькн треба да треба ўзяць! Пӧйдземъ грӧшій полядзимъ! Ну и пошли грӧшій полядзѣць. Пошли глядзѣць, вотъ ёнъ опяць почавъ грѣсьци у ранецъ и ў штаны—идзѣ тольки було мѣсто якое, дакъ ёнъ нагрёбъ. До тыхъ поръ грёбъ, покуль не ўстанецъ,—зъ радосьци ўжо. Яны говорюць: ну што жъ, землякъ,—пора йцицъ!—А што, господа: я не могу ўстаць,—грошн цижалы! Дакъ яны говорюць: отсыпъ, такъ, кабъ устаць; ци ты жъ будзешъ сядзѣць ли грӧшій? Ёнъ тоды узявъ, зъ голянищавъ высупавъ, зъ рукавовъ отсыпавъ. Тоды чуць поднявся, на ноги ставъ, якъ гроши высупавъ. Яны говорюць: пӧйдземъ, землякъ, пуць весьци свой, дорогу,—домовъ! Ну, пӧтомъ яны зъ гусударёмъ распрощались,—хоць гусударь и не хоцѣвъ ихъ пусьциць. Вышли за гӧродъ, уже пѣшшю, коній ня булӧ. Вышли за городъ, и стали спрашувацъ у солдата: куды дорога, табѣ, землякъ? Ёнъ говориць: мнѣ сюды!—Ну й намъ сюды! Пӧйдземъ умѣсьци! Нямного яны увыйшли,—вярсту увыйшли ци повторы—тама й тама рѣчка такая, што яна глыбокая и троху широкая; кладки нема. Яны, гетыя два, якъ ишли, дакъ такъ и пошли пӧвярху. Яны й не замякли, перяйшли рѣчку. А солдатъ ступивъ—сичасъ жа по колѣно у водӯ: другій разъ ступивъ—по поясъ стала вода; третьцій разъ ступивъ,—дакъ ёнъ оболбочецъ—льетца черязъ хурашку яго,—вода ўжо покрываецъ. Яны говорюць: солдатъ, утописься! А скажи, хто пячонку зъѣвъ зъ барана и водки отливъ, дакъ ня ўтописься: признайся, дакъ ня утописься!—Готовъ потопитца, а я не бравъ! Ну, яны говорюць одзинъ съ однымъ: утопитца! Ну, спросили ящо: признайсь! Ёнъ опяць не признаѐтца. Дали яму слобӧду, лехчай, лехчай, што ёнъ ставъ выходзиць,—такъ и вышовъ. Ну, и пошли дальше. Можа пройшли не дали дзесяць са́жневъ отъ рѣчки, найшли бугорочекъ обшушитца солдату, што ўжо змякъ увесь, и гроши замякли. Солдатъ распрянувся и ставъ круциць свою одзѐжу. Высохла гета одзежа, ёнъ давай гроши гетыя высыпаць на шинелю. Ну й перемѣшаецъ ихъ рукой, шӯшиць на шинели. Вотъ яны говорюць: а што, землякъ,—пора йциць!—Да, я замѣчаю, што пора!—Ну, говориць, землякъ: треба грӧши гетыя подзялиць уси на три кучки, кабъ усимъ трёмъ поровнѣ булӧ! Ёнъ, солдатъ, и думаецъ, и говориць: я казавъ вамъ, што бярицця гроши, а зачимъ не брали? А што я набравъ, цяперь хоцицця дзя-

лиць. Цяперь я знаю, што одному зъ двоимы не дратца. Воля ваша: дзялиця сабѣ! Тэй узявъ рассыпавъ на чатыре кучки. Солдатъ говориць: зачимъ жа на чацьвёртую, мы жъ, говориць, утроихъ. Ёнъ, господзинъ тэй, говориць, што чацьвёртая тому, хто пячонку зъѣвъ зъ барана, и изъ штопа няповнаго выпивъ стаканъ горѣлки!—Гето, господа, просьциця,—гето я; хоцѣвъ дужо ѣсьци крѣпко, дакъ я й зъѣвъ и выпивъ! Яны говорюць: ну, бяри, землякъ, гробши и ўси гетыя!... И, такъ, яны знаюць, што ў яго дворъ близко, недалечко, вярсты ў дзьвѣ отъ тыя мѣсносьци, —стали яны обоя, господзины гетыя, нявидзимы отъ солдата. Вотъ ёнъ узнавъ, што бясѣдувавъ исъ самимъ Богомъ. И говориць: вотъ, кабъ я знавъ, што гето бывъ Богъ, я ба къ сабѣ на бясѣду позвавъ! Ну, якъ страпилося такъ, пойду домовъ. Слава табѣ, Господзи, што домовъ донёсъ!

Приходзиць домовъ, ажъ яго оцепъ живъ, и три браты живы, и жоны ихъ, и ў жонъ дзяцей ёсь, и ходзяйство вядзетца. Порядки хорошія у ихъ. Такъ яны яго приняли: бацька, якъ сына, браты, якъ брата, нявѣстки, якъ дзеверя̂, и ўси любюць яго и ўгождаюць. Ёнъ говориць: гроши возьмиця! А яны говорюць: гето твоѐ, возьми, куды хочешъ, намъ ня треба: мы рады, што цябе Богъ принёсъ домовъ. Ёнъ, солдатъ, и ставъ распоряджатца: во́зьмець троху гро́шій да й у кабакъ. Пропъе́ць да й ящѐ возьмець; тыя пропъѐць, да й яще́. Провёвъ ёнъ гетакъ три годы жизьню свою. Нихто не ўкоривъ яго, ни ёнъ никого. За яго службу пославъ Богъ смерць яму лёхкую,—што смерць заспѣла яго яще дома вутромъ рано и выняла душу̀ зъ яго, и не чуствувавъ ёнъ. И пошла тая смерць зъ душой зъ яго гуляць у ихный садъ. Съ саду вярнулись и идуць домовъ. Тама плачуць у доми. Душа говориць смерци: што гето у нашимъ доми плачуць? Смерць у вотвѣтъ говориць: твое цѣло мёртвое; идзи попрощайся зъ имъ да й пойдземъ къ Богу! Ёнъ попрощався и пошовъ къ Богу. Пришли съ смерцью къ Богу. Вотъ солдатъ якъ увидавъ Бога: а, здрастуй, господзинъ, говориць: давно видались! Ёнъ говориць: цишай, цишай! уже на *томъ* свѣци твоя душа. Идзиця дорогой гетой прямо ў рай! Показавъ яму дорогу. Ну, солдатъ сядзѣвъ у раи дзень: ни пиць, ни ѣсць яму нихто не даець. Ёнъ и ставъ говориць: што за рай Богъ пославъ: што ни пиць, ни ѣсць? Вотъ то̀ рай бывъ, якъ царевну лячили со мной, царицу, дакъ разныя напитки и наѣдки, и табака была. А тутъ—рай, и нема ничого. Што то за рай? Ангалы ўслыхали: цишай, цишай! говорюць. —Да якъ жа цишай, коли нема ничого! Ну, тоды Богъ приказавъ ангаламъ привесьць яго у тую комлату, на калавуръ поставиць, куды смерць уходзиць и выходзиць. Тамъ яму нявидзимо давъ и пиць, и ѣсць, и куриць трошки. Посьля̂ того, нямного спусьця, нѣхто такій идзець и стучиць у дзьвери. Ёнъ и запёръ, солдатъ. Хто такій стучиць тамъ?—Яна

отвѣчаецъ: смерцъ! Ёнъ отпёръ ёй дзьвери и спрашіецъ: зачимъ жа ты, смерць, идзешъ сюды? Моё дзѣло къ Богу йци, а твоё тутъ; утъ, (вотъ) я пристановленъ на часы дли того, кабъ я къ Богу ўходзивъ. Зачимъ жа ты пришла?—Я пришла,—якихъ Богъ скажецъ людзей умяриць! Ёнъ пошовъ самъ къ Богу: Господзи, говорицъ: пришла смерць и спрашіецъ, якихъ людзей морицъ прикажешъ?—Хай, пусь старыхъ подбираецъ три годы! Богъ сказавъ старыхъ морицъ, а ёнъ думавъ, думавъ, што бацька ў яго старый, дакъ зъѣсць,—дакъ ёнъ и сказавъ смерци: вялѣвъ табѣ Господзи лѣсъ старый подбирацъ три годы! Ну, пройшло три годы. Являетца смерць опяць къ яму. Узнова опяць стучиць у дзьвери. Ёнъ опяць не пускаецъ и спрашіецъ: хто тамъ такій?—Смерць!—Да, вы тольки й ходзиця сюды! Надоѣла! Усё смерць да й смерць!.. И дзьвярей ня 'тчиняецъ, да й спрашіецъ: зачимъ жа йдзешъ сюды?—Я йду къ Богу, што прикажецъ дзѣлацъ три годы: якихъ людзей морицъ?—Ну, постой,—я сходжу къ Богу. На то я часовый! Ну й пошовъ. „Господзи, пришла смерць опяць другій разъ: якихъ людзей прикажеця морицъ?"—Пусь цяперя середовыхъ морицъ три годы! Ёнъ подумавъ, што ў яго три браты у самой сили,—ина ихъ поѣсць. И пожалѣвъ ихъ. „Вотъ, табѣ Господзи сказавъ, кабъ ты лѣсъ ѣла три годы середовый, самый луччій!.. Ина и отправилася, смерць, и пошла. Такъ гето скоро кажетца, да няскоро дзѣетца. Пройшло три годы опяць, и являетца смерць. Знова стучиць у дзьвери къ солдату къ гетому, кабъ отчинивъ. Солдатъ спрашіецъ: хто такій сюды идзёцъ?—Смерць! Да ты, смерць, усё ходзишъ сюды! Постой тутъ! А йна ня хочецъ да зъ имъ борятца, а ёнъ яё не пускацъ! Потомъ солдатъ уговоривъ яё, и пошовъ къ Богу самъ, одзинъ. „Господзи, пришла смерць у третьцій разъ; спрашіецъ, якій народъ морицъ?"—Пусь три годы собираецъ маленькихъ! Ёнъ подумавъ, подумавъ, што ёсь дзѣци маленькія у братовъ,—поѣсць! И говорицъ смерци: вялѣвъ табѣ Господзи, каба самыя отросточки поѣла за три годы! Ну й отправилась смерць три годы паросьничекъ, гетыя отросточки, доѣдацъ за три годы. Заѣлася смерць на щёптъ уся. Пошла зновъ къ Богу и стучиць у дзьвери, дзѣ гетый солдатъ часовый. Ёнъ говорицъ: хто тамъ такій?—Смерць!—Ну да, ты ўсё ходзишъ, спокою отъ цябе нема! Отчинивъ ёй дзьвери, и стала ина зъ имъ спорицъ, и сама йдзёцъ къ Богу. Ёнъ не пускаецъ. Зайшовъ у ихъ крупный разговоръ ужо. Почувъ Богъ и спращіецъ у солдата: „съ кимъ ты шумишъ?"—Господзи, говорицъ,—съ смерцью. Яна идзецъ къ табѣ; а я жа зачимъ тутъ? Я довжонъ доложиць табѣ дли объясненія; што прикажеця, то я объясню!—„Ну, хай идзецъ сюды, и смерць сюды и ты, разомъ обоя!" Яны увышли туды обоя. Господзи спрашіецъ у смерци: што ты три годы дзѣлала, и яще три, и яще три? Дзевяць годовъ, а нема ниякаго порядку: души нема ня

'дные нійдзѣ?—А мнѣ солдатъ казавъ: перша три годы лѣсъ ѣсьци старый,—я й ѣла; другій разъ сказавъ: крупный лѣсъ ѣсьци, середовый, самый луччій, три годы,—я й ѣла; ящé сказавъ за ўтретьцимъ разомъ: кажецъ табѣ Господзи: идзи, отросточки собирай малыя три лѣта!.. Богъ обрацивъ униманія къ солдату: што жа, говорицъ, солдатъ, по моимъ приказу ня спольнивъ?—Господзи, согряшивъ передъ вами, просьцицця! У мяне бацька старый, браты середовыя, и дзѣци ў ихъ—малыя. Я думавъ, што ина поѣсцъ усихъ. Ну, я й прика́завъ, хай лѣсъ ѣсцъ дзевяцъ годовъ. Такъ яна й ѣла!—Вотъ цяперь табѣ, говорицъ Богъ солдату, няси яé на своёй спинѣ три годы, куды йна задумаецъ! И мори, говорицъ на смерцъ, хворыхъ людзей три годы!—Ну, Господзи, корюсь вамъ! Полѣзай на спину! приказыецъ. До свиданія, Господзи! И пошли. Вышли яны сичасъ жа у па́росьникъ, и стали разговарюваць исъ смерцью. „Што жа ты, смерцъ? Табѣ Богъ якъ сказавъ? Ты думаешъ больныхъ морицъ, а цяперича мы идзёмъ удвоихъ съ тобой и намъ ничóго. На случай выйдземъ на̀ поля, мужики жъ зямлю работаюцъ, тамъ и лошадзи, тамъ и сами, уси здоровыя. Якъ цябе увидзюцъ такую страшную,—лошадзи поўпудзютца и разнясуцъ усё: и сохи, и борóны, и самихъ побъюцъ,—то й здоровыя хворобу получуцъ. А табѣ жъ Богъ хворыхъ казавъ морицъ!“—А што мнѣ, солдатъ: нарай, што дзѣлацъ? Гето правда твоя!—„А вотъ я табѣ нараю якъ: ёсь у мяне рожокъ у кишени: вотъ ты ўлѣзь у яго, дакъ я яго и понясу. Приду у дзяревню, попрошуся на ночь. Тамъ я разговоръ помѣю, дзѣ хворые ё. Тамъ я тоды пойду къ бóлному, да й пущу цябе. Дакъ ты яго зъяси, да й опяць у рожокъ! А то цябе такую страшную, няси!“ Яна согласилась: улѣзла ў рожокъ. Ёнъ узявъ, захляпавъ рожокъ и наругаетца смерци: вотъ тутъ три годы поѣжъ усихъ, тамъ попробуйка! А самъ пошовъ домовъ. Опяцъ поздоровався съ своими, набравъ грошій, да ў кабакъ, и начавъ купи̇цъ. Пройшло три годы, а ёнъ усё ку̇пицъ у кабакѣ. Пославъ тоды Господзи трёхъ ангаловъ: разыскацъ солдата съ смерцью, идзѣ ёнъ смерцъ подзѣвъ? Ангалы зляцѣли и найшли яго ли кабака: ляжицъ и спицъ. Разбудзили яго, стали спрашувацъ: солдатъ, идзѣ смерцъ подзѣвъ?—А вамъ якое дзѣло до мяне? Вы хто такія? —Мы ангалы: насъ Господзь пославъ, идзѣ ты смерцъ дзѣвъ?—Ну, дакъ вотъ, коли васъ Господзь пославъ, дакъ вотъ яна у рожки̇, нацяя яé вамъ. И табака тамъ, повянъ рожокъ бывъ. Узяли, откубрили, нашли. Чуцъ живая смерцъ шаволитца, ужо ня дзѣйствуецъ ничимъ. Узяли яе ангалы, отколыхали на вѣтри, и ўзяли съ собой солдата и смерцъ, и повяли къ Богу. Вотъ яны привяли къ Богу, Богъ ставъ спрашувацъ уси проступки яго. Ёнъ сознався Богу: прегряшивъ, Господзи, просьцицця! Ёнъ узявъ и отправивъ яго: вядзиця у пекло яго! Яны яго повяли. Тамъ ужо а̂гелы

отчикили яму дзьвери, ужо рады, што солдата вядуць. Солдатъ ставъ спрашувацъ: дзѣ жъ у васъ повѣсиць ранецъ, протупею, пистолетъ, ружжо, шаблю? Началѝ черценяты колички колоциць у сцѣнки молотками. Ёнъ начавъ, солдатъ, закурювацъ у трюбку,—вынивъ сабѣ трубку. Сичасъ подбѣгаецъ черцянокъ и спрашiецъ: дзядзька, ци не давъ ба мнѣ покурицъ?—Погодзи пляменьникъ,—наложу й табѣ! Узявъ пистолетъ съ сцѣнки, зарядзивъ цѣлнымъ зарядомъ и говорицъ: бяри за дуло: я табѣ отрублю огня, тоды ты й закуришъ! Ёнъ узявъ за дуло ротомъ и ссѐцъ, а ёнъ огня будзецъ отрубливацъ. Дакъ ёнъ узявъ, курокъ отцянувъ, да якъ хляснувъ яму—та́къ яго голова на скольки часьцей раскацилася... Тутъ яны, ўси черци, повыскочили уси съ пекла. А ёнъ говȯрицъ: вамъ усимъ гето *будзя!* Яны стали яго просицъ: ходзи самъ вȯнъ оттуль! А енъ ня йдзецъ: мяне самъ Богъ пославъ! вамъ усимъ гето *будзецъ*. Яны думаюцъ: што гето? бѣда имъ будзецъ: нѐйдзя жить имъ будзецъ! Узяли подхитрились. Старый чортъ ставъ у барабанъ бицъ тревогу. Солдатъ увобравъ своё па сябе да й идзецъ на тревогу. Яны ўзяли да дзьвери заперли, сами ўскочили у пекло, а яго и ня пусьцили. Солдатъ ходзицъ, не на тымъ свѣци, не на гетомъ. Нихто у яго не пытаецъ, ни ёнъ ни ў кого не спрашуваецъ. Такъ ёнъ и цяперь живѐцъ: дзѣ дзень, дзѣ ночь, абы сутки прочь...

Д. Глѣбово, сватошицк. вол. гор. у. Отъ кр. Ларiона Васильева, 42 л., негр. Разсказчикъ внѣ предѣловъ Могилевской губернiи не былъ.

Варiантовъ много изъ различныхъ уѣздовъ. По одному,—солдатъ запираетъ смерть, посланную для его умерщвленiя Богомъ, сначала въ табакерку, потомъ въ орѣхъ, и забрасываетъ ее въ траву. Ангелы потомъ долго разыскиваютъ её, и наконецъ начинаютъ „гукать: горечко, гу! А смерть: гу!—Горечко, гу! А смерть: гу!" и такимъ образомъ находятъ и вынимаютъ изъ-заперти. Въ концѣ-концовъ смерть отказывается идти умерщвлять солдата, и онъ проваливается „скрозь зямлю̀."

45. Коваль и чортъ.

Живъ на свѣци коваль. И наплодзивъ ёнъ стольки дзяцей, што нѐчаго було имъ ѣсьци. Отъ ёнъ кинувъ дзяцей и пошовъ прочъ. Ишовъ, ишовъ, приходзя къ болоту. Якъ уздумаа на дзяцей, дакъ и заплача. Плакавъ, плакавъ по дзѣцяхъ, а тогды говора: „я бъ, каатца, чорту душу̀ запродавъ ба, кабъ тольки ёнъ накормивъ моихъ дзяцей!" Сычасъ выскакуя чортъ изъ болота: самъ ясный, вочи красны, а брыль якъ на чарту̀. „Што ты тутъ казавъ, коваль?"—Ничого, паничокъ, не казавъ!—

„Нѣ, казавъ!“—Я казавъ, кабъ хто накормивъ дзяцей, я бъ тому и душу запродавъ ба!—„Ну, добро! Распишися, што ты продаёшъ мнѣ душу, дакъ я табѣ тритцаць годовъ буду служиць, усё чисто буду дзѣлаць, што завялишъ!“ Коваль думавъ, думавъ, да й росписався. Приходзя домовъ, ажъ у яго ўсяго ё: и хлѣбъ и гроши. Вотъ коваль и ставъ жиць хорошо. Завялѣвъ ёнъ черцямъ, кабъ яны построили яму хату. А яны построили яму покои, да такія, што надъ усимъ свѣтомъ, и обгородзили дворъ височѐннымъ тыномъ. И што тольки коваль завялиць, черци и дзѣлаюць. И прямо ёнъ ихъ позамучававъ. Ну, якъ разбогацѣвъ коваль, дакъ поставивъ цэркву, нанявъ попа на свой коштъ, и кожанъ дзень обѣдню служивъ. Почувъ разъ коваль, што панъ дужо бъѐ мужиковъ на пригони. Отъ ёнъ позвавъ того пана къ сабѣ у госьци. Пріѣхавъ панъ у госьци къ ковалю, тэй коваль яму и кажа: „што, якъ ба ты мнѣ продавъ свой маёнтокъ?“—А купи, кажа.—„Скольки жъ табѣ даць?“—А насыпъ повну карету золота, дакъ я выбяруся, якъ стою! Ну, коваль вялѣвъ закациць карету у пуню, и черци за ночъ насыпали повну карету золота. Сѣвъ панъ на золото и поѣхавъ, и не заѣхавъ ужо и ў свой дворъ, съ тымы грошмы. Призвавъ коваль мужиковъ гэтыхъ. „Ну, кажа, цяперака вы ня будзеця боли пругону служиць. Тольки дайця мнѣ по злоту (15 к.) отъ хаты!“ И рады стали ўси мужуки, и кожанъ дзень яны Богу молились за коваля! А коваль идзѣ кого ўбача, сычасъ накормя, напоя и на дорогу дась. И такей милосьливый ставъ, што дайжа плакавъ, коли который дзень ня було ў яго чужого чаловѣка. А чарцей ёнъ сусимъ позамучававъ, ужо й не рады яны, што зачапили коваля. Вотъ, кончаетца ужо тритцаць годовъ. Пошовъ разъ коваль на поля, и убачивъ, идуць три чаловѣки, нищія, старыя. Ёнъ къ имъ, и прося ихъ, кабъ зайшли къ яму отдыхнули. Ну, яны зайшли къ яму. Ёнъ ихъ напоивъ, накормивъ, учасьцивъ хорошенько. Отдыхали яны, подзяковали и собираютца ици отъ яго. Тоды одзинъ кажа: ци вѣдаешъ, кажа, хто мы такея? А ёнъ каа: а Богъ жа васъ, каа, вѣдаа, хто вы такея, добрыя людзи! Тогды одзинъ кажа: я Богъ, кажа. А другій говора: а я Спасъ! А третьцій кажа: а я Юрый! Тогды Богъ говора: проси жъ ты у насъ, чаго ты хочашъ, за гэто, што ты насъ накормивъ! А ёнъ кажа: ничого жъ мнѣ, Господзи, ня треба; хиба тольки якъ пришлѐ чортъ посланца за мной, дакъ ци ня можно, кабъ ёнъ ня минувъ игрушины, што у мяне ў саду, да завѣсився на ёй?—Гэто, кажа Богъ, можно! Тогды Спасъ пытаа: а што жъ мнѣ табѣ даць?—А якъ пришлé чортъ другого посланца по мяне, дакъ ци ня можно, кабъ и тэй тамъ бывъ?—Добро! хай такъ! Тогды пытаа Юръя: ну, а зъ мяне ты чаго хочашъ?—Змилуйся, святый Юръя! Якъ придзя самъ чортъ по мяне да сядзя у тутъ на купѣ, дакъ

ци ня можно, кабъ ёнъ и ня ўставъ?—Добро, кажа Юрья; тольки гляд̆зи, ци крѣпка лавка, а то жъ у яго чортовая сила! Ну, коваль тэй подзякувавъ имъ, яны й пошли. А ёнъ сычасъ призвавъ своихъ ковалёвъ и приковавъ добро лавку. Поживъ ёнъ сколька-тамъ послѧ того, ажъ чортъ и присылаа черцянка: „ты ўсё бясѣды вядзешъ да бянькеты, а на насъ и призабывъ! Прислявъ мяне тэй чортъ, што ты роспиcку дававъ. Казавъ, кабъ ты ўжо йшовъ!"—Ну што жъ, кажа: ицицъ, дакъ ицицъ, —я ўжо своё отживъ. Збѣгай-тку у садъ, приняси солодкихъ игрушъ, смагу прогнаць намъ на дорози! Черцянокъ побѣгъ. Полѣзъ щипаць игруши, попавъ у вилки головой и задавився! Ждавъ, ждавъ чортъ—нема ни коваля ни посланца. Посылаа другого черцянка. Прибягаа тэй: „што вы дзѣлаеця, нѣшто васъ не дождатца? Дзесяць пословъ посылай!"—Чаа ты, каа: я ниякихъ твоихъ пословъ у вочи ня бачивъ!—„Да прислявъ чортъ, кабъ ты сычасъ ишовъ къ яму!"—Ну, добро, пойдземъ сабѣ! Збѣгай-тку хутчѣй у садъ, покуль я прибяруся,—выщикни зъ дзесятокъ яблуковъ па дорогу! Черцянокъ побѣгъ у садъ, полѣзъ на яблону, да й ущамивъ голову у вилки,—и задавився. Ждавъ-ждавъ старый бѣсъ, не дождався,—бяжиць самъ къ ковалю. Прибѣгъ и кричиць: и посланцы тутъ сидзяць, и ты сядзишъ! Годзя мнѣ ўжо работаць на цябе! Ты й такъ ужо жильля повыцягавъ зъ мяне! Якъ жа не жаль,—повну карету золота насыпали! Я сусимъ попорвався, упадаючи коля цябе. Пора и на табѣ повоўроваць да смолу повозиць!.. Раскричавсь, што хоць съ хаты ўцекай! Ледьви яго коваль уговоривъ повячерацъ изъ имъ на дорогу. Тольки чортъ сѣвъ на кутъ, на лавку,—такъ и прилипъ! Отъ, тогды коваль говора: „ахъ, головка моя бѣдная! Якъ жа жъ гэто: я пойду, а хата моя ще не посвяцана? Треба ўпародъ хату посвяциць!" Позвавъ сычасъ попа и стали молебны правиць. Ну, уси молютца, а ёнъ сядзиць на куцѣ, вочи полупивши. Тогды попъ кажа: хриспсь! Да яго крыжомъ по лобу! Якъ ирванётца ёнъ—хоцѣвъ уцекци, ажъ хата задрыжала. А лавка ня пускаа. Позвавъ тогды коваль дванатцаць ковалёвъ; придзѣлали чорту къ боку мѣхъ ковальскій, и стали дуць. Нагрѣюць яго, да ў дванатцаць молотовъ давай коваць! Били-били, били-били: а што, ци просцишъ ковалю?—Нѣ, каа, не прощу! Отъ яны й зновъ давай грѣць да коваць. Били-били, били-били: а што, ци просцишъ?—Усё прощу, и яще служиць буду, тольки пусциця! Ну, яны лавку отковали, ёнъ и счезъ. А коваль ставъ жиць да поживаць, да добра наживаць.

Д. Колбовка, чигир. в. быховск. у. Запис., по нашимъ указаніямъ, г. Тихановичемъ.

46. Пъяница и чортъ.

Живъ сабѣ одинъ пъяница горкій, и дужа ёнъ горѣлку пивъ, бувало, у Городни [1]), и пропивъ чисто ўсё. Вотъ якъ у насъ Ивочка є́. Ну, вотъ ишовъ ёнъ разъ по дорози, пропившись, и тяперака кажа: „вотъ, кажа: сказуять, що черти є́; а ихъ сусимъ няма. Коли бъ яны были, дакъ ба дали мнѣ грошай; я бъ узявъ, а душу́ отдавъ!“ Ну, а *ёнъ* сычасъ выходя зъ рова. „Ну што жъ, кажа, во́зьмяшъ гроши?“—Возьму, говора. —„А въ якомъ расположе́няю во́зьмяшъ?“—А скажу табѣ: у мяне є́ дежачка на четвярть хлѣба, примѣрно,—тамъ на четвярть жита ти гречки па четвярть—дакъ вотъ постоянно щобъ яна була (грошай) повна, дежачка етая, кольки я ни ’тбяру, щобъ яна повна була!—„Ну до́бро, кажа: роспишись своéй кровъю!“ Ну, ёнъ и росписавсь, що отдае́ яму душу́: чаразъ во́сямдясятъ годовъ можатя комлату разбить и ўзять мяне! Да! Ну, тогды ёнъ ставъ сабѣ разживатца. Купивъ перво-на́-перво хозяйство: коня купивъ, корову, ну и ўсё тамъ, що треба у хозяйстви. Ну, тогды ставъ позычать сусѣдямъ и протчимъ по бѣдности ихъ; кому надо кольки, отъ ёнъ и вызволя. И було ў яго чатыре сыны. Яны уже трохи и подросли, ёнъ ихъ и грамоти пона́ўчававъ. Одного отдавъ у казначейство, ти куды тамъ, за писара, а другого отдавъ на служенія нашаму цару, а зъ двамами самъ остався, тутъ, у дворѣ. Ну, проживая старикъ сорокъ годовъ, доживсся унуковъ, а тогды и ўнуковъ пожанивъ, давъ имъ хорошую благодать, якъ Богъ дозволивъ. Собралися ўси сыновъё, собрався сынъ солдатъ, и писаръ пріѣхавъ; и здѣлали уси браты братскій обѣдъ на святого Миколу, су радости, што отецъ бывъ пъяница, а то тяперака хорошій ставъ. Обѣдъ жа етый заключая, хорошій обѣдъ, такъ на восямсотъ карбо́ванцовъ—якъ милосьливый Хвиларетъ усё имѣньня своё на бѣдныхъ отдавъ. Ну, и здѣлали абликацыю, на сорокъ вёрстъ отъ своей дяревни, што отъ-такій то чаловѣкъ обѣдъ давъ, приходьтя на обѣдъ. Собралися на ’бѣдъ, и дужа ёнъ участивъ увесь міръ христіянскій, дажа подаровавъ усихъ чисто сляпыхъ, нявидящихъ и калѣкихъ грошами дово́ли. По́томъ, чаразъ кольки ўремя, объяснивъ міру христіянскому: у кого пропажа ко́няй, скота якого-либо, ти нужда якая є́, приходьтя ко мнѣ: могу платить гроши нуждающимъ, у случай дѣло якое окосне́тца, тольки молитя Бога за мяне! Проживая ёнъ семдясятъ годовъ; осталныя, кажа, годы буду Бога просити: сохрани мяне, Господи, отъ етаго! И ставъ Бога просить, ставъ молитца. На дванацать царквей ла́дунъ справлявъ, и на службу—обѣдню подававъ. Тяперака, выходя дѣло, сыновъ сыны, а яго ўнуки, чатыре було,—ёнъ имъ объяснивъ: за кого я, каа, стpаждаюся?

[1] Слобода Городня, въ 4 верстахъ отъ с. Кормы, гдѣ записана сказка.

поможитя вы мнѣ Богу молитца! Яны отвящаять: искажи ты намъ, дѣдька, за якое страждангія Богу молитца? Увястивъ тогды ёнъ сынамъ своимъ старѣйшимъ: сыны моѐ, съ чаго вы разжилися: батька вашъ продавъ душу̀ свою нячистому и росписався кровью, и много загнавъ худо́бы чаразъ самую душу нячистую свою! Сыны отвѣтили раздать усё, скарбъ, на міръ христіянскій, уси гроши, щобъ уси христіяне могли Богу молитца. По̀томъ ёнъ раздумався: да, совѣтъ хорошій: мнѣ нихто ня поможа, окромя Господа Бога. Няхай душа отвячая! Тяперъ, прадлагаять яго ўнуки, що хто придя по тябе, разобъёмъ яго. Тогды ёнъ сказавъ: моѐ ўнуки, моѐ сыны! ня гоняйтеся, ня ваша росписка, а моя; хай забираять мою душу̀, —мой отвѣтъ! Тогды, прадлагавъ ёнъ уторишно справить обѣдъ у двѣ тыщи карбованцовъ, и прадлагавъ ёнъ на шасьдясятъ вёрстъ кружка просить людей на 'бѣдъ. И спокоивъ усихъ на обѣди, и грошми нададаривъ усихъ. Ну, скоро ето дѣло вышло, што вотъ яго ету ночь возьмути. Яго посповяда́ли, причастили, постель посла̀ли. И сказуя ёнъ: выйдитя ўси съ хаты, покудова я... куды мяне Богъ параве́рня! Тяперака ёнъ ляжить на лавцы, прибранъ усимъ, якъ уме́рти,—подыходя подъ вокошко старикъ якійся. „Добры̀ вечаръ,“ кажа.—Здоровъ!—„Пусти, пожалуста, обночавать!“ Ёнъ кажа: а нѣ, тутъ бяспокойство ў насъ!—„Во, кажа: хиба мы бяспокойства не могѐмъ принять!“—Ну, коли такъ, кажа, —ходи ў хату ко мнѣ! Уходя ёнъ у хату къ яму̀, помолився на боговъ и ўклонився. Тяперака, ляжавъ старикъ и ўскочивъ: сычасъ, щобъ були унуки и сыны, сычасъ дайтя етому хорошаму чаловѣку вячерать и спокой хорошій! Такъ сычасъ яму̀ дали повячерати ладно, усякихъ напитковъ, наѣдковъ хорошихъ. И сказавъ унучцы послать яму постелю, щобъ було чатыре подушки,—етому старику. Тяперака, зложилися яны удвохъ помолитца Богу, просили матаръ Божаю: не оставъ наша дѣло! Тяперака хозяинъ говора: ты ложися на за́пячку, а я на своёмъ мѣсти, на лавцы! А той говора: нѣ, ты ложися на за́пячку, а я на твоёмъ мѣсти: ты старѣй за мяне, а я боюсь горачаго! Отъ, сычасъ той гость пошовъ лёгъ на лавцы, а хозяинъ на запячку, знаяшъ—на ляжа́нцы. Тяперака, хозяинъ лёгъ на ляжа́нку, чуять—ѣдя свадьба большая дѣсь ли яго двора: „Дямидъ Андреявичъ, Дямидъ Андреявичъ, получивъ гро̀шай богато? Наша душа, наша душа!“ Тяперака вороты—гукъ! Уходя: „добрый вечаръ!“ Гость кажа: добры̀вечаръ!—„Ето той хозяинъ, што намъ душу̀ продавъ?“—Ето!—„Ходи жъ зъ нами!“—Дакъ по етому выходя хорошо: можно бязъ усякія дани душу отдать? Нѣ!.. Спрашуять яны: якую жъ дань табѣ дать?—А што ў насъ у за́кони: за́гадку загадать. И три за́гадки ня ўгадаю, можашъ комлаты разбить и узять мяне. А ўгадаю я три загадки, можашъ отрактѝсь отъ мяне!—„Ну, до̀бро! Слухай жа: што ть

одинъ у хати?“—А стану сяродъ хаты и растопыру руки, и я ня тыя стяны ня достану, ня тыя!—„Ну, до́бро! А што ўдвохъ?“—А ўдвохъ мы идо́мъ дорогой десять вёрстъ, здастца за одну. Удвохъ дорога корочѣй!—„А ўтрохъ?“—А ўтрохъ молотить ляхчѣй!—„Ну, старикъ, вѣрно отгадавъ за́гадки! По етымъ, оставайся сабѣ здоровъ!“ И пошли. Хозяинъ той уставъ и бача, што слава Богу день, и душа яго цѣла. Подяковавъ того старичка и завялѣвъ воспитавать яго до смерти. А самъ скоро посли того и помёръ.

С. Корма, гом. у. Отъ кр. Устина Буренкова, запис. въ нашемъ присутствіи г. Чайковскій. Сравн. № 40.

47. Прудникъ и черци.

Якъ живъ сабѣ одзинъ мужикъ изъ жонкой, и жили яны бѣдно. И дзяцей у ихъ не было. А якъ тольки стала жонка пузатыя, дыкъ ёнъ и помёръ, а жонка осталыся няволныя, одна бѣдныя; сколько можно було робила и жила. Расъ пышла ина зы водой. Колодзесь бывъ далёко пыдъ горой. Набрала ина воды, несла, несла пыдъ гору, зыморилася, што чуць идзе́ць, вядомо—пузатыя. Отъ, ина со злосьци и кажець: ахъ, богдай тэй прывалився, хто уво мнѣ ёсь! Якъ то̀льки ина гедыкъ скызала, дыкъ у̀ её сычасъ пярсьцёныкъ и звалився зъ руки. А чортъ пытхвацивъ и понёсъ. А ина пришла домовъ. Черязъ сколько—тамъ урема родзився у её сынъ Иванька. Якъ ставъ тэй Иванька рэсь, якъ ставъ рэсь,—ни по дняхъ росьце́ць, ды ны чысахъ, а пы минутахъ разумнѣець. И вырысъ большіи уюнушъ Иванька. Почувъ ёнъ, што ёсь нейдзѣ прудникъ, и ёнъ прыдався чарцямъ, и распыряджаетца двананцацими пылками чарцей. Пошовъ ёнъ къ тому прудпику. Приходзиць туды: „Здоровъ!“—Здоровъ!—„А што ты, братъ, дзѣлыешъ?“—А ничого! А ты што пришовъ?—„Ды што я прышовъ; я пришовъ, ци не оретывавъ бы ты мяне отъ чарцей?“—А якъ жы шъ я цябе оретую?—„Да табѣ мене лёхко оретываць можно!“—А якъ? спрашіець прудникъ.—„А вотъ якъ: идзи ты у самыю повнычъ пы могильникъ; тамъ будзець старый чортъ обѣдыць, дыкъ ёнъ будзець зваць цябе, капъ ты сѣвъ зь имъ обѣдыць. Дыкъ ты скажи: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо, дыкъ пойду! И дотуль ня йдзи, покуль скажець: „отдамъ жа, отдамъ, отдамъ! Ходзи!“ Тоды идзи!“ Ну, ёнъ гедыкъ и здзѣлывъ. Якъ ныстала ночь, ёнъ и пошовъ ны могильникъ. Ажны правда—обѣдыець чортъ. И ставъ просиць яго обѣдыць. А ёнъ каець; „отдай мнѣ тое, што мнѣ надо, тоды буду обѣдыць съ тобой!“—Што шъ табѣ надо? А ёнъ узнова: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо!—Ды што шъ табѣ надо? А ёнъ усё своё: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо! Чортъ

тоды кажець: „ну, отдамъ, жа, отдамъ, отдамъ! ходзи обѣдыць!“ Ёнъ тоды пошовъ. Побѣдыли, тоды ёнъ кажець: ну, отдайця шъ мнѣ тое, што мнѣ надо!—А што шъ табѣ надо?—А вотъ што мнѣ надо: Ишла такая и такая женщина, и звалилося у её кольцо зъ руки, дыкъ зъ васъ нѣхто пытхвацивъ её кольцо. Дыкъ отдайця мнѣ яго.—Охъ, братъ, глыбоко ты залѣсъ! Ну, али дзѣлыць нечего. Ставъ старшій чортъ дыпрашывацъ персьня. Собравъ усихъ дванаццаць полковъ. Дыпрашывавъ, дыпрашывавъ. Што тутъ дзѣлаць? Нема персьня! „Ну, кажець старшій чортъ —у кого персцень и не пыдасць, тому будзець тая доля, икая была пъ гетыму ўюнушу!“ Якъ тольки ёнъ гето скызавъ, якъ вышовъ жа чортъ —кокци по локци, волосы пу пяты, пришовъ, ды якъ кырханець—выкырхнывъ пярсьцёныкъ исъ кровью. Прудникъ узявъ персьцень ды й пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ: „ну, кажець ёнъ юнушу Иваньку: я цябе оретывавъ, оретуй и ты мене!“ Юнушъ Иванька кажець: добря, и я цябе оретую! Якъ пришла ночь, Иванька узявъ прудника и завёвъ у цэрькву; отвёвъ кругъ и пысадзивъ пы кругу прудника: глядзи, не вылѣзай съ круга, хоць якъ яны цябе будуць страшыць; молися Богу якъ можно щырѣй, кабъ не спужатца! Пошовъ Иванька домовъ, а ў самыю повнычъ прилетаюць икъ прудннку черци. Божа шъ мой! Якъ стали обырачиватца усякими звѣрями, лягушками, зміями! Якъ стали яго страшыць, кабъ ёнъ выскычывъ съ круга! И ёнъ ужо думывъ выскычыць, а пятухъ—кукареку! И ўсё прыпало. Давъ Богъ дзень: приходзиць ёнъ домовъ и рысказавъ Иваньку, якъ што було. „Усю ночь я трясусю! А черци передо мной носютца. Ждавъ я, ждавъ,—чуць-ня-чуць заніявъ пятухъ!“—Ну, кажець Иванька, гего ящо не страхъ, будзець страхъ! На другую ночь пошовъ прудникъ узнова у цэрькву. Отвёвъ Иванька кругъ и пысадзивъ яго у кругу. „Глядзи жъ, кажець, хронь Божа, не вылѣзай съ круга!“ Сѣвъ ёнъ пы кругу и прысидзѣвъ до повнычи. У самыю повнычъ приляцѣли черци. А ёнъ ужо разосмѣлився: сядзіць, не боитца. Яны пыкричали, пысвистали, пыкурнявкыли до повнычи, а якъ пѣвень заніявъ, и прывалилиси. На третьцію ночь пошовъ узнова прудникъ у цэрькву. „Глядзи шъ, кажець Иванька: кыли выцѣлѣешъ гету ночь, то будзешъ жывъ! Тольки глядзи, никуды не пыглядай!“ Сядзіць прудникъ пы кругу, молитца Богу. Приляцѣли узнова черци—цьма цьмущыя! Такъ прия̀лиси, што тэй бѣдный чуць не сомлѣвъ. Яны яго и палили, и топили, —усякъ страшыли! А ёнъ сядзіць, Богу молитца. Передъ самымъ днёмъ схвацивъ тэй чортъ росписку, ды якъ дась пы ногахъ! Такъ ноги у того прудника и отвалилиси пы колѣно! „На, каець, прыклятый! Хай бы сябе оретывавъ! А хай бы мнѣ малецъ бывъ!..“

С. Моцены, сънн. у. Отъ кр. Хиженкова.

48. Кладъ у чертей.

Было два браты, жили ўмѣсьцяхъ. И ў ихъ, якъ жили, были гроши расходывыя, хыдзяйськія, и ящо лишнія. И ў старшаго брата, якъ ёнъ померъ, остався мылолѣтьній сынъ. Вотъ, якъ померъ старшій братъ, уси гроши расходывыя зыбравъ мылодзѣйшій братъ, а гетаго малца ужо дзядзька. А тыя лишнія гроши старшій братъ схувавъ передъ тымъ, якъ умѣрци. И нихто ихъ не найдзець. Ну, тоды стали гетому малцу уси радзиць, што ныпрасно одзинъ дзядзька пользуетца грошми. Тоды пляменникъ пошовъ къ выроживиту-дзѣду пывырожиць объ тыя гроши, и надзѣвъ на руку пярсьцёныкъ. А ў гетаго дзѣда была дычка. Ина увидзила пярсьцёныкъ ны палцы и кажець яму: што, пришовъ, мусиць, къ мойму бацьку объ гроши? Ёнъ табѣ ничого не скажець. А кыли хочешъ, кабъ я табѣ усё скызала, дыкъ дай ты мнѣ свой пярсьцёныкъ! Ёнъ перша не хоцѣвъ, али тоды узявъ ды й отдавъ. Вотъ ина яму говорыць: якъ рыскажешъ ты бацьку свою обиду, ёнъ пойдзець у лазьню къ чарцямъ выроживиць. А ты глядзи, бяжи якъ можно напередъ, и ўлѣзь у лазьню и ляжъ пыдъ цапки у ями, и слухый, што чарты будуць кызаць бацьку. Ды глядзи не кашляй, а то прыпадзешъ! Вотъ ёнъ такъ и здзѣлывъ. Пошовъ дзѣдъ у лазьню, призвавъ двохъ чартовъ и ставъ пытатца объ гроши. Гетыя два чарты сказали, што мы молыды, ня вѣдыемъ гетыго, а кыли хто й знаець, дыкъ старѣйшій чортъ, кысматый и рыгатый. Вотъ, дзѣдъ зовець и старѣйшыго. Старѣйшій чортъ и кажець: я вѣдыю объ гетыя гроши, ды не дамъ ихъ, бо самъ нашовъ ихъ у вульлі; и якъ яны были някщоныя, дыкъ я ихъ узявъ и схувавъ пыдъ вульлёмъ у садку. Дзѣдъ тэй пытаетца: ци добро жъ ты ихъ пилнуешъ?—А няго нѣ, каець; тольки на вяликодня у церкву сходжу, разъ у годъ, пылядзѣць за тыми, хто ў церкви..... почешиць, ци засмяетца, ци будзець шаптаць,—то гето нашъ! Ну, дзѣдъ тэй зъ нисчимъ и идзець домовъ. А тэй пляменникъ цихынько вылѣзъ ды пы зыгородьдзю и прибѣхъ, и сѣвъ ны лавцы. Вотъ приходзиць дзѣдъ-вырожбитъ и кажець: ничого ня можно вывырожиць! Ну, тоды дычка гетыго шуптуна распыталыся у малца, што казали черци и говорыць: заўтра шъ вяликдзень. Якъ пойдуць у церкву черци, ты гроши геты и возьми! Вотъ, дыждавшиси вяликыдня, якъ уси поѣхыли у церкву зъ двыра, ёнъ узявъ чапелъ, откыпавъ геты гроши, перехувавъ ихъ у вулей и перяксцивъ. Вярнулиси черци съ церквы, хвацилиси, што немашъ грошій,—скуголиць, плакаць... Кругомъ уси ходзюць, чуюць плачъ, а ня вѣдыюць, идзѣ и хто. А малецъ тэй дыгадався, сядзиць ды радыстно дышиць...

С. Мошканы, сѣнн. у. Отъ кр. Никиф. Кондратьева, запис. въ моемъ присутствіи г. Доморацкій.

49. Падчерица и чортъ.

Были ў мацыхи дыцка и падцырича. Вотъ мацыха не любила свою падцыричу и хоцѣла якъ-ни-якъ збасываць её. Ина её у лѣсъ за цымъ-нибудзь пошлёць, а ина усётыки прийдзець жива и здорова. Тоды ина надумылась: вытыпила байню; уси пошли пупарилиси, тоды ина пысылаець её: идзи, ноцуй у байни. Ина й пышла у байню ў ныцавенки. Пришла, перексцилысь, и легла спаць. Тольки ина легла, ашъ приходзиць такій мылодзецъ, такій мылодзецъ. Приходзиць и гыворйць: „здраствій, дзѣвка!“—Здраствій!—„Дзѣвка, дзѣвка, ложись со мной спаць, будземъ съ тобой жанитча!“ Ето была няцыстая сила. А ина яму: што шъ я буду спаць, у мяне нема ни пярины, ни подушки! Ну, ёнъ ей гыворицъ: пыгодзи, принясу! Пошовъ и приносиць ей—Госпыдзи!—и пяринъ, и подушикъ повну байню. „Ну, дзѣвка, будземъ цяперь жанитча!“—Нѣ, не буду я жанитча,—у мяне нема шубы! Вотъ ёнъ пыбѣхъ и приносиць ей шубу, силенно добрыю. „Ну, дзѣвка, будземъ жанитча!“—Якъ жы шъ я буду жанитча, коли у мяне нема ни рубашки, ни юпки, ни былахона, ни плытка: ты шъ видзишъ, што я соўсимъ гола! Вотъ ёнъ сыйцасъ принёсъ ей усё. „Ну, цяперь жанитча будземъ!“—Якъ жы шъ я пойду зы цябе: уси людзи будуць пряжу прясь, а у мяне нема ницого! Вотъ ёнъ сыйцасъ принёсъ лёну, юшекъ, клубковъ, усяго. „Ну, цяперь ужо идзи зы мяне!“—Якъ жы шъ я пойду,—у мяне нема ни копѣйки дзенехъ; пыношу ету одзёжку, а тоды мнѣ и на людзи нельзя будзець выйци. Ёнъ сыйцасъ несёць ей чѣлый мяшокъ дзенехъ, якъ можно несь. Тоды ина гыворицъ: ну, обождзи, пòкуль я надзѣнусь! А то ты такій пымѣщикъ, а я ў тряпкыхъ,—у мяне нема ницого! Вотъ ина вышла и стала Бога молиць, капъ пѣтухъ запіявъ. Якъ запіявъ пѣтухъ, такъ ёнъ и прывалився скрось зямлю. Тоды ина пяраксцилася и пышла къ бацьки и гыворицъ: „татулька рóдненькій, зыпригай ты кыня! я шъ своё добро не принясу зъ байни, а надо везьць!“ Вотъ тоды мацыха: ишъ ты, нягодныя! Я ее пысылала на смерць, а ина ещо добро своё пывязець зъ байни. Кыли ина ужо прыпадзець отъ мыѐ гыловы? Куды ни пошлю, усё жива! Вотъ бацька запрёхъ кыня и думыець: Госпыдзи, откуль ина брала стольки дыбра? Стрясь: и дзенехъ и одзёжи, усяго-усяго нанòшано! Вотъ привязьли добрó домовъ, мацыха ашъ спугалась. И гыворицъ своёй доцкѝ: ну, доцушка ты мыя, сыбирайся, отвяду я цябе у байню. Ина дура, ды стольки дыбра принесла, а ты шъ усё вумнѣй зы её, ящо больше принясешъ! Вотъ ина свою доцку надзѣла, ыбрядзила и пувела у байню, и зыложила двери. Вотъ ёнъ, няцыстая сила, и приходзиць. „Дзѣвка, дзѣвка, идзи зы мяне замушъ!“ А йна ему: нѣ, я не пойду зы цябе,

—ты не пругожъ! Вотъ ёнъ тоды узявъ, усю шкуръ зъ ногъ ды голове знявъ, ны цасци ее рызобравъ и раскинывъ дзѣ што, а шкуру на пецы рызостлавъ. А матка ее дыжидала, дыжидала, и говбрицъ мужуку: што ето её нема? Вѣрно у ёй дыбра дужо много, што не принясецъ! Пышла сыма у байню, ашъ ее дыцка уся рызобрана ны цасци, и шкура па пецы. Дывай ина плакыцъ тамъ, што сыма доцку на смерцъ оставила. Плакыла, плакыла, и ницымъ не пумогла: доцку свою схыронила.

С. Узкое, велиж. у. вит. губ. Отъ кр-ки Ирины Андреевой записала по моимъ указаніямъ г-жа Страмковская.

50. Черци на игрищѣ.

Уво 'днэй дзяревни была такая зывядзёнка, кабъ собиратца па сўпрадки дзѣвкамъ уво 'дну хату. Расъ двананцыцъ дзѣвокъ собралиси на свою хвацеру, набрали яецъ, сала, килбасъ—дзѣло було объ коляды—и стали жарицъ, кабъ мальцовъ частовацъ. Ну, тоды уноччи, приходзюцъ нибытцамъ мальцы, приносюцъ горѣлку. Дзѣвки тыя, звѣстно, просюцъ ихъ съ собой вячерацъ. И ў одные дзѣвки дзяцёныкъ бывъ на рукахъ. Ёнъ дзержавъ ложку и ўпусьцивъ. Тая дзѣвка полѣзла подъ столъ доставацъ ложку и увидзѣла, што у ихъ хвосты висяцъ. Яна тоды ўстала и хочецъ ици съ хаты, а черци яе не пускаюцъ. Яна кажецъ: я сичасъ приду! Вышла и побѣгла ў ёвню. Ёвня, ёвня, кажецъ, не отдай мяне! печка, печка, не отдай мяне! токъ, токъ, не отдай мяне! Пераговорила, што тольки на вумъ узыйшло. Тыя черци подъѣли, узяли сабѣ по дзѣвцы и стали душицъ; дыкъ одзинанцацёмъ черцямъ ёсь по дзѣвцы, а двананцатому нема. Вотъ ёнъ побѣгъ за той дзѣвкой у ёвню. Прибѣгъ у ёвню и ставъ двери отчиняцъ,—ня 'тчиняютца. Ёнъ и ставъ говорицъ: двери, двери, отдайця дзѣвку! Яны отчинилиси. Ёвня, ёвня, отдай дзѣвку! Ня 'тдаецъ. Печка, печка, отдай дзѣвку! Ня 'тдаецъ. Покуль ёнъ усё пераговоривъ, пятухъ и запѣвъ. Ёнъ и уцёкъ. А тыхъ одзинанцацъ дзѣвокъ усихъ чисто подушано.

Сѣнно. Отъ кр. Петра Кучинскаго. Также *Гомель,* и др.

По одному варіанту, дѣвка убѣжала въ гумно и спряталась въ ленъ, котораго черти очень боятся. Чертей узнало дитя, бывшее на игрищѣ, по красным глазамъ и по хвосту. Какъ доказательство боязни чертей льна, приводится разсказъ, какъ чортъ, не могшій перетащить кладъ чрезъ полосу, засѣянную льномъ, попросилъ о томъ мужика, пахавшаго вблизи поле. Мужикъ взялъ кладъ, вошелъ въ средину льняного поля и остался тамъ ждать, пока запоютъ пѣтухи. Чортъ тогда пропалъ, а мужикъ взялъ кладъ себѣ.

51. Гуме́нникъ.

(Преданіе).

Мы спрежда были богаты, було у насъ тритцать коняй. Наконецъ того, заступили помѣщики зъ Москвы [1]), осталось съ тритцати три тольки. Тяперака мы прини̂жали; було намъ отъ помѣщиковъ дужо худо; стали насъ, значитца, во ўси мѣ̀сты потраблять, якъ дѣда, такъ и батьку и матку, и насъ, усихъ на ўси работы. А насъ було шесть братовъ, сёмая сястра. Тяперака отецъ нашъ заскучавъ, потому, ня хватаа намъ на прокормленія. Вотъ разъ, у пилиповку, тамъ бываа празникъ Миколаа угодника, пошовъ батька нашъ посли обѣда затопивъ овинъ, а ўвечари, повячеравши, отправився туды ночавать. Приходя туды уво 'винъ, помолився Богу и лёгъ спать. Скинувъ шубу, поклавъ у голова̀, самъ обпёрся на ру̀ку и задумався объ своимъ ходяйстви, што негди чаго ўзять. Удругъ оявляетца къ яму старикъ: куртка чорная, поясъ чорный, а на головѣ ковпакъ. Узявъ батьку за правую руку̀ да й кажа: чаго ты, Автухъ Корнѣявъ, засмутився такъ объ етымъ? У васъ ё богатый чаловѣкъ Аксенъ —богатырь тогды бывъ—у яго кажа, усякаго добра много ё, ну ў тябе, говора, большъ добра прибудя, ня журись! Батька мой думаа: мусить ето Богъ самъ, учувъ моѐ молитвы! А старикъ тэй вынимаа съ кармана̀ новый ножикъ и кажа „на, разрѣжъ ножикомъ правый мезѐняцъ и капни куды-не́будь каплю своѐ крыви!"—Э, думаа сабѣ батька: дѣло плохо! ето, значитца, нячистая сила. Нѣ, кажа, я етаго ня могу здѣлать! И хотѣвъ ёнъ перахриститца, а *ёнъ* руки держа. „Ну, кажа: коли ня хочашъ дать крыви, дакъ отдай мнѣ тое, чаго ў доми ня вѣдаешъ!" Батька кажа яму: якъ я маю што отдавать: усё своё добро я вѣдаю, и нечаго, кажа, мнѣ отдавать табѣ.—„Нѣ, кажа, отдай, чаго ў доми ня вѣдаешъ!"—Нѣ, ня дамъ!.. Подыходя ето дѣло уже повночь. Якъ налятѣвъ вихоръ, затрещало гумно, собаки забрахали на дяревни и пятухъ запѣвъ—було у насъ трое курей на сѣдали и пятухъ. Дѣдъ той пустивъ тогды батьку и пошовъ за овинную печь, А за имъ якъ пошли, якъ пошли, дакъ и косматыя, и рогатыя и ўсякія... Выбягъ батька съ овина, ставъ Богу молитца, а шуба на зямлѣ ляжить уво 'вини. Змёрзъ ёнъ, стоючи, узявъ грабли и давай шубу доставать. Тольки ёнъ яѐ зачапивъ, а дѣдъ вышовъ зъ—за печка да не давать. Той къ сабѣ тягня, а той къ сабѣ. Тутъ запѣли другія пѣвни, дѣдъ сховався за печъ, а батька загробъ шубу и надѣвся. А тутъ и мы пришли зъ работникамы молотить. Развялй тяпло́. Батька й почавъ намъ расказавать. Мы яму

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о первомъ раздѣлѣ 1772 г.

кажамъ, што се́ночи родилася у яго дочка, а у насъ сястра. Ну, ёнъ ставъ молитца Богу, што Богъ яго застярогъ, што ня 'тдавъ ёнъ своѐ дочки Гуме́ннику. Тогды назаўтраго позвали попа, отслужили молебянъ и стали спокойно жить. Да такъ, якъ бачишъ, и не разбогатѣли.

Д. Кунторовка, покат. в. рогач. у. Отъ кр. Сергѣя Автухова, 70 л.

52. Гуменникова дочка.

Якъ бывъ у хозяина одзинъ сынъ. И ёнъ усё у ёвню спацъ ходзивъ. Тоды тамоцьки улюбилася у яго Гуменникова дочка, чарциха такая, и ёнъ усё хо́дзиць икъ ёй и ходзиць, до самый восени. Бацька зъ маткой тоды дзивютца: што гэто ёсь, што ужо холо̀дно, а ёнъ ходзиць туды спаць. А ёнъ кажець: хай сабѣ, мнѣ тамъ лѣпи, якъ тутъ. Ну, яны яго пусьцили; а тоды бацька пошовъ пыдглядывацъ, што ёнъ тамъ, значитца, дзѣлыець. Приходзиць туды; кыли пытлядзиць у щѐлочку, ажны яны сидзяць удвоихъ исъ паненкый, и паненка уся увубраная у зо̀лыци, и столъ перадъ ими зысланый. Сидзяць сабѣ, пъюць вино, закусыюць. Бацька тоды побѣхъ домовъ и кажець жонцы: ци вѣдыешъ, што сынъ дзѣлыець нашъ? Кылы яго паненка сядзиць уся ў золыци и дужо пригожая! И матка побѣгла туды и пыглядзѣла. Нызаўтрыго прихо́дзиць ёнъ домовъ, и стали яны у яго спрашувацъ: сынокъ нашъ любый, скажи ты намъ правду щирую: съ кимъ ты сядзѣвъ? съ кимъ ты гулявъ? Признайся намъ! Ёнъ тоды каець: татка мой родный, мамка моя родная! сядзѣвъ я зъ Гуменниковой дочкой. Ина дужо у мяне улюбилася и просиць, кабъ яе замужъ зы сябе узявъ,—ина, каець, перакщи́тца! Пошли яны тоды къ попу. Попъ сказавъ, можно перакщиць. Собрали кумовъ, пошовъ ёнъ яе́ пызвавъ, и перакщили; а перакщивши, и вясельля згуляли. И стали жиць. И ина яму дужо много гро́шій носила и ўсякыго добра. Ина й работыла якъ на́ськая и на ниву ходзила жаць. Расъ яны жали на поли, ашъ лецяць два круки ды й кричаць: крукъ! крукъ! А йна кажець: до̀бро, придзёмъ. Людзи ўси виздзивилиси, и пычали у яе́ пытатца. Ина кажець, што гэто ляцѣли моѐ браты, яны мяне звали на хрезьбины! Ну, пришовши домовъ, ина позвала мужука свойго и пошли иа хрезьбины. Гуляли яны тамъ, гуляли, тоды мужикъ яе, видзиць, што рабёшачекъ большій, а родзиха такая тоненькая, якъ ёсь найтонѣйшій волысъ; ёнъ и подзивився. Якъ тольки ёнъ подзивився, ина зарысъ и переломилыся. Жонка яго видзиць, што гэто худо, што ёнъ подумывъ гэтыкъ, и кажець яму: лѣсь, подъ дзешку схувайся! Браты яе йскали, йскали, хто гэто подумывъ, и не найшли. Тоды жонка потходзиць къ яму и кажець: вылѣсь скоренько, ды подумый, кашъ ина узновъ такая стала, якъ была! Ёнъ

вылѣсъ и подумывъ,—ина узновъ и зробилыся такая, якъ была упяродъ. Браты дужо стали рады, што ина отжила, стали ихъ частовацъ, принимацъ.

Сѣнно.

53. Гуменниха.

... Тутъ, подъ Осиновку (деревня), ё рѣчачка, Прудо̀къ зове́тца. Дакъ тамъ лясы̀ были силныя. Дакъ мужуки завялись тамъ поля раздѣлавать. И ў водные́ бабы дятёночакъ бывъ. Дакъ ето вѣрно ихъ житялство було тамъ: якъ придя ночь, дакъ яны заплачуть, заплачуть,—голосють, якъ во̀ и христяни. Голосъ такій по лясу̀, што Божа, Божа! А коли дожжъ пройдя, дакъ посли дожжа пугамы якъ станутъ хлопать!

Жали яны разъ ячмень по лядо̀хъ. Дакъ, вѣдомо, и ночавали тамъ по гумнахъ. Бабы етыя боятца; дакъ яны на 'винъ поўзлазили: „нумъ, каа, узлѣзямъ на 'винъ, дакъ мы ни звѣра, ничого, ня будомъ боятца!“ А тогды звѣра було усякаго: мядвѣди, лоси, козы, свиньни, рыси—пуща была нясходимаа! Отъ яны узлѣзли на 'сѣть, сидять. Ще й ня позаснули, ажъ ось, уходя на токъ женщина, холно прибравшись, прихуховившись, и нясе у рукахъ орѣховый кустъ и свѣчачку съ огнёмъ. Да тымъ кустомъ по току хлопъ! хлопъ!—пуга́а ўже ихъ. „Отъ мы, каа—баба моя казала: тихонячко устали, посѣли кружка̀, а дятёночка того помижъ сябе, и мовчимъ. Отъ яна похлопала, похлопала, и съ кустомъ и съ свѣчкой за вороты.

Д. Болсуны, полѣс. в. рог. у.

54. Лясунъ.

Живъ бывъ одзинъ чаловѣкъ, и ў яго было два сыны̀. Ёнъ живъ богато и якъ пымиравъ, призвавъ старшаго сына и прикызавъ яму̀, капъ пыдзялили усё быгачество поровну, якъ ёнъ помре́цъ. Ну, вотъ, помёръ бацька, старшій братъ и забравъ усё сабѣ, не давъ меньшаму ани ничого. И было у меньшаго брата чецьверо дзяцей, и нечимъ было яму ихъ кормицъ. Расъ панъ пупросивъ гэтаго брата занёсь отъ яго письмо некуды. Занёсъ ёнъ письмо, идзецъ ныздзъ, и обнила яго цёмныя ночь сяродъ пущи. Ёнъ узявъ, узлѣсъ на ёлку и занучувавъ. Тольки бывъ задремавъ, чуецъ—нѣхто свищецъ. Пылядзицъ ёнъ, ашъ лясунъ вовковъ гоницъ. Пыдогнавъ вовковъ къ тэй елцы: „а што, каецъ, рабяты, будземъ нучувацъ тутъ!“—Будземъ! Тоды лясунъ вынивъ зъ запазыхи сярнічку, сморгну̀въ яё объ грудзи и ставъ раскладацъ цяпло́, а вовкѝ стали носицъ дровы.

Ну, зыгорѣлыся цяпло, лясунъ вынимаець зъ-запазыхи булку хлѣба. Пыдзяливъ усимъ пы куску, и ящо кусокъ остався. По́тымъ узявъ сала кусокъ и пыкроивъ усимъ пы кусочку, я ящо кусочекъ сала оставсь. Лясунъ узявъ гэтый кусочекъ сала и говорицъ на гэтыго чаловѣка: „на́, кажець, табѣ, чаловѣчакъ, я вѣдыю, ты хочешъ ѣсь!“ Ёнъ каець: я боюсь вовко̀въ!—„Нѣ, каець, нябось.“ И пыклавъ яму хлѣбъ тэй съ салымъ на сучокъ, на е́лцы. Тэй и ѣсь хочецъ и боитца вовковъ лѣсць. Такъ и просидзѣвъ цѣлыю ночь на е́лцы. А лясунъ перенучувавъ и ныза̀утрыго пыгнавъ узнова свою стаду—зысвиставъ, зыгогокывъ, пу̀гый заляскывъ. Пылядзицъ мужикъ тэй, што вовки отышлиси далёко, злѣсъ зъ ёлки, узявъ хлѣбецъ тэй и сало и пошовъ домовъ: „пынясу, каець, дзяцемъ: тыя ня ѣвши сидзяць.“ Пришовъ домовъ, пыклавъ усё гэто на столъ и пызвавъ дзяцей и жонку. Дыкъ хлѣбъ тэй якъ сонца зьяецъ. И скольки яны яго ѣли, дыкъ ёнъ усё не у̀бываець, усё уво 'днэй мѣры.

Увидзила гэто дычка старшыго брата. Побѣгла домовъ и гово̀рицъ: татычка, якій я видзила хлѣбъ у дзядзьки,—усё ро̀вно, якъ сонца! Позавидывавъ гэтый братъ бѣдному и пытаетца: „идзѣ ты, братъ, узявъ гэтыкаго хлѣба хорошаго? Я быгатый, и то не маю гэткаго хлѣба!“ Тэй рысказавъ яму усё чисто по правдзи. Зыбрала старшыго брата зависъ. Приходзицъ домовъ и зывялѣвъ жонцы зварицъ яму чаго—не́будзь на дорогу. Ина ныварила яму, напекла мяса, пироговъ, килбасъ. Зыбравъ ёнъ усё и пошовъ къ брату просиць, капъ тэй завёвъ яго туды. Ну, тэй узявъ, завёвъ. Тоды быгатый братъ узлѣсъ на ёлку, а бѣдный пошовъ сабѣ домовъ. Давъ Богъ ночь, гоницъ опяць лясунъ свою стаду къ елцы къ тэй. „Ну што, рабяты, хочеця нучуваць, ци нѣ?“—Хочемъ! Ну, лясунъ узявъ сярничку узодравъ и ставъ цяпло рыскладаць, а вовки стали носиць ны цяпло дровы. Вотъ, якъ рысклали яны цяпло, лясунъ вынивъ зъ запазыхи булку хлѣба и ставъ кроиць: усимъ пыдзяливъ по скибцы, а одному нема, не хвацило. Тоды узявъ кусокъ сала и пыкроивъ: усимъ дысталось пы куску, а тому узнова не хвацило. Уси ядуць, а тэй нѣ. Тоды ёнъ пытаетца: а мнѣ што ѣсь?—А табѣ вунъ того чаловѣка! пыказыець ны богача. Тоды вовкъ подышовъ къ елцы и становитца дубомъ ны яе. А быгачъ тэй ни живый ни мертвый сядзиць, ня вѣдыець, идзѣ ёнъ: ци на тымъ свѣци, ци на гэтымъ. Вовкъ стыявъ, стыявъ, ды выць ставъ. Давъ Богъ дзень, пыгнавъ лясунъ усихъ вовковъ, а тэй стоицъ ли е́лки ды выець. И такъ гэто провялося уремя нядзѣля. Быгачъ жа хоць трасѐтца, а килбасы ѣсь, а вовку пришлося хуць ты здыхай. Тоды ёнъ повывъ, повывъ, ды дзѣлыць нечаго,—побѣгъ дыгоняць тыхъ. Тоды богачъ злѣсъ скоренько зъ елки и побѣгъ домовъ. И дужа ёнъ радъ ставъ, што живый остався. По гэтый радосьци пызвавъ къ сабѣ госьцей и су-

сѣдзей. Отъ яны сабѣ бясѣдуюць зъ раньня ды до вечара. Полидзяць, ашъ нѣйкій шѣренькій котокъ убѣгъ у хату. Лѣтнее уремя гэто було, двери былй расчиняты. Госьци тыя стали уцѣшатца съ котка, гладзиць яго: во, якій славный котокъ, пригожій. А ёнъ пугулявъ, пугулявъ, ды подъ печь. Пывячеравши, стали яны класьциси спаць. Госьци лягли у пуни на сѣни, а сусѣдзи разышлись пы домахъ, а хыдзяинъ лёгъ пы полацихъ. Якъ заснули уси, коцикъ тэй вылисъ съ подпечча, скинувся вовкомъ, спёгъ хыдзяина съ пылаць и перагрызъ яму горло, и такъ, пы правдзи скызаць, чуць усяго ня зъѣвъ,—тольки костычки зысталиси. А самъ и ўцёкъ. Давъ Богъ дзень: приходзюць госьци у хату пыхмялитца ды понащитца, ашъ тутъ вунъ што здзѣялыся...

Д. Тютьки, рясн. вол. сънн. у. Отъ кр. Кирилла Анпкіевича.

...А то матка моя видѣла лясуна, *доброхочаго.* Пастили яны разъ якся овецъ, коло возяра етаго, коло Ковпиты (деревня). Яна съ Полѣсься (село) була, матка моя. То жа было, значитца, якъ люди были, урэдныя тыя, говорили. И такъ, на чаловѣка походжи. „Отъ, мы, каа; овецъ пасомъ—уже почало лёдъ ломать на возяры, крыги. Бачимъ мы—такъ иде,—капялюшокъ, брылёкъ бѣлянькій, и етакаа свиточка бѣлянькаа, поясокъ на ёмъ красный, потперязавшись, и етакія—оборы мы зовомъ— раме́нныя, чорнянькія, на ногахъ. Самъ молодый дячучо́къ, росту такъ сярэдьняго. Такъ ёнъ съ крыги на крыгу, съ крыги на крыгу,—лёдъ уже разбиваа. А дѣвка, каа, другаа зирнула. Да була яна такаа языковатаа, слабъ-языкаа. Дакъ яна убачила и ня стѐрпила: „дѣвки, каа, полядитя: бодрѝла, каа, нѣйкій! бодрѝла!" То̀, бутцамъ, хвастунъ—знявага ўже по нашаму. Да сыйчасъ зявнула: хаа!—дакъ такъ ротъ на бокъ и звярнуло! А ёнъ и пропавъ."

Етый много урэду дѣлавъ. Ну, коли уже распознаетца съ чаловѣкомъ, дакъ будя сходитца зъ имъ на лясу, у поли, и раскажа: „о̀тъ табѣ: тое такъ дѣлай, а тое такъ!" А ў хату ня по̀йдя.

Д. Болсуны рог. у.

Чаловѣкъ у насъ такій—Сухій, прозвища—бувъ. Дакъ охвотникъ бувъ до дярэвья: лазивъ да дѣлавъ у дярэвъяхъ борти ли пчолъ. Дакъ яна обб̀яре которое, облюбуя, да й садятца (пчолы.). Дакъ ёнъ ишовъ съ плетьтю, зъ етой, што лазять по дярэвъю. Тяперъ яна (лясуниха) зъ имъ стрѣлася. Сустракаетца зъ имъ, кажа: „Сухій, а Сухій! подари мнѣ тое, што ў доми ня вѣдаешъ: о̀тъ, пчолъ табѣ насядя, дакъ насядя!" Ёнъ думавъ, думавъ—перадумавъ усё: ну, нехай сабѣ,—дарую, каа, што у доми ня вѣдаю! А на тое призабывъ, што яго жонка, съ позволеньня ска-

зать, берэмянна была у тэй часъ. Ну, яны и разыйшлися: ёнъ пошовъ домовъ, а яна сама сабѣ пошла. Тяперака, ёнъ приходя домовъ, а жонка обродилась, да й мальчишкомъ. „Э, кажа: во я штd отдавъ! Тяперака уже ня мой будя!“ *Цяперъ*, ёнъ живъ лѣтъ десяти, мальчишка тэй. Да такій расте гожій, чистянькій, хлопчикъ тэй. Цяперъ, вѣдомо, дѣти гуляють на вулицы, а ёнъ гулявъ зь дятьмы. Гуляли яны у папбчки,—што пóмяжъ ногъ одинъ одному сядятца (въ родѣ игры въ рѣпку). Ёнъ отыйшовся: ну, гуляйтя жъ, кажа, братцы, а я поѣду на мѣсто по бараньки! Якъ поѣхавъ по мосту теразъ возярd, дакъ и тяперъ ѣздя. Тяперъ, къ вечару собралися уже ўси—нема хлопчика. Успáдались, шукать, бутцомъ, стали. Шукали, шукали—дакъ яна ўже вяде ихъ: у воднымъ мѣсти знайшли лапотки и рdзочки три; пошли даляй—у другимъ мѣсти знайшли поясочакъ и розочки три; ще даляй пошли—знайшли сорочку и розочки три. Ну, бачуть уже, што ето яна—нихто боляй—примѣты кладе, годи шукать.

Цяперъ, терезъ нядѣлю, ти моо терезъ двѣ, дуба ёнъ оглядавъ. Ажъ яна знову выходя къ яму: „Сухій, каа, а Сухій! вотъ табѣ тамъ пчолы понасѣли, вотъ тамъ понасѣли и вотъ тамъ!“ А ёнъ каа: няхрищоная, отдай мойго хрищонаго! Отъ ёнъ яго и ўбачивъ: вяде яна яго за ручку и розочкой сяче усё. А ёнъ кричить: татъ, возьми мяне! татъ, возьми мяне! А яна ўсё сяче. Отъ ёнъ съ того дуба да за ёй, побѣгъ яé догонять. Дакъ тутъ загулd, задулd, и деравы̀ перадъ имъ посогинались—дорогу перакратили. Некуды ўже догонять! Тольки жъ ёнъ тоды яго й бачивъ...

Ёнъ тоды богатъ бывъ (ставъ), разбогатѣвъ и—и! А тяперъ и сялйба таа пустаа, и ўнуки и праўнуки горююць,—поразволоклись куды который... Яно ня годитца зь имы знатца.

Д. Болсуны рог. у.

По народному міровоззрѣнію, лясуны, лѣсовики подчинены Юрью, Егорію (Георгію)—завѣдáтелю звѣрей и птицъ. Они исполняютъ у него обязанности пастуховъ. „У Юрья пастухи у кажномъ лѣси è—лѣсовикъ—и надъ звѣрами и надъ птаствомъ. Дакъ ёнъ вышай лѣсу, зъ бородой, съ пугою. И кокохая такъ, якъ пастухи. А прежнія люди бачили, якъ ёнъ ихъ укучи гоняя.

А то разъ заночававъ чаловѣкъ ля огня и ставъ грѣть грѣнку (ломоть хлѣба) Хлѣбъ той яму и отказуя: утякай кажа, зъ етаго мѣста, а то йде, кажа, лясовикъ исъ своими звярми! А ёнъ ужо и кокохая, якъ пастухъ: го-го-го-го! „Я, каа, узявъ да сыйшовъ трохи ў бокъ, кинувъ и огонь той. И чую—тращѝть и лопощѝть, гоня. Дакъ и вовки, дакъ и мядвѣди, дакъ и лоси, дакъ и зайцы, дакъ и—Божа, Божа! Страху

я набрався. А ёнъ подогнавъ проти мяне да й кажа: эй ты, чаа ты сховався, ходи сюды! Отъ я подышовъ, дакъ уво мнѣ и души нема. А ёнъ тольки табаки у мяне попросивъ. И пошовъ."

А то такжа стрѣвся у лѣси чаловѣку одному. Дакъ бурахтатца стали, выпробовали силу. Дакъ нагородивъ лясунъ грошми.

А ў Яленцы (дер.) нашла двохъ дятёнковъ у лѣси жанщи̂на. Дакъ яна ихъ узгодовала. Лясунъ пришовъ и пытаа: „чимъ тябе, каа, нагородить: ето ты моихъ дятей узгодовала!" А годы̂ тогды были худыя. Дакъ яна каа: дай ты мнѣ полотна! Отъ ёнъ и давъ ёй сувой полотна. „На̀ жъ, кажа: рѣжъ, кольки табѣ трэба, тольки ня развора́чуй до конца!" Дакъ яна усимъ рѣжа, шiя—и дятёмъ и хозяину и сабѣ—а ёнъ усё цѣлъ. Тогды яна жила, жила, а тогды дайся ёй—ти сама ето ўже, ти ёй подде́лано—узяла да й раскатила. Якъ раскатила, дакъ и кончи̂лося: зрѣзала усё.

Тяперъ лѣсовики сыйшли, а попѐрадъ були. Разъ баба иде по лясу, ажъ голянькiй дятёночакъ ляжить. Отъ яна ўзяла, зняла свитку, да яго й прикрыла. Дакъ што ты думаешъ: давъ богъ ёй и грошай и ўсяго.

А то дѣсь подъ Гомъямъ ўкравъ ёнъ люльку зъ дятёночкомъ и заховавъ на бярезину. Тая баба кѝдалась-кѝдалась: а Божа мой! а Божа мой! А ёнъ люльку спу̀скуя зъ бярозы. И вяровокъ няма, и люльку спу̀скуя.

Лѣсовику охвотники, якъ идуць на хвоту, дакъ яму молютца. (См. загов.)

55. Вовколака.

Живъ сусѣдъ съ сусѣдомъ, и ў одного бывъ хорошiй садъ. И ўпало зъ яблонки яблочко на дорогу, на зямлю другого сусѣда. Иде ёнъ у гумно, убачивъ яблоко и ўзявъ. Иде назадъ зъ гумна, бача, съ сусѣдскаго гумна звалився на яго гумно соломы снопъ. Ёнъ и снопъ узявъ, на плечи поклавъ, и нясе у своё гумно. Тольки поклавъ у своё гумно, вотъ и здѣлався вовкомъ. Отъ ёнъ сѣвъ за жито и сядить. Пришли сыны яго молотить, и журатца: гдѣ й то нашъ батька? А ёнъ ўсё и чуя. На другiй день пошовъ ёнъ къ сабѣ ў пограбъ красти хлѣбъ. Пришовъ у пограбъ, узявъ бохонъ хлѣба и горщокъ сыру, и пошовъ опять у гумно. Сядить да ѣсть хлѣбъ той да сыръ, што ўкравъ у сыновъ. Пошовъ на другiй день ў

пограбъ, ажъ нема уже ни хлѣба, ни сыру. Журитца ёнъ: што яму ѣсти тяперака? Пошовъ у пôля и лёгъ у мяжу. Пришли къ яму̂ вовки, повяли яго у̂ пôля съ собой. Бачать яны, што пасутца гуси. Поткрався одинъ вовкъ къ гусямъ и у̂кравъ одну гусь, и нясѐ яѐ къ вовкамъ. Тыя жъ вовки стали ѣсти гусь, а вовколака ня хоча сырого ѣсти. Отъ, тыя вовки и говôрать: иди къ ночлежникамъ, да якъ тольки повядуть коняй домовъ, ты на вуга́льляхъ, на 'гнищи, покачай да й ѣжъ! Пошовъ вовколака и стераже, покуда повядути домовъ коняй. Ёнъ тогды пошовъ на 'гнища, спёкъ мясо на вугальляхъ и ставъ ѣсти. Ходили яны, ходили, и повяли яго вучити кôняй ловить. Привялѝ яго къ кôнямъ. Ёнъ якъ бѣгъ, такъ къ кôнямъ и кинувся. Отъ яны отъ яго и у̂тякли. Ти довго, ти нѣ ёнъ бѣгавъ такъ, тольки разъ привяли яго къ кожуху. Ёнъ узявъ кожухъ и напрану̂въ яго на сябе. И ставъ зновъ чаловѣкомъ, и пошовъ у дворъ. Приходя у̂ хату, баба угадуя свойго дѣда и говора: ти ня мой ето дѣдъ? А яны уже поминали яго. Ёнъ говôра: твой! И стали жить, поживать, много добра наживать.

Кормянская вол. гом. у.

56. Вовколаки.

Одзинъ мужикъ искавъ сабѣ такого работника, кабъ служивъ яму дармо. Нашовся малецъ такій: „я, говорицъ, буду служицъ табѣ дармо, покуль у хаци вовки завыюцъ, тольки кабъ ты мяне пускавъ, куды я захочу̂!"—Добро, каецъ, буду пускацъ! Ну, дожили яны до вясны и поѣхали орацъ. Орали, орали,—задумалося мальцу ици домовъ. Тоды ёнъ кажецъ: дзядзька, дзядзька, пойду я домовъ?—А йдзи сабѣ! А гэтый малецъ бывъ такій прамудрый, и ёнъ вѣдавъ, што къ ходзяиновой жонцы дзякъ ходзицъ. Ёнъ прибѣгъ домовъ, а ходзяйка ужо схувала дзяка на хаци, у коробъ, што ссыпали пшаницу. Малецъ прибѣгъ у хату ды й кажецъ ходзяйцы: цётка, цётка! Мнѣ дзядзька казавъ, кабъ я скинувъ съ хаты коробъ, што ссыпали пшаницу.—На што ёнъ табѣ?—Ды треба просушицъ да ссыпацъ пшаницу!—Во, дурень ты: коли тая ящô пшаница,—ящô тольки орецё? Ну, малецъ полѣзъ на хату, ды якъ кинецъ тэй коробъ зъ дзякомъ! Дзякъ звалився, ды выскочивъ съ короба, ды домовъ. А малецъ побѣгъ сабѣ орацъ. На другій дзень узнова поѣхали орацъ. Орали яны, орали, опяцъ малецъ проситца у ходзяина домовъ. Приходзицъ домовъ, и ходзяйка увидзѣла яго уво 'кно ды скоренько дзяка подъ печь. Уходзицъ тэй малецъ у хату и говорицъ: цётка, цётка! мнѣ дзядзька казавъ подпечча забицъ!—Дурень ты, на што яго забивацъ? Мы яго ни разу не забивали!—Ну, мало-што, каецъ: мнѣ дзядзька сказавъ, дыкъ

треба забиць! Нацигавъ дровъ, паклавъ повно подпечча и забивъ дошкой. Побѣгъ ёнъ па ниву, а ходзяйка чуць-ня-чуць вынила дзяка съ подпечча. „А што, каець: якими ты заўтра волами орацъ будзешъ?“—А одзинъ волъ, каець, бурый будзецъ, а другей рабый! Назаўтраго ина напекла ладыкъ, помокала у сметану и нясець па поля. А малецъ здзѣвъ армякъ и накрывъ имъ вола; а на другого самъ вярхомъ сѣвъ. Ходзяйка увидзила бураго и рабаго вола и приходзиць къ имъ. Мужикъ тэй низдзивитца, што николи гэтаго ня було, кабъ ина ладки на поля носила. Сѣли яны ѣсць ладки, ина говориць: треба було кума позваць! Тоды ходзяинъ каець на мальца: „збѣгай, гукни яго!“ Малецъ схапивъ ладыкъ ды й побѣгъ гукаць дзяка. Ды бѣгучй усё раскидыець по 'днэй ладцы. Покуль прибѣгъ къ дзяку, пораскидавъ уси ладки. „Уцекай, каець: дзядзька табѣ дась!“ А самъ и побѣгъ пызадъ. „Дзядзька, дзядзька, ёнъ казавъ, кабъ ты самъ пы яго пришовъ!“ Пошовъ ходзяинъ, увидзивъ ладки и пычавъ собираць. А дзяку здалось, што ёнъ собираець каменьня биць яго. Спужався, отпрогъ вола, ды путку уцекаць у лѣсъ. Мужикъ бяжиць услѣдъ за имъ ды кричиць: пыдожджи, кумъ! А тэй думаець: уцекай, бы дамъ! И ўцёкъ. Вярнувсь мужикъ, сѣли, побѣдали. Ходзяйка увязала горшки и пошла домовъ. А малецъ забѣгъ нацяный напередъ, улѣзъ у выгорѣвшій пень и жджець. Тольки ина подыйшла, ёнъ кажець: „ты, каець, навари смашную вячеру, кабъ яны объѣлиси. Тоды яны помруць!“ Ина ўзрадовалась, пришла домовъ, стала вячерыць вариць. Наварила ўсяго смашнаго, да ўсяго помногу. Пріѣхавъ ходзяинъ изъ мальцомъ и сѣли вячераць. Малецъ и кажець: „дзядзька, дзядзька! ты дзѣлай тое, што я буду дзѣлаць!“ Ѣли, ѣли яны, тоды малецъ заровъ и повалився на лавцы. За имъ и ходзяинъ заровъ, и повалився. Ходзяйка рада, што яны поўмирали, побѣгла за дзякомъ. И стали яны пиць, ѣсь, гуляць. Гуляли яны, гуляли почаловѣччу, зыхоцѣлося имъ пыгуляць пыкозинуму. Обярнулиси козами и пычали ящо гуляць. Гуляли, гуляли, зыхоцѣли гуляць пысобаччу. Обярнулиси собаками и пычали гуляць. Ныгулялиси пысобаччу,—зыхоцѣли гуляць поповчу. Обярнулиси вовками и пычали гуляць. Дзякъ тэй узявъ и завывъ поповчу. Якъ тольки ёнъ завывъ, малецъ сычась и ўскочивъ: „дзядзька, дзядзька, досыць мнѣ ужо у цябе служиць: вовки ў хаци ужо завыли!“ Тоды ходзяинъ ухапивъ палку ды якъ пычавъ ихъ биць... Яны и побѣгли съ хаты у лѣсъ. И стали вовколаками.

Д. Овсище, сѣнн. у. Отъ кр. Ѳедоса Климовича, негр.

57. Браты вовколаки и сестра.

Живъ дзѣтъ зъ бабый, и було у ихъ три сыны и одна дычка. И

помёръ ихъ бацька. Тоды матка и дычка стали плакыць пы своимъ *бацьку*, а сыны стали скыкаць. Матка лежала, лежала на печы, а тоды стала сваритца на ихъ: луччу було пъ мнѣ на сто вовковъ пылядзѣць, нячимъ на васъ! Тоды сыны стали вувками и побѣгли ў лѣсъ. Тоды матка зъ дочкой схували бацьку. Пожыли яны троху, стало имъ скушно. Тоды дычка кажыць матцы: пойду шукаць своихъ братовъ! и пышла. Идзи, идзи, и пришла у пущу. Видзиць, стоиць тамъ хатка ны куринный нощцы. Пришла у хатку, никого нема ў хаци. И зыхоцѣлысь ёй ѣсь. Ина стала шукаць ѣсьци, пылядзѣла у печъ и нышла тамъ три горщочки. Ина выстывила исъ печы одзинъ горщочыкъ, троху зьѣла—не подъѣла. Выстывила другей—троху зьѣла—не подъѣла. Выстывила третьцій —троху зьѣла—подъѣла. Тоды пыставила горшки у печъ, а сама подлѣзла потъ печъ и сѣла. Тоды чуець—идзе́ць нѣхто. Ина дали подлѣзла и глядзиць у щелучку. Видзиць, пришло ў хату три вовки, и раздзѣлиси, шубы пыскидали, и стали паничами. Два паничы меньшихъ сѣло, а третьцій бо́льшій ставъ выступляць съ печы горшки. Вынювъ одзинъ горщокъ —няповный. Ёнъ тоды каець своимъ братомъ: нѣшто нашъ горщокъ няповный! Тоды вынювъ другей горщокъ,—и другей няповный. Тоды ёнъ каець: у насъ сяньни нѣхто ёсь! Яны кажуць: можа яны такъ чаго няповны! Ёнъ имъ на гето ничого не скызавъ, выстывивъ и третьцій горщокъ. И третьцій няповенъ. Тоды ёнъ кажыць: „нѣ, нѣхто ёсь, пушукаемъ!“ Яны тоды говоруць: хто ё ў насъ, вылѣзай! А то после̇ обѣда зьядзимъ! Тоды ина вылѣзла съ потпечча и пышла. Ну, яны увознали яе и пысадзили съ собой обѣдыць. Ѣла, ѣла ина, тоды звалилыся у яе̇ лошка. Ина стала подымаць лошку и ўвидзѣла у ихъ хвосты вовковы. Ина спужалыся и не стала ѣсьци. Тоды яны говорюць: чаму не яси?— Дзякуй, подъѣла, ня хо̇чу! Тоды яны говорюць ёй: бяжи, не далёко стоиць липина; узлѣсь на липину и сядзь тамъ. И семъ годовъ не гувори и не плачъ. Тоды мы къ табѣ ве́рнемся!.. Ина побѣгла, узлѣзла на липину и сѣла. Видзиць, бягуць тыи вовки. Прибѣгли къ липини и пычали липину грызць. Грызли, грызли, зубы пыломали, и побѣгли у лѣсъ. Кылы тые̇ липины ѣхывъ нѣйкій панъ. Увидзивъ подъ липиный огонь, и зыхоцѣвъ пукурицъ, и пыславъ свойго кучыря зукурицъ пупироску. Тоды кучырь зукуривъ пупироску и гово́рицъ: сядзиць на липини паненка нѣйкая, дужо пригожая. Панъ кажыць ны яго: дыстань мнѣ яе! Кучырь полѣсъ и дыставъ. Тоды панъ узявъ яе къ сабѣ ў будў и поѣхывъ. Прибѣгли тыи вовки, пылидзяць—нема сястры. И побѣгли зы панымъ. Дыгнали пана и стали буду ирваць. Панъ ставъ стрыляць, и уцякли у дзяревню, а вовки вярнулиси у лѣсъ. Панъ гетый бывъ нежынатый. Ёнъ пріѣхывъ и зыхоцѣвъ изь ёй жанитца. И патаетца: ци пойдзешъ ты зы

мяне? Ина мовчиць. Тоды ёнъ кажыць своёй матцы: буду зь ёй жанитца! А йна кажыць: якъ ты будзешъ жанитца, кыли йна нѣмая.—Ну, хай сабѣ! ожанюся! И поѣхывъ пувѣньчався. Пріѣхывъ домовъ—ничого не кажыць жонка. Тоды матка кажыць: а што, я табѣ кызала не жанитца. А ты ожанився,—цяперь и жыви, якъ хочышъ. Прожывъ ёнъ готъ, прожывъ и другей, на третьцій готъ родзила ина сына. А його ня було у дворѣ, пошовъ ны охвоту. Матка тая узила, зарѣзыла рябёшычка и пумазыла нявѣстцы витъ (лицо) кровъю, а дзяцёнка пытъ подмосьця кинула. Пришовъ панъ съ охвоты, матка кажыць: вотъ, глядзи, сынокъ! Я табѣ кызала не жанитца, а ты не послухывъ, вотъ такъ и жыви!—А што?—А идзи пылядзи, што ина здзѣлыла! Пришовъ ёнъ къ жонцы, ажны ина родзила и зарѣзыла дзяцёнка. И мовчыць, и не плачыць. Тоды, чырезъ готъ, пошовъ ёнъ узнова ны охвоту, а жонка родзила. Матка узнова зарѣзыла дзяцёнка, а яѐ пумазыла кровъю. Пришовъ сынъ съ охвоты, матка яму и кажыць: а што, я кызала: не жанись. Пылядзи, што ина здзѣлыла! Ёнъ опяць пришовъ къ ёй. „Што гето ты здзѣлыла?“ А ина мовчыць, и не плачыць. Ну, ёнъ ничого ёй ня здзѣлывъ. Пошовъ ёнъ чырезъ готъ ящо ны охвоту, а ина узновъ родзила сына. Матка узила, зарѣзыла и гетыго. Пришовъ яѐ сынъ исъ охвоты, ина яму й скызала. Ёнъ на гетый разъ усердзився и ставъ свою жонку бицъ. А ина мовчыць. Ёнъ тоды зывялѣвъ здзѣлыць цыгунную печъ, и ўкинывъ жонку у печъ и запёръ тамъ. Ашъ икъ-расъ вышло семъ годовъ. Приходзюць яго швагры̀ и яе браты и патаютца: ци тутъ наша сестра?—Тутъ, али йна помёрла ўже!—Ну, пыкажы, идзѣ ина? Повёвъ ёнъ ихъ туды. Яны рызломали печъ, ина й вылѣзла съ печы, и жыва. Тоды браты стали рады и стали спрашуваць у сястры: якъ ина пупала у печку̀. Ина рыскызала имъ, што матка рѣзыла дзяцей моихъ и кидала пытъ подмосьця, а мнѣ ня можно було гыворицъ. Тоды отчынили подмосьця, ажъ тамъ дзѣци живэя, и бо̀льшыынькій дзяржѝць меньшихъ. Ну, тоды матку привизали къ коньськимъ хвостамъ и пусьцили ко̀ній у по̀ля.

Д. Мелихово, сѣнн. у. латыгов. в. От кр. Максима Шаренды.

Много варіантовъ. Сыновей бываетъ двѣнадцать, ро̀вны ростомъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Мать приказываетъ имъ ѣхать къ обѣднѣ. Они встали, умылись, причесались и побѣжали въ стайню. За одного коня всѣ ухватились, поссорились, побились-подрались и разошлись. И въ церковь не поѣхали. Мать въ досадѣ сказала: ахъ, кабъ жа вы вѣкъ такъ дрались! Они сейчасъ превратились въ волковъ, стали грызться и убѣжали.... Сестра бываетъ нѣмою три года. Послѣ липины она взлѣзаетъ на ель для ночлега. Панъ снимаетъ ее съ ели. Дѣтей убиваетъ га-

дыня. Панъ два раза подкупаетъ судей и избавляетъ жену отъ наказанія, но за третьимъ разомъ ей надѣли уже камень на шею и повели топить. Тогда она крикнула: ахъ, братцы, вы мяне ратуйця! Прибѣжало двѣнадцать волковъ, въ воду—бухъ! бухъ! и тащатъ ее изъ воды двѣнадцать молодцовъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Тогда гадынѣ камень на шею да въ воду.

58. Браты-птушки и сестра.

Живъ сабѣ дзѣдъ зъ бабый. И було у ихъ три сыны. Вотъ, нѣшто було большое свято. Пошли яны у цэркву и тамъ пысварилиси за нѣшто и стали битца. Тоды матка увидзѣла, што яны бъютца ў свято, каець: ахъ, капъ вы, моѐ сыночки, такъ цѣлый вѣкъ свой билиси, якъ вы цяперъ бъецёсь! Такъ яны сычасъ подзѣлылиси птушками и пыляцѣли. Лецяць и бъютца крыльлими, лецяць и бъютца. Пылядзѣла, пылядзѣла тая матка, али што шъ ёй дзѣлаць? Свойго ёй слова не вярнуць! Заплакала, ды й пошла домовъ. Тоды, гэто ўжо съ тыхъ поръ якъ яны пыляцѣли, пройшло ужо годовъ зъ дзевяць. Вядомо, скоро сказка кажетца, ды няскоро дзѣло дзѣетца. Родзилыся у ихъ ще дычка. Выросла тая дычка большая, стали ёй людзи кызаць, што у яе було три браты, али матка прыклила ихъ, дыкъ яны здзѣлылись птушками и пыляцѣли. Дычка тая тоды стала пытатца у матки: ци правда гэто, што у мяне було три браты?—Правда, каець, дочушка!—Ныпячи шъ мнѣ, мамка, пироговъ, и дай мнѣ хлѣба й масла,—я пойду ихъ шукаць! Ну й пошла. Ици дыкъ ици, ици дыкъ ици, можа годъ, а можа два годы, видзиць передъ собою большую хату. Увыйшла ина у тую хату, ажны нема никого, и ны столѣ три талерки стоиць, и ли кажныя талерки лыжечка ляжиць и скибычка хлѣба. Тоды ина залѣзла за печку и сядзиць тамъ. Сидзѣла, сидзѣла, ажны прилетаюць три птушки. Якъ уляцѣли, сычасъ скиныли съ сябе перъя, и стали такими мылойцами! Сѣли яны, пывячерали и лягли спаць. Ина тоды вылѣзла зъ за печи, увознала, што гэто яѐ браты. Обнила ина старшаго брата и стала надъ имъ плакыць. Плакыла, плакыла, ды ўзновъ пошла за печку и стала Богу молитца. Назаўтраго устаюць браты, и гэтый, большій, братъ говбрицъ: „што я, братцы, сяньни снивъ! Здаѐтца, што у насъ дома ёсь сестра, и ина надо мной плакыла сеночи!“ Ну, тоды яны поснѣдали, надзѣли ны сябе перъя и пыляцѣли. А ина выскычила зъ за печи ды й глядзиць у вокно, куды яны пылецяць. А яны ўсё лецяць и бъютца крыльлими. Тоды захоцѣлося ёй ѣсь. Ина ўзяла отломила кусочакъ хлѣба у бо́льшаго брата и зъѣла. А сама узновъ сѣла за печку и сядзиць. Увечари прилетаюць яны узновъ

утроихъ. Скинынли съ сябе перъя и сѣли вячерацъ. Пылядзяцъ, ашъ у старшаго брата отломлено кусочакъ хлѣба. Што гэто, думаюць: никого у хаци нема, а отломлено кусочакъ хлѣба? Ну, пывячерали, лягли спацъ. Ина тоды вышла зъ за печки и стала плакыць надъ сяреднимъ братомъ. Поплакыла, поплакыла и пошла узнова за печку и стала Богу молитца, Нызаўтраго прошнулиси яны, вотъ сяреднiй братъ и говорицъ: ци вѣдыеця, братцы, што я сяньни снивъ? Здаетца, бытто наша сестра надо мной плакыла! Ажны вотъ трошку кошуля моя мокрая! А того ня вѣдыюць, што ина у хаци у ихъ ёсь. Ну, тоды поснѣдали, перъя на сябе надзѣли и пыляцѣли. Ды ўсё бъютца! ды ўсё бъютца! Зыхоцѣлось ёй ѣсь. Ина ўзяла, отломала ковалычакъ хлѣба у сяредняго брата и зъѣла. Полѣзла узновъ за печь и сядзиць, Богу молитца. Увечари прилетаюць яны зновъ. Скинынли перъя, сѣли вячерацъ. Пылядзяцъ, а ў сяредняго брата ковалычакъ хлѣба отломлено. „Нѣ, каець, братцы, нѣхто ёсь у хаци!“ И стали шукацъ. Алитку не нашли и лягли спацъ. Тоды ина вылѣзла зъ за печки, подышла къ мéньшому брату и стала плакыць. Пыголосила, пыголосила, и зновъ пошла за печь, и стала Богу молитца. Нызаўтраго устали яны, и гэтый ужо, меньшiй, братъ говорицъ: што я, братцы, сеночи снивъ? Што здаетца, наша сестра надо мной голосила, ашъ вб дзѣ кошуля троху мокра! Пыговорили, пыговорили ды й поляцѣли, бъючись. Ина отломила кусочакъ хлѣбца у меньшаго брата, зъѣла, ды й пошла за печку. Сядзиць, ды ўсё Богу молитца. Увечари прилетаюць яны; скинынли перъя и сѣли обѣдацъ. Кыли пылядзяцъ, ашъ у меньшаго брата отломлено ковалыкъ хлѣба. Тоды стали яны говорйць пóмежъ собой. Большiй говóрицъ: я, капъ яѐ цяперъ увидзѣць, дыкъ бы тыпоромъ засѣкъ! А сяреднiй говорицъ: я яѐ бъ нóжомъ зарѣзывъ! А меньшiй говорицъ: а капъ я яѐ цяперъ увидзѣвъ, дыкъ бы дужо бывъ бы радъ! Ина тоды зъ за печи выскычила, опщапила яго и стала надъ имъ плакыць. Ну, яны и ўси стали рады, стали плакыць. Тоды ина стала просиць ихъ: ходзиця вы домовъ! Васъ дужо просила мамка и татка! А яны кажуць: тоды мы будземъ твоѐ браты, и пóйдземъ домовъ, якъ ты отбудзешъ три годы нѣмой! Усклали яе на своѐ крыльля и занясли яе у вяликую пущу. Кинынли яѐ тутъ, у гэтый пущи, а сами пыляцѣли, куды имъ треба було. Нѣшто, одного дня, ходзивъ по гэтый пущи король по полюваньню изъ лакеемъ съ своимъ. Сыбаки гэтыго кыроля нашли гэтую нямую и стали ны яѐ брахáць. Пославъ король лакея пылядзѣць, хто тамъ ёсь. Лакей сходзивъ пылядзѣвъ, и кажець: нѣйкая кабета сядзиць ны яблыни; дужо пригожая, али ничого не говорицъ. Пошовъ тоды пылядзѣвъ король самъ, и яна дужо яму 'подобалася. Ёнъ вялѣвъ зняць яѐ оттуль и поцулувавъ, а тоды узявъ къ сабѣ домовъ и ожанився зъ ёй. А ина якъ была нѣмая, дакъ и ёсь.

Тоды матчиха гэтыго кыроля ня ўзлюбила яе, што ёнъ зъ нямой ожанився. Стала ина яго подбивацъ, стала прознущацъ, капъ якъ-ни-якъ яе перавесцъ. Прошовъ одзинъ годъ, и другій годъ, а на третьцій ина яму говорицъ: што хочешъ, тое зъ ёй здзѣлай: ци на 'гни спали, ци звязи, капъ тольки моѐ вочи ня видзѣли яе! Ну, дыкъ вѐдомо: и жонку жалко и не послухацъ матчиху ня можно. Узявъ зывялѣвъ слугамъ расклаcцъ цяпло и ўкинуцъ яѐ уво 'гонь. Ну, укиныли яе расъ уво гонь,—ина перакацилыся чаразъ цяпло, и ничого. Тоды другій разъ укиныли, ина зновъ перакацилыся. Перапужались уси: Господзи, тутъ нѣшто ёсь! Алитку расконали жаръ и ўкиныли яе третьцій разъ. Ина ўзновъ выкацилыся съ огня. И ўсё мовчицъ. Тутъ сычасъ приляцѣли яе браты, узяли яе на крыльля и понясьли домовъ. Принясьли домовъ и здзѣлылиси людзьми. Бацькй ихъ стали дужо рады. Изъ гэтый радысьци упилиси. И я тамъ бывъ, мёдъ —вино пивъ, по бородзѣ цякло, ды ў губу не попало.

Черейск. вол. сѣнн. у. Отъ мѣщ. Буткевича.

59. Вовколака.

(Преданіе).

Да вотъ я, що говорйть далѐко, сустрѣвся съ однымъ чаловѣкомъ который вовколакомъ бувъ. Ето було годовъ, моо, пъять тому. Иду я лѣсомъ дли Неўкли, городницкаго уѣзду, чарниговськія губэрни. А проти мяне иде чаловѣкъ, страшный, прастрашный, и вочи яму покосило и видъ повраждонъ. Я питаю: що ето ты чаловича, такій повраждоный? А ёнъ отказуя: да, братъ, будяшъ повраждоный, якъ вовкомъ кольки-годъ побигаешъ!—Дакъ няўже ты вовколакомъ бувъ?—Да бувъ жа!—А, братъ, раскажи, якъ ето дило було! Ну, зайшли мы ў шинкъ, випили по восьмушцы, отъ ёнъ менѣ и расказавъ. Попянявся, кажа, я, посварився съ сусидкой. Крывъ я гумно свое и скинувъ якся солому, кольки тамъ сноповъ, на яѐ конопли. Яна кажа: ты мнѣ поломавъ конопли! А я ку: хиба жъ я хотѣвъ? ето Богъ такъ давъ! Хоть, кажу, и на судъ подаси, дакъ и судъ ничого мнѣ ня здилая! А яна кажа: „добро, будяшъ ты знать судъ: я тябе сама разсуджу!“ Ну, попянялися мы такъ, посварилися, да й усё, и байдужа. Чаразъ нядѣлю поѣхавъ я съ кумомъ на млинъ. Побулй на млйни, ѣдомъ назадъ. И стали мы коняй попасувать. И мнѣ стало такъ на серцы тошно, такъ нудно; и захотилось мнѣ вотъ небэзпрамѣнно чаразъ хомутъ пролѣзти. Якъ я пролѣзъ, такъ и ставъ вовкомъ, и побигъ. И бигавъ, братяцъ ты мой, я три годы безъ вовковъ, одинъ, а на чатвёртый яны ўже приняли мяне ў гуртъ къ сабѣ. И би-

гавъ я зъ ими ўмисти, и такъ. Разъ апостолъ Юрай приказавъ намъ рабаго коня зъисть. Дакъ ёнъ намъ пахъ за сто въёрстъ, якъ ненача чаловику жа́раное. И бигли ми за етымъ конёмъ сто въёрстъ, и другихъ ня трогали, якъ ня приказано. Зъили того коня, и подъивши, цылую нядилю не хотѣли исть. У другій разъ захотѣли мы исти, дакъ вовки и послали мяне ў стаду, идѣ чарадникъ пасъ чараду̀. Я прибигъ, поросёнка узявъ. А чарадникъ кажа: „эй ты! що жъ ты ўзявъ бязъ спросу?“ Дакъ я й ставъ, и ни зъ миста. Окружнуся, дыкъ вы̀кругъ яма. Вовки кричать: кідай да ўтякай! А мнѣ нѐкуды утякать. И стою я, покуль чарадникъ пришовъ да сказавъ: кинь! Тоды я кинувъ, а чарадникъ узявъ, пугу парагнувъ у кольки кратей, и ўдаривъ мяне дванатцать разовъ. И такъ, што на мнѣ шкура объихала вовчая. Я й здилався чаловикомъ, тольки повражонъ видомъ и ўсимъ. А чаловиччія пищи, дакъ никія не хотивъ, окромъя мъяса. Дакъ во́ якъ баба поддилала!

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр. **Филиппа Иванова.**

Неударяемое *о* чаще слышится; *ѣ* иногда произносится какъ *и*; *ы* послѣ губныхъ произносится какъ *и*.

б) Живъ у лѣси лясничій зъ жаной, и бывъ у ихъ маляныкій хлопчикъ. Разъ пошовъ ёнъ лѣсу глядѣть, а молодица пошла по грибы. Пошла яна по грибы, а хлопчикъ на печи сабѣ сядить, гуляя. Ажъ приходя ў хату вовколака, да прамо подъ печь. А хлопчикъ спугався, сядить. Приходя молодица зъ грибовъ; ёнъ радъ такъ: мамочка, говора, къ намъ хтось пришовъ у хату и полѣзъ подъ печь. Матка кажа: „да нѣ, мой сынокъ, хто къ намъ придя?“—Нѣ, пришовъ!—„Да брешашъ!“ Ну, тогды яна затопила печку, штобъ зварити грибы, а вовколака лѣзя съ подпечча. „Грѣй-ка варъ!“ Яна приставила чугунъ, вода й закипѣла. „Шукай но́чавъ!“ Яна принясла. Ёнъ уливъ варъ, стягнувъ хлопчика съ печи да яму вару на вочи. Ёнъ и опаривсь. Тогды вовколака подыйшовъ зъ имъ къ столу, скатярку шибнувъ подъ ноги, хлѣбъ у порогъ. Поклавъ хлопчика, порѣзавъ и ставъ ѣсти. „Иди, кажа, ѣжъ!“ на матку. А яна, звѣстно, ня йдѐ. Ёнъ за яѐ, руки назадъ, да храстомъ и прибивъ. А самъ и пошовъ у лѣсъ. Молодица тая й помёрла. Пришовъ лясничій домовъ, бача, што безъ яго надѣлалось, и ўтёкъ, и парайшовъ у сяло жить.

С. Перекростъ, гом. у.

Вовколаки семъ годъ ходють. Ето терманъ имъ.

60. Вовколаки—сваты.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба, и була у ихъ дочка Мо́тра. Яны поѣхали у мэдъ на Миколу, а яна осталась дома сама. Пришли къ ёй три хлопцы. Ня хлопцы, а вовколакы прамо такія. Яна посадила ихъ на лавцы, и стала хату месть. Мяла̀ хату и ўбачила, що ў ихъ е́ хвосты. Яна сяйчасъ побигла съ хаты ўжо у комору, и ўзяла сабѣ коску туды, и ножъ, и пѣвника, и котика. И яны стали уже туды, подъ комору, подлазить,—тамъ була малѐнькаа дирочка. Ёнъ—цыть-ка, я, братъ, усаджу рукў! Яна яму ўзяла одрызала руку! Пѣвникъ—кукарѐку! А кошечка—кавъ!—Цыть-ка, кажа, усаджу головў, дакъ достану яѐ! Усадивъ голову, яна узяла и голову одрызала! Яны и пошли: и етаго понясли, що бэзголовій.

Пріихали тогды яѐ батькй. Яны пріихали къ имъ у сваты, вовколакы тыя, дочкў сватать. Яна плача: пя 'тдавайтя, кажа: ето ня люди, ето вовколакы! Яны ёй вѣры не понялй, узяли яе отдали. Пріихали вянчатца; повянчались, повязли яе́. Ѣхали темнами лясами, нипами лозами,—тамъ стояла збушка. Яны ў тую збушку, тамъ сядить баба—яга, костянаа нога. „А! ты таа сукина дочка, що моимъ синочкамъ ногы та голови подрыза́ла!“ И ў яе́ три нявѣсткы було. „Забивайтя, моѐ синочки, у бочку гвоздя, а ви, мое́ нявѣсткы, грэйтя варъ!“ Яны ўзяли, гвоздя позабивали, а нявѣсткы варъ поналивали, а яе́ по водў послали. Одна ёй сказала: „иди, и ўсэ свое́ тамъ поскидай и прибяры пня во ўсэ у свое́, у оде́жу усю, сама утякай, якъ мать народила!“ Яна пошла, оде́жу съ сябе скинула, пня прибрала и побигла у лѣсъ. Яны воды ждали—ждали: ня воды, ни яѐ,—ни Мотры тыя. Прибигли туды—няма, и опъять побигли домовъ. Баба яга сядить и каа: запрагайтя ко́няй и ѣдьтя догонять яе́! Яны ихали, ихали лясами,—ня найшли яѐ: яна схovалася отъ ихъ. Параночавала яна ўже на со́сни: ни яны яе́, ни яна ихъ ня бачила. Назаўтраго устала,—вязе́ старенькій дядокъ бучкѝ, що съ пчалами були,—бучкѝ. „Дѣдка, мой татка, сховай мяне у бучокъ!“ Ёнъ яе́ узявъ и сховавъ. „Да вязи къ мойму батьку: у яго тамъ новія вороты! Дакъ ты и попросися па ночь!“ Ёнъ яѐ узявъ, сховавъ, повъёзъ къ батьку къ яе́. Пріихавъ туды,—„пуститя, каа, мяне на ночь!“—Нѣ, дѣдочка,—у насъ тутъ негди: у насъ вясельля, каа, дакъ негди!.. Бачь, за туу за самуу дочкў щѐ гуляять. А яна ўже утякла отъ ихъ. Ёнъ кажа: „да ничо́го, я й подъ лавкой параночую! Ахъ, ня пускаетя жъ ви мяне, я жъ вашу доньку привъёзъ!“ Яны тогды яго узяли, сяйчасъ коняй у дворъ увялй, яѐ виняли ужѐ зъ бучка съ того. Сяйчасъ яе у комору; прибрали яѐ у хорошу оде́жу. А тыя ўжѐ самія вовколакы пріихали. Ихъ прогнали, сами жить стали, жить, поживать, да добро наживать.

С. Ст. Юрковичи, гом. у. Отъ кр-ки Вусти Хведоровой, негр. 20 л.

61 Казошникъ и пѣсяльникъ.

У насъ вó, вѣдомо, такъ поводитца, що якъ бываа якаа бясѣда, дакъ богатаго садять на кутѣ, а убожчаго ля печки садять. Дакъ вó разъ було—одна бясѣда. Богатыхъ посадили на кутѣ, а убожчихъ ля печки. Богатый, сѣдячи на кутѣ, пѣсню запѣвъ, а убожчій, сѣдячи ля печки, казку зачавъ. И кинули уси пѣсню слухать, а къ казцы уси подышли̇. Богатый говора: що ты за дуракъ такій, латышникъ ты, ты попавъ брахню̇ и брешашъ, и уси къ таби кинулися, твоѐ слухати брахни! А убогій каа: нѣ, твоя брахня, а моя правда!—Давай у залогъ!—Давай! Ежали моя брахня, дакъ я йду на смерть! убогій каа. А ежали твоя,—я тябе выгоню съ твойго имушаства! И ўзялись за руки и росписались за ето. И пошли до трохъ судовъ. Уво 'динъ судъ пришли и показали, объ чомъ позывъ у ихъ є́: той объ казцы, той объ пѣсни,—чія правда є́: ти моя казка правда, ти моя пѣсня правда? Тамъ ихъ ня разсудили: ня могóмъ мы васъ судить ня знавши. Идѣтя до бóльшаго суду! Пошли; и тамъ признали, показали казку и пѣсню. И тамъ сказали: мы васъ ня могомъ судити, а йдѣтя ў лѣсъ, тамъ ѐ востровъ и є́стяка тамъ хыжи̇на, и ў той хыжи̇ни є́ чаловѣкъ. Той васъ разсудя!.. И пришли яны къ яму̇, и подали яму̇ вописи, той свою, а той свою. Да. И ёнъ прочитавъ, и повялѣвъ имъ: ложись ты, богачъ, пузомъ на зямлѣ, а ты, убогій, верхи на яго садись! Слухай ты, богачъ, пузомъ лє́жачи, а ты, ўбогій, верхи сѣдячи. Се ня казка, а правда.

Живъ я ў свойго батька одинъ сынъ. Дакъ жанивъ мянэ батька малолѣтнаго, а жонку за мянэ ўзявъ у сувяршэнныхъ лята́хъ. Дакъ яна мянэ и ня ўзлюбила, да здѣлала мянэ собакомъ. Да спасибо ёй и за тоя, що здѣлала собакомъ да ня прóстымъ,—чапурнымъ и хорошимъ собакомъ. Дакъ я побигъ у городъ икъ зна́ямому купцу и ставъ яму вѣрно служить. И ёнъ подававъ менѣ пищъ хорошуу. А ў томъ городи унадились вовколаки. Вы̇яли увесь скотъ дажа, чаразъ ночь, чаразъ двѣ выяли увесь скотъ, тольки остає́тца у того купца уже, дѣ той собака. И ўзяли закутали яго у хлѣвъ исъ скотомъ умѣсти, собаку. Дожидаамъ ночи̇, дакъ и поткапуятца уже вовколаки. А я й чую, говора. И ўзявъ, тольки ёнъ показавъ голову̇, дакъ я якъ ухапивъ за шію, да почавъ давить, дакъ такъ и задавивъ, и ўтёгъ у хливъ яго няживóго. Дру̇гій показався, дакъ я й дру̇гаго такъ. Трэйтій показався, дакъ я тольки вухо отъѣвъ, да й пуститвъ того. Назаўтра пришли поглядѣли, ажъ ляжать два вовки у хлѣви. Тó и—дужо узрадовалися яны—тó мянэ жалѣли, а тó ще й луччай. Ня тольки той ходяинъ, а ўси гражани жалѣять мянэ объ тымъ злуча̇и.

И дозналася жонка, що менѣ добро жити, и здѣлала мянэ веробъёмъ.

Да спасибо ёй и за тоя, що здѣлала ня прóстымъ,—чапурнымъ и хорошимъ. Я ўлѣтку живъ, дакъ менѣ дóбро було: куды схóчу—полячу, дэ схочу—тамъ поядаю и воды попъю. А пришла зима и вяликій снѣгъ—нéгдя мнѣ поживитца уже. Е у чаловика скирта гречки, да уплатана сильлёмъ дужо, отъ самаго низу до верху. Няльга мнѣ сѣсть, одного зерня *зѣсть*. И бачу—голóдянъ я. Сѣвъ. Два зярны *зъѣвъ*, а трэйтяя ставъ брать, дакъ и ўвязъ у сило. Пришли два мáльцы да й выняли мянэ. И само хаты поттаплюять, у печи, дрови, потпалюять. И говóрать маткамъ своимъ: поймали ми веробъя вяликаго; давай сяйчасъ убъёмъ яго и осмалимъ! Матки поглядѣли и говóрать: нѣ, ня битя йго, се веробей хорошій, мы ў клѣтку закутаямъ! Дайтя яму ѣсти. И будя дѣдъ вашъ ѣхати у *торъ*, дакъ продадимъ купцомъ! Я, говора, сабѣ и думаю: колибъ давъ Богъ и трапилось такъ! Я бъ хоть ня ўмѣячи й пѣсни бъ пѣвъ! И ўсадили мянэ у клѣтку и усыпали менѣ зернятъ—по нашаму, коноплинаго сѣмъя, и поставили воды. Дакъ имъ, имъ (ѣмъ)—да й напъюся. А яны глядять да смяютца зъ мянэ. Бачъ, говора, якъ ёнъ пилнуя йсти! яны одна съ одной говора. Се якаясь була уже у рукахъ, у клѣткахъ, се хатній веробей! Пріяжжаа увечари старикъ, и яны хвáлятца: отъ, каа, поймали наши хлопцы веробъя, да якійся ладный, хорошій, клѣтошный веробей!—А, говора, я знаю того веробъя, якій се веробей. Я яго и дожидаю.—Якъ жа ты, говора, знаяшъ? Дакъ що такое такъ за веробей? нявѣстки спрашуять.—А ето, говора, той веробей, що вашихъ мужъёвъ подавивъ, а менѣ вухо откусивъ.—Дакъ, нутя, говора, тяперака дровы тóпятца, дакъ за дрóвы да спалямъ яго! А старикъ говора: нѣ, няльга! Дайтя, я припораюсь, дакъ я зъ имъ порадокъ найду! Дакъ яны дожидаючись старого, дакъ одна вяратянóмъ штырхаа яго, а другаа пó голови бъé. Старый пришовъ и вынимаа съ клѣтки яго, и бярэ ў своé руки. И я сабѣ думаю: Божа мой, що мнѣ будя тяперъ? И вынясъ мянэ на дворъ за полявы́я ворóты и махнувъ три разы кругá сябе,—и я здѣлавсь чаловѣкомъ, якъ и бувъ. Тогды упавъ я яму на ноги и дай обнимать и цаловать, и горко плакати. И старикъ говора: ня виноватъ ты, а мы виноваты. Я прощаю тэбэ. Отъ, говора, я приготовавъ табѣ. На̀ табѣ три пуки по девъять девъятовъ однолѣтовыя осины, и иди ты домовъ. Одинъ пукъ зби, ня 'тдыхаючи. И давъ яму у мяшочку пуху. И збивши, скажи: подыми етый пухъ! Коли подымя етый пухъ, дакъ бяри дру́гій пукъ. Коли жъ собъéшъ етый пукъ, дакъ тогды скажи: подыми изновъ пухъ. Коли жъ подымя, дакъ би и трэйтій пукъ ня 'тдыхаючи! Тогды изъ ёй жить будяшъ!.. Дакъ я йшовъ домовъ, а мянэ стрѣвъ старикъ на дорози и кажа: кидай етыя ўси пуки доловъ! Я тябе завяду у спокойное мѣсто. Хай яна пропаде сама по божжамъ попущенію!.. И мянэ

старикъ привъёвъ сюды. Отъ, я тутъ живу и Богу молюся, и радуюся объ своимъ житялству. А жана моя пропала скоро. И се ня казка, а се правда!...

И написавъ записку убогому: иди ты у яго домъ, живи, у яго имушаство, по вашамъ росписанію, якъ вы росписались. Що богатаго пѣсня—брахня, а ўбогаго чаловѣка ня казка, а правда. Се моѐ самое збытія.

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр. Филиппа Лапекина, 55 л. негр.

6. Нѣўкотòромъ царстьви, 'отъ такъ якъ и ў нашамъ, было уво 'дномъ сялѣ два мужики. И одинъ бывъ зарывный по пѣсни, а другій на сказки. И пришли яны разъ щось у шинкъ, и трошачки подгуляли. И пѣсяльникъ етый пѣсни запѣвъ, а етый другій говора на яго: що етыя пѣсни? Коли бъ ты що нéбудь хорошаа расказавъ! Казошникъ сказавъ такъ на пѣсяльника. „А що жъ ты понявъ и ў сказкахъ? А думаю такъ, що пѣсня луччай и крашшай!“ А той кажа: нѣ, сказка главнѣй твоѐ пѣсни!.. Ну, съ тымъ и заспорились мижда собой и зачали дратца. Той говора: я, казошникъ, главнѣй! А пѣсяльникъ говора: я главнѣй! И до того дѣло пройзошло, що стали судитца мижда собой. Споръ, значитца, у ихъ зайшовъ большій: казошникъ сказавъ, що я главнѣй, пѣсня буваа брахня! А пѣсяльникъ сказавъ: сказка буваа постоянно брахня! И съ тымъ и почали; той слово и той слово; слово за слово, зачали дратца. И одумались: што намъ зра дратца? Хай насъ волость разбяруть! Отъ, яны занясли судъ. Вызвали ихъ на судъ, по повѣстцы. Ну, тутъ суду ихъ етаго не поняли. Отправили ихъ подальшъ судитца, на мировую судьдю. И просили ихъ, щобъ яны обратились назадъ, якъ ихъ рассудять,—щобъ у волости було звѣстно, хто ў ихъ старшій. Пòтомъ и мировый не понявъ ихъ дѣла, затымъ що и ў мирового въ устави етакихъ штукъ ня булò. Ну, тамъ подали даляй,—на мировый съѣздъ. И тамъ жа ихъ дѣла ня разобрали. И послали ихъ даляй, знаяшъ, своимъ судомъ, у санотъ, и просили ихъ, якъ ихъ у саноти рассудять, щобъ яны обратно пришли назадъ и расказали якъ у ихъ дѣло. Ну, яны пошли до саноту. И стрѣвъ ихъ нѣкотòрый старикъ на пути. Яны сказуять: здрастуйтя вамъ, старичокъ божій! А ёнъ говора: здрастуйтя, рабятушки! Куды васъ Богъ провáдя? Яны говòрать: ня мы ходимъ, гòра наша ходя. Начали дѣло судомъ, и виякъ ня кончимъ. И вотъ за етакія штуки: одинъ изъ насъ, дѣдка, пѣсяльникъ, а другій казошникъ. И пришлось намъ поспорить другъ зъ дружкой, мижда собой. Казошникъ говора, што твоѐ пѣсни никýды ня годятца, зъ ихъ буваа *чапухá*; а той говора: нѣ, пѣсня буваа правда, а казка во ўсякое уремъя буваа чапуха. И съ тымъ мы начали спорить за етакія штуки, и начàли судитца. Ну, кольки судились, нихто

ня могъ насъ разобрать: отправили насъ до саноту! Ёнъ имъ сказавъ, що васъ и ў саноти ня разбяруть. А йдитя, говора, путёмъ; у правую сторону будя вамъ вузкая дорожка; тамъ будя по лѣвую сторону хата. У той хатцы будя старикъ сивый. Той васъ разбярэ. Яны подяковали и пошли. Приходять икъ той хати; увыйшли у хату, правда—бувъ старикъ сивый, ходяинъ тому дому. Яны говбрать: здрастуй, дѣдка! Ёнъ отвястивъ имъ: здрастуйтя, посторонныя люди! Зачимъ, говора, такъ пришли здалёку ко мнѣ?—Що жъ, дѣдка: просимъ Бога и вашія милости! Нараяли намъ, ти ня разбярéтя вы нашаго прошенія?... Яны, якъ були съ прошеніямъ, якъ имъ бумага давана, подали старику. Ёнъ бувъ ще грамотный, письмянный, значитца; разобравъ етую ихъ прошенію и спрашуя: хто зъ васъ казошникъ, и который пѣсяльникъ? Яны показали: етый пѣсяльникъ, а я казошникъ. Пòтомъ ёнъ сказавъ: „ну, пѣсяльникъ становись ракомъ, а ты, казошникъ, садись на пѣсяльника верхи: сяйчасъ зачинать будомъ правду исказувать,—чіе правило выйдя.“

Говбра: у насъ бувъ одинъ мужикъ богатый—и пѣсяльникъ потсподомъ слухаа, а казошникъ верхи сядѝть на пѣсяльнику—и ў того мужика, кольки ёнъ ни живъ, уси яго, кольки ни було, кольки ни народжалось, рабятишки яго пѐршія мéрли; тольки одинъ съ усихъ яго рабятишакъ остався живъ. Ну, ёнъ яму бувъ радъ, такъ, що не знавъ, якъ яго луччай жалѣть. Доростивъ яго до сувяршэнныхъ лѣтовъ и задумавъ яго жанить, и ставъ сватать. Высватавъ за яго дужо хорошую дѣвчину. И прозвялѝ ихъ повянчатца. Повянчавши, якъ у мужуковъ повядёнка, привязли яé у свой домъ, щобъ яна була за ходяйку. Потомъ бувъ такій злучàй, що яны увыйшли, етыя молодыя, удвоихъ у хату, у комлàту,—ще тамъ пиръ бувъ, ня 'кончився. Яна щось няхорошая надумалась. Яна была, значитца, вядьмачка. Гдѣсь попала нѣйкійся дубчикъ и стябанула яго няўдогадъ, и кажа: бувъ ты чаловѣкомъ, а тяперъ побудь собакомъ! Тутъ ёнъ обратився: съ чаловѣка ставъ у собаччамъ види. Яна *сама* (одна) осталась! Тутъ глянуть: няма яé ходяина. Нѣкотóрыя испрашавали: идѣ твой ходяинъ? Яна кажа: кудысь на ўремя вышовъ. Тыя колькись тамъ уремя ждали—ждали,—няма яго. А ёнъ тутъ жа чиляа при народи у собаччамъ види. Ёнъ тольки собакомъ бувъ, а ёнъ усé понимаа. Тутъ, выпивши, мужики сказуять: якой пользы етый собака тутъ? якая удовольствія? Вы̀жаномъ яго на дворъ! Съ тымъ яго и выгнали. Ёнъ уже думаа сабѣ, що дѣло плохо; думаа такъ, якъ ба хутчѣй дѣ смерть получить: що я буду страждать такъ? Побѣгъ куды—зра; и думка такаато була, щобъ идѣ ўтопитца. Прибягаа икъ рѣццы, и страхъ яго ошибъ: усячацки, ёнъ бувъ чаловѣкъ! Надумавсь такъ, що пробягу даляй, дакъ побачу боляй! Побѣгъ у чужую сторону̀, у стяпы̀, идѣ поселянъ мало бу-

ло. И ёнъ настольки хотѣвъ ѣсть, щд прамо кожу на сабѣ бъ объѣвъ. Потомъ бягить, и на путѣ такъ пасъ чабанъ овецъ стадо, панській найммитъ, и расположився потполудновать, самый етый пастухъ. Бягить собака и думаа: завярнусь къ сяму̀ пастуху, ти ня дасть крошку хлѣба. Прибѣгъ къ яму и лёгъ проти пастуха, и лёгъ на лапы и пилно глядить яму̀ у вочи. Пастухъ поглядѣвъ на яго и думаа: се перахлябившій собака; довжно быть, ёнъ якій заблудный; довжно быть, ёнъ отбившій отъ ходяина; довжно быть, ёнъ ѣсти хоча. Дать яму̀ ломокъ хлѣба, можа ёнъ будя якій и годящій мнѣ! Пдтомъ, давъ етому собаку хлѣба трохи. И якся пошли уво 'динъ бокъ овечки уси, отыйшли пддаляку. А ёнъ сабѣ расположивсь полудновать. И начавъ говорить самъ сабѣ: напрасно й расчавъ полудновать! Щобъ то мнѣ завярнуть овецъ, а тогды начинать полудновать!.. Почувши, етый собака—ёнъ понимавъ чаловѣччій толкъ—тую минуту побѣгъ и завярнувъ вовцы назадъ, пристановивъ ихъ пасть, дэ ходяину хотѣлось. Пдтомъ, дождавъ ходяинъ вечара, загнавъ своихъ овецъ у кошару—дѣло сяѐ було на стяпѣ—замкнувъ ихъ у кошары, присиливъ ключъ къ повясу, што потпаразавъ бувъ, и сѣвъ вячерать.—А ўсячацки казошникъ сядить на пѣсяльнику, а пѣсяльникъ руками и ногами потупавая, млѣять—бачь, што довго старикъ расказуя.—Ну, узявъ етый пастухъ вячерать, и собаку етому дававъ удоволствія хорошая,—што самъ ѣвъ, то й яму дававъ, за яго отлишную службу. Пдтомъ лягли спать. Собака ня ждавъ сонца, покуль ходяинъ устаня, а отвязавъ у яго ключи, отомкнувъ овецъ и погнавъ пасти съ кошары на пашу. Глянувъ пастухъ, уставши, и спужався, що ни овецъ, ни собаки, и двери ў кошары отчиняты. Ёнъ рассмотрився, глянувъ пдбочь и убачивъ, що собака овецъ пасе. „Ахъ, слава Богу, що я вумнаго такого собаку нажывъ! Сяйчасъ я знаходжусь у такомъ положэнію, що я панъ и князь: хдчу посплю, хдчу поляжу!" Тоды говора: „дай-ка я увѣру свойго собаку, ти ня можа ёнъ пасть овецъ самъ, а я щобъ тольки у нядѣлю разъ повѣравъ, ти ўси вовцы!" Узявъ скрывся кудысь до вечара. Пришовъ вечаръ, пригоняа собака овецъ у кошару. Ёнъ довго ня думаючи, замкнувъ ихъ якъ и треба быть, якъ и ходяинъ замыкаа. Тогды етый пастухъ тое ўремя и дли сябе приготовавъ ѣсти и оставивъ собацы порцаю тую, що яму самому треба ѣсть. Тогды собака ставъ у гору глядѣть и ўнизъ падать, знатца, Богу моливсь,—чаловѣкъ жа бувъ. А пастухъ думавъ то, що собака такій вумный, що бытто й Бога прося. Потомъ собака начавъ вячерать. И такъ вячеравъ *вяликолѣпно*, по положэнію, кусокъ мъяса и хлѣба, якъ и по чаловѣчацку надо, пищь принимавъ. Ходяинъ яго звѣривъ усѐ на собаку свойго, и пошовъ ки двору и пробывъ дома цѣлную нядѣлю. Пошовъ глядѣть свойго стада,—панській наймитъ жа ёнъ

бывъ. Приходя къ яму. Бача: що тутъ? Глянувъ у лѣвый бокъ,—купа вовковъ ляжить. Ёнъ посчитавъ и насчитавъ дванатцать штукъ. Глянувъ у правый бокъ, за свой балга̂нъ, дэ ёнъ судержався, живъ тамъ, жилища яго було,—наравнѣ и овецъ столько порѣзаныхъ вовками. Ёнъ пошовъ икъ стаду повярать своє́ стадо. Убачивъ собака ходяина, бягить и ў̆клонятца и ласкаа такъ, своёй собачацкой ухваткой, що тольки ня заговора. Ёнъ повѣривъ своє́ стадо,—дванатцать штукъ вȯвцавъ няма. А собака показуя яму, гȯловы выкомарывая, якъ ба луччай показать свойму ходяину, щобъ ёнъ угадавъ яго. Собака думавъ, що ёнъ ня бачивъ етакихъ штукъ; просто яго бярэ зубами за полў и тягня къ вовкамъ и къ вовцамъ. Нў, ходяинъ етый погладивъ собаку и покормивъ яго хорошѐ, и подумавъ, що ня будя мнѣ отъ пана обиды; щé похваля панъ, що на мѣсти естольки було вовковъ забито. Ёнъ пойшовъ домовъ, зайшовъ, на радости, у шинкъ. Идучи думавъ: що мнѣ сяйчасъ треба? Я гуляю, и мое дѣло справно! И на радости выпивъ кручокъ горѣлки у шинку. И тое ˈуремя кудысь ѣхавъ яго управляющій и забѣгъ у шинкъ помимоходомъ: чагось у яго ня хапало,—ти табаки, ти сѐрничакъ, такъ скажамъ. И убачивъ свойго пастуха пъяненькаго. И панъ спугався; сказуя яму: а що ты гуляешъ, а стадо твоё бязъ послѣдства? А пастухъ кажа: я гуляю, дакъ я добраго слугу маю!—Якая ў тябе слуга?—«Собака такаа ў мяне ѐ, що лишъ ба я паравѣдався у мѣсяцъ разъ, положэнія харчей выдавъ собацы, то й дѣло моё будя. Здѣлалось утйры ў табунѣ дванатцать штукъ овецъ—вовки порѣзали; а на мѣсти моя справядливаа собака ихъ смерти прадала. Колибъ при мнѣ ето дѣло злучилось и щобъ у мяне собаки ня було, то бъ вовки овецъ порѣзали и сами бъ утякли. А потомъ, говора, чимся задѣватца, сядомъ луччай, поѣдомъ, табуна обглѐдимъ!“ Сѣли ў̆двоихъ и поѣхали. Пріяжжаять на тое мѣсто,—завъёвъ, пану купу овецъ показавъ, и завъёвъ, пану купу вовковъ показавъ. И сказуя пастухъ: повѣртя, баринь: ти выйдя одно за другое, будя стоить? Панъ поглядѣвъ и сказавъ: ето будя табѣ слава и честь! Пойдомъ глядѣть твойго пастуха! На собаку сказавъ такъ. „На кого ты звѣривъ мою худобу?“ Приходя къ табуну, вовцы змирно пасутца, и собака коло табуна ляжавъ. Приближились къ собацы, ёнъ прибѣгъ къ имъ и ставъ падать перадъ ими и ласкатца. Такъ той повѣривъ стадо овецъ, кольки ихъ усихъ було, и сказуя пастуху: „ну, братъ: хоть ты наживъ, да я буду имъ пользуватца! Будяшъ такое жалованьня получать, по десять карбованцавъ у мѣсяцъ!“ А то ёнъ зразу пригоны служивъ. Панъ бача, што ёнъ шкрабе головў и ня хоча ямў отдать собаки, сказуя, що хоть ня хочашъ отдать по воли, ну я забяру по няволи. Пастухъ бача, що дѣло будя плохо, ёнъ согласився на яго положэнія. Забравъ панъ собаку и поѣхавъ

домовъ.—А казошникъ сядить на пѣсяльнику вѐрхи, а пѣсяльникъ потъ казашникомъ стоить ракомъ и парамяняетца зъ руки на рукў, а зъ ноги на ногу, затымъ што ёнъ дужо сомлѣвъ; а легть няльга, потому служба такая: оддержъ ето, дакъ и рассуджу да й годи.

Ну, прiѣхавъ панъ у домъ, и разознався собака со ўсими яго прислугами. И панъ ня могъ быть николи бязъ собаки, усягды щобъ парадъ лицомъ була, и що бъ панъ ни сказавъ собацы, ти якого слугу позвать, приставить, то ёнъ сяйчасъ жа справитца и доставя. И нѣскульки ўремя собака етому пану служивъ. Ну коли були мянины етаго пана, то бывъ изъѣздъ пановъ на мянины со ўсихъ князецкихъ [1]) акономiй, и яны тамъ мижда собой пировали. И ў нѣўкоторыхъ то жъ були собачонки учоныя. И начали хворсить мижда собой-то. Той говора: вотъ у мяне собака якая вумная! А другiй свого хваля. А ёнъ сказуя: нѣ, вамъ и ў снѣ ня приснитца, якая у мяне є́ собака, щобъ собака такiя дялы́ творивъ! Ваши собаки ня могуть чаловѣка на имя̀ увознать, а мой собака,—кого бъ я ни сказавъ на имя̀, того и привяде! Тутъ яму̀ ня ўвѣрали, сказали на яго: приставъ ты намъ, скажи на имя̀ такого чаловѣка, и хай приставя! Ёнъ призвавъ собаку и говора: приставъ слугъ: Ивана, Романа и третьтяго Стяпана! Собака сяйчасъ, довго ня думаючи, ёнъ знаа ўсихъ, вѣдомо, побывъ уже, да ёнъ чаловѣкъ, дакъ ёнъ знаа усихъ,—привъёвъ ихъ къ имъ у комлаты. Сяйчасъ жа посторонныя лицы и спросили: що ў васъ господа, є́ Иванъ? Одинъ сказуя: да, я Иванъ! А другiй сказуя посторонный: є́ Романъ? А другiй кажа: да, я Романъ! А третьтiй сказавъ посторонный, говбра: и третьтiй Стяпанъ є́? Третьтiй сказўя, що ето удвухъ Иванъ и Романъ, а я Стяпанъ третьтiй! Ну тутъ, хорошо,—уси дѝвятца, що вотъ вумный собака якiй буваа! Пòтомъ поѣхали паны по своихъ мястахъ, погулявши, а главный управляющiй, оставсь тутъ и ставъ уже просити етаго собаку. Ёнъ говора: нѣ, мнѣ самому нядѐшаво пришовсь етый собака! Я бязъ яго ня могу жить. Ёнъ, говора, у мяне и слуга и сторожъ усяму мойму опстоятелству, дому! Ну, зъ естымъ словомъ рассярчавъ на яго такъ, що говора: ну и табѣ ня пользуватца! Етый оттуль, ня заяжжаючи у домъ свой, поѣхавъ икъ князю. Ето жъ яны управляющiя ўси, а етый главноуправляющiй у яго бувъ, та̀къ вотъ, якъи ў нашаго князя. Ёнъ просивъ, ну да ёнъ ня давъ. Прiѣхавъ икъ князю: эхъ, говора—тамъ якъ ёнъ назвавъ яго, того князя, вѣдомо, я ня знаю, помужицку, якъ зовуть князя —говора: вотъ, разыскавъ, говора, самая бъ разъ вамъ годилась: нашовъ я собаку,—дужа вумный, вумнѣй чаловѣка вумнаго! Самая бъ разъ вамъ годилась! Ёнъ сказуя: у кого жъ? Ёнъ сказуя: у такого-такого управляющаго! И що тольки скажи, дакъ ёнъ знаа. Вотъ, раскажи яму—ёнъ по-

---

[1]) Зап. въ гом. у.—имѣнiи *князя* Паскевича.

будя мѣсяцъ—раскажи яму, кого треба потребувать, то ёнъ сяйчасъ придоставя. И ёнъ у доми вѣрный слуга, и ў дворѣ дянный и ношный сторожъ: зра ни що помимо яго ня пройдя!.. А ў етаго князя, кольки ни живе́, якъ народитца рабятишакъ, то якъ дожде до дванатцатаго часа ночи́, лягути спать—нявидимо, няма знать гдѣ дѣнятца. А ета княжиня була бярэмянная, такъ що яны уре́мянно ждали дятёнка. Ёнъ, князь, бувъ етому дѣлу радъ. Сяйчасъ жа написавъ ляпо́ртъ и отправивъ, нарадивъ слугу икъ тому ўправляющаму, у котораго находився етый собака. Сяйчасъ слуга приходя икъ етому ўправляющаму, гдѣ бувъ собака, подавъ ляпо́ртъ. Ёнъ прочитавъ яго и ня могъ отъ князя отказатца, затымъ што усердить князя, то будя ёнъ бязъ послѣдствія. Ёнъ отдавъ собаку слузѣ, и слуга приставивъ яго къ князю. И порода етая була собаки хорошая, отлишная. Сяйчасъ жа собацы етой издѣлали хату и здѣлали пристройство—канаты кругомъ двора, усяродки, ў дворѣ. Ёнъ у день привязанъ бувъ, а на ночь спускали яго. Князь *собстьянно* на тое яго достававъ, що ў яго було нявлагополушно нащотъ рабятишакъ, нащотъ наслѣдства. У яго кольки ни народжалось наслѣдства у яго, то ёнъ ня ’днымъ ня пользувався. По́томъ того, чаразъ кольки ўремя родила княгиня двохъ сыновъ. Князь узрадовався, и надѣянъ бувъ на собаку, що ёнъ убяражѐ. Потомъ дождали яны вечара, тамъ яны стали пировать,—звѣстное дѣло, родины—и весялитца. Пировали яны до дванатцати часовъ. Тогды лягли спать зъ дванатцатаго часу. И тое ўремя слуга, который бывъ приста́влянъ собаку доглядать, що треба було собаку на̀ ночь спустить волно по ўсёмъ двору, а ёнъ позабывъ. Тутъ яны ўснули ўси, и иде́ вѣдьма-*волшебница* за етами рабятишками. Собака рвався, рвався съ цѣпу, ниякъ ня могъ оторватца, и ўпустивъ яе́ ў домъ. Думая собака, що ето дѣло, бача, плохо. Ёнъ ставъ канатъ параѣдать, на якомъ цѣпъ ходивъ; и параѣвъ етый канатъ, сорвався и стрѣвъ яе́ на воротя̀хъ,—тягнула етыхъ рабятишакъ, хто яе́ зная куды. Ёнъ зъ ёю на́чавъ дратца, и поту́да дрався, покуда пропѣли троя пѣвнявъ: усё яму ня попускала. Посли пѣнія третьтяго разу пѣвнявъ, кинула и ўдалилась. Собака узявъ, за́бравъ рабятишакъ у свою комла́тку и ўзявъ обгарнувъ ихъ лапами, щобъ имъ тёпло було и ня подушить. Проспався князьураньни, и етакая штука яму рупила, ёнъ кинувся у тоя мѣсто, гдѣ етыя рабятишки були. Тое́ мѣсто сухо, тое́ мѣсто убра́но, надо казать. Ёнъ рассярчавъ дажа й на собаку, узявъ ружжо двустволку и кажа: пойду убъю етаго собаку, затымъ що я на яго надѣявся. Колибъ на яго не надѣявся, то бъ луччай своихъ ношныхъ сторожовъ поставивъ. Вышовъ изъ комлатъ, сходя на крылцо, хотѣвъ прикластись и собаку ўбить,—що ето уремя зимняй до́бой було̀. Тутъ собака, бача, що дѣло плохо, що ёнъ нару-

шився яго ўбить,—а собака ляжавши бувъ коло рабятишакъ, обгорнувши бувъ,—раскрывъ етыхъ дятей. потхапився и тискавъ одного и другого. Дѣти скричали. Князь упугнувся и ўзрадувався, и ўпустивъ зъ рукъ ружжо. Бярѐ собаку подъ лапу умѣсто чаловѣка, на радости, що ёнъ спасъ яго дятей, и сказуя: идитя, рабятишакъ забяритя! И дужа рады уси були, и жалѣли на стольки собаку, що бъ ёнъ ни хотѣвъ, якую пищь, то яны давали, и ўвобрали яго у разныа шавкѝ за яго заслугу, що ёнъ хорошую довжность справлявъ. Прибору було тамъ на ёмъ на двѣстя цалковыхъ.—А етый казошникъ сядить на пѣсяльнику вѐрхи, а пѣсяльникъ потсподомъ пархо́мъ; потому ёнъ пархо́мъ, що на ёмъ сядить казошникъ вярхомъ.

Потомъ, нѣскульки ўремя собака бувъ у князя. Потомъ надумався: що хотя якъ и мнѣ жисть хорошая, ну ўсячацки я собака. Побягу я у домъ, ти не одумаетца яна, ти ня здѣлая изновъ чаловѣкомъ! Надумався и побѣгъ. А етый князь, отъ котораго собака бывъ убранъ на двѣстя цалковыхъ у разныа шавки, пославъ розыскъ за вотъ—такимъ и такимъ собакомъ. Ну нигдѣ ня ўдалось яму разыскать. Потомъ игдѣ то очутилась такая ворожка, що могла ўзнать. Ёнъ, князь, поѣхавъ икъ етой ворожцы. Ворожка князю такъ сказала, що ёнъ бувъ собакомъ, а тяперака ставъ пташкой, и вы яго йна́ча ня попаде́тя, якъ треба вамъ устроить такую птишню, и скўплюйтя птицъ, якія бъ ня булѝ. Дакъ коли вамъ ня попадѐ купить яѐ, дакъ николѝ ня ўбачитя,—затымъ що отличитца отъ усихъ птицъ тымъ, що пригожѣй яѐ ня будя птицы, якъ яна! Князь кольки ўремя ни скуплювавъ птицъ,—ня разыскавъ.

А собака бѣгъ-бѣгъ кольки ўремя, кольки дней и ночей, прибѣгъ у свою дяревню поўтрŷ рано, ще люди ня ўставали,—которыя можа и ўставали, да ще нихто ня ходивъ по вулицы. Прибягая къ воротѧ̀мъ, хотѣвъ у дворъ войтить, а яна яго ўстрѣла и ўпустила. „Ахъ, говора, якій, ты *красавецъ* ставъ! Усякому угодить можашъ господину, що такое на табѣ увобранія!“ Узяла етыя шавки зъ яго, узяла дубчикъ и сяканула яго дубчикомъ и сказала: бувъ ты собакомъ, побудь ты ще́ пташкой! Ёнъ поднявсь угорŷ и ударився объ зѐмлю. Ну, звѣстное дѣло, якъ ёнъ маловѣсный, то ёнъ живъ оставсь, и почустовавъ, що тожа плохо дѣло, якъ я й убъюсь. Полячŷ, куды вочи глядять! И полятѣвъ вотъ сюды куды на стяпы. Прилятѣвъ, гдѣ панськія скирты съ хлѣбомъ, и тамъ понасыпано кукольвану нащотъ птицъ, щобъ хлѣба ня 'бъядали. И ёнъ туды прилятѣвъ голодный и нарвався на самый на етый кукольванъ и ставъ довбть, по́томъ и опъянѣвъ. И панській сынъ, мальчишка, ходивъ тамъ гдѣсь и налучивъ на яго и начавъ говорить: „ахъ, говора, якая ты пташка отлишная! Да якъ табѣ попалось наѣстца кукольвану?“ Съ

тымъ понёсъ яѐ домовъ. Принёсъ домовъ, и була у яго сястра старшая, дѣвушка у сувяршэнныхъ лѣтахъ, и яна тожа понимала, волшебствомъ занималась. Ёнъ сказавъ на яѐ: погляди-тка, якаа у мяне ѐ пташка! ты такія пташки николи ня видала! Яна глянула и познала, що ета пташка—чаловѣкъ. Яна кажа: покажъ! Ёнъ давъ ёй подивитца. Яна ў яго ўзяла и стала дурить: „я ўпущу ету пташку, що яе напрасно мучить!“ И бытцомъ то понясла выпустить, а потомъ занясла яго у комлаты и ўзялá дубчикъ и кажа: „бувъ ты чаловѣкомъ, а потомъ собакомъ, а сяйчасъ находисься у пта́шаччамъ положенію, а сяйчасъ обрачу тябе чаловѣкомъ!“ Сяканула дубцомъ,—ёнъ якій бувъ чаловѣкъ, такій и ѐ! Тутъ яна сказала: отъ, я тябе здѣлала чаловѣкомъ—а ёнъ пригожій бувъ—що жъ ты поступишъ со мной у супружаство? А на свою прежняю позабудь! Ёнъ сказуя: *зъ большимъ удовольствіямъ*, согласянъ! Яна доложила отцу свойму, що, вотъ, я за такого пострадавшаго могу замужъ выйти, могу жанитца! По жаланію яѐ отецъ ёй дозволивъ.

Потомъ яна бача, що ёнъ постоянно буваа смутный, вѣрно сказать невясёлый, яна стала испрашувать у яго: що ты такій, замячаю, що журисься? Ёнъ сказавъ: що одно дѣло мяне жура: що я уво 'тца говора, бувъ одинъ изъ нѣскольки нашаго сямейства, ти мойго брасства, да й то яму̀ не довялось самому пожить!.. Ну яна сказала: якъ табѣ жалатялно, запрагайтя ко́няй и поѣдомъ къ твойму отцу! Ёнъ зъ радости тутъ запрогъ коняй, и сѣли яны зъ ёй на повозку. Приближаютца близко къ той дяревни, гдѣ яго отецъ живѐ. Яна зачала яму̀ говорить: гляди жъ, говора, що надо мной ни злучитца, сяйчасъ жа, говора, подъ сяломъ, то ня злазь исъ повозки; що ня будешъ бачить, то ня займай! Да щобъ ты вѣранъ бувъ, то ня займай! поўторила яму. Подъяжжаять яны подъ сяленія, и ўперади страчая ихъ ру̀дая сучка. И тольки поровнялась исъ повозкой, и ета такой жа самой сучкой скинулась, ско́чила съ повозки, и начали изъ ёй рѣзатца. Рѣзались, рѣзались, ёнъ кольки уремя сядѣвъ, можа часы два, на повозцы. По́томъ яны обратилися гадами. Ёнъ усячацки примячавъ ету, съ которой ѣхавъ. То ёнъ подумавъ: що я буду дожидатца—не побороню? Сяйча́съ злѣзъ съ повозки, на ету, що була прежняя яго жана, ставъ ногой, притисъ, а ету, съ которой ѣхавъ, узявъ у руки отрывать отъ тые. Тую притисъ ногами да самъ ставъ, а ету у руку̀ поднявъ, угб́ру. Дакъ тая подъ имъ стала камянямъ и ёнъ ставъ камянямъ, а ета, которая у яго ў рукахъ була, тая бярозкой стала,—на камяни бярозка выросла. Ну съ тымъ яны и заклѧ̀мчались!..—А казошникъ усё на пѣсяльнику сядить. А пѣсяльникъ пархóмъ, що казошникъ сяди̇ть на ёмъ вярхомъ. Ну, нашъ пѣсяльникъ ослободився, ня могъ устать, и догоры̀ паракатився.

Потомъ старикъ кажа: що помнитя жъ, рабяты: ето я правду вамъ сказавъ, говора. Сказка бuваа постоянно правда, а пѣсня бuваа и балъ, найбо́ляй балъ. Потомъ яны стали просить того старика: выпишъ намъ, дѣдка, самое ето—якъ ето су́домъ назвать яго, а матари яго... вѣдомо, помужицку, такъ сказавъ наско́рую. Написавъ имъ достовяренія, що дяствитялно по закону разсуджаны; написавъ имъ проходнӯу, що игдѣ яны судились упяродъ, игдѣ дѣла ихъ ня поняли, дакъ щобъ зайшли и каждому растолковали; и якъ куды прйдуть, дакъ до́вжанъ быть увесь етый примѣръ: будетя расказувать про свой судъ, довжанъ быть увесь етый примѣръ: будетя расказувать про свой судъ, довжо́нъ пѣсяльникъ становитца потсподъ пархо́мъ, и казошникъ будя расказувать, на ёмъ сѣдя вярхомъ...

С. Васильевка, гом. у. Отъ кр. Ивана Герасимова, 28 л. негр., бывавшаго въ отхожихъ промыслахъ, вслѣдствіе чего языкъ подвергся посороннимъ вліяніямъ.

в. Ходили по свѣту пѣсяльникъ и казошникъ. Сыйшлись яны ӯмѣсто и стали ӯкучи ходить. И здѣлали такій уговоръ! ты пѣй пѣсни, а я буду сказки казать, и што хто заробя, умѣсти споживать. Пришли у дяревню, зайшли у корчму. Мужуки горѣлку пьють. Пѣсяльникъ сычасъ и запѣвъ пѣсню. Тутъ пьяныя стали слухать и похваляють: „мы ще зъ роду ня бачили еткихъ пѣсяльниковъ нійдѣ й нико́ли!" И што хто зъ ихъ ѣвъ, усё дають пѣсяльнику. А пѣсяльникъ, по условъю, дѣлитца съ казошникомъ. И проходили яны такъ много шинковъ, по етымъ условъю; дакъ пѣсяльника боли слухають, чимся казошника. Тоды пѣсяльникъ говора: ты за мною хлѣбъ ясй, вѣдомо—пѣсни правда, а сказки склады! А казошникъ говора: нѣ, сказки правда, а пѣсни склады. Споровались, споровались, и пошли къ судьдѣ на судъ. Приходють къ судьдѣ. „Ти дома судьдя?"—Нѣ, ӯ гӯмни молотя! Пошли яны у гумно́. „Здрастуй!" —Здрастуй, отказуя молодый такъ чаловѣчакъ. „Богъ у помочь!"—Спасибо! Молодвитовъ было́ троя: два старыхъ, а одинъ молодый. Молодъ—чаловѣкъ и спрашуя: „зачимъ пришли, добрыя люди?"—Пришли на судъ къ вамъ!—„Ну, по́йдемъ домовъ, разсуджу!" Пришли у хату; молодъ-чаловѣкъ умывсь, утёрся рожкомъ хусточки, и ставъ старый-старый. „Ну, за во́што жъ вы пришли на судъ?"—Такъ и такъ, говора пѣсяльникъ: договорились мы умѣсти хлѣбъ зароблять: я пѣть пѣсни, а ёнъ говорить сказки. Дакъ за моѐ пѣсни боляй дають. Дакъ я кажу, што пѣсни правда, а сказки склады, а ёнъ говора, што сказки правда, а пѣсни склады. Дакъ разсуди ты насъ, судьдя правядная!.. Судьдя тэй говора: „пѣсяльникъ, становись ракомъ!" Пѣсяльникъ ставъ. „А ты, казошникъ, садись на яго!" Тэй сѣвъ. „Ну, слухайтя жъ!"

Коли я бывъ молодъ, дакъ случилась и мнѣ причина. Пришовъ я разъ на игрища да й говору: добрый вечаръ тымъ, которыя *няѣздитыя*! Одна дѣвка и сказала: „постой жа, мы на табѣ поѣздимъ!“ Я тамъ троху погулявъ, тое-сёе, и пошовъ домовъ. И забывсь про усё про тое. Пришла вясна, стали коняй водить на ношлегъ. Вотъ, я разъ вяду ли лазьни коняй, а мяне нѣхто и зове: Иванъ, ходи, каа, сюды! Я злѣзъ съ коня: приходжу у примыльникъ, ажъ тамъ тая самая дѣвка. Отъ яна хвать мяне за шію обротьтю! „Якъ бывъ, каа, добрымъ молойцомъ, такъ будь тяперъ жарабцомъ!“ Я и ставъ жарабцомъ. Сѣла яна на мяне и поѣхала на лысую гору̂. Привязала мяне къ сухому дубу, и такъ голову̂ поттягнула, што пяредними ногами мнѣ й зямли не достать. Наѣхало туды такихъ дѣвокъ—штукъ двѣстя! И стала считать ихъ старая змяя: удара палкой да й приказуя, якъ што дѣлать. Перабрала такъ у̂сихъ. Тоды яны по'твяза́ли коняй и поѣхали по домахъ. Заморила мяне ета дѣвка такъ, што чуть я у лазьню яѐ приволокъ. Зняла зъ мяне оброть, и ставъ я зновъ такимъ чаловѣкомъ, якій и бывъ.

На другую ночь узновъ згоняла яна мяне на лысую гору̂. И такъ, што ставъ я ажъ нездоровъ. Стала у мяне мачиха распытувать: чаго я нездоровъ, говора: ти ня ѣздя на табѣ якая дѣвка? Я й признавсь. „Постой жа, каа, мы яе поучимъ.“ На третьтяю ночь дала мнѣ мачиха оброть и говора: „якъ станя яна звать тябе у лазьню, ты ня йди прамо, а бяжи кругомъ. Якъ яна выскоча и побяжить услѣдъ за тобою, ты такъ цаляй, кабъ поперадъ у лазьню ускочить. И накинь на яѐ оброть!“ Я такъ, значитца, и здзѣлавъ. Яна якъ побѣгла за мной: а, каа, боисься! Я оббѣгъ три разы да у лазьню. Схапивъ оброть да ёй на шію, да й говору: якъ была красная дявица, такъ будь добрая кобылица! Яна и стала кобылой. Уссѣвъ я на яе и поѣхавъ на лысую гору. И привязавъ и я яѐ къ тому дубу, къ якому яна мяне привязувала, и подвязавъ голову̂ такъ, што пяреднія ноги на цѣлый аршинъ отъ зямли. А самъ узлѣзъ на самую макушку дуба и сяджу. Попріяжжали уси тыя дѣвки, и стала старая змяя ихъ считать. Считала, считала—одныѐ няма. Посчитала коняй—кони усй. Стали яны глядѣть конямъ потъ хвосты, бачуть—одна кобыла. И почали яны тогды мяне шукать: перапороли увесь пясокъ. Шукали—шукали, и поѣхали домовъ. Злѣзъ и я, и поѣхавъ. Якъ сѣвъ, яна й застогнала и поверглась на зѐмлю. Насилочку я доѣхавъ. На другую ночь дала мнѣ мачиха сковороду и сказала сѣсти у лазьни на печи и ёй укрытца. Тольки я укрывсь, яны й приходють. И спрашують у тыѐ, ти тутъ я. Яна кажа: ёнъ тутъ, али я ня вѣдаю, дѣ ёнъ сховавсь. Старая змяя послала за рабёшачкомъ, што три дни, якъ родився. Принясли такого рабёшачка. Змяя тая и спрашуя: дѣ нашъ виноватый? Ра-

бёнокъ засміявсь. Змяя говора: ня знаю! Идитя возьмитя, который учора родився! Приносють такого, и етый засміявся. Тоды принясли, который сяньни родився. Змяя пытаетца: дѣ нашъ виноватый? Ёнъ говора: подъ зялѣзнымъ небомъ, на камянной горѣ! Старая полядѣла на печь, говора: вунъ ёнъ! И послала усихъ дѣвокъ збирать угарки, што съ обоихъ концовъ паляны, и недопрадки, што зъ двухъ концовъ прадяны, и кинуты. Дѣвки назбирали и приносють. И стали яны рыштованьня строить. А моя мачиха посадила пѣвня на столѣ и стала Богу молитца, кабъ пѣвень запѣвъ. Отъ яны строили—строили, тольки бъ узять мяне, а пѣвянь лопъ—лопъ крыльлямъ да кыррѣ!.. Такъ рыштованьня и побурилось! А старая змяя говора: стройтя, стройтя,—ето ня поровый! Стали яны узнова строить. Строили, строили, а пѣвянь у другій разъ запѣвъ: кукаре!.. Рыштованьня и побурилось. Старая опять говора: ето ня поровый—стройтя! Стали складать опять, и склали до самаго верху. Тольки бъ мяне ўзять, а пѣвянь у третьтій разъ: кукареку! Рыштованьня трошку обсунулось. Троху спогодя запѣли и ўси пѣвни. Тоды яны пропали, а ета, што я ѣздивъ, ляжить и стогня. И говора мнѣ: коли мяне поховаешъ, табѣ моя хустка достанетца! И померла. Мачиха звялѣла мнѣ на другую ночь здѣлать труну и ўмотать яѐ трома варовками, и такъ щитно, кабъ ня можно було иголки подсадить, и везть якъ ни можно поспяшнѣй хувать. Уклавъ я яѐ ў труну, умотавъ крѣпко варовками и повёзъ хувать чатверикомъ. Я вязу, а варовки покаютца. Покуль довёзъ, полопались уси, тольки осталось три ницины. Я борджѣй спихнувъ яе ў яму. Дакъ яна и отвястила: ну, хустка табѣ застаетца! Дыкъ я й тяперъ етой самой хусткой—однымъ рожкомъ утрусь, стану молодъ, другимъ утрусь, стану старымъ старикомъ. Дыкъ и выходя: сказки правда, а пѣсни склады! Ти доволны моимъ судомъ? Пѣсяльникъ говора: кабъ табѣ ня судивъ Богъ судить никого!—Ну, идитя дальшъ!

Пошли яны дали, пытаючись у людей. И нараяно имъ, што идитя туды и туды за раку, тамъ живе одна судьдя. Пришли яны къ ракѣ, сѣли у лотку и пераѣхали на тэй бокъ. Бачуть, сядить на камяни чаловѣкъ, держа у руцѣ бярозу. „Здрастуй!"—Здоровъ!—„Ето судьдя?"—Ето. За што васъ судить? Ну, пѣсяльникъ и ставъ говорить дѣло по порадку, усё, якъ було. Выслухавъ судьдя и говора: ты, пѣсяльникъ, становись ракомъ, а ты, казошникъ, садись на яго. Слухайтя! Бывъ я колись такій, якъ и вы. Живъ я съ пѐршой жонкой. Разъ были мы зъ ёй у бясѣди. Жонка моя стала скакать и пѣть соромоцкія пѣсни. Я на яѐ ставъ сваритца, а яна кажа: „чаго ты брешашъ, рабый пёсъ? пошовъ вонъ!"—Я й побѣгъ собачкомъ. Бѣгавъ, бѣгавъ,—якъ тутъ пропитать душу? Вывъ я, вывъ... Ходивъ ловчій по охвоти, и выгнали со-

баки зайца. Покуль охвотникъ спустивъ хортовъ, я побѣгъ за зайцо́мъ и поймавъ яго, и приношу ловшаму. Ловшій погладивъ мяне и отдавъ мнѣ хлѣбъ и говядику, што съ собой бравъ, и забравъ къ сабѣ у дворъ. И я довго живъ у яго. Разъ я гоню зайца по полю, ажъ якъ-разъ ѣдя моя жонка. Убачила мяне—сычасъ я пырхъ вяробе́йкомъ! А тутъ зимовое урема,—куды мнѣ дѣтца. Поставили дѣтки сильля. Я думаю: постой, моо, я хуть одно зерятко ухоплю! Ставъ клювать, и ўплутався. Узяли мяне, принясли у хату. „А мамочка, вяробеячку ўловили, увечари зваримъ!“ Посадили мяне на полицу подъ горщокъ, посыпали конопель. А дѣти й зъ языка ня спускають: вяробейку зваримъ! вяробейку зваримъ! Ну спасибо, баба тая замѣстъ мяне укинула у страву мяса шматокъ. Дѣти стали ѣсть, ядять и присмакують: а мамочка, солодокъ вяробейка! Увечари дочка етой бабы говора: богослови, мати, зъ вяробейкомъ легчи спати! Матка богословила и здѣлала мяне узнова добрымъ молойцомъ. И пожанились мы зъ ёю; и прожили довгое ўремя. Ѣхали разъ мы зъ ёй на кирмашъ. Яна мнѣ и говора: „гляди, кажа,—стрѣнемсь мы съ твоёй пѐршой жонкой, станемъ битца, ты ня чапайсь!“ Ѣдемъ мы пѐлямъ, а зъ другой дороги на сустрѣчу намъ ѣдя моя першая жонка. Якъ убачила, сычасъ скокъ съ повозки рабой сучкой. И ета моя жонка опять жа соскочила сучкой съ повозки, и стали рѣзатца. И тая мою перамогая. Я злѣзъ съ повозки и ставъ рабой на хвостъ; сабѣ думаю: няхай моя яѐ порѣжа! Тольки я ставъ, ажъ яна и стала подо мной ка́мянямъ. Я сѣвъ на яе. А ета жонка сѣла бярозой у руку́. Такъ и сяджу во й досюль. Дыкъ во, братъ: сказки правда, а пѣсни склады!... Ну пѣсяльникъ на ето не здався, и пошли яны съ казошникомъ кожный по сабѣ.

Довск. вол., рогач. у.

Въ м. *Гайшинѣ, бых. у.* записанъ варіантъ такого содержанія: Прослужилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ на дальней границѣ и, выйдя въ отставку, отправился на родину съ тремя копѣйками въ карманѣ. По дорогѣ, въ одномъ городѣ, онъ сталъ торговать кисть винограду (вліяніе 1877—78 гг.). За нее запросили ровно три копѣйки. Видя, что Богъ послалъ ему торгъ по его деньгамъ, солдатъ-Алёша ўсмѣхнулся. Купецъ заинтересовался солдатомъ и оставилъ его у се́бя прикащикомъ. Здѣсь Алёша познакомился съ одной красивой дѣвушкой, пользовавшейся дурною репутаціей, и чтобы не влюбиться въ нее, *острамилъ* ее. Но послѣ этого его неудержимо влекло къ опозоренной дѣвушкѣ, и когда онъ явился къ ней, она сказала: „а, идзѣшъ, собака! Ступай жа, походзи собакомъ преждзе!“ Онъ и сдѣлался бѣлою собакой, а *заслуга* его—нашивки—сдѣлались для него ошейникомъ. Узналъ купецъ, што это Алёша, и послалъ его

просить прощенія у дѣвушки. Та говоритъ: „а, идзешъ, собака! ня хочешъ быць собакомъ, ступай жа побудзь веробъёмъ!“ И сдѣлался онъ воробьемъ. Тутъ налетѣло стадо воробьевъ и умчали его съ собою въ неизвѣстныя горы, въ каменную хату безъ оконъ и безъ дверей, только съ небольшими отверстіями для воробьевъ. Въ этой хатѣ жилъ старый демонъ. Онъ схватилъ Алёшу и посадилъ въ желѣзную клѣтку. Сталъ потомъ читать большую книгу,—всѣ воробьи, кромѣ Алёши, превратились въ людей—дѣвокъ и хлопцевъ. Онъ распросилъ у нихъ, что они сдѣлали, снова почиталъ свою книгу, и превратилъ всѣхъ опять въ воробьёвъ. Улетѣли всѣ—и демонъ и воробьи—Алёша притащилъ лапкой къ себѣ книгу и сталъ читать. Немного почиталъ—клѣтка его разсыпалась. Еще немного—и сдѣлался человѣкомъ. Нашелъ въ склепѣ двухъ дѣвицъ, забралъ ихъ съ собою и уѣхалъ на демоновыхъ жеребцахъ къ купцу. Оттуда дѣвушекъ отправилъ къ родителямъ, а самъ женился на дочери купца и остался тамъ жить.

62. Чортъ и мужикъ.

Зайшовъ разъ солдатъ у дзяревню ночувацъ. Вотъ баба и ўзлюбила солдата, и назаўтрая пошла услѣдъ за имъ. Солдатъ пришовъ къ рѣчцы, здзѣлавъ мостокъ и пераѣхавъ церазъ рѣчку, а баба и осталась одна. Плакала яна, плакала, што осталася отъ солдата, а тоды говора: кабъ мяне чортъ якъ перанёсъ церазъ рѣчку, а тамъ ба я солдата догнала! Сяйчасъ выскочивъ чортъ зъ рогамы и говора: ложись, баба, мнѣ помижъ рогъ, я перавязу цябе! Баба узрадовалась, лягла на роги,—крѣпко ущамилася. Покуль ёнъ яе́ пераносивъ, яна й вуснула. Перанёсъ чортъ яе церазъ рѣчку и говора: злязай, баба! А яна спицъ. Ёнъ скидавъ, яе́, скидавъ, кидався, кидався, туды и сюды, ниякъ бабы ня скиня! Отъ ёнъ лятавъ—лятавъ зъ ёй—ничого ня порадзя. Утомився до смерци, а баба ўсё спицъ. Приставъ чортъ сусимъ, яе́ носючи, лёгъ на ростанькахъ и говора самъ сабѣ: вѣрно приходзитца пропасци отъ бабы! Отъ, ляжицъ ёнъ, ротъ разинувъ, языкъ выставивъ, ажъ ѣдзя мужикъ на млынъ. Убачивъ чорта, што ляжицъ зъ бабой, и кажа: „чаа ты ляжишъ, кошлатый бѣсъ?“—Ай, чаловѣча! Отратуй отъ бабы,—што хочашъ, тое табѣ дамъ!—„А што ты мнѣ даси, кошлатый бѣсъ?“—Тольки скинь бабу, побачашъ, што я табѣ дамъ!.. Мужикъ подышовъ, карпанувъ бабу ногой, яна и звалилася, и стала шаволйтца. Чортъ борджѣй на ўцёки, а мужикъ и поѣхавъ. Отбѣгся чортъ, нявидно бабы,—побѣгъ, догнавъ мужука и ставъ дзякувацъ: „отъ, каа, я пойду короля душицъ, а ты бярись мяне прогнацъ!“ Побѣгъ чортъ и ставъ душицъ короля. Король собравъ усихъ дохторей, нихто ня можа

прогнаць чорта. Тоды приходзя тэй мужикъ: я, каа, выгоню чорта! тольки повыгоньця дохторей, яны тольки дармо гроши бяруць! Ну, повыгоняли дохторей до 'дного. Мужикъ обыйшовъ короля, а чортъ сядзиць на ёмъ. Мужикъ узявъ, три разы дмухнувъ,—чортъ соскбчивъ съ короля и побѣгъ. Очу̑нявъ король. Дали мужуку награду, насыпали грошай мяшокъ. Поѣхавъ мужикъ домовъ, а чортъ забѣгъ напяродъ: и говора: ну, глядзи жъ: я побягу душиць другого короля! Сыскавъ и тэй король мужука. Ёнъ узновъ три разы дмухнувъ, чортъ выскочивъ и побѣгъ. Дали тутъ мужуку два мяшки грошай. Поѣхавъ ёнъ домовъ. Приходзя къ яму чортъ: отъ, кажа: ты казавъ, што ты мнѣ даси, кошлатый бѣсъ? А цяперъ, бачъ, скольки грошай у цябе! Цяперака жъ я побягу ще душиць третьцяго короля, а ты у̑же ня йдзи лячиць яго! Побѣгъ и ставъ душиць того короля. Душивъ, душивъ, и нихто няможа прогнаць чорта отъ яго. Отъ, сыскали того самаго мужука. Ёнъ пришовъ. Ходзивъ, ходзивъ кругомъ чорта,— ниякъ не злязаа: дувъ, дувъ—нѣ, ня кидаа чортъ короля. Што тутъ дзѣлаць? Узявъ да якъ крикня: „эй, баба! ходзи сюды—чортъ тутока!“ Чортъ прбмятьцу съ короля, сорвавъ крышу зъ дома, и побѣгъ. И боляй уже ня ду̑шивъ королёвъ. А мужуку насыпали три мяшки грошай. И ставъ ёнъ жиць, поживаць, да добро наживаць.

С. Чигиринка, бых. у. Отъ кр. Якима Кечикова, запис. по моимъ указ. г. Тихановичъ.

63. Чортъ и баба.

Була уво 'дного мужука упартая баба, што у̑сё хоча по свбяму здзѣлаць. Бивсь ёнъ, бивсь зъ ёй,—ниякъ ня пераставя поганую бабу. Разъ ѣхали яны по лугу и бачуць, што одна рѣзка дужо ладно выкошана. Мужикъ говора: во, выголили рѣзку! А баба кажа: нѣ, выстригли!— „Нѣ, выголили!“—Нѣ, выстригли! Пріѣхали къ колодзяжу. „Кажи, баба —выголили, а то у̑топлю!“—Топи сабѣ, а у̑сё жъ выстригли! Мужикъ яе́ и у̑кинувъ у колодзяжъ. А у̑ тымъ колодзяжи да живъ чортъ. Дыкъ яна такъ надокучила чорту за ночь, што яму̑ здалась ночь за пяць годовъ. Пошовъ ураньни мужикъ къ колодзяжу, поглядзѣць, ци жива баба, ажны яна тамъ загнала чорта у̑ камышъ. Якъ убачивъ чортъ мужука, давай просиць: выцягни пожалуста мяне, добрый чаловѣкъ,—што захочашъ, дамъ табѣ! Мужикъ выцягнувъ исъ колодзяжа чорта и бабу. „Ну, спасибо жъ табѣ, кажа чортъ. Я пойду цяперъ икъ пану и повыгоню у̑сихъ вонъ съ хаты, а ты бярись мяне выгнаць вонъ съ хаты. Якъ ты прйдзяшъ, я й пойду. А панъ табѣ заплаця!“ Побѣгъ чортъ уцякаць отъ

бабы и прамо у панській дворъ. И повыгонявъ усихъ пановъ зъ двора. Мужикъ пошовъ у коршму̀ и говора: я чувъ, што у панськимъ дворѣ дъябли ё. Коли хоча панъ, дыкъ я ихъ выгоню. Сяйчасъ доклали пану. Панъ зовѐ мужука и дае яму пятсотъ цалковыхъ золота, кабъ ёнъ выгнавъ зъ двора дъябловъ. Мужикъ пошовъ туды, къ чорту. Чортъ яму й говора: ну, мужикъ, я пойду другихъ пановъ повыгоню, а ты уже туды ня йдзи, а то я цябе задушу тамъ! Ну, повыгонявъ чортъ тыхъ пановъ зъ двора и ставъ тамъ жиць. Панъ тэй нашовъ мужука и кажа: ето ты, такій-проетакій, увогнавъ чарцей мнѣ ў дворъ! Коли выгонишъ, тыщу цалковыхъ получишъ, а нѣ, дыкъ съ свѣту перавяду! Што тутъ дзѣлаць мужуку? И чортъ казавъ, кабъ не показувався на вочи, и панъ съ свѣта перавядзѐць! Отъ ёнъ найшовъ большую мышину, и пошовъ къ чорту. Якъ пришовъ, такъ мышину й пусьцивъ у двойныя вокны. Идзе къ чорту. А тэй на яго: чаа ты пришовъ, ци я не казавъ табѣ? —Да я пришовъ сказаць, што баба тая сюды бяжйць: коли попаду, каа, чорта, то будзя яму вя то, што ў колодзяжи!—„Ахъ, дзякуй табѣ, мужикъ, што ты мнѣ сказавъ!“ А мышъ шкрабъ—шкрабъ по вокну! „Хто йто шкрабаа?“—Да ето баба уже прибѣгла! Чортъ промятьцю вонъ зъ двора. А мужикъ пытаетца: куды жъ ты побяжишъ?—Побягу къ ксяндзу у дворъ. А якъ яна узнова будзець шукаць мяне, ты прибяжи да скажи! Побѣгъ къ ксяндзу, выгнавъ яго вонъ, а самъ ставъ жиць у ксяндзовымъ дворѣ. Наговорили паны ксянцзу: ето мужикъ тамъ нагнавъ къ табѣ чарцей. Застрашъ яго, дакъ ёнъ выгоня! Ксёндзъ сыскавъ мужука и говора: ты на што нагнавъ ко мнѣ чарцей? Ня жиць жа табѣ на свѣци, коли ня выгонишъ! А выгонишъ, тыщу цалковыхъ заплачу! Мужикъ узновъ поймавъ мышъ, пусьцивъ помижъ вoконъ, а самъ пошовъ къ чорту. Чортъ якъ убачивъ и спужався: чаго ты, каа, прибѣгъ?—Чаго? борджѣй уцякай: баба бяжиць къ табѣ. Казала: коли будзя хуватца по дворахъ, то перавяду стараго чорта!—Дзякуй табѣ, мужикъ, што ты прибѣгъ ко мнѣ. Я цяперъ побягу ў болото: тамъ яна мяне ня найдзя!.. А мышъ шкрабъ—шкрабъ, да й запищала. Мужикъ кажа: скорѣй уцякай, а то баба бяжиць и кричиць! Чортъ якъ пусьцитца ў болото! Тольки мужикъ яго и бачивъ. Такъ мужикъ перахитривъ и чорта и заробивъ скольки тысячъ грошай...

Д. Колбовка, чигир. вол. бых. у. Запис. г. Тихановичъ.

64. Чортъ хромый и баба.

Бывъ сабѣ, знаць, Андрей Хвёдоровъ, мужикъ простэй, знаць. И имѣвъ ёнъ сабѣ грошій и хлѣба. Ну й людзёмъ ёнъ, кому треба што,—знаць,

продовольствывавъ. Ну, мѣвъ позычацъ хлѣба кольки ўгодно и грошій. И не дававъ такъ, на исцинку, а дававъ съ пяциной: на чецьверикъ два гарцы (въ Бѣлор. четверикъ 10 гарнц.); рубъ даёцъ на годъ, а бярецъ рубъ дватцацъ. Дакъ ёнъ за чатыреста рублей своихъ и за хлѣбъ собравъ пяцины триста рублей. Ну, тоды пошовъ ёнъ къ бацюшку: такъ и такъ, говорицъ,—собравъ я пяцины триста рублей, што мнѣ зробицъ зъ гетыми грошми пяцинными?—А што, говбрицъ, дзицятко, зробицъ: ты зробъ цэрькву. А три годы усё-тки не ходзи ў цэрькву! Ну, ёнъ ставъ строицъ цэрькву. Строивъ, строивъ—у три годы состроивъ. Ну, тоды собралиси попы, стали свяцицъ цэрькву тую. Пошли кругомъ цэрьквы съ обуходомъ, а яму вялѣли: „крыжомъ припадзи къ зямлй, раскрыжуйся, покуль мы обб́йдземъ съ обуходомъ!“ Ну, ёнъ припавъ крыжомъ, а йны пошли съ обуходомъ. Покуль яны обыйшли три разы, полядзяцъ—нема яго на томъ мѣсьци,—тольки яма, а ёнъ скрозь землю пройшовъ.

И бывъ у яго сынъ Иванъ Андреявъ,—музыка. Такъ ёнъ, знацъ, гетый сынъ остався одзинъ и дужо заскучавъ: якъ гето, куды бацька подзѣвався? Ну, ўзявъ усю свою пяньку, собравъ и ў людзей усю, звивъ вярёвку и полѣзъ у яму, свойго отца разыскувацъ. Лѣзъ, лѣзъ—сажанёвъ двѣсьця, ци чатыреста—спусьцився на рынокъ. Идзёцъ по рынки, стоицъ лошадзь ли плоту привязана санками; дзяволы дровы цягаюцъ на ёй. Лошадзь тэй говорицъ: „здраствии, говбрицъ, сынокъ!“ Ёнъ дзивитца: лошадзь стоицъ и отвѣщаецъ словясомъ. Дакъ и ёнъ поздраствувався: здраствии, говорицъ, оцецъ!—„Вотъ куды я, сынокъ, попавъ!“—А за што ты, говорицъ, попавъ?—„За своё за грабицялство! Што были людзи—можа гроша ня мѣли, а я бравъ пяцинку; можа ѣсь нечаго было, а я сабѣ у пяцину и послѣднее бравъ! Дыкъ вотъ за гето и попався!“—Ну што жъ, бацюшка, я табѣ не помогу! А ёнъ каецъ: „поможешъ, не поможешъ, а йдзи пойграй имъ, якъ ты музыка! Можа яны пошлюцъ цябе на нашъ свѣтъ струны куплицъ на мнѣ, якъ ты на своёй скрыпцы потрѣзаешъ!“

Ёнъ пошовъ по базару, а йны и зовуцъ яго у хату: Иванъ Андреявъ! ходзи къ намъ пойграй! Ну, ёнъ увыйшовъ у комлату и ставъ играцъ. А дзяволы скачуцъ, гуляюцъ. Игравъ ёнъ, игравъ,—ажны начепъ порѣзався. Ну, тоды яны просюцъ яго играцъ, а ёнъ говбрицъ: нечимъ! Нясуцъ яны яму своё струны. А ёнъ каецъ: не могу на вашихъ играцъ. Дайця мнѣ коня на свой рынокъ зъѣздзицъ, тоды струны куплю, буду играцъ, а вы будзеця гулядъ! Яны коня яму не даюцъ, а дали дъявола: хромбго, сляпбго, кривбго. Дали яму много грошій, ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Сѣвъ, знацъ, на дъявола на 'кáрокъ зъ лѣвой стороны—съ правыя жъ сѣвши, на имъ не поѣдзешъ—сѣвъ и бъёцъ яго ногами: „бѣсъ цябе, го-

ворицъ, вѣдыецъ, якій ты такій уродзився!“—А што, голубчикъ, якій я уродзився: была сабѣ вумнёная жанщйна—другого урождэнія дзяцёнка; расчинила квашню, и тольки стала растворяцъ—дзяцёнокъ закричавъ. Такъ ина не перехрясьцила и отвярнулась къ дзяцёнку къ маленькому. Ну тоды, тольки ина отвярнулась, а я ў дзяжў. Баба тая обярнулася отъ дзяцёнка да дзяжу хрйсьцицъ: во йимя 'тца... Ну, мнѣ церязъ хрёстъ и нельзя вылязьци. Назаўтраго опяцъ надобя гету дзяжу подчиняцъ. Опяцъ пришла, стала колоцицъ дзяжу гету, расчйну. Поколоцивши, засыпала мукй, а засыпавши муки, стала яѐ мясицъ. Ну, мнѣ жъ нельзя вылязьцъ, а йина мѣсицъ. И подавила мнѣ и бокй, и грудзи, и спинў, и ўсё: и ставъ я хромый, и горбатый, и скуловатый, и кривый, и сляпый. Остався я на вярху, а йна опяцъ пеияксьцила:—нельзя мнѣ вылязьци церязъ хрёстъ. Назаўтраго узяла квашню открыла, перяксьцила ды мяне у первую булку увопхнула, ды на лопатку, ды прямо ў печь! Тоды, знатца, я жаривсь-жаривсь... Али-тку вынила ина хлѣбъ съ печи, поклала выхолодзицъ у комлаци у другей. Ну, тутъ я простывъ и оставсь у живыхъ. Тоды, пришлося работьнику тую булку рѣзацъ. Ёнъ узявъ ды не перяксьцивъ яѐ и разрѣзавъ. Отъ я й выскочивъ оттуль, у живыхъ оставшись... Дыкъ вотъ зачимъ я такій!

Ну, ѣдзецъ гетый Иванъ Андреявъ по рынки начепъ купляцъ, а ходзицъ подгородьская хрисьянка коло крамовъ и бросаетца на мѣщанокъ за своё дзѣло: „вы, говорицъ, обманьщики! тольки шкуру лўпиця зъ насъ, —никому пользы не даецё, тольки сабѣ!“ Тоды тэй музыка говорицъ: „ай, говорицъ: гето жъ тая баба, што цябе у дзежцы мясила!“ Дыкъ ёнъ тольки бывши, и нема—вѣдома дзѣ дзѣвся. И покинувъ яго зъ грошми на гетымъ рынки.

А бацька тамъ и остався. Дъяволы и цяперь смолу возюцъ.

Д. Мосаръ, мошкан. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Кондратія Григорьева, 57 лѣтъ, неграмотнаго.

МЕРТВЕЦЫ.

65. Мертвая вѣдьма и шавецъ.

Уво 'днэй дзяревни жила вѣдзьма, баба. Якъ помéрла йна, дакъ яé схували на царковъи. Яна, померши, ня давала збыту, кажную ночь дзѣлала порчу у цэркви: вобрàзы побъè, свѣчи погрызé... Скольки ни ставляли сторожовъ, ўсихъ поѣсцъ и косточки ня покиня. Бяда зъ бабой—вѣдзьмой. Яны стали докладàць начальству. Начальство поставило калавурицъ солдатовъ, а вѣдзьма и тыхъ поѣла. Стали тоды шукаць смяльчакá, кабъ тэй пераночувавъ у цэркви. Ну, й знашли у шинку шавца —пъяницу; ёнъ усимъ мужукамъ дужо надоѣвъ пъяный, отъ яны и стали уговаруваць яго ици у цэркву калавурицъ ноччи. „А зачимъ, кажа: можно! тольки дайця мнѣ на ночь гáрняцъ горѣлки и гарняцъ маку, и плецъ зямцà, и хрестъ, и пѣвня!" Ну, яму, звѣсно, усё ето дали. Ёнъ убивъ баньку у булавѣ (кольцо въ куполѣ), привязавъ плецъ, узявъ съ собою свое начиньня и пошовъ. Усцягнули яго у булаву. Ёнъ поставивъ перадъ собой горѣлку: выпъя да й пяè. Сяродъ ночи приходя вѣдзьма и давай своимъ порадкомъ: „ага, хто тутъ ё?"—Шавецъ пъяница!—„Ну, сяйчасъ и косточки ня 'ставлю!" А шавецъ и ня спужався: пяè да чàсцянько горѣлку пъé. Вѣдзьма й закричала: „старые и малые, ко мнѣ на помогу!" Тутъ уси мертвяцы идуць и домовинки съ собой нясуць, церамкѝ. Вѣдзьма заволала имъ ставляць домовинки и церамки одзинъ на одзинъ, и полѣзла по ихъ на верхъ. Тольки хоцѣла узяць шавца, а ёнъ сыпéль маку! Такъ усё и побурилося, и вѣдзьма звалилась. „Погодзи жъ," каецъ. „Становицяѐ узновъ!" И полѣзла. Тольки узяць шавца, а ёнъ яé по лбу хрéстомъ,—яна й звалилася. „Погодзи жъ, пъяница дурный! Рабяты, узновъ начинайця складуваць!" Тутъ уси мертвяцы узновъ узялись складуваць. Полѣзла вѣдзьма за имъ, а ёнъ пѣвня крацъ! А пѣвянь кукареку! Вѣдзьма упала и забилася, и мертвяцы помёрли. Одзинъ шавецъ остався живъ; сядзиць на булавѣ, пяé да горѣлку пъé. Пришли людзи, цэркву отпёрли, ажъ тамъ повна цэрква мертвяцовъ, и вѣдзьма ляжиць ня жива. Тоды людзи зняли шавца, поховали усихъ мертвяцовъ, вѣдзьму пробили осиновымъ коликомъ и спалили на осиновыхъ дровахъ. Послѣ того у цэркви усё змирилось. А шавецъ за ето ня ўзявъ ничого.

Дер. Вязьмы, чигир. вол. быx. у. Отъ кр. Карпа Войтенкова.

66. Мужи—мертвяцы.

Якъ жило двѣ жонки. Яны перша были жанатыя, а пòтомъ зыўдо-

вѣли,—мужы ихъ поўмирали. И имъ кажный дзень треба було пругонъ служыць ици, а сабѣ работыць и нéкыли. Дыкъ яны днёмъ на пругони работаюць, а пришовши съ пругону, ноччу къ сабѣ на ниву йдуць, жаць при мѣсячку. Вотъ яны жнуць, жнуць, а сноповъ нема кому носиць. А якъ были мужы жывы, дыкъ яны бывало носили. Вотъ яны и кажуць: „Божа, Божа, кабъ то мужы были, яны бъ намъ снопъя поносили!“ Коли пылядзяць, ашъ идуць къ имъ ихъ мужы, удвохъ. Пришли и стали имъ снопъя носиць, и гыворйць зь ими. Жонки дужо были рады, што яны имъ пымогаюць и зь ими говоруць. Такъ яны жали, а яны снопъя носили, чуць не до дня. Тоды пошли повячерали и лягли спаць. Назаўтраго яны пошли на своё мѣсто, а жонки пошли на пругонъ. Пришли съ пругону и опяць жаць икъ мѣсяцу. И мужы приходзюць. Тыя жнуць, а яны снопъя носюць. И ходзили яны такъ кажную ночь, покуль жыто пожали. На послѣднію ночь яны стали гуляць дожинки. Сѣли вячераць, тоды уво 'дныé звалилыся лошка потъ столъ. Полѣзла яна дыставаць лошку, коли пылядзиць, ашъ у ихъ ноги коровъи. Ну, яна скорѣй зъ-за стола ды на вулицу, стала сусѣдзявъ зваць. Пришли сусѣдзи у хату, ашъ хата отчинята, и нема никого. А тэй жонки тольки шкура висиць на печцы.

Г. Сѣнно.

67. Мертвецъ и деньги.

Жила одна помѣщица дужо быгатая. И ў яе було́ три сыны. Вотъ гэта помѣщица захворѣла, и видзиць, што яна ўжо помрець,—не зыхоцѣла, капъ яé грошы зысталися сыномъ. И была ў яе покоёвая дзѣвка, што служыла у яѐ змалку. Дыкъ ина просиць у своёй вѣрный служанки, капъ яна дала ёй пылотна: я, каець, сыбираюсь умираць, дыкъ дай мнѣ пылотна,—я буду сабѣ шиць на смерць подушачки! Дзѣвка гэта дала ёй пылотна, дыкъ яна ўзяла, сшила двѣ подушачки, и въ водну подушачку пыложыла бумашки, а ў другую пыложыла золота. Тоды призвала дзѣвку покоёвку и кажыць: „глядзи жъ, каець, якъ я помру, дыкъ ты пыложи мнѣ гэтыя подушачки ў домовину пóбочъ. Ты, каець, и одзѣвай мяне, я табѣ сто цалковыхъ отказую!“ Помёрла паня, дзѣвка тая одзѣла яе, прибрала якъ треба быць, и пыложила тыя двѣ подушачки зъ ёй у труну. Ну, пыховали яé. Тоды оглѣдзилиси, што нема грóшый. А вѣдыли што у яé було много. И напали на гэтую дзявчонку, стали ныракáць, што гэто яна пыбрала. Яна й божилася и клялася,—ну яны не повѣрили и зысадзили яѐ у вострогъ. Тоды яна сядзѣла тамъ и ўздумыла про тэи подушачки. Призвала своихъ паничовъ и кажыць: ци ня были

гэто у тыхъ подушачкахъ грошы, што йна шыла ператъ смерцю? Ну, яны пошли и откыпали яѐ. Коли пылядзяць, ашъ у яѐ ны грудзёхъ крукъ сядзиць, и съ однэй подушачки цягаець бумашку, ды ёй у глотку, а йна глытаець, а зъ другей—золото ёй ў глотку, и йна глытаець. Яны хоцѣли гэтыя гроши ўзяць, дыкъ крукъ не даець. Яны яѐ ўзяли и зыкопали изъ грошами съ тыми.

Ульяновск. вол., сѣнн. у.

68. Ночлегъ мертвецовъ.

Жили сабѣ такъ два браты. И яны 'бодвы пожанилися, и ще дзяцей у ихъ не было, яны и помѐрли 'бѳе. Хозяйки были молодыя, дыкъ имъ у етакую пору [1]), у жниво, треба коло кладзища ходзиць. Ну, дзень яны жали, тоды ето надъ-вечаръ, якъ скотъ домовъ идзѐць, дыкъ ета, большая, домовъ пошла, а меньшая засталась снопъя носиць, ды й припозьнилася позно. Идзѐць ли кладзища ли етаго,—выскакуюць мужи етыя 'ббе и говорѝць: „жджиця насъ, мы сіеношную ночь прйдземъ къ вамъ у госьци!" Яна спужалась дужо, пришла и говорыць: моя ты, говориць, сястрица,—придуць къ намъ наши мужуки сяньни! А яна каець: дура ты, каець: ня бойся! Придуць, каець, побудуць да й пойдуць! Ну, сѣли яны, повячеряли удвёхъ. Тоды большая нявѣстка говорыць: „нумотка мы хату затопимъ!"—во время сна глубокаго, коли уси поўспались ужо. „Ты сѣй муку, а я ўнясу говядзину!" Значитца, знаходзиць работу, госьцей етыхъ дожидаючи. Ну, печка, добря пе разгорѣлися дровы,—яны сычасъ скокъ у хату 'бое. Большій начавъ сваритца на свою: на што позно печку топишъ? Яна яму отвѣщаець: табѣ лацвѣй, у цябе ўсё подзѣлано, а ў насъ работы много! На тую говорыць: ты, каець, мяси хлѣбъ! А мужикъ меньшія не даець, ирвѐць изъ рукъ дзежку, да зовець яѐ ў клѣць спаць. Тая жъ большая узяла да стала жаръ загрябаць, а на меньшую сказала: ты мяци хату! Ёнъ у яѐ узявъ вѣникъ зъ рукъ вырвавъ. И повёвъ тыки у клѣць. А йна стала на свойго сваритца, да ўсё то тб, то другое прибираець. А ёнъ усё грямиць на яе: ты туши 'гонь, ужо ўремя намъ спаць ложитца! Пришло бъ ёй ето ужо спаць ложитца —пѣвни запѣли. Дакъ ёнъ баранбмъ покацився съ хаты, а той съ клѣци. Яна одна осталась у хаци. Потомъ яна ужо не клалася, боялася класцися спаць, и сядзѣла покуль на рàнки стали гнаць. Дыкъ яна гукнула сусѣдку къ сабѣ на дворъ: послухай ты мяне, миленькая, родненькая, полядзѣць молодзицы моѐ у клѣци,—ци жива, ци нѣ? Увыйшли яны ў клѣць,—дыкъ яна замучана ляжиць,—правая грудзь вырвана.....

С. Братьковичи, климов. у. Отъ кр-ки Авдотьи Харитоновой, 45 л.

[1]) Запис. 15 іюля.

69. Вѣдьмакъ — мертвецъ.

Жили сабѣ два браты. И было у ихъ зямли поббмаль. И стали яны сваритца за зямлю. Тоды одзинъ братъ напросивъ вѣдзьмака, кабъ ёнъ яму нарядзивъ, кабъ ёнъ умёръ. Вѣдзьмакъ той и нарядзивъ—братъ и помёръ. Черазъ скольки ўремя помёръ и вѣдзьмакъ. Тоды злучилось тому брату ици ли могильнику. Ёнъ позно ишовъ, присѣвъ и заснувъ на дорози ли могильнику. И видзиць уво снѣ вѣдзьмака: „вотъ, каець, кабъ ты ко мнѣ зайшовъ, тутъ мясо славное ёсь, давъ ба й табѣ, коли бъ ты зайшовъ сюды!" Пришовъ ёнъ домовъ, повячеравъ и пошовъ изновъ на поля ли могильнику, уже по заходзи сонца. Якъ ёнъ подыйшовъ—вѣдзьмакъ жджецъ: ходзитка, каець, сюды мясо ѣсць. Перевярнись, каець, задомъ ко мнѣ, да сигни разы три назадъ!" Ёнъ перавярнувсь, и ставъ зразу у могилцы,—якъ разъ якъ комнаци нябольшенькой. Ляжиць тамъ яго братъ, и ножикъ ли яго бытто. Етый вѣдзьмакъ рѣжець съ одной половины и ѣсць. И што ёнъ отрѣжець, дакъ яно сичасъ опяць заростаець. Тоды отрѣзавъ отъ *яго* половины скибочку: „на́, говориць, ѣжъ говядзину! Я поддзѣлавъ, а ты просивъ, дакъ намъ, говориць, съ тобой умѣсьци и ѣсць!" Тэй узявъ скибочку у ротъ, укусивъ, дакъ ня могъ проглыциць.—„Ну, коли цяперь ня хочешъ ѣсць, дакъ придзець уремя: твоя (половинка) табѣ будзець! Перевярнись задомъ и сигни узновъ три разы!" Ёнъ сигнувъ и опяць ставъ на дорози. Пошовъ домовъ, захворѣвъ и помёръ скоро.

С. Тимоново, клим. у. Отъ кр. Евфима запис. мною.

70. Мертвецъ и малецъ.

Якъ пасьцили мужуки коній у лѣси. Усимъ мужукамъ носили ѣсьци, а одному малцу нѣ. Ёнъ успомнивъ, што тутоцьки ли лѣсу хорошій мужикъ живець, Якывъ, вотъ ёнъ и пошовъ къ яму пыпросиць ѣсьци. Увыйшовъ у хату, ашъ Якывъ помёръ, ляжиць у трунѣ прибраный. Жонка побѣгла за попомъ, а ны столѣ покинула горѣлку и латки ў сметани. Ёнъ узявъ, помолився Богу, выпивъ одну чарку горѣлки, закусивши другую, тоды третьцію. А тоды што уздумывъ? Узявъ, вынивъ Якыва съ труны, обмазывъ видъ у сметану, уклавъ у зубы латку и вытуркнувъ празъ вокно гыловў, капъ, значитца, подумыли, што ёнъ латки поѣвъ и горѣлку выпивъ. А самъ пошовъ коній ўзновъ пасьциць. Приходзиць туды попъ увидзѣвъ, што гэткое дзѣетца зъ Якыва и кажыць: ёнъ чаровникъ, яго нялзя хуваць на могильнику, яго треба пухуваць у жавиньнику (ежевика)!

Самъ пошовъ домовъ, а Якыва пухували безъ яго ў жавиньнику. Ну, што жъ ты думыешъ: съ тыхъ само поръ ставъ гэтуму мальцў снитца тэй Якывъ, ды кажный ночѝ: „а, каець, гэто я церазъ цябе пухуванъ у жавиньнику!“ Малецъ тэй ставъ сохнуць, ставъ сохнуць, пымирацъ сыбирався. Алитку признався матцы. Матка пузвала пупá, и перахували Якыва ны могильникъ. Ну, якъ перахували, и малецъ ставъ очуняць, пыздоравлюваць.

Въ г. Сѣннѣ.

71. Чернокнижникъ.

Якъ живъ сабѣ на свѣци панъ. И бывъ дужо большій чарнокнижникъ. И ёнъ перадъ смерцю скызавъ, што дась тому двѣсьця цалковыхъ хто яго пувязéць хыроницъ унóчы. Ну, якъ ёнъ помёръ, дыкъ паня раздумылася и пыслала работниковъ завéзць яго. Вязьли яны, вязьли, ашъ ныстала пóвнычъ. Сычасъ думовина отпёрлася, панъ вылѣзъ и пыдавивъ ихъ. А самъ и лёхъ узнова ў думовину. Кони возили, возили яго и привязьли домовъ. Зраньня паня увидзѣла, што панъ вярнувся, дыкъ яна подумыла, што работники яго обобрали и сами уцякли. Дыкъ яна скорѣй поѣхыла тэй дорогой дыгоняць ихъ. Пріѣжжаець на тое мѣсто, ашъ яны ляжаць пыдавленыя. Вярнулась ина домовъ и стала дываць триста цалковыхъ тому, хто яго зывязéць. Тутъ нашовся одзинъ малецъ: „я, каець, зывязу, тольки треба обкуваць думовину, запрéгчы выроныхъ коній, купиць чорную сермягу и ўзяць съ собой чорныго собаку, чорныго пѣвня и чорныго кыта!“ Ну, яму̀ усё гэто дыставили. Тоды ёнъ, якъ тольки сонца зайшло, и повёзъ. Ѣхувъ, ѣхувъ—до повнычи. Якъ ныстала повнычъ, сычасъ обручы полопылиси и панъ вылѣзъ. Тэй малецъ на ёлку. Панъ ставъ дратца за имъ. Дрався, дрався,—чуць не доставъ. А ёнъ яму ботъ зъ ноги скинывъ. Панъ злѣзъ, ботъ пырвавъ и узнова лѣзець. Малецъ кинывъ яму другій ботъ. Панъ узнова злѣзъ, пырвавъ, и опяць за мальцомъ лѣзець. Тэй малецъ кинывъ яму сермягу, а тоды собаку, а тоды кыта. Панъ пырвавъ и узнова лѣзець. Тоды, тольки бъ яго узяць, а малецъ пѣвня цись, а пѣвянь—кукареку! Панъ и звалився зъ елки, и забився. Тоды малецъ яго за ноги ды ў думовину, ды завёзъ, пухувавъ.

Д. Заровье, лисич. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Ефима Холмы.

72. Дѣвки и кости.

Ходили дѣвки на ночь на посидѣнки, и здѣлали вечаринку. Отъ, пошли яны по горѣлку. Лякати кости на дорози. Отъ, яны кàжать: кости, кости!

ходитя къ намъ у гости! у насъ вечаринка сягодни! Отъ, яны пришли домовъ, принясли горѣлку, ажъ яны й тращать черазъ порогъ. Пришли, сѣли за столъ—якъ чаловѣкъ—и говдрать на дѣвокъ: „ну, давайтя горѣлку!“ Яны поставили горѣлку. „Давайтя яешню!“ Подали яешню. Стали ѣсти,—одна дѣвка и упустила мясо. Стала поднимать, ажъ тырчать съ подъ лавки кости. Отъ яны побѣгли утякать, а кости за ими. Поймали одну дѣвку да на колѣно, да й параломили. А тые дѣвки поўтякли, да ў лазьню, а одна дѣвка у плоскани схovалася. Подбягаять кости къ лазьни: „хто тутока?“—Божая свяча!—„А тутока?“—ў плосканяхъ.—Чортова рогоза̀, яна отказуя. Ну, кости тую дѣвку вытягли и задавили.

С. Переростъ, гом. у.

73. Мертвецъ и малецъ.

Гуляли ў дзяревни вясельля, и було дужо много людзей. И за вячерой стали гомониць объ покойнику, што лежавъ объ гэто ўремя у церкви. Тоды одзинъ малецъ кажецъ: я не боюсь мертвяцовъ; коли хочеця, принясу вамъ сюды и гэтаго! Яны жи стали смѣятца коло яго. Тоды ёнъ узявъ, пошовъ у церкву. Приходзиць туды, ашъ церква отомкнута. Ёнъ увышовъ у церкву, узявъ мертвяца и понёсъ у тую хату. Принёсъ и поставивъ у кочарежнику. Ну, уси, звѣсно, попужалиси, якъ ба не было—и поўцякали, хто празъ вокно, хто празъ двери. Алитку разосмѣлившись, собрались усёй дзяревней и пошли у тую хату, капъ яго узяць й отнесьци у церкву. Брали, брали яго съ кочарежнику—ниякъ. Ну, позвали попа. Попъ прочитавъ молитву: стали узнова брацъ—ниякъ! Ну, тоды попъ каець: нихто яго пѣвне отсюль ня вдзьмець, якъ тольки тэй, хто яго сюды принёсъ! Ну, малецъ тэй каець: я принёсъ! Бацюшка спознавъ, што гэто нѣшто нядобро, высповѣдавъ мальца на смерць, сказавъ надзѣць бѣлую сорочку и попрощатца. Тоды тэй малецъ подышовъ къ мертвяцу, поднявъ яго и понёсъ у церкву. Принёсъ туды, поклавъ яго ў труну и хоцѣвъ ици, а ёнъ яго и общапивъ руками. Дрався ёнъ, дрався—ниякъ. Подышли людзи, стали молитца, попъ ставъ обѣдню читаць, а ёнъ дзяржйць. На третьцій дзень того ужо треба хуваць. Тутъ людзи ўси стали отнимаць мальца, стали руки тому отразаць, а малецъ кричиць: больно, ня рѣжця! Билиси-билиси, й мусили покласць обоихъ ў труну. И похували. Во й сказки конецъ.

Сѣнн. уѣздъ. Запис. г. Клесовъ.

74. Мертвецъ и панъ.

Ѣхавъ зимой панъ на тройки конiй съ кучаромъ. Ѣхали, ѣхали и прiяжжаюць къ кладзищу. И дзѣло гэто було увечари, позно, у дзяревни ўси полягли. Тоды панъ каець кучару: стой, братъ,—давай тутъ ночаваць, а то тамъ у дзяревни полягли и ня пусцюць насъ на ночь! А кучаръ каець: нѣ, паночакъ, я боюсь!—Ну, каець, дурень ты, ня бось! ты ложись на повозцы, а я лягу на гэтой могилцы, што сяньни нарыта! Ну, и заночавали. Кучаръ жа якъ лёгъ, такъ и заснувъ, а панъ пошовъ збокъ могилки лёгъ. Лёгъ и ня спиць. Чаразъ нѣскульки ўремя вылѣзаець изъ могилки мяртвецъ. Якъ вылѣзъ, такъ и пошовъ прамо у дзяревню. А панъ усё ня спиць. Часы чаразъ два идзѣць тэй мяртвецъ називадъ. Панъ на гэто дзѣло бывъ не страшанъ и ўлѣзъ у яму. Тольки ёнъ хоцѣвъ лѣзць у ямку ў свою, а ёнъ каець: „стой, не пущу, куды лѣзешъ! Идзѣ бывъ?“ Ёнъ мовчиць. „Што мовчишъ, отвѣчай!“ Ёнъ каець: ходзивъ къ бацьку!—„Чаго?“—Заморивъ брата зъ братóвой!—„Э, каець: худо ты здзѣлавъ, бацьку забидзѣвъ. Скажи, якъ ихъ отживиць?“ Ёнъ мовчиць. „Што мовчишъ, отвѣчай!“—Тамъ, каець, дзѣ яны спали, подъ поломъ ляжиць два пузурки зъ живой водой и зъ мертвой. Дыкъ ихъ треба мертвой водой збрызнуць упéрадъ, а тоды живой. Яны й отживуць! Ды пусьци, каець, а то пѣвни скоро запяюць! Панъ вылѣзъ зъ ямки, а ёнъ туды. Тольки полѣзъ, а пѣвни у дзяревни кукареку! Ёнъ и ня ўспѣвъ улѣзць, ноги и остались вонкахъ. Тоды панъ узбудзивъ кучара и поѣхали у дзяревню. Прiѣхали къ крайней хаци: идзѣ тутъ тэй чаловѣкъ, што ўчора сынъ помёръ? Ну, ихъ довяли до мужука до того. Увыйшовъ панъ у хату: „Здрастви!“—Здоровъ!—„Я чувъ, што тутъ мужикъ зъ жонкой помёръ сеночи. Я могу отживиць ихъ! Вядзиця мяне туды, идзѣ ихъ полъ!“ Привяли яго къ полу, ёнъ поднявъ полъ и выцягнувъ два пузурки зъ водой. Ёнъ перша одной ўзбрызнувъ на ихъ, послѣ другой—яны и поднялись. Тоды бацька зъ маткой собрали сусѣдзей, пошли на кладзища, а яго ноги тырчаць. Ну, яму колъ осиновый у спину ўбили, ёнъ и перараставъ ходзиць.

Сѣнн. у.

75. Пятрокъ-шавецъ и мертвая паненка.

Разъ пришла одна паненка къ шавцу, захоцѣла сабѣ черявики пошиць. А ў того шавца бывъ вучанъ, и звали яго Пятрокъ. Якъ ставъ шавецъ знимаць мѣрку, паненка тая подняла ногу и троху заголилася. А Пятрокъ сядзѣвши зъ другого боку сапожницкаго стóла, подглѣдзивъ

ето дзѣло, и улюбився у ету паненку. Удругъ шавецъ змѣривъ ёй мѣрку, ина й пошла. А ёнъ потомъ сказавъ свойму дзядзьку: што я въ яе́ дужа ўлюбився! Ну, тоды, работаюць яны дзень; вечаръ пришовъ, дзядзька на яго кажець: давай вячеряць, Пятрокъ! Сѣли яны удвоихъ, повячеряли, ды й лягли спаць. Дзядзька жъ етый лёгъ да й спиць. Якъ тольки жъ приходзиць серядзи ночи, приходзиць ета паненка сюды назадъ, и бяре́ць Пятрока етаго въ 'хапку, а кладзе́ць на свой карокъ, и пошла зъ имъ у бѣлый свѣтъ. Скольки ина тамъ носила яго, къ свѣту принесла яго назадъ и поклала на *свою* посцель. Устае́ць ураньни яго дзядзька, й бяретца за свою работу́ опяць. Поработавъ ёнъ можа часъ, али й два. А етаго Пятрока яго нема,—спиць. Ёнъ сабѣ дзивитца: „што ето такое, што ёнъ третьцій годъ у мяне работыець, и ниразу зъ яго етаго не было́? А давайка я пойду разбуджу яго. Што бывало ёнъ два али три часы устанець ранѣй за мяне, а сяньни ёнъ нѣшто заспався!“ Ёнъ поклавъ свою работу за столъ и пошовъ яго будзиць. Прихо́дзя икъ яго посьцели, ёнъ ляжиць, и вочи глядзяць яго. Ёнъ тоды гово́рить: што жъ ты ня спишъ, говора, а работаць ня ўстае́шъ? А ёнъ яму́ ничого не сказавъ. Тогды етый дзядзька рассердзився: кыли ты работаць ня хочашъ, дыкъ я цябе ращитаю! Ды самъ и пошовъ отъ яго. Ударивъ нѣскульки разовъ молоткомъ, и яму ру́питца, ня церпитца. Самъ сабѣ думаець: што ето яму здзѣлалось? Жонка яму́ й говориць: а йдзитка, Михалка, распытай яго,—можа ёнъ чимъ нездоровъ? Ёнъ пришовъ знова къ яму и давай распытываць. Ёнъ яму сказавъ нѣмымъ языкомъ: „што якъ мы ўчора работали, ды приходзила къ намъ паненка, дыкъ ты ёй дзядзька знявъ мѣрку, а я подглѣдзивъ, якъ ина заголилася, и улюбився въ яе́. То якъ тольки мы ўляглись спаць съ тобой, дыкъ ты думавъ, што я сплю кыля цябе, а йна пришла и ўзяла мяне.“ Дзядзька етый сійчасъ дыгадався, што ето дзѣло неакуратно. Ёнъ не ставъ яго чепаць и давъ яму очу́хатца. Етый жа Пятрокъ спавъ до самаго вечара. Вечаромъ ёнъ очу́хався. Тогды дзядзька яму гово́рить: „вотъ, сядзька жъ ты, ды повячеряй, мой голубе́цъ, а я табѣ госцинецъ приготую коля яе́!“ И ёнъ яму уно́сиць три палки. „На̀, говоря, етыя палки! Якъ будзешъ ложитца спаць, дыкъ ты ихъ крепчѣй затор'ни за поисъ, и дожидай яе́, ня спи. Якъ тольки йна придзя къ табѣ и возьмя цябе знова въ 'хапку и поляциць съ тобой, дыкъ ты, якъ можно, лѣвой рукой за косы яе крѣпко дзяржися. И якъ тольки кончаетца крайній дворъ у дзяревни, дыкъ ты сійчасъ бяри съ праваго боку палку и би яе́, скольки силы ёсь, по головѣ. Якъ тольки ету палку поломаешъ, бяри зъ лѣваго боку и би, якъ ня посильнѣй. То йна будзець цябе легше носиць. Якъ тольки йна перавѐрнетца назадъ съ тобою, ты тогды бяри ззадзи палку и ящѐ посильнѣй би яе́!“...

Ну, ина принесла яго только къ двору. Ёнъ тыя уси палки збивъ на ёй. У хату йна не могла ўжо унесць,—кинула яго на дворѣ, а сама низвѣсно гдзѣ дзѣлась. Ёнъ тогды пришовъ у свою хату и лёгъ на посцель. Чуць только стало развиднѣвацъ, ёнъ уставъ и бяретца за свою работу. Устаёць яго дзядзька и пытаетца у яго: што, Пятрокъ, якъ дзѣло твоё? А ёнъ яму говоря: слава Богу, дзядзька, спасибо табѣ за твою раду! Тогды ёнъ яму говориць: „глядзи жъ ты Пятрокъ: къ намъ прйдзя панъ скоро и цябе будзя нанимаць надъ мертвяцомъ ночаваць; а ты яму скажи, што панъ, я боюся, я чаловѣкъ молодый, а нехай лучче идзець дзядзька мой!“ Ну, такъ и ёсь. Приходзиць панъ и наймаець Пятрока. Пятрокъ кажець, што я боюсь, нехай мой дзядзька йдзець!—Нѣ, говоря: я цябе хочу! А дзядзька тогды яму говориць, Пятроку: „дурень ты, Пятрокъ! зачимъ ты боисься? Ты страху ня бойся, а ты говори съ паномъ, сколки ёнъ табѣ за ночь заплоця! Ну, сышлися яны съ паномъ на пяць цалковыхъ. Панъ тэй пойшовъ. Дзядзька тогды говориць на Петрока: „ложись-ка ты, Пятрокъ, отдыхни, а то табѣ надо йиць мертвеца спяречь!“ Дождався Пятрокъ вечара, яму дзядзька даець книжку и приказыець яму: на́, идзи жъ, мой соколъ, да только жъ што будзець дзѣлатца тамъ, дыкъ ты на ето не глядзи, а читай книжку! Узявъ Пятрокъ книжку да й пошовъ. Приходзиць къ пану. „Ну, што, пришовъ, Пятрокъ?“—Пришовъ, панъ!—„Ступай, Пятрокъ, у хатку: у тэй хатцы ляжиць мяртвецъ!“ Ёнъ увыйшовъ у хатку, глянувъ на мертвеца на того, ажно то ляжиць тая паненка, што приходзила къ яму,—ёнъ яе́ забивъ, значитца. Ёнъ тогды: надо жъ дзѣлаць, што дзядзька казавъ! За столъ сѣвъ и читаець книжачку тую. Удругъ поднявся по хаци вѣцеръ. А Пятрокъ книжку читаець. Расчинилися двери ў хаци, наляцѣло воронòвъ сила большая. Тогды идуць музуканты, зайграли тамъ. Етыя вороны подзѣлались дзѣвками уси, зачали скакаць по хаци. Али устае́ць и паненка ета, мяртвецъ, и кажець имъ: „ну, што вы, мое́ сястрицы? шукайця мнѣ мойго непріяцеля, якій мяне съ свѣту зживъ!“ Яны шукали яго по вуглахъ по разныхъ тамъ, ня найшли яго. Тогды ина и говориць имъ: што вы шукаеця, говориць,—вонъ жа шъ ёнъ, за столомъ сядзиць! Только йна сказала такъ, запѣли пѣвни, и незвѣсне, адзѣ яны ўси подзѣвались; насилу яна только лягла на свое мѣсто. А Пятрокъ усё читаець. Тогды давъ Богъ дзень; ставъ Пятрокъ дремаць за столомъ, узявъ да й лёгъ на злокоткахъ,—да й заснувъ. Устаёць панъ тэй и гукаець къ сабѣ слугу: „Максимъ, каець: идзика ты выкинь тамъ съ хатки косьци!“—ёнъ думавъ, што яны разорвали яго. Максимъ приходзя у хатку, а Пятрокъ спиць сабѣ бе́зъ-горя. Ёнъ тогды, видзя жъ, што у хатцы нема ниякихъ косьцей, ёнъ приходзиць къ пану: „што жъ ты, панъ, казавъ, што у

хатцы косьци ёсь?“ А панъ каець: а хто жъ тамъ, Максимъ, у хатцы ёсь?—„А Богъ яго вѣдыець, панъ: чаловѣкъ нѣйкій на лавцы ляжиць!“ —Ну, дыкъ идзи жъ ты, Максимъ, узбудзи яго,—нехай идзѐць у двбру! Етый Пятрокъ уставъ, книжку ўзявъ и пошовъ у двбру. Приходзя у двору, дзядзька у яго спрашыець: „ну што, Пятрокъ,—якъ дзѣло твоё?“ —А, слава Богу, дзядзька! ночь отсцярёгъ и пяць цалковыхъ заробивъ! —„Ну, дыкъ ложиська, Пятрокъ, отдыхни: тэй изновъ панъ придзя!“ Приходзя панъ изновъ: „ну вотъ, ты ли мяне службу хорошую ўслуживъ, услужи й другую: я табѣ заплачу̀ большъ грошій. Придзи ты ко мнѣ ў вечари, выкыпаешъ ямку на кла́дывъи, зывязе́шъ ны коні̀, схуваешъ яе́!“—Ну, добря панъ, приду! Тольки што ёнъ пойшовъ съ хаты, а дзядзька Пятроку говбря: „глядзи жъ ты, што я табѣ приказыю! Якъ ты прѝдзешъ къ яму̀, дыкъ ёнъ табѣ будзя говориць, што возьми коній на стайни у правомъ боку,—жирныя кони, говбриць, хорошія; дыкъ ты ихъ не бяри, а то ты вбзьмешъ ихъ ды й зыпряжешъ, дыкъ яны цябе забъюць. А тамъ ёсь у яго дреньненькій конёкъ, ли воротъ стоиць, дыкъ ты етаго возьми; запряжи яго, завязи и схувай яе́! Ну ето, говбря, ня служба табѣ, а будзя служба: заўтря панъ изновъ придзя!“ Ну, ёнъ такъ усё и здзѣлавъ. Вотъ назаўтря панъ приходзя изновъ къ яму̀: „вотъ, Пятрокъ, говориць, двѣ службы услуживъ хорошо; ну надо табѣ й третьцію послужиць: сходзи ты на ’дну ночь на могилку, посцеряжи яѐ,—я ще больше табѣ заплачу̀!“ Ну, панъ и пойшовъ зъ етымъ. Дзядзька Пятроку й говбриць: ну, ты ляжъ, Пятрокъ, отдыхни, а я табѣ кой-што приготую! Тогды приходзиць вечаръ, дзядзька Пятрока выправляець: давъ яму книжку и чатыре хрясты. „На̀ жъ ты, говбриць, идзи, говориць, ды й сядзь у яе́ ў головахъ и читай книжку ету. Якъ тольки расчинитца могила и выйдзець ина къ табѣ, дыкъ ты возьми, поставъ со ўсихъ чатырёхъ боковъ етыя хрясты!“ Ну, ёнъ пошовъ, Пятрокъ, и такъ и здзѣлавъ. Ина тутъ што колы ямы ня дзѣлала, ну къ яму не приступилася. Якъ тольки запѣли пѣвни, ина ўскочила въ яму и легла ўнизъ вочьми. А ямка яѐ не закрылася. Ну, й Пятрокъ дожидавъ дня и пойшовъ у двбру. Якъ тольки прійшовъ у двбру, и жись яго кончѝлася...

М. Молостовка, черик .у. Отъ кр. Ивана Николаева, 32 л. негр. записала въ моемъ присутствіи Анаст. Ив. Кучинская.

76. Иванъ и Хрисцина.

Вотъ жили сабѣ такъ у дзяревни два богатыхъ мужука. Уво ’днаго была дочка, а ў другого сынъ. Дакъ яны хоцѣли такъ подзѣлатца сва-

тамы. И бацька дзѣвки тыя обѣщавъ пятсотъ цалковыхъ жалованьня дацъ, придáнаго, посаги, значитца. Хлопецъ жа гэтый бывъ дужа чѐсный и рахмáный. Ну, замѣчаюць зъ етыя дзѣвки, што яна занимаетца волшéбствомъ силнымъ. И ёнъ, хлопяцъ тэй, никòму ня 'бъясняець, што ёнъ видзиць за ѐй нехорошія дзѣла. Тольки оцецъ заставляя яго на éй жанитца. Ёнъ говора: „голову̀ отруби, а я на éй жанитца ня буду николѝ. Ожанюсь на кимъ-либо, да не на éй!" Ну, оцецъ мусивъ яго ожаниць на другой. А тая да была у яго крѣпко удавшись,—улюбилась крѣпко. И здѣлалась яна хвора, и прося свойго бацьку: „ты мнѣ обѣщавъ посаги пятсотъ цалковыхъ. Кабъ ты мяне три ночи не ховавъ и кабъ Ыванъ три ночи ночававъ при мнѣ, при мéртвой, и отдацъ яму гроши гэты за три ночи!" Пройшло мòжа нядзѣля, можа й двѣ, Хрисцина тая и помéрла. Приходзя тэй яé бацька къ Ывану и прося яго къ ѐй на ночь, и даéць яму сто цалковыхъ за ночь. Ну, ёнъ пошовъ. Уходзя половина дзяревни, сустракаетца зь имъ старикъ. „Здраствi, Иванъ!"—Здоровъ, старичокъ!—„Куды ты йдзéшъ?"—А такъ и такъ, къ мертвому цѣлу ночавацъ!—„Ну, будзець табѣ сяньни худо, да Богъ цябе спасе," говора. И даé яму кружочакъ: „сядзь, говора, на гэтымъ кружочку на столѣ, дакъ ина цябе ня ўвидая!" Ну, собралось тамъ коло яѐ ў хаци можа пятнанцацъ, ци скольки, и ёнъ зъ имы. Ноччу, объ повночь, ихъ усихъ сонъ зморивъ. Увесь народъ уснувъ, яна й подымаетца зъ лавки. „Ну, говорицъ, Иванъ,—чаразъ цябе я смерцъ получила, я цябе ўдушу̀!" Начиная шукацъ яго,—ня можа, ня видзя. Шукала, шукала, пòкуль сама ўпала. Ёнъ яѐ прибравъ, на мѣсто поклавъ, и начиная народъ будзицъ: „уставайця, рабяты,—што вы ўси ўснули? Про гэто имъ ничого ня говòрицъ. Давъ Богъ дзень—отправляетца домовъ.

На другую ночь приходзя яѐ оцецъ къ Ывану и даé двѣсьця цалковыхъ. „Якъ обѣщавъ я ёй ли посаги, дыкъ просила йна мянé, кабъ я табѣ перадавъ!" Иванъ говорицъ: ступай, старикъ, я сычасъ иду! Идзéцъ ёнъ, половина дзяревни уходзицъ, сустракая яго старичокъ, пытаетца ў яго: куды ты идзешъ?—Иду, говора, къ мертвому цѣлу на ночь! Спрашуя старикъ: што, ци бывъ табѣ силный страхъ? Ёнъ отвѣщая, што бывъ. Старикъ говорицъ, што будзя табѣ силнѣйшій сягоньни! И даé ямỳ кружокъ другій: одзинъ, каа, дзяржи коло сэрца, а на другимъ сядзь,—то будзя табѣ меньшій страхъ! Ночавало тамъ больше пятнанцаци душъ, прибавилося уже на другую ночь. Подъ пòвночь подымаетца ина знова. Тэй народъ уснувши, Иванъ одзинъ нѣ. Яна йща Ивана, говора: церазъ цябе помѐрла,—зживу цябе со свѣту!.. А видзѣць яго ня можа. И потуль искала, покуль упала. Ёнъ яѐ прибравъ, на мѣсто поклавъ, и будзя народъ: што вы мяне одного оставляеця, а ўсё спицё? И ничо-

го не говора про гэтый свой страхъ. Давъ Богъ дзень, отправився ёнъ домовъ.

На третьцію ночь приходзя оцецъ яѐ опяць; принося остальныя двѣсьця цалковыхъ. „Ну, говора, Иванъ: послѣднію ночь пераночуй ящѐ по прозьби моѐ дочки!"—Ступай, говора, старикъ,—я няўзабави иду! Идзѣ дзяревняй, уходзя половина дзяревни, сустракая яго старикъ тэй, спрашуя, „куды ты йдзешъ?"—Иду, говора, къ мертвому цѣлу на ночь!—„Нà жъ табѣ, кажа, кръгжо́къ и накрыць на головѣ. Одзинъ къ грудзёмъ прикладзи, къ сэрцу, на одномъ сѣсьци на столѣ, а третьцій на головў узложи! Якій ба табѣ ни бывъ страхъ—кабъ не злѣзавъ со стола: ня тронувся ничимъ!" Приходзя ёнъ туды, а народу ўжо восямнанцаць душъ. Подъ повночь уси знова й заснули, а ёнъ сѣвъ на столѣ, однымъ кружкомъ накрывся, на другимъ сѣвъ, а третьцій къ грудзёмъ приклавъ. Яна жъ послѣднію ночь поднялася ранѣй, кабъ яго поболи шукаць. Шукала, шукала, не могла видзѣць яго. Начиная свистать богатырськимъ голосомъ, собрала змѣй постарше сябе. Одна изъ ихъ говора: ёнъ тутъ, да нельзя яго сыскаць! Глянула у ко̀минъ, у трубу, и видзиць, што сядзиць ёнъ на столѣ. Яна говóриць: „на столѣ сядзиць,—треба пожки палиць! Треба, кажа, збираць которыя два концы паленыя лучинки!" Силно въюшилися яны искаць яго. Начинаюць палиць одну ножку стола, такъ што столъ стоиць на трохъ. Начинаюць другую,—ёнъ ня трогаетца со стола; палюць и третьцію—столъ стоиць своимъ порадкомъ. Прилетаюць два голубы̀ и просюць пѣвнявъ: пѣвни, пѣвни, пѣйця вы! Отвѣщаюць пѣвни: пѣйця вы, коли вамъ пора,—намъ не пора! Запалююць яны уже чацьвёртую,—три спалили. А яна пошла у хлѣвъ, ищучи яго; лошадзямъ, коровамъ, скольки было, дакъ усимъ потрывала голòвы; уси крыши позворачувала, увесь домъ разорила,—шукала яго вихромъ. Ну, прилетаюць опяць два голубы̀ и просюць пѣвнявъ: „пѣйця, пѣйця, пѣвни: занявинно душа загибая!" Пѣвни отказуюць: „пѣйця, коли вамъ пора,—намъ не пора!" Ну, голубъ забруковавъ, пѣвянь на яго глѣдзючи запѣвъ. Тогды яна ўпала. Ёнъ начиная народъ будзиць: „што вы спицё, ничо́го ня чуеця, якая тутъ война йдзе? Узбудзиця яѐ бацьку, хай побача, што ў яго ў доми здзѣялося!" А йна ляжи́ць сяродъ сяней. Ёнъ уже яѐ не прибиравъ. Оцецъ тэй уставъ и спрашуя: „што гэто тутъ було?" Ёнъ яму ўсё расказавъ. „Няўжли йна такая, говора, про́клятая?" Посылая за попомъ хороницъ яе. Раюць ямў: головў отрубиць, осиновымъ ко́ломъ пробиць, бо йна будзя больше ходзиць. Головў отрубили, и ко́ломъ пробили. Похoвали; попъ заклацію здзѣлавъ, и цяперъ ня ходзя! Уся̀.

С. Нѣжково, могил. у. Отъ кр. Демьяна Николаева, 45 л. негр.

77. Жонка мертвая и мужикъ.

То жъ у Хоминцы (село) було. Жанщина была вѣдьма. Дакъ яна отто помéрла, а хозяинъ жанився зъ другою. Тяперъ яна, таа першаа жонка, ходя да й ходя къ яму̂ по ночахъ,—*спить* зъ имъ. Тяперака яна ходя, а таа другаа ня знаа етаго, што ходя, ня бачила, а ёнъ узнававъ. Ходи̂ть дакъ ходи̂ть, и отвящаа яму: я, гувора, тябе задавлю! А ёнъ да ня выдававъ яé. А якъ сказала—задавлю, дакъ ёнъ дайся на вобчастьви и сказавъ. И попу давай говорить. Отъ ёнъ повялѣвъ откопать. Откопать повялѣвъ, и давай на яго сваритца: чаго ты, гувора, мовчавъ, чаго ты поперадъ мнѣ ня казавъ? А ёнъ гувора: я, гувора, батюшка, самъ упужався, я думавъ, што яна такъ обойдѐтца! Отъ, ёнъ повялѣвъ откопать. Откопали, значитца, яé, ажъ яна ляжить ницъ, и половины покрывала у яé няма,—тольки половина, а половину уже, знатца, отъила. Ето намéтку, што на грудяхъ, значитца, покрываютъ. Коли поглядять, ажъ яна ня лазя, знатца, у свою пячору (могилу), а лазя яна чаразъ двѣ пячоры. Ну̂, тяперъ попъ повялѣвъ, вузъ дровъ штобъ привѐзли. Отъ яны дровъ пристаралися, и выняли яе, и узяли, яе осиновымъ коликомъ пробили. И повялѣвъ ёнъ: накладитя, знатца, ловжъ! И склали ловжъ и поклали яé туды, штобъ яна, знатца, згорыла, штобъ яе на попялища. Отъ ёнъ повялѣвъ и кажа имъ: постаньтя жъ, кажа, вы зъ мю̂тлами кружка огня! Потпалили ловжъ той, отъ яна, знатца, и давай выскакавать: перша выскакавала мышшу, адылй дайся выскакавать ву̂жомъ. А яны, знатца, яé ня пускаять: мютлами яé туды, уво 'гонь. Отъ яна выскакавала, выскакавала, адыли тыки згорыла,—знатца, яé вартовали. Яна тогды на попялища згорыла, завялѣвъ тогды ёнъ попялъ той у труну у туу. Сограбли, закляцыю здилавъ и похувавъ. Съ тыхъ поръ уже й годи, и нячуть яé.

Телешов. вол. гом. у.

А то колись во̂ за Приборомъ (дер.) новый млынокъ бувъ. Дакъ тамъ бувъ такій чаловѣкъ. И не у̂нясе, бувало, отъ яго нихто ничого: якъ хто што украдя, дакъ и стоить. Разъ ёнъ сѣкъ дровы у лѣси, и забувъ рукавицы. Пришовъ домовъ—няма рукавицъ. Ёнъ назадъ у лѣсъ. А тыя рукавицы найшовъ, значитца, чаловѣкъ. Приходя ёнъ къ пню, мельникъ-то, а той чаловѣкъ и ни зъ мѣста, и стоить. Во̂ имецъ бувъ! Дакъ и ёнъ якъ померъ, дакъ и ходивъ.

И у̂ Борхови (дер.) вѣдьмакъ помѐръ. Дакъ ходивъ и народъ убивавъ. Дакъ повялѣвъ попъ откопать, а ёнъ ницъ ляжить. Дакъ яго осиновымъ коломъ и пробили.

Ето у вѣдьмакову шкуру *ёнъ* (чортъ) улазя, няхай яны зъ двора вѣтромъ, съ хаты дымомъ. Тяперака уже штось ня чуть. Ето ходили, якъ зямля незаклятая була. А тяперъ яна, бачъ, уже парахрищана, и ланцугами, и дорогами, и чугунками—паракрыжована. Тяперака мертвяцы устають тольки у чётвяргъ на вяликодьня.

78. Мертвецъ и жена.

Живъ сабѣ такъ одзинъ купецъ изъ жаною. Ёнъ товары развожувавъ по дзяревняхъ, ѣздзивъ. Разъ поѣхавъ ёнъ съ товаромъ, и ня слышно, ня слышно яго. Жонка дужо по имъ скучала, тошновала. А яго да было загубляно. Жонка тая тошнуець, жджець. Вотъ, водзинъ дзень, позно вечара, наѣхала къ ёй карета, господская, лошадзи хорошія. И выходзиць съ кареты купецъ, мужикъ яе. Ну, яна приняла усё ето, насыпала конямъ овса. Уходзиць ёнъ у комлату. Повячеряли, и лягли *спаць*. Потомъ ёнъ, лежучи, да придумавъ: ты мнѣ, жонка, вытопъ лазьню! Ну, ина вытопила, приготовила усё тамъ у лазьни. Приходзиць у хату: ну, пойдземъ, говориць, у лазьню! Пошли у лазьню. Ну, ёнъ узявъ, яе загубивъ тамъ, кожу зь яе знявъ, печку накрывъ. Ну, ня слышно етой бабы, ня слышно... Назаутраго собрався народъ шукаць, што нязвѣсно, дзѣ жъ ина. Посмотряць—на етымъ ворку стоиць ель громная, и выворотъ; овёсъ етый ляжиць цѣлый у корыци, и два лутки голыя замѣсто лошадзей. И пошли яе шукаць, дакъ у лазьни нашли загубленую.

С. Братьковичи, климов. у. Отъ кр-ки Авдотьи Харитоновой.

79. Кара у сто лѣтъ.

Дакъ ето були, значитца, товаришъ съ товаришомъ два хлопцы. Ну, тяперъ, яны любили значитца дѣвку. Тяперака, яны любили значитца— и той хоча ўзять, и той хоча ўзять. Тяперака, знатца, той узявъ, да одинъ одного и ўбивъ, товаришъ товариша. О! Хоча ёнъ тяперака, знатца, ўзять яе за сябе. А яна яму отвящаа: „иди жъ ты, гувора, на туу могилу на ночь: и што табѣ тамока, знатца, издастца; тогды я за тябе и пойду!“ Тяперъ ёнъ пошовъ на туу могилу и занучувавъ. Занучувавъ ёнъ на той могили, и отъ, тяперъ отвѣщаа угорэ. Отвящаа яно угорэ такъ: „о Господи! покорай туу душу виннуу! Што я яму здилавъ?“ Яно отвящаа: „покараю, кажа, да ў сто лѣтъ!“ И разъ такъ, и другій, и трэтьтій. Цяперъ, ёнъ приходя, яна у яго и пытаа: што табѣ тамъ було? —А што жъ, каа, мнѣ тамъ було? Мнѣ було такъ: отвящало ўгорэ: о Господи, покорай туу душу виннуу! Яно отвящаа: покораю, да ў сто

лѣтъ! Тяперъ таа дѣвка, значитца, и кажа: „о! ето ў сто лѣтъ, дакъ можно йти замужъ. Потому, у сто лѣтъ, дакъ я ще доживу вѣку: етаго я ще ня дожду!“ Ну, яны хорошенько, значитца, побрались и пожанились.

Ну, якъ жили яны, знатца, жили, жили—жили, и сыновъ пожанили, и тыя сыны своихъ сыновъ пожанили. Якъ жить, дакъ жить—добралися яны, знатца, до пращуровъ. И дайся яны такъ, зямли сабѣ, знатца, купили. Було ихъ уже дворовъ пять ти шесть—такъ вотъ, якъ у насъ недалёко ѐ Старинка. И дайся яны, изъ дярэвни выяхали на свою зямлю, бачъ,—усёй сямъёй. И тыя, што побрались ще живо. Ну, выяхали и живуть.

Ну, тяперъ, заихавъ къ имъ чанецъ. У насъ чанцовъ спражда богато було, у кéлянкахъ жили по Дунай—рацѣ (*Дунаемъ* у мѣстнаго населенія зовется *Днѣпръ*). Спасались по тритцать годовъ и ничóго ня потрабляли опричъ травы. И якъ пристановитца который, дакъ злеталось птаство и звяръё збягалось, и хували яго. И ёнъ тамъ ляжавъ у зямлѣ, кольки годъ, а тогды выходивъ на верхъ, у святъ становився.[1]) Ну, дакъ заѣхавъ къ имъ чанецъ на ночъ, нучувать. Тяперака ёнъ, зайхавши, занучувавъ и ставъ ёнъ читать на ўсю ночъ у книжку. И давай читать, давай читать—читавъ, читавъ, и наконецъ того, яны ўжо положилися спать, а ёнъ усѐ читаа. Тяперъ ёнъ на звущика на свуго, значитца, пáрубка, гувора: „ну што, запрагай, каа, лошадей, и выяжжаамъ мы изъ двурà на ўсю ночъ!“ Тяперъ ёнъ отвящаа: батюшка, коли-бъ вы говорили пóвидну, дакъ ба узнавъ, гдѣ збровъя (збруя) ляжить—нарэтьники, хомуты; а якъ тяперъ, пóночи, дакъ я яго ня найду у тямнóти! А ёнъ отвяща а: якъ нибудь да закладай, штобъ мы зь естаго двура выяхали. Цяперака, той парубокъ якъ ставъ шукать и понаходивъ, да кой-якъ знатца заклавъ туу лошадь. Уяжжають яны зъ двора.

Тяперъ, яны проѣхали трохи, можа гóню, ти можа ступнёвъ на десятокъ, ёнъ уздумавъ и гувора на парубка: ажа, кажа, бяжи,—я тамъ забывся, кажа, книжки на столѣ; якъ читавъ, кажа, дакъ хапавшися, забывся книжки на столѣ. Цяперъ той парубокъ побѣгъ. Прибягаа ёнъ икъ тому мѣсту, ажно яно потонуло—няма. Затонула таа, знатца, дярэвня, а столикъ той плаваа, знатца, съ книжкою по водѣ. Той парубокъ яксясе—тыки допявся, да туу книжку, знатца, и ўзявъ исъ столика. Тяперъ, ёнъ узявъ туу книжку исъ столика, дакъ той и столикъ, значитца, потонувъ, туды.

---

[1]) Въ Гомельскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Вѣтки, дѣйствительно существовали старообрядческіе монастыри и сильно было развито пустынножительство.

Отъ ёнъ туу книжку принося и отвящаа чацу: „отъ, батюшка— няма того уже селя, а тольки по водѣ столикъ плававъ и книжка: дакъ я доплывъ и книжку узявъ. Якъ узявъ, дакъ и ёнъ уже туды потонувъ, и потонувъ, знатца, туды уже наскрозь!" Тоды ёнъ гувора: отъ, знатца, прагрэшная була душа: и винная и нявинная отвѣтили.

С. Телеши, гом. у. Отъ Прокопа Павлова, 40 л. слѣпого.

Неударяемое *о* слышится отчетливо.

Если намъ не измѣняетъ память, покойный Костомаровъ въ 1881 г. напечаталъ въ приложеніи къ „Газетѣ Гатцука" легенду „Сорокъ лѣтъ", имѣющую нѣкоторое сходство съ нашею.

80. Русалки.

Русалки церазъ мяжу ня могуць перайци, оттого и вывялись; бачъ, цяперъ земля уся перамѣрана. А спрежда, якъ земля була ня мѣрана, ихъ було много. Бувало, выйци нельзя,—зашлокòчацъ. А ў лѣси, дакъ ноччи тольки и чутно: гу! гу! гу! гу! Ажъ сумно. Давно колись, старики казали, двюхъ приводзили икъ намъ у дзяревню. Дакъ у ихъ жаноцкое ўсё, тольки цыцки большія-большія, ажъ страшно, да волосы довгія. И ничого не говора, тольки плача й плача, ракой ильлѐтца, покуль пусьцяць. А якъ пусьцяць,—тогды запяе́, заграя, да ў лѣсъ. Много було. Ну, и нядзѣля *Граная*, што яны на етой нядзѣли катались, *грали* у лѣси: гутатà-гуляля̀! гутатà-гуляля̀! Тольки бувало и чутно.

М. Бѣлыничи. Отъ кр-ки Агафьи Антоновой, 65 л. негр.

Русалки на Граной нядзѣли катаютца. За гэтымъ самымъ у гэту нядзѣлю нихто ня ходзя ў лѣсъ,—бачъ, опасуютца. Разъ одна молодзица шла на гэтой нядзѣли съ Царковища ў Приборъ зъ госьцей отъ матки. Ну, матка яе́ й проводзила. Увыйшли у лѣсъ, а яна зъ лѣсу на дорогу и выбягла, и скачець-скачець. А тоды на бярэзину ускочила и давай гутатàхатца: гутатà-гуляля̀! гутатá-гуляля̀! Яны якъ спужаютца, да назадъ. Да пераночавали, а назаўтраго уже ўтрохъ пошли,—и бацька зъ маткой и молодзица. Дыкъ ничагусянько ня бачили, ни-ни. А волосы, кажуць, до долу до самаго. И ў яѐ усё жаноччa. Страхотà, не привядзи Богъ! Гэто годовъ сорокъ тому було.

Д. Приборъ, церковищ. вол. Отъ кр-ки Марьи Ивановой, 66 л. знахарки.

А то вò у Вугольщини, откуль матка моя нябощица була ўзя̀дзена. Дыкъ яны разъ ѣхали съ конюшни, ураньни, много ѣхало, вярхàми. А яна къ имъ! Яны якъ кинулись уцякаць уси, дыкъ одна дзѣвка и ўпа-

ла съ коня,—вѣдомо, якъ тэй каа, страхъ такій: спужалась и ўпала. Дыкъ яна на яе́ наскочила, накрыжъ разгарнула и зашлокотала. Назаўтраго и знашли мёртвую.

Тамъ же.

Ето дѣдъ нашъ расказававъ. Зьистари, в. б., былй лясы̀ усё. Було тольки три дворы ў Бовсунохъ у насъ. Ёнъ живъ сто двадцать годовъ, а можа й больше, а помёръ годовъ пятьдесятъ назадъ. „Отъ, вы кажетя, худо вамъ жить! А вотъ намъ зьистари хуже було! Народу було мало, усё лясы̀; були ўсюды разбойники, разбивали народъ, нистожили, одинъ одного забиждали. Бувало, ни самому ў по̀ля выйти, ни скотину выгнать: выйдуть изъ лѣсу и забяруть луччую скотинку изъ стада. А не давать стань, дакъ и самого укокошуть.“

„А то были ще русалки. Богъ вѣдая, што ето за русалки такія? Кажуть—женщины. Сама голая, страшна́я, волосы довгія у яе—тянутца по гони, и ў яе́, кажуть, усё такъ, якъ у чаловѣка, тольки не знашно, ти женщина, ти музчина—уси равны. Отъ тутъ, кажа, на Ковпитой (рѣчка), на курганку, роща була, дакъ ихъ тутъ самое гу̀льбища було. Гуляли яны большъ на Граной нядѣли. Дакъ возьмя на бярозу узлѣзя да за голючку волосьсямы привяжатца, да ўнизъ опуститца, да й колышитца, и кричать, да: уу—гу! уу—гу!“

А то, бувало, по̀йдемъ зъ нябощикомъ пчолъ вынять. Дакъ ёнъ и показуя: „во̀, кажа, соко̀лъ,—во тутъ, вокругъ сосны трава ня росте́: ето тутъ русалки скакали! Танчуть, каа, кружка за руки побравши. И такъ корогодъ здѣлають большій кружка̀ сосны̀. Слава Богу, тяперъ народу размножи̇лося, а тогды малность бу̀ло. А тогды, дакъ по̀йдя чаловѣкъ у лѣсъ одзинъ, дакъ яна попадзе, да возьмя за хохольчикъ топорища, што за обушкомъ, да якъ почанѐ бить, якъ почане бить,—дакъ у пухъ собѣ́ чаловѣка... Страху задае.

Д. Болсуны, полѣс. вол. рог. у. Отъ кр. Өедора Константинова.

... Русалокъ спрежда много було по лясо̀хъ. Мы, бувало, и коняй не водили на Разгары—у понядѣлокъ посли заговѣнъ на пятровку, на Граной нядѣли, значитца: русалки дужо пугали. А коли злучитца, дакъ чаловѣка и защакотять. Потуль, каа, будуть щакотить, покуль чаловѣкъ за̀йдетца уже со́ смѣху...

Тамъ же.

81. Языкъ природы.

Живъ дзѣдъ зъ бабой, и бывъ у ихъ одзинъ сынъ. Ёнъ выросъ и ни-

чого не хоцѣвъ работаць, тольки ўсё ходзивъ по лясу да бивъ гадзюкъ. Побивъ усихъ чисто гадзюкъ. Нѐкого ўже биць. Разъ пошовъ ёнъ у лѣсъ и нашовъ большого вужа и хоцѣвъ яго биць. А вужъ говорицъ: ня би мяне, ты мяне не забъёшъ! А луччай послухай ты мяне: идзи подъ кустъ, подъ гэтый, тамъ ёсць яще три гадзюки, дакъ ты идзи послухай, што яны говоруць. Тоды мнѣ скажешъ! Ёнъ пошовъ и чуя, говоруць яны: „треба намъ укусиць яго, и то ёнъ и насъ побъё!" А одна говора: „тольки яго треба укусиць вышай серца, а то яго вылячуць!" Ёнъ пошовъ и кажа вужу: радзютца укусиць мяне!"—Ну, идзи, и яще послухай! Ёнъ пошовъ, и чуя,—говоруць: „яго можно укусиць на полянцы, якъ прiѣдзя брацъ жито!" А одна говора: „я залѣзу у копу, и якъ прiѣдзя ёнъ и станя брацъ копу, дакъ я яго и ўкушу за руку, вышай серца!" Ёнъ пошовъ и расказавъ вужу усё, што чувъ. Вужъ сказавъ: я табѣ нараю, што здзѣлаць! Ты не пожалѣй копы жита, а яще привязи возы два соломы и запали солому кругомъ копы, а самъ стой съ кiемъ, и што будзя ляцѣць съ цяпла, дакъ ты кiемъ би и кидай у цяпло назадъ. Яна будзя скидатца усимъ усякимъ, а якъ скинетца дзѣвкой, тогды бяри яѐ за руку и вядзи домовъ. Вотъ ёнъ пошовъ, набравъ три возы соломы, обцягнувъ кругомъ копу и запаливъ ету солому. А самъ узявъ кiй, и што съ огня ляциць, дакъ ёнъ кiемъ, ды й назадъ у вогонь кидаа. Вотъ яна кидалася, кидалася и здзѣлалася дзѣвкой и говора: я твоя, а ты мой! Ёнъ узявъ яе за руку и повёвъ домовъ. Привёвши домовъ и говора бацьку: наймимо яѐ! А бацька, ничого ня знавши, и говора: ну, наймимо! нехай служа! Ды й нанявъ. Съ тыхъ само поръ стали яны щасьливы, и стало у ихъ усяго много, разбогацѣли. Тогды бацька говора: „ну, мой сынъ, жанися ты на етой дзѣвцы!" Ёнъ кажа: можно! Запыталися ў дзѣвки и поѣхали къ вянцу. Яна на вянцы, при попу, и говора свойму мужуку: „коли ты, каа, усердзисься на мяне,—усё говори, и би сколько хочашъ, тольки не говори на мяне: гадыня. А то я помру!"... Ну, пожанившися, стали яны жиць ще луччай. Прожили зъ годъ, ци моо зъ два, и пошовъ ёнъ на ўсё лѣто у заработки. Яна безъ яго собрала добрò съ поля, насыпала уси клѣци, и такъ, што нейдзи було дзѣвацъ добра̀. А одну рѣзку яна не ўвоспѣла зжацъ, дакъ яна узяла повыбирала зерняты и засыпала повну хату. А солому загадала потоптаць скотомъ. Погнали скотъ и потоптали солому. Ажъ якъ разъ мужикъ идзе. Ба́ча—ня жата яго рѣзка, и скотъ топча, усердзився на жонку и говора: „вотъ гадыня! Не могла зжацъ, а пусьцила скотъ! Погодзи-жъ, я табѣ дамъ, якъ приду домовъ!" Приходзя домовъ, ажъ яна стала гадыняй, и ляжиць на куцѣ. Ёнъ ставъ плакаць, бачучи, якъ ба нѐ было, што бязвинно зругавъ, а яна говора: „ну, плачъ, не плачъ, а я ўже помру.

Возьми мяне на лопату и няси ў болото!“ Занёсъ ёнъ яѐ туды, яна яму̀ й говбра; „ну, каа, ты будзяшъ щасьливъ; тольки якъ женисься, дакъ ня говори правды своёй жонцы; а коли скажашъ, то помрѐшъ. А цяперъ возьми чарацйну (очерётину), я табѣ дмухну!“ Ёнъ узявъ чарацйну, одзинъ конецъ сабѣ ў ротъ, а другій ёй. Яна якъ дунула, дакъ ёнъ ставъ усё знаць, што й лѣсъ говора, што огонь говора, што й вода говора, што скоцина, што добрб говора,—усё! Вотъ ёнъ пришовъ домовъ, пожанився зъ другой жонкой, и поѣхавъ къ тьсцю у госьци. Ѣдуць, а кони говоруць: дбобро нашаму ходзяину жиць, а ящѐ повеселѣя! Ёнъ засміявся. А жонка говора: чаа ты смяѐсься? А ёнъ говора: мало чаго я смяюся! Даляй ѣдуць яны церазъ лѣсъ. а лѣсъ и говора: весялò жиць гэтому чаловѣку, а яще повеселѣя! Ёнъ узновъ засміявсь. А жонка пытаетца: чаа ты смяѐсься? А ёнъ ёй ничого ня сказавъ. Якъ пріѣхали на дворъ къ тьсцю, дакъ добрò у клѣци запѣло: весялò нашаму зяцю, и ящѐ повесялѣя! Ёнъ ня ўцѐрпивъ и зароготавъ. Жонка усердзилась и пожалилась бацьку й матцы, што мужикъ мой усё смяѐтца, а мнѣ ня говора, чаго ёнъ смяѐтца. Ёнъ, отпрогши кòняй, приходзя ў хату, а яны утрохъ плачуць. „Чаго вы, кажа, плачеця?“—Да, чаго? Што гэто за жизь, што ты правды ёй ня кажашъ?—„Дакъ мнѣ жъ няльга: я, коли скажу, то помру!“—Ну, хоць умирай, а правду кажи! Думавъ ёнъ, думавъ, и говора: „ну, коли такъ, —сцялиця мнѣ посцель; я лягу, скажу вамъ правду, и помру!“ Яны послали посцель; ёнъ лёгъ, а яны узяли свѣчку и дзержа́ць. Тольки ёнъ хоцѣвъ говорицъ, а пѣвянь подъ печчу и запѣвъ: „дуракъ якій гэтый чаловѣкъ! Я семъ жонокъ маю, и то сунимаю; а ёнъ одну мая, и тую ня сунимя! Пошовъ ба ў клѣць, да ўзявъ ба плець, да знявъ ба шкуру съ плечъ!“ Ёнъ усхвацився съ посцели и говора: и вѣрно, дуракъ я! Пошовъ у клѣць, узявъ плець, да якъ отлупивъ жонку плецьцю!., Годзя съ тыхъ поръ доходзиць правды. И цяперъ живуць хорошо.

С. Чигиринка, быx. у. Запис. отъ кр. Якима Кечикова по моимъ указаніямъ г. Тихановичъ.

Въ с. *Перероотъ, гом. у.* старикъ-мужъ понималъ собачій языкъ. Одна собака нажаловалась другой, что хозяйка въ отсутствіи хозяина ее прибила, не смотря на то, что она прогнала воровъ. Хозяинъ, вслѣдствіе этого, сталъ бранить жену, а та пристала съ распросами, откуда онъ узналъ объ этомъ. Когда старикъ лёгъ въ гробъ, чтобы, сказавши правду, умереть, пѣтухъ закричалъ: „кукареку! я дванацать жонъ маю и ни водной правды ня кажу!“ Старикъ схватилъ „супоню“ и наказалъ жену.

87. Мертвое тѣло.

Живъ сабѣ такъ одинъ купецъ. И бывъ ёнъ жанатъ на другой жонки. Отъ первыя у яго застався одинъ сынъ, а зъ другой ёнъ наживъ двухъ. Отъ, ёнъ призывая етыхъ сыновъ, отъ другія жонки, и кажа: бяритя два возы товару и ѣдьтя на ярмалокъ! Яны набрали да й поѣхали. Тогды приходя большій сынъ и говора: што жъ, татъ: тымъ сынамъ по возу товару давъ и на ярмалокъ преславъ, а я што жъ! Можа бъ я ще боляй за ихъ здѣлавъ, дармà што ты мяне за дурня считаешъ!—Ну, коли ты разумный, кажа батька, дакъ набяри три возы товару и ѣдь на ярмалокъ, да тольки штобъ товаръ продавъ и гроши узявъ, и штобъ замижъ трохъ, шесть возовъ товару домовъ привёзъ! Ну, ёнъ узявъ, три возы товару наклавъ и пошовъ къ батьку прощатца. Ну, батьку яго жалко стало; ёнъ яму говора: будешъ жа ты ѣхать, и на дорози будя табѣ большій лѣсъ, дакъ якъ трапитца табѣ увечари подъѣхать къ яму, дакъ ночуй у поли, а ў лѣсъ ня ѣдь проти нóчи! Ну, ёнъ и поѣхавъ. Ѣдя, ѣдя, и бача—ляжить на дорози мертвое тѣло. Ёнъ сабѣ и думая: Божа, Божа! хто яго возьмя и поховая, якъ свойго рóдного? Возьмутка я яго да поховаю! Да ўзявъ, на колёсы усклавъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, догоняя братовъ. „Вотъ, братцы, ти бачили вы мертвое тѣло на дорози?“ —Нѣ, не бачили!—„А я жъ, кажа, вó узявъ поховать!“ Отъ яны и кажуть: ну, якъ изъ имъ, зъ дуракомъ, ѣхать! Ще у судъ забяруть. И звярнули отъ яго. Поѣхавъ ёнъ знов одинъ; заѣхавъ у сяло, нанявъ попа поховать того чаловѣка, отслуживъ по ёмъ обѣдню, и позвавъ на ховтуры усё сяло. Ну, тогды пріяжжая ёнъ у городъ на ярмалокъ. Ставъ шукать ёнъ сабѣ хлопчика ли помоги. Нанявъ одного; пошли снѣдать: ставъ хлопецъ хлѣбъ рѣзать и уперодъ сабѣ отрѣзавъ, посли хозяину. „Нехорошій жа, думая сабѣ, ето хлопецъ, коли сабѣ хлѣба рѣжа уперодъ за хозяина!“ Узявъ и прогнавъ яго. Нанявъ другого хлопца, и той такъ жа само,—и того прогнавъ. Сустракая тогды третьтяго,—малéнькій хлопчикъ ирé: „дядячка, кажа, найми мяне!“ —Нѣ, кажа, ты ще малъ, мнѣ треба большаго!—„Дакъ ничóго, кажа: я хочь малъ, да боляй за большого здѣлаю!“ Ну й нанявъ ёнъ яго. Сѣли снѣдать. Отъ хлопецъ уперодъ хозяину отрѣзавъ хлѣба, а тогды уже сабѣ. Поснѣдавши, стали яны товаръ у балгáни раскладавать. Дакъ той товаръ такъ скоро раскладаетца, казавъ-ба живый. Отъ, стали яны торговать. Чужія жъ балганы пустыя, а ў яго, дакъ отбою нема отъ людей. Распродавъ ёнъ живо свой товаръ. Накупивъ шесть возовъ товару у дворъ и збираетца ѣхать. Етый хлопчикъ и кажа: дядячка, возьми, кажа, мяне съ собой!—А дóбро, поѣдомъ! Поклали товаръ на возы, сѣли й поѣхали. И подъяжжають уве-

чари къ тому самому лѣсу. Хозяинъ говора, штобъ остатца на пóли ночавать, а хлопецъ кажа: а нѣ, дядька, поѣдомъ у лѣсъ! Ну, поѣхали у лѣсъ. Той, бачь, здався. Отпрагли кóняй, пустили попасовать. Тогды хлопецъ выломавъ дубокъ сабѣ и пошовъ у лѣсъ. Ходя по лясу да посвиставая. Ишовъ, ишовъ, и приходя къ зямлянки. У той зямлянки сидять двѣнатцать разбойниковъ, тринатцатый атáманъ. Вотъ атаманъ кажа: выйду-ка я погляджу по звѣздахъ, ти нема кого у нашамъ лѣси! Приходя зъ двора: „ё, кажа, у нашамъ лѣси, на дорози, два чаловѣчки, и зъ ими шесть возовъ товару. Идитя ўтрохъ ихъ убитя, а товаръ суды!" Тольки тыя вышли зъ зямлянки, а ёнъ якъ шарахня ихъ дубкомъ, такъ усихъ и поклавъ. Ждавъ, ждавъ атáманъ, посылая ще троихъ: што яны тамъ заборилися. Вышли тыя, ёнъ и ихъ убивъ. И такъ побивъ чисто усихъ. Тогды хлопчикъ пошовъ у зямлянку, познаходивъ тамъ скрыни грошай, и пошовъ звать хозяина. Иде да посвистуя. А хозяинъ той залѣзъ подъ возъ да й колотитца, думая, што ёнъ на яго разбойниковъ привёвъ. Приходя къ яму̀: ходи, говора, хозяинъ, золото брать! А той боитца съ подъ воза вылѣзать. Вытягъ ёнъ яго оттуль и повёвъ у зямлянку. А ёнъ яго прося: мой голубецъ, што я табѣ здѣлавъ. Возьми ты сабѣ усё добро, пусьти тольки мяне живого! А ёнъ кажа: эхъ ты, кажа: и добро твое цѣло будя и самъ живъ будешъ! Пришли къ зямлянки, ёнъ яму и показуя: бачишъ, кажа, кольки я тутъ етыхъ собакъ побивъ?—Ето жъ, кажа, не́ собаки, а люди!—Нѣ, собаки: хай тутъ пособаччаму и пропадаютъ! Повёвъ яго у зямлянку, показавъ золото, серабро, гроши, шавки, сукны, панскія повозки, кони. „Отъ, кажа, бяри, хозяинъ, скольки хочашъ!" Ну, запрагли тыхъ кóняй у тыя повозки, навалили усё тое добро и поѣхали къ своимъ возамъ. Пераночавали и поѣхали даляй.

Ѣхали, ѣхали, тогды хлопчикъ говора: „отъ, хозяинъ: пріѣдомъ мы у городъ, и тамъ продаéтца золотая корвать, и такая дорогая, што нихто яé ня купя. У насъ тяперъ грошай много, купи́мо мы!" Ну, поѣхали й купили тую корвать. Ѣдути дальше, и заночавали нà поли. Хлопчикъ той кажа хозяину: „сягодни ты ляжъ на возу спать, а золотую корвать раскрый. И ўлятить у яè голубка, яна зачинитца, и скинетца голубка царевной. Ты й жанись на ёй!" Ну, такъ и былò. Назауйтраго поѣхали яны дали, и пріѣхали у тое сяло, гдѣ ёнъ поховавъ мертвое тѣло, и тамъ обвѣнчавсь исъ царевной.—И собравъ на вясельля усё сяло. Хлопчикъ жа той хозяинову жонку ставъ тёткой звать. Поѣхали яны даляй, заночавали зновъ у поли. Отвёвъ хлопчикъ коняй на пáшу, лёгъ подъ вóзомъ да й ляжить. Тольки у пóвночь прилятѣли три вороны̀, сѣли надъ корватьтю и запѣли: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго на

свѣти будя жить. Яго мать-мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть яму першую чарку, дакъ ёнъ у попелъ згорить. А хто чуя, да кому скажа, той по колѣно ка́мнямъ станя!“ Пропѣли й полятѣли. Заночавали на другую ночь. Зновъ прилятѣли три вороны̀ и запѣли: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго будя на свѣти жить. Яго мать —мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть першую чарку, дакъ ёнъ у попялъ згорить. А ня стребя етымъ, дакъ ко́рмя дли яго коня, не коня, а змѣя. Якъ поѣдя на имъ кататца, дакъ ёнъ яго кости разнясе́. А хто чуя, да кому скажа, той по поясъ камнямъ станя!“ На третьтяю ночь зновъ прилятѣли и пяють: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго на свѣти будя жить. Яго мать-мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть першую чарку, дакъ ёнъ на попелъ згорить. А ня стребя етымъ, дакъ кормя дли яго коня, не коня, а змѣя; якъ поѣдя на имъ кататца, дакъ ёнъ яго кости разнясе. А ня стребя етымъ, дакъ на третьтяю ночь у постели ножомъ зарѣжа. А хто чуя, да кому скажа, той увесь ка́мнямъ станя!“ Назаўтраго ёнъ кажа хозяину: „што, дядька, ти послухаешъ ты мяне, што я тябе просить буду?“—Послухаю, тольки што?—„А во̀ што: якъ мы пріѣдомъ домовъ, дакъ мачиха будя давать табѣ горѣлки выпить, а ты ня пи, да отдай менѣ. На другій день будя йна табѣ давать коня кататца, а ты ня ѣдь, да пусти мяне упередъ поѣздить на ёмъ. А на третьтяю ночь вяди самъ коняй на ношлегъ!“

Ну, пріяжджають яны ў дворъ. Мачиха тая якъ не разорве́тца! Яе́ сыны пріѣхали зъ ярмалку безъ грошай и безъ товару, а етый повны возы золота привёзъ. Сѣли вячерать, яна и даѐ яму̀ горѣлки: „вотъ, каа, мой сынокъ: якъ знала, што ты пріѣдешъ, горѣлки табѣ хорошія приготова́ла. На́-тка, сынокъ, выпи зъ дороги!“—Э, мамка, кажа ёнъ: я до горѣлки ня вотъ-то ласъ, а коли твоя ласка, дакъ нехай мой хлопецъ выпъя! И отдавъ чарку тому. А ёнъ, бравши, бытцомъ-то не нарошно, и ўпустивъ яе́. Дакъ тамъ такъ мостъ и выгорѣвъ... На другій день мачиха кажа: „мой сынокъ, якъ знала, што ты пріѣдешъ,—откормила табѣ коника. Сядька, покатайся на имъ!“—До̀бро, мамка, тольки нехай мой хлопецъ поспробуя! Узявъ хлопецъ товкачикъ зялѣзный и поѣхавъ. Тольки конь ставъ подыматца зъ зямли, а ёнъ яго товкачомъ по́ голови. И такъ умордовавъ коня, што той насилу ноги притёгъ. „Ну, кажа, дядька,—тяперъ садись, пояжджай: не коня выкормила, а кабана!“ Сѣвъ ёнъ, проѣхавъ трохи, а конь той и ногъ не потягня. Ёнъ узявъ и вярнувся. Выскочила мачиха и пытая: а што, сынокъ, ти добрый конь?—Э, выкормила ты, мамка, не коня, а кабана̀. Мачиха тая ажъ трескаетца

отъ злости. На третьтяю ночь хлопецъ кажа хозяину вѐсти коняй. „Да ти ў насъ, кажа, вѐсти некому, паробковъ нема, ти што?“—Ну, мало што, вяди ты! Повёвъ ёнъ коня на ночлежки, а хлопчикъ узявъ, отчинивъ золотую корвать да й легъ збоку, дли тетки. У повночь приходя мачиха зъ ножомъ, а ёнъ уставъ да й ходя. Дакъ яна кинула ножъ да й побѣгла. А хлопчикъ изновъ лёгъ. Назаўтраго ураньни приводя хозяинъ коняй, уходя къ жонки, ажъ изъ ёй хлопецъ спить. „А, кажа, дакъ ты такій! Мяне пославъ коняй вѐсть, а самъ къ тетки подъ бокъ! Я тябе за ето повѣшу!“—Ну, повѣсишъ, дакъ вѣшай! Тольки ходи, я табѣ покажу, гдѣ вѣшать! Привёвъ яго у садъ, ставъ подъ вишняй и говора: во тутъ сабѣ вѣшай! Тольки чаразъ семъ годовъ родитца ў тябе дятёнокъ; якъ будуть яго христить, дакъ ты возьми, уколи яму иголкой мезяный палецъ, да той кровъю помажъ мяне, дакъ я зновъ живъ буду. А тяперъ слухай суды, што я буду говорить! Ти помнишъ ты, якъ я табѣ казавъ ня пить горѣлки отъ матки, ня ѣздить на конѣ уперодъ за мяне, и вести коняй на ношлегъ на третьтяю ночь. Тяперъ я тябе за етыя три дни отратовавъ три разы отъ смерти: горѣлка, што табѣ матка давала, была съ отрутой. Колибъ ты яѐ выпивъ, дакъ згорѣвъ ба у попялъ. Конь, што давала матка, бывъ ня конь, а змѣй. Коли бъ ты сѣвъ на яго уперодъ за мяне, дакъ ба ёнъ твоѐ кости разнёсъ. Сѐночи мачиха хотѣла тябе у постели зарѣзать. Коли бъ ты лёгъ, а не я, дакъ ба стольки ты й живъ. Ето сказали мнѣ вороны̀, якъ мы ѣхали; тольки казали, што хто чуя, да кому скажа, дакъ ка̀мнямъ станя!.. Сказавъ, такъ и ставъ ка̀мнямъ. Хозяинъ той плакавъ, плакавъ надъ имъ! Ну, тогды, родивсь у яго чаразъ семъ годовъ дятёнокъ. Якъ стали яго христить, дакъ ёнъ проколовъ у яго мѐзянецъ, и побѣгъ, помазавъ той ка̀мянь кровъю. Якъ помазавъ, такъ камянь и ставъ зновъ хлопчикомъ. „Ну, што, кажа, хозяинъ: ти знаешъ ты, хто я такій?“—А Богъ жа тябе зная! Я не знаю!—„Я жъ, кажа, душа того чаловѣка, што ты поднявъ на дорози да поховавъ! Мяне Богъ пославъ къ табѣ, штобъ я табѣ добро якое здѣлавъ, што ты мѐртвое тѣло христіянское прикопавъ!...“

Г. Бѣлица. Запис. В. Р. Романовъ.

Сходная съ этою сказка помѣщена въ отдѣлѣ Миѳическихъ „Булатъ добрый молодецъ“.

83. Три Коляды.

Ѣхывъ разъ одзинъ панъ и заѣхывъ къ одному мужуку нучувацъ. А гэтый мужикъ говдрицъ: „я пана не пущу̀ у хату, кыли мнѣ, панъ, ня будзеця басьни баицъ, казки казацъ! Усё-тки вы письмѐнныя,—нѐйдзя мно-

го ихъ вѣдыеця!“—А, вѣдыю, вѣдыю и съ книжыкъ и ны памяць! Ну, мужикъ пусьцивъ пана у хату. Пань раздзѣвся, сѣвъ на лавцы. Тоды мужикъ говорицъ: „ужо шъ вечыръ, панокъ, дыкъ збай, панокъ, троху баекъ, скажы троху казыкъ, а тамъ и спаць!“ Ну, панъ и пычавъ: Ляцѣла сыва зъ острывà ды ў востровъ... Ляцѣла сыва зъ острывá ды ў востровъ... Ляцѣла сыва зъ острывà ды ў востровъ... Мужуки слухыли, слухыли, и пызаснули. Тоды и самъ панъ лёгъ и заснувъ. Уси спяць, ня спиць тольки кучыръ яго, чуець усё, идзѣ што пышавелитца. Тольки ёнъ слухыець, ашъ пыдъ вокно потходзицъ першыя Колядà. „Во, каець: я чула отъ людзей, што тутъ паны байки баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць! Пойду, кыли дороги кринѝчкый обярнуся. Якъ будзецъ панъ ѣхыць, ды захочыць напитца, дыкъ якъ напъѐтца, дыкъ и опражéтца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по колѣно ў землю ўѣдзець!“ А сыма й пошла. Тольки тая пышла, приходзиць другая Колядá. Подышла пыдъ вокно и говóрицъ: „во, я чула отъ людзей, што тутъ паны байки баюць, казки кажуць; ашъ тутъ паны и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся яблынкый—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Якъ панъ захочыць ихъ зъѣсьци, ды наѣстца, дыкъ и опражéтца. А хто гэто чуець, ды пану довѣдзиць, тэй по поясъ ў землю ўѣдзиць!“ Тоды приходзиць пыдъ вокно третьція Колядà. „Во, каець: я чула отъ людзей, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и басьней не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся ложкымъ. Якъ будзецъ панъ ѣхыць, ды захочыць спаць, дыкъ якъ положытца, дыкъ и не ўстанецъ. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по шыю ў землю ўѣдзець!“ И пышла. А кучыръ усё чисьценько гэто и чувъ.

Нызаўтрыго раненько поѣхывъ панъ дальше. Ѣхыли, ѣхыли, пріѣжжаюць икъ свѣтлый криницы, а на тэй крыницы зылотэй кубычыкъ. Панъ говóрицъ кучыру: придзержы коняй, я пойду напьюся: пиць хочытца, хуць ты помри. Тольки хоцѣвъ злѣсци, а кучаръ по коняхъ якъ ударицъ, кони тэя якъ пубягуць! Панъ кричыць на кучыра: пыдожджи, пыдожджи! А кучыръ ящо лѣпи кóняй пыгоняець. Ихъ, панъ тоды усердзився! Ставъ биць кучыра у плечы. Панъ бъéць кучыра, а кучыръ кóняй. Али-тку пераѣхыли крыничку. Ѣдуць дали, ашъ пріѣжжаюць къ яблынцы,—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Панъ узнова кричыць кучыру: придзержи кóняй, пойду яблычко сыщикну,—ѣсь хочытца, хуць помри! Ды тольки хоцѣвъ злѣсци, а кучыръ по коняхъ якъ ударицъ, кони тэя якъ пубягуць! Ихъ, панъ ще боли усердзився. Ставъ кучыра биць: я цябе, каець, у вострогъ пы-

саджу! А той усё коняй пыгоняець. Панъ бъёцъ кучыра, а кучыръ коняй. Али-тку ушкробъ кучыръ отъ яблынки. Ѣдзь, ѣдзь дали, прiѣхыли къ ложку. Панъ узнова говбрицъ: пристой тутъ, я пойду посплю: спаць хочытца, худь ты помри! Ды тольки злазиць—а кучыръ по коняхъ якъ ударицъ, кони тэя якъ пубягуць! Ихъ, панъ ящо больше усердзився; ставъ кучыра биць, ругаць: постой, каець, сукинъ сынъ! Прiѣдземъ у дворъ, я цябе у Сибиру сошлю! Ну, а кучыръ усё коняй пыгоняець. Панъ бъёць кучыра, а кучыръ коняй! И ушкробъ отъ ложка.

Прiѣхыли у дворъ. Кучыръ разгмуздавъ коняй и пошовъ зарызъ къ пану. „Вотъ што, мой паночыкъ! Я сягоньни цябе не послухавъ, и ты сабѣ ссылай мяне у Сибиру. Али упяродъ сыбяри усихъ людзей зъ дзеравень съ твоихъ на дворъ,—я словъ пяць людзёмъ скажу. А тоды ўжо ссылай у Сибиру!“ Панъ собравъ усихъ чысто людзей къ сабѣ на дворъ. Кучыръ пыпросивъ у пана кыня. Сѣвъ ны кыня и пычавъ гыворицъ гэтыму народу, што ны дворѣ бывъ. „Вотъ, говорицъ, братцы! Якъ мы съ панымъ нучували у мужука, дыкъ уси заснули, тольки я одзинъ не спавъ. Чую, ашъ приходзицъ пыдъ вокно Коляда и говорицъ: „во, я чула отъ людзей, што тутъ байки паны баюць, казки кажуць, ашъ тутъ и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, обярнуся при дорози крыницый. Будзецъ панъ ѣхыць, ды зъ мяне напъётца, дыкъ и опражётца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй пы колѣно ў землю ўѣдзецъ!“ И пышла.. А конь—щовкъ! пы колѣно у землю ўѣхывъ. Вотъ видзишъ, панъ, зачимъ я не хоцѣвъ сыстановицъ коняй ли крыницы!.. Ну, тольки я слухыю, ашъ приходзиць другая Коляда и каець: „во, я чула отъ людзей, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и басень не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся яблынкый—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Якъ будзецъ панъ ѣхыць, ды яблыкъ наѣстца, дыкъ и опражётца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по поясъ ў землю ўѣдзецъ!“ И пышла... А конь тэй—щовкъ! у землю по поясъ уѣхавъ. Дыкъ вотъ, панъ, зачимъ я не сыстановивъ коняй ли яблынки!... Ну вотъ: тольки отыйшла другая Коляда, ашъ приходзиць пыдъ вокно третьцiя и говорицъ: я чула, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць, ашъ тутъ нихто и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся мяккимъ ложкымъ. Панъ захочець на мнѣ спаць, дыкъ якъ ляжецъ, дыкъ и не ўстанець. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по шыю ў землю ўѣдзецъ!“ И пышла... А конь тэй, што ёнъ сядзѣвъ—щовкъ! у землю по шыю! Дыкъ вотъ зачимъ я не сыстановивъ коняй ли ложка!.. Соскочивъ съ кыня, хоцѣвъ яго зъ зямли выпяць, али няможно ничого здзѣлыць. Прибѣгли тутъ людзи, стали откапывацъ яго. Кыпали, кыпа-

ли, тольки бъ откыпаць, а ёнъ скрозь-доньня и пошовъ. Ну, тоды панъ отписавъ кучыру пыловину свойго хдльвырку и здзѣлывъ баль дли ўсихъ людзей тыхъ.

И я тамъ, на тымъ балю, бывъ, мёдъ-вино пивъ; дали мнѣ чыпялу, я побѣхъ пы двору; дали мнѣ скыворбду, я побѣхъ пы городу; дали мнѣ смыкъ, я пы двору шмыкъ; дали мнѣ смыляную кобылку, пыстырнакувъ джгутъ и капусьцяныя сядло, я й поѣхывъ. Пріѣхывъ къ жиду, ажъ высыпали жидзеняты, якъ шырынча,—сцягнули мяне съ кобылы. Идзѣ бывшы свиньни, капусьцяныя сядло зъѣли; идзѣ бывшы козы, пыстырнакувъ джгутъ зъѣли. Давъ Богъ, што сонца стало,—и мыя смылянаяа кобылка растала...

Пустын. вол. сѣнн. у.

84. Тоже.

Живъ то помѣщикъ, и бывъ ёнъ дужо нездоровъ; бывъ богатъ, ды нездоровъ. И ёнъ поѣхувъ на ўзляченьня у чужую зямлю; зраили яму, што тамъ дохторы лѣпшія. Ну, поѣхувъ туды, побывъ тамъ; цяперъ яму тамъ малѐнько полѐпшало, ѣдзець ёнъ назадъ у свою сторону, и обхарчився да послѣдняго кувнера,—и самъ зголодавъ и лошадзи, агу—ѣсь нечаго. И такъ, што ёнъ бывъ нявѣрный; а якъ зголодавъ, тоды увѣривъ, што ё Богъ на свѣци. Давай ёнъ просиць и молиць Бога, кабъ создавъ хатку цёплую, перинаты мяккія, хлѣбъ чистый и квасъ кислый, то ўсю ночь ба басьни баивъ ба и сказки сказывавъ, наѣвшись ды напившись. Ну, давъ Богъ яму хатку цёплую, и квасъ кислый и хлѣбъ чистый,—и столъ застиланый, и квасъ постановленный. Пріѣжжаець ёнъ къ тэй хаци, обнимаець яго цёмная ночь. Ёнъ на хурмана каець: сходзи полядзи: ци гэто шинокъ, ци гэто такъ домокъ—а нучуваць треба проситца! Тэй хурманъ зълѣзъ съ кдзлувъ, увыйшовъ у хатку, посмотриць—нема никого; тольки стоиць столъ застиланый, и поставленъ квасъ кислый, и ляжиць хлѣбъ чистый, и лежаць перинаты мяккія. Тоды ёнъ говдриць пану: што никого у хаци нема, а тольки стоиць столъ застланый, и поставленъ квасъ кислый, и ляжиць хлѣбъ чистый, и лежаць пярины мяккія. Ну, панъ говориць: тутъ будземъ нучуваць! Подъѣхыли яны подъ вокошко; хурманъ выпрагаець коній, а панъ пошовъ скорѣй у хату ўжо. Отпрогъ хурманъ лошадзей тыхъ, привязавъ ихъ къ будзи, а тоды и самъ увыйшовъ у хату. «Ну, говориць: крой хлѣбъ, наливай квасъ,—будземъ ѣсь!» Ёнъ наливъ квасу, накроивъ хлѣба,—повячерали. Посьцель хорошая стоиць, застланая—панъ лёгъ отдыхаць на посьцели, а хурманъ лёгъ подъ вокошкымъ: треба коній пилнуваць, кабъ хто не ўкравъ. Панъ жа лёгъ и заснувъ у перинатахъ на посьцели,—и на басьни забывся.

И выжлычка малѐнькій у яго бывъ, и того накормили, и того съ собой положивъ у посьцели. А хурманъ ня спиць. Тоды, у самый улягъ, приходзюць у хату три паненки, и одна съ однэй говоруць: «во, панъ просивъ у Бога, кабъ хата цёплая, перинаты мяккія, хлѣбъ чистый да квасъ кислый, дыкъ ба ўсю ночь басьни баивъ ба и сказки сказывавъ; а цяперъ во якъ ёнъ на правдзи стоиць: забывся, якъ наѣвся ды напився,—лёгъ и заснувъ. Што мы яму здзѣлыемъ? Вотъ я яму̀ якую машину подвяду: якъ будзець ёнъ заўтра ѣхыць, обярнуся я криницую, свѣтлую водзицую, такею, што вода будзець усё ро̀вно якъ крышталъ. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, яму захочетца пиць непремѣнно. Станець ёнъ пиць, я яго зьѣмъ; яму не прощу̀ гэтыго!» А выжлычка гэтый вурчиць, ли пана лежучи. А йна каець: «а хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй по колѣни каменемъ станець!» А другая паненка гово̀рицъ: «нѣ, я яму̀ лѣпшую штуку удзяру̀: обярнуся посьцелею—подушки пуховыя, перинаты шавковыя. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, захочетца яму̀ отдыхнуць у хорошай посьцели; ёнъ якъ ляжиць—я яго зьѣмъ!» А выжлычка узнова завурчала. Тоды яна гово̀рицъ: «а хто гэто чуець, и пану скажець, тэй по поясъ каменемъ станець!» Хурманъ тэй ляжйць и ўсё гэто чуець. Тоды третьція гово̀рицъ: «нѣ, я яму лѣпшую штуку укрою: я яблонкую обярнуся—золотое яблоко, сяребраное. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, захочетца яму яблока непремѣнно; ёнъ яблоко отщикнéць изьѣсь,—я яго зьѣмъ!» А выжлычка узнова завурчала. Яна тоды говорицъ: «а хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй соўсимъ окамянѣець!» Хурманъ гэтый ляжиць, тольки душа ў имъ сядзйць: што тутъ будзець? А панъ ня чуець, храпйць.

Тоды давъ Богъ дзень, панъ уставъ, говорицъ на хурмана: подавай мнѣ воду мытца, пора намъ выѣжжаць ужо! Тоды ёнъ воды подавъ; ёнъ помывся, одзѣвся. Ну, говорицъ: наливай квасъ, крой хлѣбъ, будземъ ѣсьци опяць: ящо ци страпитца на дорози, ци нѣ! Ёнъ квасу наливъ, хлѣба накроивъ, и сѣли и поѣдали. Хоцѣвъ панъ хлѣба съ собою узяць, хлѣбъ тэй не дався,—тольки што поѣдавъ два разы. Ну, хурманъ коній запрогъ, усьсѣли и поѣхыли.

Ѣдзь яны, ѣдзь—стоиць криница, свѣтлая водзица, такая, што прамо якъ крышталъ. И захоцѣлося пану пиць непремѣнно. «Стой, гово̀рицъ: я пиць хочу!» Тольки ёнъ зьлѣзаць, а хурманъ по ко̀няхъ, а ёнъ яму по ‘карку! Алитку поѣхыли. Ѣдзь, ѣдзь—стойць посьцеля такая, што ёнъ такѐя ни разу ня видзѣвъ. И зморивъ яго сонъ, такъ-што непремѣнно яму̀ хочетца на ёй отдыхнуць. «Стой, гово̀рицъ: отдыхну тутоцьки на посьцели!» А хурманъ по коняхъ. А панъ яму̀ по ‘карку: ёнъ по ко̀няхъ, а ёнъ по карку: ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку! И проѣхывъ посьцель, не давъ яму̀ отдыхнуць на ёй. Тоды яны ѣдзь, ѣдзь, ажны стоиць яблонка

при дорози—золотое яблочко и сяребраное. Ёнъ говорицъ: стой, говорицъ, стой: надо яблочка госьциничка дзяцёмъ нащипацъ, бы скольки ня были у чужей зямли, а такихъ не видали! А хурманъ по коняхъ, а панъ яму по 'карку. Ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку; ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку—оттрепавъ яго такъ, што ёнъ тольки—што живъ. А не давъ яму яблочка отщикнуцъ.

Тоды прiѣжжаюцъ яны домовъ. Радъ ёнъ гэтуму, што яго Богъ вярнувъ су ўзляченьня, съ того, што ёнъ выздоровѣвъ. Цяперъ, ёнъ собравъ бясѣду, справивъ балъ. [1]) Ну, пили яны, гуляли, паны, корольки, и разсовѣтувався ёнъ изъ ими, што злучалося яму у дорози,—и хата, и перинаты, и квасъ, и хлѣбъ, и вода тая, и посьцель, и яблонка, и што хурманъ яму ничого не давъ здзѣлацъ. Тоды яны разсовѣтувалиси вывесьци яго и прострали̂цъ. Сычасъ позываюцъ у комлату хурмана и кажуцъ: якъ ты пана ня слухувъ, што страплялося яму у дорози и тое и сёе—и воды напитца, и отдыхнуцъ, и яблока отщикнуцъ, а ты ничо̂го не давъ—дыкъ цябе присуджано прострали̂цъ! Ёнъ цяперъ гово̂рицъ: «пано̂вя—королёвя, будьця ласковы, якъ Богъ на неби: я збаю басьню, скажу сказку, тоды ужо што хочеця, дзѣлайця со мной!»—Ну, до̂бро, говорицъ: послухаемъ басьни твоѐ!—«Дайця мнѣ, говорицъ,—выведзьця самаго лѣпшаго коня съ стайни: я на коня сяду и буду басьню баицъ!» Такъ сычасъ коня съ стайни яму вывели. Ёнъ сѣвъ на коня, а яны кругомъ цѣпъ обняли, вороты позачинили, кабъ ня ўцёкъ, и стали кружка̀ яго басьню слухыцъ. Ну, ёнъ и почавъ: «слухайця, гово̂рицъ, пановя-королёвя! Якъ мы ѣхыли зъ дороги домовъ, обхарчилиси,—ни самимъ, ни ко̂нямъ, зъ голоду помирали. Тоды просивъ панъ Бога, кабъ создавъ Богъ хатку цёплую, перинаты мяккiя, квасъ кислый и хлѣбъ чистый—напився бъ, наѣвся и ўсю ночь тоды басьни бъ баивъ и сказки сказывавъ. Ну, создавъ Богъ намъ хатку цёплую, перинаты мяккiя, квасъ кислый, хлѣбъ чистый, мы напилиси, наѣлиси,—такъ панъ и лёгъ, и заснувъ, поѣдавши. А я ня сплю, ко̂нiй пилну̂ю. У саму по̂вныч приходзицъ три паненки у хату и кажуцъ: во̂ якъ панъ на правдзи стоицъ: напився, наѣвся и на басьни забывся! Тоды одна гово̂рицъ: я яму штуку укрою! Якъ будзецъ ёнъ назаўтраго ѣхыцъ, захочетца яму пицъ. Дыкъ я обярнуся криницую; ёнъ напъётца, я яго и зъѣмъ. А хто чуецъ, ды пану скажецъ, тэй по колѣно окамянѣецъ!..» Такъ конь тэй по колѣно и окамянѣвъ... «А другая гово̂рицъ: я лѣпшую машину подвяду! Якъ будзецъ ёнъ назаўтраго ѣхыцъ, я обярнуся посьцельлю. И яму захочетца

1) По др. вар., бесѣда собрана по требованiю хурмана, послѣ того какъ панъ, по совѣту жены, рѣшилъ его застрѣлить. Собралось королевство, паны всѣ, судить хурмана.

отдыхнуць; дыкъ ёнъ якъ ляжиць, дыкъ и ня ўстанець! А хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй по поясъ окамянѣець!..» Такъ конь по бруxо и окамянѣвъ... «А третьція говориць: э, я ямў лѣпшую штуку удзярў: якъ будзець ёнъ ѣхыць, я обярнуся яблонкую—золотое яблочко и сяребраное яблочко. Ёнъ якъ отщикнець, я яго зъѣмъ. А хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй увесь ка́менемъ станець!» Такъ конь тэй и окамянѣвъ. А ёнъ съ коня соскочивъ.

Ну, тоды здзѣлали сѣда́ньня опяць. Судзи-судзи, присудзили яны пану смерць. А ёнъ остався на пановымъ мѣсьци, у яго маёнтку.

Рясн. в., сѣнн. у. Кр. Иванъ Даниловъ.

Въ той же вол. сказка варьируется такъ: Поѣхалъ панъ на теплыя воды. Ѣхалъ, ѣхалъ,—усталъ и ѣсть захотѣлъ. И говоритъ кучеру: „вотъ, кабъ мнѣ, кажетца, хатка цёпленькая, ды хлѣпъ чистый, ды квасъ кислый,—дыкъ бы ўсю ночь, кажетца, басьни баивъ!“ Немного отъѣхали, стоитъ хатка тепленькая, и въ ней хлѣбъ чистый и квасъ кислый. Панъ поужиналъ и лёгъ спать, а кучеръ не спитъ, такъ лежитъ, коней „пилнуець“. Въ полночь сразу пришли три сестры, три Коляды, и смѣются: „ха-ха-ха! ха-ха-ха! Вотъ якé я цяперъ людзи ня вѣрныя стали! Казавъ усю ночь басьни бъ баивъ, а цяперъ во̀ спиць!“ Первая Коляда дѣлалась криничкой и за предупрежденіе пана грозила окаменѣлостью по колѣни; вторая обращалась въ яблоньку и угрожала окаменѣлостью по поясъ; третья—въ кровать—столбчикъ золотой, столбчикъ серебряный, шелковыя простирадлы—и угрожала полнымъ окаменѣніемъ. Возвратившись съ теплыхъ водъ, панъ хотѣлъ кучера повѣсить и собралъ по этому случаю къ себѣ царей и королей, которымъ кучеръ и сообщилъ, сидя на конѣ, причину своего непослушанія. Конь окаменѣлъ, а кучеру отдана половина имѣнія. Также: все имѣніе и жену.

Напомню кстати, что подобно тому, какъ извѣстныя пѣсни пріурочиваются къ тому или другому періоду или событію, такъ и сказки, по мнѣнію бѣлорусса, должны разсказываться только „въ Коляды“—рождественскія святки (25 декабря—6 января, святые вечера). Во время моихъ этнографическихъ экскурсій, преимущественно лѣтнихъ, мнѣ часто приходилось встрѣчать отказы въ сообщеніи сказокъ со стороны казанниковъ на томъ только основаніи, что „сказки говорятся въ Коляды, а не лѣтомъ“. Вышеприведенныя сказки, очевидно, имѣютъ тѣсную связь съ этимъ воззрѣніемъ, и въ этомъ отношеніи небезъинтересны.

ДОПОЛНЕНIЕ.

(Матеріалы, собранные во время печатанія.)

1. Богъ и Адіяволъ.

Вотъ, начинався свѣтъ. Ня было̀ тоды зямли, одно мо́ря. Й плавывъ у пузурѝ Адзіяволъ по̀ морю. Ишовъ Богъ и спрашіець: «што за̀ людзи?» Адзіяволъ говориць: своѐ людзи!—«Вылѣзай съ пузуря ко мнѣ, Господзь говориць: ци будзешъ ты мнѣ слуга?»—А скажиця, Господзи! —«Достань ты мнѣ у мори зямлѝ!»—Якъ жа мнѣ достаць, Господзи? —«А вотъ якъ доставаць: лѣзь опяць у мо́ря и скажи: Господзи Божа благослови! ды й бросайся на дно у мо̀ря, и силя̀й ро̀томъ!» Адзіяволъ не послухавъ Бога. Ёнъ нырнувъ у мо̀ря и сказавъ: Божа ба̀сла! И не узявъ ничого. Опяць узнырнувъ ёнъ наверхъ. Господзь у яго спрашіець: «ци ўзявъ зямли?»—Нѣ, не ўзявъ!—«Якъ жа ты говоривъ?»—А я говоривъ: Божа ба̀сла!—«Ты скажи: Господзи Божа благослови, дыкъ во̀зьмешъ!» Адзіяволъ сказавъ: Господзи Божа благослови! и нырнувъ у моря и ўзявъ цѣлый ротъ зямли. Ну, и выныря̀ець ёнъ зъ моря. «Ци узявъ?» Господзи спрашіець.—Узявъ!—«Ну, отдавай яе́ мнѣ и ня то̀й!» Ёнъ выдавъ зъ рота зямлю; а ў лѣвой сторонѣ затаивъ зямлю и овёсъ и грячиху. Пошовъ Господзь сѣиць зямлю̀ и разныя хлѣбы, не хватаець грячихи и овса. Ёнъ хвацився къ Дэмону. А ў Дэмона стала росць у роци земля и ўсё, што ёнъ затаивъ отъ Господа. И ставъ ёнъ выкидаць усё зъ рота, и посѣивъ мохѝ, боло́ты, осо̀тъ, крапиву. Спрашіець Богъ у Дэмона: «ты утаивъ отъ мяне?»—Господзи, утаивъ!—«Што жъ ты утаивъ?»—Осотъ ды крапиву!—«Нѣ, ето ня 'сотъ, ни крапива, а овёсъ ды грячиха; ето моимъ кресціянямъ на пожитокъ!» И стали овесъ ды грячиха. А болоты такъ и остались. Здѣлылыся земля. Стали людзи. Дэмонъ што задумавъ: справивъ сабѣ вѝньницу и гониць вино. Ишовъ Богъ и Микола и Ягорій, и ўвидзили яны—дымъ идзе́ць зъ дому. Тоды Богъ посылаець Миколу: «идзи, поглядзи, хто тамъ такей!» Микола пошовъ. Уходзиць у про̀варъ: здраствиця, гово̀рiць, вамъ! А Дэмонъ говориць: а здраствиця, здраствиця!—Што вы тутъ робиця, Дэмонъ?—А вотъ, Миколай: гонимъ квасокъ! Вычарпнувъ яму̀ чайный стаканъ и подносиць: извольця вамъ, Миколай, выпиць нашаго кваску!—Нѣ, мы етаго ня ўживаемъ! Ну Дэмонъ яго признусьцивъ, присильничавъ. Выпивъ стаканъ вина Микола, и вясёлъ остановився, и начавъ разговариваць зь имъ. Ну, ожидавъ Миколу Богъ довгое ўремя зь Ягорьемъ,—не дождався. Посылаець Ягорью. Пришовъ Ягорій: здраствиця вамъ! Што тутъ, Миколай, забавився?—А вотъ, говориць: подпясьли кваску попиць—такей хорошій и

пріятный! Подносиць етый Дэмонъ и Ягорью. Ягорій не хоцѣвъ, потомъ того выпивъ. Ставъ и Ягорій вясёлъ, начавъ разговариваць. Господзь дожидавъ, дожидавъ,—пришовъ и самъ у виньницу. «Што жъ вы тутъ забавились, Микола и Ягорій?»—А вотъ, Господзи: Дэмонъ поднёсъ намъ кваску, такого пріятнаго,—такъ вясёло намъ и пріятно! Подносиць Дэмонъ и Богу квасу: извольця, Господзи, вамъ выпиць! Господзь сказавъ: отступи, нячистый духъ! Отобравъ отъ яго квасъ етый и здавъ яго кресціянямъ.

Завёвъ Дэмонъ садъ сабѣ и завёвъ сабѣ пчолъ. И ўвознавъ Господзь и пришовъ къ Дэмону: «дай ты мнѣ три пчалы только!» Дэмонъ говбрицъ: бярицця больше, Господзи!—«Нѣ, мнѣ только надо три пчалы!» И узявъ Богъ три пчалы и понёсъ. Нызаўтраго хвацився Дэмонъ,—нема пчолъ у яго, ни одной. Прибѣжавъ къ Богу: Господзи, моѐ пчолы у васъ усѣ!—«Вотъ, Дэмонъ: ето ни ли цябе пчолы, а ето пчолы только ли кресьцянъ. А я табѣ укажу пчолы!»—Пыкажиця, Господзи! Повёвъ Господзь Дэмона къ осини; тамъ шерсьни гудуць большѐя. «Вотъ табѣ пчолы, Дэмонъ!» Дэмонъ узрадывався и заплисавъ. (Далѣе слѣдуетъ разсказъ: Солдатъ и Смерть, и о діаволѣ нѣтъ упоминанія).

С. Заблъышинъ, кл. у. Отъ кр. Антона Васильева, 35 л. негр.

2. Тоже.

У тое ўремя, якъ ящо не было ничого на зямлѣ, а стоявъ одзинъ плецень, Господу Богу захоцѣлось развесьци по етой зямлѣ усяго. Ёнъ исказавъ одно слово—и ўсё явилося. Только не явився чаловѣкъ. Тоды Господзь Богъ идзецъ дорогой, и задумавъ: якъ бы зъ моря достаць зямли? Оявляетца къ яму̀ чортъ и говбря: Господзи, я достану! И полѣзъ у моря, доставъ рукой зямли. Выплывъ, поглядзѣвъ у руку̀—ажно нема ничого. Полѣзъ опяць, опяць ухапивъ рукой, и выплывъ изновъ ни съ чимъ. И ў третьцій разъ такъ: ничого не доставъ. Тоды Господзь Богъ сказавъ: дуракъ ты, чортъ: и етаго не ўхитрився здзѣлаць!.. Пославъ Богъ свойго ангела. Тэй якъ пришовъ къ зямлѣ на днѣ моря, узявъ зямли ў ротъ; и вынесъ у роци къ Богу. Богъ узявъ ету зямлю и ўдунувъ у яе душу̀, и здзѣлався чаловѣкъ. А съ того чаловѣка здзѣлавъ яму̀ и жану. И звали ихъ Адамъ и Ева.

И жили яны много на зямлѣ, и было у ихъ много дзяцей. Пришовъ разъ Адамъ вечарбмъ зъ работы, и силно ўморився. И лёгъ спаць на лавцы. Назаўтраго уси устали, а ёнъ спиць. Тоды мѐньшій сынъ Явель пошовъ и ставъ яго будзѝць: «бацька, видно ужо! пора ўставаць!» А ёнъ и ня думаець. «Ну, нехай ящо посиць трохи!» каець бблышій сынъ

Ка̀винъ. И ёнъ такъ спавъ пяць дней и пяць ночей и не знали яны, што зь имъ дзѣлаць.

Тоды явився имъ Богъ и давъ зѐрнятко, и сказавъ: укиньця ето зѐрнятко яму̀ у ротъ! Яны ўкинули тое зернятко ў ротъ, и сычасъ съ того зернятка выросъ дубъ. Ну корни того дуба были не ў зямлѣ, а на вярху. Дыкъ яны хоцѣли ихъ обкопаць, кабъ кряпчѣй стоявъ. Тольки стали копаць, ажъ земля уся здзѣлалась ка̀менемъ: нейдзи зямли ўзяць. Якъ перестануць копаць—опяць земля, а якъ почану̀ць копаць—камень. И нельзя имъ ниякъ обкопаць кореньня. Тоды выскакуя икъ имъ чортъ и говоря: «што мнѣ будзя, коли я здзѣлаю, кабъ земля вамъ далась узятца?»—А што будзя: мы ня вѣдыемъ, што ты хочашъ?—«А вотъ што: коли дасьцё мнѣ уси тыя души, што ўмираць будуць, дыкъ здзѣлаю!»—Ну, дыкъ што: бяри сабѣ!—«Ну, дыкъ расписывайся на етомъ!» —Чимъ жа я буду писаць?—«А давай ножъ, разрѣжамъ палецъ мезéнецъ, и кровъю распишися!» Ну, такъ и здзѣлали,—расписались. И обкопали корни дуба, якъ слѣдуя.

И съ тыхъ поръ уси души стали поступаць къ чарця̀мъ у пекло, покуль не пришовъ Богъ на зямлю̀, и не разоривъ пекла.

Ну, дыкъ вотъ тоды людзи познали, што умэршихъ треба закапываць у зямлю̀ и садзі̀ць на могили дзерявъё. Затымъ и цяперь во̀ на кладзищахъ дзерявъё.

М. Молостовка, чер. у. Сообщ. кр. Мих. Мельниковъ, 23 л. грам.

3. Чаго пярунъ.

Гэто спорувавъ Богъ (вар. Илья) зь нячисьцикомъ: «я цябе, каець, забъю!»—А якъ ты мяне забъёшъ: я схуваюся!—«Куды?»—Подъ чаловѣка!—«Я чаловѣка забъю, грѣху яму̀ отпущу,—а цябе забъю!»—А я потъ коня!—«Я й коня забъю; чаловѣка на гэтымъ мѣсьци нараджу, а цябе забъю!»—А я потъ корову схуваюся!—«Я й корову забъю; хозяину на гэто мѣсто нараджу, а цябе забъю!»—А я подъ будынокъ!—«Я й будынокъ спалю; чаловѣка на гэтымъ мѣсьци награджу, а цябе забъю!»—А я подъ дзераво схуваюся: тамъ ты мяне не забъешъ!—«Я дзераво разобъю, и цябе забъю!»—Ну, я потъ камень схуваюся!—«Я й камень разобъю, и цябе забъю!»—Ну, дыкъ я, каець, схуваюся у воду потъ корчъ, потъ колоду!—«Ну, тамъ твоё мѣсто, тамъ сабѣ будзь!»

Дыкъ гэто коли ударицъ идзѣ пярунъ, дыкъ гэто Богъ нячисьцика бъéць. Ёнъ, якъ находзиць хмара, здаётца ци собакомъ, ци свиньнёй,

и кошкую—абы чимъ; ды й хуваетца потъ кого—нибудзь. Тоды тамъ пярунъ бъе́цъ. *Сѣнн. у.*

Вообще же человѣкъ, «забитый пяруномъ», считается счастливымъ, точно такъ же, какъ и женщина, умершая отъ родовъ. При сужденіяхъ о громѣ, часто можно слышать желанія: «Ахъ, дай Божа, кабъ мяне пярунъ забивъ, а жонка кабъ зъ рôду помёрла! Щасьливый ба бывъ я чаловѣкъ!»

По общему мнѣнію, прочно установившемуся повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ бѣлорусскаго населенія, перунъ бьетъ особою *стрѣлою*. Въ Бѣлоруссіи, да кажется и въ другихъ мѣстахъ, такими стрѣлами считаются орудія каменнаго вѣка, та̀къ и называющіяся «перуновыми стрѣлами».

Когда бываютъ удары грома, то стрѣла, убивъ нечистика, уходитъ, по мнѣнію народа, въ землю. Но, какъ предметъ небеснаго происхожденія, она не можетъ долго оставаться въ грѣшной землѣ, и постепенно поднимается изъ земной глубины къ верху, такъ-что чрезъ двѣнадцать-семьтри года, смотря по глубинѣ, выходитъ на поверхность. Только тогда и можно найти стрѣлу.

Понятно, что нахожденіе стрѣлы считается также счастьемъ, и ее держатъ въ домѣ, какъ средство противъ козней нечистика жа—домового. Впослѣдствіи, вѣроятно на этомъ уже убѣжденіи, установилось мнѣніе, что въ домъ, въ которомъ имѣется стрѣла, никогда не ударитъ громъ. А съ теченіемъ времени ихъ стали употреблять и противъ слугъ нечистика: вѣшать на̀дъ дверью коровника, чтобы преградить доступъ въ него вѣдьмамъ, отбирающимъ у коровъ молоко; [1]) хранить въ пчельникахъ, для сбереженія пчолъ отъ суроцъ; [2]) привлекать судей на свою сторону, [3]) и т. п. Деревенскіе мудрецы—знахари, само собою разумѣется, воспользовались такимъ отношеніемъ массы къ стрѣламъ и ввели ихъ въ число своихъ «сильно дѣйствующихъ», и потому дорого цѣнимыхъ, средствъ.

Какъ медикаментъ, стрѣлы употребляются въ трехъ видахъ: для механическаго растиранія живота при родахъ, а также грудей и вымени—при опухоляхъ; въ видѣ порошка, получаемаго соскабливаніемъ или толченіемъ стрѣлы—при родахъ и вообще желудочныхъ болѣзняхъ; наконецъ, цѣлебную силу получаетъ вода, пролитая знахаремъ чрезъ отверстіе, находящееся въ молоткѣ или сѣкиркѣ, при леченіи *уроковъ* и испуга.

---

[1]) Въ этомъ случаѣ особенно дѣйствительны стрѣлы, освященныя въ день Пасхи вмѣстѣ съ куличами. 2) По большей части хранится стрѣла, пролежавшая извѣстное время, по секрету, въ алтарѣ, подъ престоломъ. 3) Для этого стоитъ только, идя на судъ, заложить запазуху себѣ стрѣлу, подобно тому, какъ въ грамотной средѣ это дѣлается съ «Сномъ Богородицы».

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что молодое поколѣніе бѣлоруссовъ, на основаніи однакоже собственныхъ опытовъ, позволяетъ себѣ сомнѣваться въ цѣлебной силѣ стрѣлъ. Это обстоятельство заставило знахарей, про всякій случай, придумать теорію, что съ теченіемъ времени лечебная сила исходитъ изъ стрѣлъ, и послѣ двѣнадцати—семи—или трехлѣтняго употребленія, онѣ перестаютъ исцѣлять больныхъ, и должны быть обязательно брошены въ огонь—святое святому.

Разумѣется, что эта печальная теорія, вмѣстѣ съ толченіемъ порошковъ и высѣканіемъ огня изъ кременевыхъ ножей и копій, во множествѣ губитъ орудія каменнаго вѣка.

4. Откуда нечистая сила.

Нячистая сила во́ откуль. У Адама и Евы було дванатцаць паръ дзяцей. Дыкъ приходзиць къ имъ Богъ: «дзѣ ваши дзѣци? покажиця мнѣ своихъ дзяцей!» Ну, дыкъ яны шесь паръ показали Богу, а шесь паръ подъ дубъ сховали. Дыкъ Богъ тыхъ узявъ, помятусйвъ, помятусйвъ: бо́льшую сястру за меньшаго брата, ме́ньшую за бо́льшаго. Богословивъ ихъ,—росьциця, каець. Тоды, пошовъ Богъ, Адамъ и Ева пошли къ дубу. «Давай, каець, и мы помятусимъ такъ етыхъ!» Пришли къ дубу, а ихъ и нема. И посичасъ нема.

Дыкъ во: якъ мы отъ етыхъ шасьцѝ паръ, такъ *яны* отъ тыхъ шасьцѝ паръ. И ихъ столькі, сколькі й насъ. Только, што ихъ ня видно, затымъ, што ихъ отъ Бога ховали.

Ну, и вотъ жа, на вутрени, у вяликодня, идзи зь яйцомъ у лѣсъ, къ бурелому, ды скажи три разы: «Христосъ воскресъ, хозяинъ полявый, лѣсовый, домовый, водзяный! съ хозяюшкой, зь дзѣтками!» Дыкъ и выйдзець христосуватца. Во́.

М. Хотъславичи.

5. Пярунъ и сатана.

Стоявъ у насъ на поли дубъ, сажнявъ пяць уво 'бхваци. Дыкъ *ёнъ* туды и заховавсь. Дыкъ якъ найшла хмара, якъ ударила,—дыкъ плаху, такъ пудовъ у сто, и отхвацило! Довго по вѣтру качалась, покуль и ўпала. И дойшло до корнявища, а *яго* не добило. Сйлянъ дубъ крѣпко. То́ дыкъ *яго* и ў треисподнюю зямлю бъёць, а то́ не добило. Оставсл у корнявищи (*енъ*), ды только хрипиць: вотъ, якъ бабы платьця жлукцюць,—хр-хр-хр-хр! Дыкъ няможно було на по́ля выйци, хоцѣли по́ля кйдаць: гремиць и гремиць,—страшно! Дыкъ могли призвацъ попа, кабъ закля-

цію положивъ. Якъ положивъ, такъ и замовкъ. А поля такъ и зовѐтца «Грямучее».

Д. Воробъевка, хотъсл. в.

6. Тоже.

У Воронини (дер. сѣнн. у.) надъ рѣчкой ёсь гора (древній городокъ). Дыкъ тутъ на гэтой горѣ пярунъ чорта забивъ. Дыкъ ёнъ тамъ троя сутокъ лежавъ. А тоды найшли яго и стали хуваць. Дыкъ возили, возили зямлю на яго, возили, возили—ня можно зарыць яго. Што за дзень навозюць, закопаюць, назаўтраго полидзяць, а ёнъ на вярхў ляжйць. Бились—бились,—ани! Покуляцьки ўжо—ци соснилось кому, ци што—узяли ды ўво 'топокъ пѣвня запрагли. Дыкъ тольки три разы зямли привязли на имъ, дыкъ и засыпали *яго*.

Ряс. в. сѣнн. у.

7. Тоже.

А то такъ съ поввярсты отъ Почаевичъ (село сѣнн. у.) дыкъ ёсь бярозки; обсбджанъ такъ кругбмъ ковалочекъ зямельки небольшѐнькій. Дыкъ тутъ пярунъ забивъ змѣя. Ну, дыкъ якъ тольки забивъ, дыкъ якъ пошовъ дожджъ, пошовъ дожджъ—двоя сутокъ узапоръ ишовъ; усё чисто позатаплювало. Тоды людзи стали яго хуваць. Выкопали ямку, уклали яго туды и засыпали. Тольки засыпали, а ёнъ узновъ на вярху. Яны опять яго засыпали, а ёнъ опяць на вярху. Што тутъ робиць? А дожджъ идзѐць и идзѐць. Думали яны, думали, и придумали возиць зямлю на пѣвню. Ну, стали возиць, стали возиць—и засыпали. Якъ засыпали и дожджъ перащукъ. А тая мясьцйна и цяперака «Змяёвкой» зовѐтца.

Д. Слидцы, сѣнн. у. Вблизи Почаевичъ.

8. Рокъ.

У водного чаловѣка довго ня булб дзяцей. А тоды, подъ старосць, родзився у яго сынъ. Ёнъ имъ уцѣшаетца, радуетца,—вѣдомо, одзинъ ёнъ у яго. Отъ ёнъ росцѐць-росцѐць, агу—приходзиць къ яму чаловѣчакъ такъ нѣйкій,—Богъ яго вѣдаець хто, можа ето Господзь бывъ,—ёнъ жа жъ ходзиць по зѐмли. Пришовъ и говориць: «ахъ, говориць, якій у цябе славный хлопчикъ! Али ня довго ты имъ будзешъ радоватца: на такимъ то й такимъ году яго пѐрунъ забъецъ!»

Бацька тэй туды, сюды: што дзѣлаць? И надумався: здзѣлаю-тка я

склепъ муруваный, глубоченный. Яно яго тамъ не достанець! И почавъ дзѣлаць склепъ. Сынъ пытаетца: «на што ты, татъ, дзѣлаешъ ето?»— А, мой сынокъ: тоды увидзишъ! Ну, кончивъ тэй склепъ; такій склепъ, што й ня було такого: глубокій, товстэй,—сцѣны у три сажни.

Вотъ приходзиць тэй дзень, якъ яму̂ ужу умираць треба. Бачиць бацька—находзиць маленькая хмарка. Ёнъ каець: «мой сынокъ! обѣщано мнѣ, што цябе сяньни громъ забъѐць. Лѣзь ты, сынку, у етый склепъ схувайся!» А ёнъ каець: «ахъ, татъ! што ты говбришъ? Ну, отъ Бога разви можно схуватца? Отъ Бога не схуваесься! и у̂ склепи забъе́ць. Ды ящо й засыплець мяне такъ, што ты й косточакъ моихъ не найдзешъ; и не прихоаешъ мяне. Я жъ лучче останусь та́къ; выйду на чистое поля. Якъ убъѐць—ты мяне поховаешъ, косточки мое́ прикопаешъ!»

И пошовъ у чистое по̀ля на горушку; ставъ одзинъ на чистомъ поли, и ставъ Богу моли̂тца, ставъ моли̂тца. Мо̀литца и кланяетца, мо̀литца и кланяетца. А хмара у̂сё ближе, ближе... Якъ найшла, якъ ударила—да у̂ тэй склепъ! Дыкъ што жъ ты думаешъ: развоевала увесь чисценько, и камень на камень посклала у кучачки,—зъ зямлёй сравняла. И пошла. А ёнъ якъ стоявъ, такъ и стоиць у чистомъ поли. И цѣлъ остався. Умоливъ.

Хотьсл. в. мстисл. у.

9. Мосей.

Пришовъ разъ Мосей къ Богу и говбриць: чудзенъ ты, Господзи! А Богъ яму кажець: «Мосей, ты чуднѣй за мяне! Пощупай-тку ты голову̂!» Ёнъ тоды щупъ за голову̂—ажны у̂ яго рбги на головѣ.

Вотъ затымъ яго й цяперъ богомазы пишуць зъ рогами.

Рясн. в. сънн. у. Отъ кр. Семена Яковлева, 62 л. малограм.

10. Зачимъ жиды не ядуць свинины.

Якъ мучили Суса Христа, дыкъ жиды узяли, вочи яму завязали, ды жидовку и посадзили подъ корыто пузатую (беременную). Тоды развязали вочи Сусу Христу и пытаютца: «ну, коли ты Богъ, увознай, хто тутъ сядзйць?» А ёнъ каець: «хто жъ тутъ сядзиць: свиньня съ поросятыми!» Яны корыто подняли, смяютца: «ай Богъ, ну Богъ, угадавъ!» Коли полидзяць, ажны тамъ и правды свиньня съ поросятыми. Дыкъ вотъ, значитца, свиньня имъ приходзитца цётка; за тымъ имъ и няволно свиньни ѣсьци.

Сънн. у.

11. Откуда знахари.

Сусъ Христосъ ходзивъ по зямлѣ съ апостолами. А жиды подложили потъ корыто дыявола. «Ну, коли ты Богъ, узнай: хто потъ корытомъ?» —А гадыня, скрудившись! Открыли корыто, а тамъ гадъ, скрудившись, ляжиць. Апостолы кричаць: Михаилъ—архангалъ, руби яго! Той рубанувъ, на дванатцаць кусковъ рассѣкъ. Ну, уси тыя куски и поповзли. «Ай, Божа жъ нашъ: цяперь усихъ людзей поядуць!»—Нѣ, не поядуць! И давъ Сусъ Христосъ апостоламъ дванатцаць заговбровъ; а апостолы передали міру. Съ того й пошли знахари.

М. Хотьславичи, мст. у. Отъ знахаря.

Среди знахарей существуетъ впрочемъ и болѣе трезвый взглядъ на свое ремесло; намъ не разъ приходилось слышать такія откровенности: «ахъ, панокъ, панокъ! гомбнишъ, што на ротъ лѣзя, граха̀ на душу̀ хапа̀яшъ; а ўсё зъ гбра. По̀ міру намъ пойти, дакъ ня дадуть, скажуть —работать ня хвора. А гдѣ яѐ, тыя работы, вбзьмяшъ у насъ, у бобылстви? А якъ погомонишъ, дыкъ и даюць!» и т. п.

12. Богъ, баба и мужикъ.

Жала баба на пбли зь дзяцёнкомъ. А тоды дзяцёнокъ закричавъ; дыкъ ина легла ды й кормиць яго цыцкой, и сама ѣсць. А йдзёць Богъ по дорози и спраппіецъ: «баба, покажи мнѣ дорогу туды й туды!» Дыкъ ина ўзяла ды ногой и показыецъ: «вунъ, каецъ, ина!»—Ды нѣ! ты жъ, голубка, устань цы покажи дбро!—«А, мнѣ нбколи!»—Ну, будзецъ жа табѣ нбколи до вѣку, покуль ты жива будзешъ,—што ты мнѣ ногой дорогу показала!

Пошовъ Богъ дали. Прихбдзиць къ мужуку. Ёнъ кбсиць. «Покажи мнѣ, чаловѣкъ добрый, дорогу туды й туды!»—Кинувъ чаловѣкъ косйцъ и повёвъ Бога. Привёвъ яго къ дорози, вынивъ табаки, самъ нюхаецъ, Бога частуецъ, зюкаюць. Богъ тоды говориць яму: «ну, придзешъ жа ты, чаловѣча, домовъ, дыкъ табѣ будзецъ часъ, слобода́! А баби ниразу!»

Дыкъ вотъ мужикъ и цяперъ: прйдзецъ домовъ, побѣдаецъ, и отдыхнецъ часъ якёй. А бабамъ усё нбколи.

Сѣнн. у.

13 Богъ, богачъ и бѣднякъ.

Ишовъ Господзь по зямли зъ двоми апостолами—зъ Миколаемъ и зъ

Ягоргіемъ. И приходзили къ богачу, адзѣ богачъ пахавъ свою полянку у семъ сохъ. И садзилися богачовы снѣдацъ. Господзь говдря на апостоловъ: просйця и вы, снѣдацъ будземъ у яго! Яны потходзюць къ яму̀, говорюць: здрастуй вамъ! хлѣбъ и съ сольляю! Богачъ отвѣчая: милосьци прошу снѣдацъ! Микола говдря: мы етаго и хочымъ! и просйць у цябе хочымъ!— «Нѣ, братцы, говбря: 'мяне ёсць кому работацъ, ёсць кому й поядацъ! А йдзиця дальшы: хто нибудзь дасць и вамъ поснѣдацъ. Пошли дальшы. Приходзюць къ бѣдному. Бѣдный паша. Яны сѣли у концы полоски яго и ожидаюць, покуль ёнъ пріѣдзя къ имъ. И говорюць яму̀: Божа поможы табѣ работацъ! А ёнъ имъ отвѣщая: спасибо!—Ци ня можно ў цябе поснѣдацъ намъ?—А подожджиця, говориць, дзядзюшки: я тамъ говоривъ хозяйцы, штобъ ина у кого-нибудзь позычыла муки, и можа куляшу̀ наваря, али спячэ коржъ, и здзѣлая якого нибудзь ботвиньня, и принясе мнѣ снѣдацъ; то мы поснѣдаемъ! Ну, яны сидзяць, ожидаюць. Такъ яна й нясе снѣдацъ яму̀. Зготовила ботвиньня и спекла кдржакъ. Садзятца яны снѣдацъ, то ёй нявузносно: што поднесла одному, а ёнъ сбдзя съ собой трёхъ. Тутъ и одному мало поѣсць, а не четвярымъ. Яны сѣли снѣдацъ, и снѣдали; то ще осталбсь у ихъ снѣданьня: большы прибавилось, якъ ина принесла. И ўси наѣлися досыта. Ина етому удзивляется: што ѣли-то хорошо, да ўсё й осталося.

Ну, яны благодарили и пошли дальшы пуцёмъ. На стрѣчу къ имъ вовкъ. И прося: Господзи, погибаю смерцю голодной; да позвольця идзѣ што—нибудзь зъѣсць! Господзь говоря вовку: бяжи по дорози етой; тамъ отъ чаловѣкъ пахавъ на лысой кобыли. Ёнъ кобылу отпрёгъ, и самъ побѣдавъ, спацъ лёгъ. Дакъ ты кобылу тую зарѣжъ, да й самъ подъѣжъ.

Господзь лёгъ съ апостолами отдыхацъ. Юрью стало жалко: ахъ, говориць: етый чаловѣкъ самъ добувавъ, да й насъ кормивъ, а мы цяперь, говориць, зло яму̀ творймъ! Да я пойду да замажу лысину грязьзію,— ну вовкъ не позная, што йна лысая була! *Юря* побѣгъ и замазавъ лысину грязью.

Прибѣгая вовкъ къ кобыли. Вокругъ яѐ ходзивъ, только лысины не нашовъ. Обрацився зновъ къ Богу: Господзи, говоря: ходзя кобыла, да ня лысая, а ўся вороная!—А ето, говоря, лысина грязью замазана! Бяжи зарѣжъ, да й самъ подъѣжъ! Вовкъ прибѣгъ, кобылу зарѣзавъ, ды й самъ подъѣвъ. Чаловѣкъ етый уставъ, то не на комъ ужо яму̀ работацъ. То начавъ плакацъ и Бога ўмоляцъ: за што, Богъ, наказуешъ ты мяне? Апостолы тогды Богу говорюць: богачъ намъ не давъ снѣдацъ, ну того вы не наказуеця; бѣдный намъ давъ поснѣдацъ, то вы наказуеця яго!—Богачъ отдалився отъ мяне и забывся на мяне; а бѣдный постоянно мысля и думая про мяне, а не 'тдаляетца 'тъ мяне,—то будзя й

дўша ў мяне. А богатаго будзя душа у пекли! Тутъ ёнъ уцѣшаетца, а тамъ душа будзя уцѣшатца у пекли!..

Д. Киселевка, самотейв. в. черик. у. Кр-нъ Ѳома Григорьевъ.

14. Грѣшная душа.

Уво днэй хаци была клямка ў дверахъ. И хто тольки не прôйдзець ли гэтыя клямки, дыкъ заўсёгды одзежу разорвéць. Якъ бы далёко ни йшовъ, а ўсё-тки одзежу разорвѐць. Тоды разъ пришовъ у гэтый домъ ксёндзъ. И ў яго была примовка: ангелъ съ тобой. Тоды ёнъ идзець у двери, а клямка одзёжу и разорвала. «Ахъ, каець: што ты гэто, ангелъ съ тобой?» Якъ тольки ёнъ сказавъ гэтыкъ, такъ сычасъ: ахъ, ахъ, ахъ! дзякуй, дзякуй, дзякуй!—съ клямки. А ноччи приснився ксяндзу ангелъ и сказавъ: «ты спасъ грѣшную душу̀! Яна сидзѣла на клямцы и усякаго чапàла, кабъ хто сказавъ на яé што святое!»

Сѣнно. Отъ мѣщ. Мар. Павловской, католички.

15. Андрей Крицкій.

Андрей Крицкій бувъ колись, зъ молодыхъ годовъ, вяликимъ разбойникомъ, и много побивъ чаловѣчацкихъ душъ. А тогды ёнъ надумався, покинувъ разбои и пошовъ къ батьку, къ матцы просить прощенья. Пришовъ домовъ, упавъ батьку—матцы на ноги, и просивъ ихъ простить яму за ўсé, що ёнъ здѣлавъ. Ну батька й матка яму̀ ня простили. Ёнъ тогды убивъ свойго батька, убивъ свою матку, и пошовъ къ попу, щобъ накинувъ на яго покуту. «Вотъ, говора, батюшка: посповѣ̀дуй мяне! На мнѣ грахи невяликія: я бувъ разбойникомъ, поўбивавъ богато людей, и ўбивъ свойго батька й матку!» Попъ яму отказуя: що тябе, Андрей, няльга сповядàть! Ёнъ рассѐрдився—убивъ и попа. Приходя къ другому попу—и той такъ жа само кажа. Ёнъ и того ўбивъ. И такъ поўбивавъ шесть поповъ. Приходя напослѣдокъ икъ сёмому. Той бача, що и яму будя тутъ конецъ, и кажа: що я, Андрей, сповядàть тябе недостоинъ; а йди ты у Русалимъ къ архирею, той тябе вы̀сповѣдуя!

Ну, Андрей пошовъ у Русалимъ. Пришовъ къ архирею, упавъ яму на ноги, и прося яго посповѣдувать. Архирей кажа: якія жъ на табѣ грахи? А ёнъ кажа: що на мнѣ грахи невяликія: я бувъ разбойникъ, богато людей погубивъ, и убивъ свойго батька и мáтку, и шесть поповъ! Тогды архирей яму̀ кажа: ну, сядь жа со мной по‘бѣдай, тогды пôйдомъ у цэркву, и я тябе посповѣдую, и накладу на тябе покуту! Андрей кажа: що нѣ,—я съ тобой обѣдать ня буду! Що я грѣшникъ, а ты чаловѣкъ святый!—Ну, коли ты ня будешъ со мной обѣдать, то я ня буду

тябе споведать! Ну, Андрей сѣвъ, побѣдавъ. Тогды, побѣдавши, пошли яны ў цэркву. Приходять къ цэркви, и тамъ колодязь: копали яго семъ годовъ, и не достали воды, и заперли. И ёнъ несчисленно глыбокъ. Архирей посповѣдавъ Андрея и упустивъ яго ў колодязь: молись, каа, Богу, Андрей тутъ, покуль заросте колодязь: тогды тябе Богъ простить! Андрей говора: я ня умѣю молитца!—Ну, ты кажи: помилуй мя, Божа, помилуй мя!..

Упустивъ яго у той колодязь, и замкнувъ замкомъ, и ключъ укинувъ у возяро.

Просядѣвъ Андрей у колодязи тритцать годовъ и ўсё казавъ: помилуй мя, Божа, помилуй мя! И стала рэсть зямля у колодязи, и на тритцатомъ году соўсимъ заросъ колодязь, и такъ, що ставъ ёнъ подъ самой крышкой. И захворѣвъ тогды етый архирей, и захотѣвъ свѣжія рыбы. Пошли на возяро ловить рыбу и поймали щуку. Стали яе чиститъ, и знайшли у сяродки ключъ. Приносять той ключъ къ архирею и говорать: такъ и такъ,—у щуки у сяродки ключъ знайшли! Успомнивъ тогды архирей, що ето той самый ключъ, що ёнъ замкнувъ Андрея Крицкаго. Пошовъ ёнъ отчинивъ колодязь—а святый Андрей уже стоить навярху, и чуть звенить голосомъ, якъ пчела: помилуй мя, Божа, помилуй мя! Тогды архирей узявъ яго за руку, и ввёвъ у цэркву. И стали просить одинъ у одного выспо вѣдатца, и обоя померли, и стали святыми.

Затымъ и канонъ Андрею пяетца ноччи и съ поклонами, и ўсё пяють: помилуй мя, Божа, помилуй мя! *Попов. в. гом. у.*

Ср. III вып. Юда-разбойникъ. Сообщ. кр. Ткаченко.

16. Микола, Ягорій и мужикъ.

Живъ сабѣ мужучокъ одзинокій, стыряцелный человѣкъ. Пошовъ ёнъ у лядо и начавъ биць. Ишовъ Микола и Ягорій пы дорози, мижда собою разговарююць. Ягорій говориць Миколи: «во што, Микола!»—Ну, сказывайця, Ягорій!—«Сходзимъ-ка мы къ етуму мужуку: хто ў насъ, миж-да двоихъ, красивѣй?» Микола говориць яму: «Ягорій, не надо намъ распрашиваць у яго, хто ў насъ красивѣй!»—Нѣ, братъ, сходзимъ!—«Атъ, што ты, братъ, говоришъ: ны цябе што скажи, то, Ягорій, ты тоды, угнѣваесься!» Ягорій отвѣщаець: «нѣ-ѣ! пойдземъ, Микола!»—Ходзи сабѣ! Пошли. Приходзюць къ мужуку. «Богъ-помочь, человѣча!»—Спасибо! —«Ну што, добрый человѣкъ: ходзи зъ нами пысядзи, пыгомоній!»—Братцы! радъ бы я зъ вами пыгомониць, ды мнѣ нѣкыли: одзинокій я человѣкъ, пымогаць мнѣ нѣкыму. Семеро ў мяне, говориць, зъ лджкую,

а я одзинъ исъ сошкую!—«А ходзи, добрый человѣкъ, пысядзи, пыгомони!» Приходзиць етый человѣкъ. «Ну што, добрый человѣкъ: будземъ у цябе распрашавацъ: хто ў насъ, мижда двоихъ, красивѣй?»—Братцы, вы обáи ровныя, и красивыя и пригожія!—«Нѣ, неправду ты намъ говоришъ! а скажи, хто мижда нáсъ красивѣй?»—Нѣ, братцы; обáи хороши, усё рòвно якъ браты одного отца—мацери!—«Нѣ, скажи, добрый человѣкъ, хто ў насъ красивѣй?»—Ну, хочетца вамъ, братцы, сказаць: вы обáи на лицо хороши, тольки у етаго вотъ носъ курносъ!—на Ягорія. Ну, Ягорій угнѣвався, и пошли яны пы дорози. И Микола Ягорью говòрицъ: «ци я табѣ не казавъ, Ягорій, што ты угнѣваесься!»—Ну, говорицъ, ничòго: нехай работыецъ, я ў жито ядра не ўкладу. Больше ня будзецъ вымолачувацъ—съ овину три мѣрки!

Узьбивъ етый мужучокъ лядо, посѣивъ жито. Якъ зыродзило тое жито, што лучче не надо быцъ. Али соломыю хорошо, а зѐрнятъ нема. Приходзицъ Миколай къ яму у домъ: «ну што, мужучокъ: не скучай, не клопоци! Нá-ка табѣ рубъ грòшей, и пи горѣлку и пѣй пѣсьни!» Начавъ етый мужикъ горѣлку пицъ и пѣсьни пѣцъ. Говорюцъ сусѣдзи ближающія: «пѣй, пѣй, пѣсьни! ды ще съ чимъ ты будзешъ зимувацъ: што ў жици ў твоёмъ нема ничого? Одна солома тольки!» Ну, приходзицъ уремя жито жацъ. Пожавъ. Приходзицъ Микола къ ямỳ и говòрицъ: «вотъ што, мужучокъ, што я табѣ скажу: ты Ягорья угнявивъ, дыкъ Ягорій сказавъ, што съ овина будзешъ вымолачувацъ тольки три мѣрки. А ты, мужучокъ, садзи на 'винъ по дзевяцъ сноповъ, будзешъ' брацъ по три мѣрки!» Начавъ етый мужучокъ молоцицъ: по дзезяцъ сноповъ на 'винъ саджацъ, и по три мѣрки брацъ. Нымолоцивъ мужикъ жита, што й дзѣвацъ нейдзи.

Приходзицъ Миколай къ Ягорью: «Ягорій, ци знаеця вы што?»—Скажиця!—«А вотъ што я вамъ скажу: той жа мужикъ по дзевяцъ сноповъ саджавъ на 'винъ, а по три мѣрки бравъ!»—Ну, хорошо! Я нашлю на яго хлѣбъ чарвей!... Якъ начали етыя черви разнашавацъ хлѣбъ съ кляцей! Етый мужучокъ ставъ силно плакыцъ. Прихозицъ къ ямỳ у домъ Миколай: «што, мужучокъ,—не плачь: идзи у цэркву, купи свѣчакъ; мнѣ-за копѣйку, и поставъ и скриви; а Ягорью зу рубля свѣчу купи, и пыстанови передъ Ягорьемъ, и стыновись на колѣнкыхъ, и ўклыняйся слезно, и проси Бога!» Пошовъ мужикъ у цэркву и купивъ свѣчку Миколаю зы копѣйку, и пыставивъ и скрививъ. Тоды купивъ свѣчу зу рубля и пыстановивъ передъ Ягорьемъ, а самъ стыновився на колѣнкыхъ серядзѝ церквы, и ставъ силно плакыцъ, и сыщапивъ руки, и начáвъ кланятца и просицъ Бога и Ягорья и Микилая: Госпыдзи, не воставъ мяне, рабỳ твоѐ! сыгряшивъ Госпыдзи передъ тобою, и зьмилуйся надо мною! Микилай говòрицъ: «Ягорій, перестаньця вы гнѣватца! Вотъ, вамъ свѣчу ку-

пивъ зу рубля, а мнѣ зы копѣйку, и тыѐ скрививъ; а я и то ня гнѣвуюся!»—Ну, говорицъ: заўтра морозчикъ будзець, и пыморожу я чарвей!... Ну, давъ Господзь морозчикъ, и пыморозивъ чарвей. Тэй хозяинъ якъ живъ, такъ и живѐць.

Забѣлыш. в. клим. у.

17. Богъ, Микола, богачъ и бѣднякъ.

Ишовъ Господзь съ апостоломъ зь Миколаемъ. И приходзили—богачъ сѣя пашаницу. Яны остановилися и говорюць: Божа поможи табѣ сѣяць пашаницу! А ёнъ говоря: благодаримъ покорно! Богъ говоря: коли Богъ дасць, говоря,—тутъ зародзя пашаница! Богачъ говоря: я й бязъ Бога знаю: што наклавъ я гною, то возьму и пашаницы! Богъ тожъ отвѣщая ямѝ: ето, говоря, ня звѣстно: што Богъ дасць! И положомшы ня вòзьмешъ! Богачъ тожъ отвѣщая: ну, вы ще боли разговарюйця! Ступайця туды, куды вамъ треба! Яны и пошли.

Паша бѣдный. Яны спрашуюць: на вò што ты орэшъ?» Ёнъ отвѣщая имъ: «на грячиху!»—Нѣ, говоря! тутъ ба зародзила й пашаница!—«Да нѣ, говоря: тутъ и вѣкъ гною ня було, тутъ и пашаницы ня будзя! Да ящѐ яѐ ў мяне й нема, да нейдзи мнѣ яѐ ўзяць!»—А йдзи, говорицъ, позычъ у богача; богачъ табѣ кумъ, ёнъ вызволя табѣ хоць одну мѣрочку. И засѣй усю ету полоску!—«На ету жъ полоску мѣръ дзесяць треба!» Господзь говоря: «будзя и одной сь цябе! Покидай а йдзѣ зярно, а йдзѣ и соўсимъ ня було!» Ёнъ послухавъ, етый старикъ, и пошовъ къ куму къ богачу, и выпросивъ-тыки мѣрочку пашаницы. И посѣявъ ету пашаницу по ральлю, и заскородзивъ яѐ трохи: дзѣ була борона, а йдзѣ й ня була.

Начала ета пашаница усходзиць-усходомъ хороша. Богачъ часто проходзивъ, своѐ пашаницы смотрѣвъ—ну яго нема: и земля чорна. А у кума у яго у бѣднаго росьцѐ пашаница, якъ настоящій лѣсъ. Ёнъ ето удзивляетца: «за што ина родзя на такомъ поли такая пашаница? Да надо яѐ откупиць у яго!» А кумъ не продаѐ. А Господзь говоря зь Миколаемъ: «утъ-эта пашаница хороша зародзила!» Ну Миколай Богу говоря: «благодаць, говоря Господня!»—Ну, я, говоря, давъ, я и ʻтбяру: накину сонца и попалю някòтой, и посохня, и на зямлю ляжа! Миколай кинувся до бѣднаго и говоря: продай пашаницу куму! Ёнъ у цябе прося, добиваетца—ну, й продай ямѝ! Ёнъ узявъ и продавъ. Богачъ купивъ и любопыствуя етой пашаницай: ну, хоць дорого заплацивъ, да пашаницу сабѣ купивъ! Чэразъ три дни погорѣла пашаница и на зѐмлю лягла. Бо-

гачу ето невозносно стало: ну, говоря: купивъ, а Богъ попаливъ, отдай, кумъ, хоць половину, што я табѣ заплацивъ!

А Миколай говоря Богу: Господзи, ето жъ богачова пашаница,—ёнъ откупивъ!—Ну, чэразъ три дни ета пашаница ящэ луччы станя, чымся тогды була! Микола кинувся опяць до бѣднаго: отдавай, говоря, половину грошай, а пашаницу бяри къ сабѣ! Ёнъ узявъ и отдавъ. То пашаница ета чэразъ три дни ящэ луччы узросла.

Увознавъ Богъ и говоря Миколаю: ну, нехай: ёнъ пашаницу ету пожнé, и ў гумно ўвязé, и будзя садзиць на 'винъ хоць дзесяць копъ, дыкъ одна мѣрка будзя! Миколай оявляетца зновъ къ бѣдному: пашаницу пожнёшъ и ў гумно увязёшъ, и будзяшъ молоциць,—тольки не садзи на 'винъ много, а по 'дному снопу: хоць уссодзишъ одзинъ снопъ, дыкъ одна мѣрка, хоць дзесяць копъ, дыкъ ўсё будзя одна мѣрка! Ну, ёнъ такъ и молоцивъ. И ўсю пашаницу перемолоцивъ по 'дному сному. И насыпавъ сабѣ уси й пуни и 'пбары одной пашаницай. А ў того такъ пустое пóля и остáлось.

Самотейв. в. черик. у. Кр. Ѳома Григорьевъ.

18. Каня (ястребъ) и сорока.

Разъ Богъ сказавъ усимъ птушкамъ чисциць мòра. Ну, яны ўси стали чисциць и вычисцили. Тольки сорока ня чисцила. Тоды, якъ вычисцили мòра, каня узяла ды й обмылася. А сорока убачила гэто, ды обдзѣлалася у гразь, ды й поляцѣла къ Богу. «Божа, Божа! я чисцила мóра, вò я ўся ў грази, обдзѣлалася; а каня ня чисцила мора,—во ина якая чисценькая уся!» Тоды Богъ кажець на каню: «ну, коли жъ ты ня чисцила мора, дыкъ ты и ня пи воды зъ мора, а пи тольки воду съ каменя ды зъ листу!»

Дыкъ вотъ ина цяперъ, якъ довго нема дождка, лётаець и кричиць: пиць! пиць! Просиць у Бога пиць.

А после Богъ гэто дзѣло разобравъ, што сорока яму солгала. Дыкъ ина якъ была бѣлая, дыкъ стала рабая: тыя плямы на ёй остались, и цяперъ ёсь, што ина у гразь обдзѣлалась. Ина дужа хитрая птушка.

Сѣнн. у.

19. Зязюля, соловей и лягушка.

Бывъ бацька зъ жонкой, и бывъ у ихъ сынъ и дочка. Ну, дыкъ вѣдзьма закляла яго: ёнъ скинувся зъмѣемъ и пошовъ у лѣсъ. Яго звали

Якубъ. А жонка стала у яго проситца къ братόмъ сходзиць зь дзяцьми. Ёнъ каець: идзи сабѣ, а тольки дзѣ жъ мнѣ тоды сочиць цябе?—А я, каець, увыйду ў лѣсъ и закукую,—ты й приходзи туды!—Добро, каець. Тольки жъ ты глядзи: не кажи тамъ никому, дзѣ ты живешъ, за кимъ, хто я ёсь!

Ну, пошла ина къ братомъ; тыя стали ёй дужо рады, стали чуступацъ яе. И стали пытатца: «идзѣ жъ ты, сястрица, замужамъ? за кимъ ты? хто ёнъ такéй?» Ина возьми, дура—баба, ды й скажи. А дочка ще прибавила. Тольки сынъ мувчавъ, ничого не казавъ. Тоды браты тэя ўчуступали ихъ ладно. «Ну, каець, пойдземъ мы васъ проводжаць!» Пришли зь ёю ў лѣсъ. Ина закукувала; ёнъ и приповзъ. Тоды браты тэя ўзяли ды й забили яго. Ёнъ перадъ смерцю и кажець на яé: «будзешъ жа ты увесь вѣкъ свой кукуваць!» А на дочку: «а ты будзешъ ёй подмогаць!» А на сына: «а ты якъ мувчавъ, такъ и будзешъ мувчаць!» Ну, дыкъ ина скинулась зязюлюю, а дочка лягушкую, а сынъ соловъёмъ. Дыкъ яны й цяперъ: ина усё гукаець мужука: Якубъ! Якубъ! (куку) А дочка ёй подмогаець: нема! нема! (ква). А соловей усё мовчиць, тольки ноччи пяець.

Могилевск. у. Вѣроятно остатокъ миѳа.

20. Зязюля, соколъ и люгашка.

Живъ сабѣ одзинъ чаловѣкъ богатый, Якубомъ звали. И была у яго жонка, и дочкà, и сынокъ. И домъ у яго бывъ на помосьци. Вотъ, пришли къ яму разбойники, ноччи, обкрадàць яго, бы ёнъ бывъ дужо богатый. Пришли разбойники,—ёнъ тоды подъ помостъ схувався. А ина выскочила ды на дзяревню ўцекла. Засталися тольки дзѣци, дочкà й сынъ. Разбойники тоды подыйшли къ сынку и давай у яго пытатца: «дзѣ твой бацька?» Ёнъ мовчиць. «Дзѣ бацька?» Мовчиць. Ну, яны набили яго и пошли къ дочцѣ. «Дзѣ бацька?»—А подъ помостомъ ляжиць!.. Яны помостъ разобрали, а ёнъ тамъ сядзиць. Ну, яны яго вынили и забили, а грошы пубрали.

Тоды пришла матка зь дзяревни ды й кажець на сына: «сынокъ, мой голубокъ! поляцимъ мы съ тобою у борокъ; а ина нехай увесь свой вѣкъ скваретца, якъ ета кровъ засквєрлася (запеклася) на помосьци!» И здзѣлалася ина шѣрой зязюлей, а сынъ яснымъ соколомъ, и поляцѣли ў лѣсъ; а йна сьскинулась люгашкой, и поскакала ў болото. Дыкъ матка стала кукуваць: ку-ку! ку-ку! значитца, зовець Якуба, жалобу по имъ носиць (трауръ); а соколъ усё мовчиць; а люгашка скварéтца. (Ля-

гушки сѣнн. у. не квакаютъ, только хрипятъ—скверещутся). Дыкъ во и цяперь: покуль зязюля не закукуецъ, люгашка ня будзецъ скверчацъ.

Сѣнн. у.

21. Чаго у рака вочи отзаду.

Гэто Богъ пораздававъ вочи ўсимъ. Дыкъ вотъ ёнъ дававъ, дававъ, уси пораздавъ,—осталися только одны вочи, маленькія, чорныя. Тоды Богъ кажецъ на рака: нà табѣ ихъ, ракъ! А ракъ усердзився: «да! куды мнѣ ихъ такся? у задъ уторнуць!» Дыкъ Богъ яму и здзѣлавъ вочи отзаду. Ёнъ и цяперь ихъ тамъ носиць.

Рясн. в. сѣнн. у. Отъ кр. Аникіевича.

22. Откуда коза.

Богъ ўсё составивъ: овецъ и коровъ, и коній и людзей. Усё, усё чисто, што здзѣлаецъ, дыкъ божжія усё живое. А чортъ здзѣлавъ козу, ды не живую, бязъ духу, духу не ўпусьцивъ. Дыкъ ёнъ яé поставиць, ина стоиць, ня йдзѐць; попхнéць—ина повалитца. Богъ глядзѣвъ—глядзѣвъ, ды подыйшовъ ды дунувъ—и стала коза живая, и пошла коза. А на чорта и цяперъ походжа: и роги чарциныя, и борода, и вочи шклянэя.

Сѣнн. у. Ср. стр. 2.

23. Откуда медвѣдь.

Мядзьвѣдзь бывъ чаловѣкъ, якъ ящо Богъ ходзивъ по зямли. Ходзивъ тамъ Богъ гэдыкъ старенькимъ старичкомъ, старцòмъ. Вотъ другей старецъ увидзивъ яго ды думаецъ: «дай-ка я яго спужаю, кабъ ёнъ не ходзивъ тутъ по моёй окрузи!» Ды ўзявъ ды подъ мостъ и подлѣзъ. На тэй дорози мостъ бывъ. Только Богъ на мостъ, а старецъ: э—гэ! и заровъ,—пужацъ ставъ. А Богъ кажецъ: «будзешъ жа ты ровцѝ увесь свой вѣкъ!» Такъ тэй старецъ и ставъ мядзьвѣдземъ, только ступни чаловѣччія.

Сѣнн. у. Ср. № 17.

24. Откуда собака.

Собака бывъ чаловѣкъ; у рай бывъ сторожòмъ,—сперва, щé отъ Адама. Али нѣшто ўкравъ, проштрапився, да й збрахавъ. Тоды Богъ кажецъ: ну, будзь жа ты собакомъ! Дыкъ ёнъ и ставъ собакомъ. И цяперъ двора сцеражѐць и брешецъ. Вò й собака.

Сѣнн. у.

25. Откуда вовки.

Гэто було такъ. Засталиси дробныя сироты отъ бацьки, отъ матки. Нéкуму було кормиць ихъ, а ни доглидаць; нейдзи було имъ подзѣтца. Тоды Богъ жжалився надъ ими, и здзѣлавъ вовковъ. А ўпéрадзи скотъ бывъ безъ пастуховъ, самопасомъ ходзивъ. Ну, вовки якъ стали скотъ ѣсьци, шкоду дзѣлаць, людзи и давай наймаць пастуховъ. И гэтыхъ сиротъ наняли. Стали яны и сыты и одзѣты. А вовки такъ и пошли отгэтуль.

Тамъ же.

26. Пчела, голубь.

Пчала сярдзитая. Ина дозволялася у Бога, што кабъ кого ина укусиць, кабъ той умиравъ. Ну, а Богъ кажецъ: «нѣ, гэдыкъ ты мнѣ много народу попорцишъ! А лѣпи ты, якъ укусишъ, дыкъ и помри!» Дыкъ вотъ ина, якъ укусиць кого, дыкъ кишки вонъ, и помрéць.

На яе ня можно казаць, якъ на скоцину,—здохла, а треба казаць: умéрла. Бы ў яѐ и ў голуба, и ў чаловѣка одзинъ духъ. А на чаловѣка жъ не кажуць—здохъ, а помёръ, дыкъ и на ихъ такъ треба казаць. А ў голуба ды ящо хрисціяньская кровъ.

Тамъ же.

27. Паукъ, хлѣбныя крошки.

Мущина работувъ на поли, ды выронивъ крошку хлѣба. А павуку вызначено отъ Бога глядзѣць за хлѣбомъ. Дыкъ ёнъ узявъ гэту крошку хлѣба, ды на дзераво зь ёю. Тоды, якъ ставъ вѣцеръ, ёнъ и пусьцивъ свою павучину. Вѣцеръ якъ понёсъ яе, и яго зь ёй, якъ понёсъ,—до вóболокъ ажны. Крошка гэта подросла ужо и заплѣсневѣла. Тоды ёнъ сѣвъ на воболоко, ды на небо. Пришовъ къ Богу, покáзыецъ яму гэту крошку: «Божа, Божа! на што ты даешъ имъ стольки хлѣба, што яны ня можуць поѣсьци? Глумютца зъ дара Господняго, валяюць подъ ногами, усюдыхъ!»—Ну, каецъ Богъ: я буду имъ мéни даваць! Дыкъ вотъ, якъ яси, не надо крошакъ кидаць, бы павукъ собираецъ и къ Богу на небо носиць. А Богъ мѣни хлѣба даéць.

Тамъ же.

28. Жито.

Жито упярóдъ родзилося дужа хорошо; колосъ бывъ до самаго кореня.

Ну, дыкъ одна баба жала яго, ды ляпилася жацъ—не хоцѣла гбатца до зямли. Дыкъ ина давай клясьци яго: «што гэто Богъ здзѣлавъ, што ёнъ родзивъ гэтакое? Цорванйна—жацъ яго! Кабъ яно не родзилося боли гэтакое!» А Богъ ишовъ, ды й почувъ гэто. Дыкъ ёнъ узявъ за соломку знизу ды сосморгнувъ разъ колосà. «А што, каецъ: ци дòсицъ?»—Нѣ, дàли, дáли, ящо сосморгни! Ёнъ другѣй разъ сосморгнувъ. «Ци досицъ?» —Нѣ, дали ящо, дали! Ёнъ третьцій разъ сосморгнувъ. А ина усё каецъ: «дали, дали, гони ящо! якъ яго гэтакое жацъ!» Ну, Богъ тоды усердзився, и хоцѣвъ сморганупъ увесь колосъ. Али собаки забрахали, коты закурнявкыли: «Господзи, покинь жа намъ чимъ душỳ пропитацъ!» Дыкъ ёнъ и покинувъ колосà тольки на ихъ долю.

Дыкъ вотъ и мы цяперъ живёмъ съ собацкой ды съ кошéччай доли, спразъ тую бабу.

А што Богъ смóргавъ, тамъ и цяперъ ящо ёсь суколѣнки на соломини.

Рясн. в. сѣнн. у. Отъ кр-ки Катерины Осиповой.

29. Отчего перестали расти камни.

Цяперака камни не растуцъ ужо, а до Суса Христа яны ящо росли, отъ самаго отъ Адама. А перастали яны рэсцъ вò зачимъ: Ишовъ разъ Господзъ по дорози, а камни лежацъ. Дыкъ Господзъ нѣякъ ударивъ палецъ на нозѣ объ камень, ды дужа больно. Ну, дыкъ ёнъ и заклявъ ихъ: «кабъ жа вы больше не росли до вѣку!»

Сѣнно. Отъ мѣщ. Ляховича. Ср. библ. сказ. о смоковницѣ.

30. Змяёвъ камень.

Помижъ Ковткова, помижъ Гоголевки, и отъ Вирковъ (деревни) недалёко, ёсь при стародорожжи, на Игрỳ, «Змяёвъ камень», зъ вокномъ и зъ дверами.

Старики казали, што колись-то давно у гэнымъ каменя змѣй живъ, съ одной головой, у вобличчи чаловѣччу, и говоривъ такъ, якъ чаловѣкъ. И ёнъ большій кравецъ бывъ, большій дужа, хорошій. И занясуцъ яму сукно шицъ, и подадуцъ яму празъ вокно, и попросюцъ: «майстрокъ, пошій абы надзѣцъ, хоцъ ба дренно!» Дыкъ ёнъ вышіецъ, што й на свѣци такъ дòбро нихто не пошіецъ, якъ ёнъ. Прйдзецъ за сѣрмягой за той и принясецъ яму гроши. Ёнъ гэну сѣрмяжку яму отдасъ, а гроши гэны вòзьмецъ къ сабѣ,—абы-кольки тамъ, хоцъ и троху. Ну якъ хто скажецъ: «майстрокъ, пошій мнѣ хорошенько, кабъ було у цэркву ў чимъ сходзицъ!» дыкъ ёнъ одзинъ рукавъ надъ задомъ пришъёцъ, а другій у пле-

чахъ. Гэнакъ и вышъець. Не проси яго, кабъ у цэркву сходзиць. Якъ прбсиць—коло соxи ходзиць, дыкъ вышіець, такъ отчаканиць, што хоць куды. А якъ прбсиць—на святый дзень, дыкъ здзѣлаець такъ, што ни сабѣ, ни людзёмъ. Прйдзець ёнъ брацъ—гроши подай! Вбзьмець гроши, тогды празъ вокно выкинець—получай твоё!

Дыкъ вотъ ёнъ у Бузеръи (дер. Обозерье), подъ Лукомлемъ, любивъ дзѣвку. Дыкъ яна отъ яго ховалася, хоронилася, али ёнъ яе усюдыхъ находзивъ. Ну й къ тому привёвъ, што мусила яна жиць изь имъ. И довго такъ жили,—якъ мужикъ зъ жонкой. А дзяцей ня було; отъ *ихъ* ня бываець. Дыкъ ёнъ бывало обѐрнетца такъ, дугой, надъ возяромъ надъ Лукомскимъ, ды такъ и цягнець. А якъ тольки на зямлю опуъситца, дыкъ и здзѣлаетца у чаловѣчча обличча,—паничъ такій, што хоць куды.

Ну, дыкъ вотъ разъ, у нядзѣлю, была яна, дзѣвка, пасьцила свиньни на пбли. И ёнъ приляцѣвъ икъ ёй на поля. И ўзявъ, ёй свиньней собравъ укучу, и сказавъ: «пойщи *менѣ* вбшай. А тольки полядай, кабъ откуль хмара не нацягнула!» Ёнъ лёгъ и заснувъ. Яна ў яго ищець. А хмара нахбдзиць зъ западьняго боку—дзѣ сонца захбдзиць. И яна яго не побудзила наўмысли: «што? покуль ты мнѣ будзешъ докучаць?» И дотуль не будзила, покуль громъ загремѣвъ надъ головой. Якъ загудзѣвъ громъ, тáкъ ёнъ и очхнувся. Очхнувсь и говбриць: «вотъ жа коли ты мяне зжила съ свѣту!» Ускочивъ ёнъ, такъ и ляснувъ ёй по щацѣ по лѣвой, съ праваго боку—такъ и высмоливъ на щацѣ пяць пáлцовъ, и почарнѣли. И на ўсю жисць такъ остались палцы знашно, и померла съ тыми палцами. А самъ выцягнувся дугой и поляцѣвъ теразъ возяро, помижъ Огурца и помижъ Симоновичъ—дзеравушки,—прямо ударився, нацяньки, съ тыѐ дзяревни да къ своёй хаци. Тàкъ яго пярунъ и дзёрнувъ на возяри! Дзёрнувъ, а ёнъ ляциць. Ёнъ другій разъ,—дыкъ ёнъ упавъ на возяри. Али усхвацився узнова и поляцѣвъ. Старикъ бывъ у Бузеръи, дыкъ ёнъ злучився на гэно дзиво и ўсё гэно видзивъ. Ну, дыкъ *ёнъ* пераляцѣвъ теразъ возярб, а пярунъ у третьцій ударивъ, у лясу ўже, соўсимъ зъ берагу, съ поля, зляцѣвши. И ўбивъ яго!

И троя сутокъ дожжъ ишовъ посли того, покуль яго найшли. Старикъ тэй показавъ: «щукайця, каець, тамъ и тамъ: на ваша пбля поляцѣвъ!» Ёнъ такъ, якъ дуга ци вужака, ляциць; знашно, што змѣй. Ну, найшли и закопали яго. Тàкъ дожжъ и поцихъ. Але теразъ сутки опяць ёнъ на вѐрси. Такъ узнова дожжъ и пошовъ. И грамбты большія: пярунъ уцѣшаетца, пярѐць у яго у няживого,—кабъ ня 'тживъ. Ховали яго гэныкъ разовъ съ три, ци съ чатыре. Дыкъ усё на вѐрси. И якъ выйдзець, такъ сажневъ на кольки и цягнець ўсё у тэй бокъ, дзѣ яго хата, усё поцягуець дáляй. Старики кажуць, што кабъ погода постояла,

дыкъ ёнъ отживъ ба. Ну, а Богъ милосьливый такъ дававъ, што сычасъ нацягнець хмара, и грамоты, и дожжы дужа пойдуць, и пяруны палюць у яго. И дужа была вода вяликая: чуць зямлю не оттопило. Ну, дыкъ приснилось тогды тому старому Бузерському, што собраць малыхъ дзяцей—незна́токъ, и жарабятокъ гэныхъ сяголѣтьнихъ, и возиць зе́млю уво 'топкахъ, и ў принолахъ, а жарабочкамъ торбочку насыпаць, да на шію. Стали такъ носиць, стали носиць, дыкъ и засыпали, и пропавъ, и на вѣки вякомъ аминъ.

И кургонъ цяперъ тамъ, помижъ Симоновичъ дзяревни, и помижъ засцѣнку, у лясу. Дзѣвку тую ще дзѣдъ мой—помёръ, якъ я маленькій бывъ—казавъ, што видзивъ.

С. Лисичино, сѣнн. у.

На преданіе это мы смотримъ, можетъ быть и ошибочно, какъ на зародышъ миѳической сказки. Интересно знать мнѣніе объ этомъ произведеніи, записанномъ лично нами, нашихъ фольклористовъ, отрицающихъ возможность самозарожденія сказокъ у русскаго народа.

31. Камень-кравецъ.

У Воронини (дер. сѣнн. у.), коло Сякирина (дер.), ёсь камень коло ракй, надъ виромъ. Тамъ, говоруць, бувало, шивъ нѣхто. Вѣрно, чортъ, хто жъ тамъ боли? Вотъ, принязи сукно, ци што сабѣ другое, ды положъ на камени, гроши положъ—пятакъ отъ штуки—ня треба ни мѣраць, ничого,—чаразъ ночь будзець готово. Ну, и шивъ ёнъ гэдыкъ довго. Али разъ одна баба принесла сукно, положила на камень, ды кажець: пошій мнѣ ни тое, ни гэто! Ёнъ узявъ и пошивъ ёй ни тое, ни гэто: одзинъ рукавъ у плячо ўшивъ, а другій отзаду. И бросивъ шиць съ того; и цяперъ ня шіець. Дыкъ и цяперъ ящо ёсь логовища, што ёнъ сядзѣвъ, и кажуць, знашны были ножни, и ўсё кравецкое, струмэнтъ; али цяперъ мохомъ ёнъ поросъ, дыкъ тольки одно логовища знашно.

Рясн. в. сѣнн. у. Ср. № 13.

Близъ д. Камня, каменецкой вол., и с. Загорья, шумихинской в. себежскаго у. витебской губ. имѣются камни,—Пѣстунъ и Бабка, боготворимые окрестными жителями. На сколько мнѣ извѣстно изъ сообщеній каменецкаго вол. правленія и священника Никифоровскаго, камнямъ этимъ и въ настоящее время приносятся жертвы, въ видѣ кусковъ хлѣба, мелкихъ монетъ, кусковъ холста, ягодъ, лентъ и т. п. Въ видахъ приданія этому камнепоклоненію чертъ христіанскаго культа, при одномъ изъ камней поставленъ недавно образъ. Обстоятельныхъ записей преданій о нихъ мы, пока, не имѣемъ; сообщимъ только, что оба камня, по преданію, суть окаменѣлые люди,—въ первомъ пунктѣ дѣвица, во второмъ женщина съ двоими дѣтьми (подлѣ большого камня лежатъ и два меньшіе).

Обѣ онѣ окаменѣли согласно собственнымъ молитвамъ, преслѣдуемыя разбойниками, или Литвою, и не надѣясь на спасеніе. Каменныхъ бабъ, какъ извѣстно, въ нашихъ широтахъ пока не находится. По словамъ лицъ видѣвшихъ эти камни, они вообще мало имѣютъ сходства съ человѣческою фигурой.

32. Синій колодяжъ.

Давно колись ето було, ще спрадвѣку. Жили ли Пропоську два богатыри—Сцепанъ и Марка, и богатырка Кацярина. И богатыри етыя удвохъ залицалися передъ ёй. Дыкъ Сцепанъ бывъ слабѣйшій, ды ёй любый, а Марка силнѣйшій, ды нялюбый. Ну, й дойшло дзѣло до того, што за котораго, за котораго ды треба замужъ ици,—сватаютца дужа. Што ёй робиць; пойду, думаець, за Сцепана—Марка яго убъёць; пойци за Марку—Сцепана жалко. Думала, думала, и придумала. «Ну, говòриць: дамъ я вамъ по камню; хто дальше свой камянь шибнець, за того замужъ пойду!» Дыкъ любому яна дала меньшій камянь, съ столъ, а нялюбому бòльшій—зъ мужицкую печку. Ну, и стали кидаць черезъ Сожъ, зъ городца вò съ Пропоськаго. Дыкъ яны якъ размахнулись, дыкъ кинули ажны за дзевяць вёрстъ. Ну, пошли глядзѣць, чій дальше, бачиць яна—ажъ любаго камянь ляжиць. Стала тогды богатырка на етый камянь—ажъ сляды выциснула, ще й цяперь знашны—стала глядзѣць, ажъ нялюбаго камень дальше сажнявъ на пяцьдзесятъ. И на тымъ камни видны пальцы руки богатырськія. Отъ яна тогды и говоря: «чимся мнѣ доставатца нялюбому, дыкъ пойду лучче водой служиць!» Якъ брязнулась съ камня, разлилась водой и почала ныряць: ямы, ямы усюды тамъ. А выскочила съ подъ зямли уже вёрстъ за пяць отъ Пропоську, сюды, ближе къ Сожу. Дыкъ вода бъёць у ростъ чаловѣка, и вода синя. Такъ и зоветца «Синій колодзяжъ.» И кольки тамъ народу бывая—Божа, Божа!

А якъ яго увознали, етый Синій колодзяжъ, дыкъ ето во якъ. Бывъ такъ лясникъ Шѣпитъ. Ёнъ кажанъ разъ обходзивъ своé дзесяцины. Вотъ разъ идзе ёнъ, чуя—шумота, за двѣ вярсты чутно. «Што за штука? думая. Каждый разъ ходжу—ничого ня було, а тутъ шумъ. Дай поляджу!» Пошовъ ёнъ туды,—ажны бъёць вода синяя, синяя, съ подъ зямли, и ў ростъ чаловѣка. И стоиць ли колодзежа жанщѝна, косы распусцивши, и чéшатца. Шепитъ спужався. Али думаець: «а, што будзець—ня будзець, пойдутка я яé зачураю!» Подыходзя къ ёй, ды нѣякъ не посцярёгся—пруцикъ хруснувъ подъ лàпцямъ. Дыкъ яна зиръ! «А, Шепитъ: хоцѣвъ зачураць мяне! Будзець жа у твой родъ потопа!» Ды сама ў колòдзяжъ. Дыкъ на третьцій дзень у яго дочка, девятнатцаць годовъ, утонула ў Сожи. Во!

М. Пропойскъ. Отъ Сем. Алексѣева, 72 л.

И на это преданіе мы смотримъ, какъ на преданіе о Змѣевомъ камнѣ. Если ему не удалось сформироваться въ миѳическую сказку, то вѣроятно только вслѣдствіе необыкновенно быстраго культурнаго переживанія бѣлорусскаго народа.

Имя Катерины носитъ и находящаяся въ Пропойскѣ каменная баба, завезенная съ юга. Въ этомъ, можетъ быть, надо видѣть отраженіе посѣщенія Пропойска Екатериною II, въ 1787 г.

33. Бай.

(Гуторка) [1].

Давно нѣколи живъ князь Бай, у Краснопольли, недалёко отъ того мѣста, дзѣ стоиць цяперъ Дрисса. Дриссы гэной тоды ще ня было. Съ того ўремя остались тольки концы—Ставры и Гавры, и дзѣвки и цяперъ туды бѣгаюць пѣсни піяць! (Отн. къ 1829 г.).

Ставра и Гавра—гэно были собаки Бая. Яны брали и вовка шѣраго, и мядзьвѣдзя косолапаго, и лося рогатаго и вепрà зубатаго. И князь изь ими гулявъ по густыхъ лѣсахъ, по цёмныхъ борахъ,—ѣздзивъ отъ княгини къ княгини. А княгинь у яго было пяць—шесь; и кажная сядзѣла у своёй пасѣцы. Ёнъ, якъ потхвациць идзѣ сабѣ княгиню, дыкъ построиць ёй пасѣку, дась паробковъ, служанокъ,—яна и живець тамъ, якъ у раю. Ну, ёнъ такъ къ имъ и ѣздзивъ, отъ одныé къ другéй.

И хорошая жись тоды ўсимъ была. Не было тоды ни справниковъ, ни становыхъ, ни пейсатыхъ жидовъ—рандарéй, ни пановъ у красныхъ чеботахъ, ни коно́мовъ, ни войтовъ. Вѣдали людзи тольки князя да дружину [2]).

Ну, дыкъ самою першою княгиней у Бая была *Вольга*,—дочка дружинника князецкаго. Узявъ ёнъ яé отъ бацьки умѣсьци съ Ставрою и Гаврою. Отъ яé родзився у яго сынъ Бойко, старшій за ўсихъ, да дзѣвки три ци чатыре.

Другая княгиня была *Рогнѣда* съ Полоцку. У гэной, што стукъ, дыкъ дзяцюкъ. И родзила яна яму шесь сыновъ и сёмую дзѣвку. Сыны яе во якёя: Варганъ, Заранка, Нырка, Обловухъ, Самища и Юрла.

---

1) Гуторка эта доставлена намъ редакторомъ Вит. Губ. Вѣд. В. С. Сафоновымъ, получившимъ ее изъ г. Енисейска, отъ г. Маркса, проживавшаго въ 20—40-хъ годахъ въ Витебскѣ, и записавшаго, будто бы, её отъ бѣлорусскаго гуторника Филиппа Смураго, въ 1829 году. Считая произведеніе это псевдонароднымъ, даемъ ему, въ извлеченіи, мѣсто въ Сборникѣ, какъ оригинальному опыту генеалогіи бѣлорусскихъ фамилій. Рукопись на русскомъ языкѣ; переложеніе на на бѣлорусскій, дриссенскаго уѣзда, сдѣлано нами.

2) Напоминаемъ свадебный ритуалъ.

Третьцяя княгиня была *Красуля*, изъ Смоленьска. Яна родзила Цюру и Мотуза.

Чацьвёртая была *Ода*, сь Кіева. Отъ яѐ родзились: Бажень, Дзявуля, Лапа и Таранчукъ.

Пятая княгиня была *Доня*, што ўпародъ была служанкой у Красули. Отъ яѐ родзились: Гадзюкъ, Жабка, Кавурка и Ревунъ.

А тоды якъ Вольга помёрла, Бай узявъ сабѣ шостую жонку—*Альду*, зь Литвы. Яна родзила яму: Хорощу и Чижа, и помёрла зъ родовъ. Съ сястрой яе—*Лилей*, Бай приживъ ще одного сына Пацюка, ужо дватцатаго.

И вотъ отъ гэныхъ самыхъ дзяцей Баевыхъ и разросся нашъ народъ, по ўсёй нашай зямлѣ.

У *Бойки*, Вольгинаго сына, бывъ Гацукъ, у Гацука Караська, у Караськи Трасила, у Трасилы Гусакъ и Пластунъ. Отъ Гусака пошли: Гущи, Плишки и Кисели. У Пластуна жъ бывъ Вовкъ, у Вовка—Колышка, у Колышки Сяврукъ, у Сяврука Люрка и Глинка. У Люрки бывъ Ворошило, у Ворошилы Повзикъ, у Повзика Сивоха, у Сивохи Кошка, у Кошки Симашка, у Симашки Омелька. А ў Глинки бывъ Гласка, у Гласки Хрыпка, у Хрыпки Петрища, у Петрищи Віюкъ. Усяго отъ Бойки пошло дватцаць чатыре роды, старшихъ.

У *Варгана*, Рогнѣдзинаго сына, бывъ сынъ Пѣстунъ, а у Пѣстуна Буракъ, у Бурака Рѣпка, у Рѣпки Лѣсовикъ, у Лѣсовика Въюнъ, у Въюна Скирла и Снитка. Скирла пошовъ къ волохамъ, а ў Снитки родзився Барсукъ, у Барсука Сопоцька, у Сопоцьки Липка, у Липки Грачиха, у Грачихи Бульба и Володзька. Бульба отыйшовъ за Кіевъ по Дняпру, а ў Володзьки родзився Быкъ, у Быка Бѣлоха, у Бѣлохи Пѣтухъ, у Пѣтуха Осинка, у Осинки Ступка.

Отъ *Заранки* пошли Таратутки. У одного Таратутки родзився Огрызка, у Огрызки Клопъ, у Клопа Гурка, у Гурки Лускина, у Лускины Полетуха, у Полетухи Выдра, у Выдры Кротъ, у Крота Сопелька, у Сопельки Зязюля, у Зязюли Блошка, у Блошки Блѣдуха и Бурачокъ. У Блѣдухи Свистунъ, у Свистуна Рабинка, у Рабинки Силивурка, у Силивурки Скрыпочка и Сучокъ. У Скрыпочки бывъ Шведъ, Цяцера, Толочка и Шмурла; а ў Сучка Чуйка, у Чуйки Висловухъ, у Висловуха Дудка, у Дудки Туптала и Крамзель. Туптала пошовъ къ Кіеву, а Крамзель мѣвъ сына Смоляка. У Бурачка, Блѣдухинаго брата, бывъ сынъ Шишка, а у Шишки Журка, у Журки Мякишъ, у Мякиша Обухъ, у Обуха Краска и Куликъ. У Краски бывъ Лещъ, у Леща Рыбка, у Рыбки Топорикъ, у Топорика Рында. Отъ Кулика жъ пошли Пущи и Курочки.

Отъ третьцяго сына Рогнѣдзинаго *Нырки* пошли Дроздзики, Сверкуны, Селезни, Прусы, Сосны и Гладыши.

Отъ чацьвёртаго *Обловуха* пошли Жулеи, Князьки, Корки, Крупени и Дульки.

У пятаго сына *Самищи* родзився Миска и Лось. Миска отыйшовъ за Мяжу (рѣка), у Москву, а ў Лося родзився Сѣрмяжка, у Сѣрмяжки Кулакъ.

У шастого сына *Юрлы* родзився Пестъ, у Песта Пискунъ, у Пискуна Праженъ, у Пражня Сумка и Сапунъ. Сумка отдзялився ў Москву, а отъ Сапуна пошли Смурые.

Отъ Красулинаго сына *Цюры* пошли Шкурки, Короваи и Сипки.

А отъ Одзинаго сына, отъ *Лапы* пошли Дубовики и Бычки.

Отъ перваго сына Дони *Гадзюка́* родзився Ласица; отъ другого *Жабки*—Мышка, а отъ Мышки Оношка, отъ Оношки Лисичка, отъ Лисички Комаръ, отъ Комара Куна. Отъ третьцяго сына Дони *Кавурки* родзились Викула и Вирла. Отъ чацьвёртаго *Ревуна* родзився Дзядуля, отъ Дзядули Родзянка, отъ Родзянки Калинка и Оборка. Калинка отыйшовъ къ Ляхамъ, а отъ Оборки пошли Торчилы.

Отъ Альдзинаго сына *Хорощи* пошли Рылы, Звяги, Сипайлы и Стрѣхи. Отъ другого *Чижа*—Жмурки. У водного Жмурки родзились: Вовчокъ, Рыкъ и Лучина. Рыкъ пошовъ по Двинѣ къ латышамъ, а Лучина зайшовъ яще дали—къ словенцамъ (?).

Лилинъ сынъ *Пацюкъ* мѣвъ сабѣ сына Сторожку, а Сторожка Хохлюка, Хохлюкъ Жука, Жукъ Войцѣха, Войцѣхъ Крыську, Крыська Косьцюка и Орлюка. Отъ Косьцюка пошли Пятки и Кулаги, а отъ Орлюка—Жабы и Рабки. Отъ Жабовъ вышли Кишки.

Усяго родовъ нашихъ сто шезьдзесятъ. Восемъ пошли шукаць щасьця у бѣломъ свѣци, по Двинѣ, за Дняпромъ ды за Мяжою, а тыя ўси и цяперъ живуць тутъ, пашуць и скородзюць зямельку.

Считаемъ не лишнимъ добавить, что упоминаемыя здѣсь фамиліи встрѣчаются и въ настоящее время во всѣхъ слояхъ бѣлорусскаго народа.

34. Объ Сожу и Няпрѣ.

Жили́ яны сабѣ утроихъ: два сыны̀ и бацька. Бацьку забывся чимъ зовуць (Двина?), бо́льшій жа братъ бывъ Сожъ, а меньшій Нѣпъ. И бацька сказавъ на Сожа: «приходзи заўтра, сынокъ,—я цябе богословлю ици ў пуць!» А гэтый Нѣпъ ды почувъ гэто. Дыкъ ёнъ узявъ, ды назаўтраго уставъ, ды косматую надзѣвъ рукавичину, ды й пошовъ къ бацьку. А ў Сожа ды была рука косматая. Ну, бацька бывъ невидзя̀щій, дыкъ ёнъ узявъ, рукавичину надзѣвъ, ды руку̀ подавъ бацьку: «ну, ка-

ецъ,—богослови мяне, татъ: пойду ў пуць!» Дыкъ бацька яго богословивъ,—каецъ: «идзи, сынокъ, по хорошихъ мѣстахъ,—лугами, городами!»

А Сожа у дворѣ ня було́. Назаўтраго приходзиць Сожъ ды кажецъ: «богослови мяне, тата!» А ёнъ каецъ: «я жъ цябе учора богословивъ!» А ёнъ каецъ: «нѣ! гэто не мяне; гэто, мусиць, ты Нѣпра богословивъ!»

Ну, дыкъ ёнъ яго богословивъ: «идзи жъ ты, каецъ, имхами, болотами; дыкъ можа пярейме́шъ яго, кабъ ёнъ у мо́ра ня ўцёкъ. Якъ пяре́йме́шъ, табѣ яго богословенство!» Ёнъ тоды пошовъ имхами, болотами, кабъ догнаць Нѣпра и пераняць. Ажны ёнъ ужо́ у мо́ра ўцёкъ.

Тоды, уцёкъ гэто ёнъ у мора, Нѣпъ, и не хоцѣвъ гэтому мору служиць; хоцѣвъ ниже пройци у другое мо́ра, куды-тамъ. А крукъ ляцѣвъ чаразъ мо́ра. Ёнъ говорыць круку: «крукъ, крукъ! буду выкидаць усё зъ мора, што ўтопитца у Няпрѣ, ци дзѣ дали, я ўсё буду выкидаць табѣ, тольки ты пилнуй, кабъ мнѣ у мора ня выскочиць, кабъ подыйсподомъ перайци у другое. А якъ тольки я перайду мора, ты крикни: тоды я пойду своёй дорогой!» Крукъ каецъ: до́бро! И поляцѣвъ за Нѣпромъ по мо́ру. А коршу́нъ откуль узьляцѣвъ, ды якъ начавъ драць крука, дыкъ крукъ гэтый и закричавъ. А Нѣпъ думувъ, што ёнъ перайшовъ ужо мо́ра. Дыкъ ёнъ и выскочивъ. Ажны посяродъ мо́ра.

Дыкъ вотъ Нѣпъ и пошовъ лугами ды городами, а Сожъ имхами ды болотами.

Рясн. вол. сѣнн. у. Отъ кр-ипна, жившаго долго въ Могилевѣ.

Легенда вызвана, очевидно, отсутствіемъ значительныхъ городовъ на Сожѣ и тѣмъ фактомъ, что при впаденіи Сожа въ Днѣпръ, первый, по мнѣнію присожскихъ бѣлоруссовъ, шире и многоводнѣе второго. Ср. великор. легенду.

35. Отчего Днѣпръ извилистъ.

Во тутъ, близко коло Ворши (городъ), подъ гэтый бокъ, подъ Шклова, вёрстъ дзесяць водою ѣдучи, ёсь лука проци дзяревни Горбачевичи. Дыкъ тутъ купався, давно нѣколи, у Няпру малецъ, сынъ вѣдзьмы чародзѣйницы,—купався ды й утопився. Ну, дыкъ ина хоцѣла, кабъ яго уништожиць, Нѣпра, кабъ ёнъ ня йшовъ никуды. Ну, дыкъ ина ўзяла, такъ здзѣлала, што заняла яму́ дорогу; чародзѣйствомъ такъ здзѣлала, што ёнъ ставъ. Ну, дыкъ ёнъ узявъ ды звярнувъ ёй. Ды й пошовъ своёй дорогой по городахъ.

А за Мугуле́вомъ, проци Слюдзиковъ, дзяревня ёсь, тожа вѣдзьминъ сынъ утопився. Дыкъ ина яго пераняла̀. А ёнъ звярнувся, ды пошовъ у другей бокъ.

Во зачимъ ёнъ такей кривэй. *Отъ того же.*

36. Зачимъ люди перестали знать объ свою смерть.

Упародъ людзи бувало вѣдали, коли ўмирать будуць. Разъ гэдыкъ познавъ чаловѣкъ, што скоро помрець. Вышовъ ёнъ на вулицу; коли полядзиць—ажъ яго згорода валитца. Отъ ёнъ узявъ, ды соломую и привязыець колики. А тоды ды ще Богъ ходзивъ по зямли съ учаниками. Отъ ёнъ ставъ гэто колики привязувацъ, а Богъ и идзе́ць. «Што гэто ты, каець, чаловѣчакъ, соломую звязыешъ колики? ты жъ ба ўзявъ, увитками звязавъ!»—Атъ! скольки мнѣ жиць! Я заразъ умирацъ буду! На мой вѣкъ соломы хвацицъ; а хто будзець жиць посли мяне, тэй тоды и звяжецъ!

Ну, Богъ тоды усердзився и такъ давъ, што не стали людзи боли знаць, коли умирацъ будуць.

А тэй чаловѣкъ якъ ставъ жиць, якъ ставъ жиць, дыкъ и згорода яго развалилася, и новую постновивъ—и тая развалилася.

Тамъ же.

37. Зачимъ дѣти, якъ родютца, не ходють.

Зь-истари бувало, нихто не ходзивъ, якъ ро́дзитца: ци собака, ци котъ, ци корова—нихто. Но́сиць хозяйка цѣлый годъ ды годуець, якъ дзяцёнка. И потуль гэдыкъ було, покуль ужо ставъ Богъ ходзиць съ учаниками по зямли.

Тоды, пришовъ разъ Богъ къ хозяйцы. А ина на рукахъ качаець цялёнка,—вѣдомо, ёнъ ня хо́дзиць. Жалко стало Богу; ёнъ и каець: «дай ты мнѣ, што ў цябе родзитца; я перакину чаразъ зяро́дъ (высокая рѣшетчатая изгородь для просушки и склада хлѣба до молотьбы), и яно будзець ходзиць, якъ тольки родзитца: хто бъ сабѣ ня бывъ,—ци щанёнокъ, ци поросёнокъ!» Баба тая подала тоды Богу поросёнка. Ёнъ узявъ и перакинувъ яго чаразъ зяродъ. Поросёнокъ тэй и побѣгъ. Тоды ина дала яму̀ жарабёнка. Ёнъ перакинувъ яго чаразъ зяродъ—и жарабёнокъ побѣгъ. Дала яму цялёнка—и цялёнокъ побѣгъ. И кого тольки ни давала—и щанёнка, и коцянёнка, и ўсихъ,—ёнъ якъ тольки перакинець чаразъ зяродъ,—такъ яно й побяжиць. Перадавала ина гэдыкъ усихъ, хто тольки ёсь у хозяйстви. И бывъ у яѐ дзяцёнокъ малый у хаци. Богъ кажець: «давай дзяцёнка! Я перакину чаразъ зяродъ, ёнъ тоды, якъ родзитца, будзець ходзиць!» А йна каець: «а̀ нѣ, боюся! ёнъ забъе́тца!» И не дала.

Дыкъ вотъ затымъ дзѣци цяперъ и ня ходзюць. *Тамъ же.*

38. Якъ упяродъ ховали людей.

Бувало, гэто ще посли Адама, якъ свѣтъ починався, нихто гэтаго ня помниць, тоды, якъ людзи по много жилй, дыкъ людзей такъ не хували, якъ цяперъ. А бувало вôзьмуць—якъ ужо здзѣлаетца старъ ёнъ, ня можець работаць ужо, ни ѣсьци—дыкъ возьмуць санычки, ды на санычки яго посôдзюць, ды завязуць у большэй ровъ, ды й пусьцюць съ санычками туды. Ёнъ покуль доляцйць, дыкъ и забъётца. А тамъ яго птушки разнясуць, ци вода знясéць.

Усё гэдыкъ сыны возили бацёкъ. Якъ состаріетца бацька, сынъ на санычки бацьку ды ў ровъ.

Али гэтыкъ разъ повёзъ сынъ бацьку, а за имъ побѣгъ яго сынокъ. Привёзъ ёнъ яго къ рову, ды тольки хоцѣвъ пусьциць бацьку у ровъ, исъ санычками, а сынъ тэй, яго ўжо, кажець: «а вѣ, тата: не пускай санычакъ!»—Зачимъ такъ?—«А якъ жа: якъ ты здзѣлаесься гэткимъ, дыкъ и я повязу цябе ў ровъ; дыкъ мнѣ жъ нé на чимъ будзець вéзьци цябе!» Ну, тэй тоды за бацьку, ды домовъ, и ставъ яго доглядâць, ажъ покуль помёръ.

Съ тыхъ поръ и не стали возиць стариковъ у ровъ на санычкахъ. Дôсиць! *Тамъ же.*

39. Тоже.

Гэто, кажуць, бувало, людзи дужа по много жилй. Дыкъ вотъ состаріетца бацька, ничого ня рôбиць, а пищь плохая зь-истари была—Божа, Божа: отъ колосâ до колосâ ня чуць чаловѣччаго голосâ—ну, дыкъ што зь имъ дзѣлаць, исъ старымъ? Дыкъ сынъ вôзьмець, ды на санычки яго, ды ў ровъ завязѐць, ды й укинець туды. А ровы были дужо глубокія. Дыкъ ёнъ оттуль ня вылѣзець, помрéць тамъ.

Ну, дыкъ одзинъ сынъ дужа любивъ свойго бацьку. Дыкъ якъ пришли тыя годы̀, ёнъ узявъ, бацьку посадзивъ у склепъ, а санычки завёзъ порожнія ды ў ровъ и ўкинувъ, кабъ сусѣдзи гэтаго не знали. Ну, бацька тэй сядзйць у склепи, ёнъ яму ѣсьци носиць туды; и сусѣдзи гэтаго не знаюць. Пройшло такъ годы два, ци скольки тамъ, и не зародзився нѣшто хлѣбъ, и такъ што ставъ голодъ у ихъ, гнилую колоду товкли ды ѣли. [1]) И съ сѐмянôвъ звялйсь. Тогды сынъ тэй пошовъ къ бацьку и кажець: «што будзець, тата: што гэто сѐиць?»—А што жъ, сынокъ! Возьми, старую страхŷ раскрый, ды солому гэту порѣжъ, порѣжъ дрôбненько, ды й посѣй! [1])—«Ну, дыкъ што съ того будзець?»—А, што

1) Фактъ, имѣвшій мѣсто въ предѣлахъ могилевской губерніи, на сколькп помнятъ старики, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Богъ дась, то и будзецъ!.. Ну, сынъ тэй солому съ страхи знявъ, покрышивъ—покрышивъ, ды й засѣивъ. Якъ зародзилося тое жито—дыкъ зъ нивы валитца!

Тоды тэя сусѣдзи дзивютца: што гэто ёсь? Ни ў кого жита нема, а ў яго зъ нивы валитца. Ну, й давай у яго пытатца: «отчаго, ды отчаго у цябе такое жито уродзилося?» Ёнъ тоды узявъ и расказавъ имъ, —некуды ўжо хуватца: «такъ и такъ, говорицъ: я бацьку пожалѣвъ у ровъ везьци, ды посадзивъ у склепъ. Боявся васъ. Ну, дыкъ ёнъ мнѣ й порадзивъ: возьми, каецъ, съ старыя страхи соломы, ды покрыши яе́, ды посѣй! Я такъ и зробивъ!»

Ну, дыкъ яны тоды догадалися, што гэто яму Богъ за тое уродзивъ, што ёнъ бацьки у ровъ не завёзъ. Тоды яны, съ того, бросили старыхъ закидывацъ у ровъ.

Тамъ же. Отъ кр-ки Катер. Өедосовой, 70 л. Заключеніе, очевидно, позднѣйшее. Ср. слѣдующій №.

40. Лоповщина.

Вотъ значитца, такъ то було здавну, спочатку, ў старину: што якъ выйдя чаловѣку восемдесятъ годовъ, или семдесятъ, и ёнъ уже значитца станя дрaголъ, работать ня здолѣя—дакъ што зъ яго?—дакъ яго треба ўже у лоповщину. Звали, бувало, якого грамотнаго, отправляли панахвиду,—отчитаять, значитца, молитвы надъ головой,—усе 'дно, да й у лобъ. А съ чаго яно перакратилось, дакъ вотъ съ чаго:

Такъ живъ сабѣ одинъ старый, и два сына ў яго. И сыны милосьливыя у яго. И яны ето дѣло оставили, лоповщину ету, значитца. И здѣлали яму склепъ, «штобъ нашъ батька—будомъ питать яго, покудова помре своёй смертю. Ёнъ жа жъ тыки нашъ батька!» Ну, издѣлали склепъ яму и посадили туды, штобъ обчаство—громада не знали, и питаять. И такъ значитца годовъ зъ десять дяржали яго.

И случилося имъ тяперака, братяцъ ты мой, выходя такое то дѣло—рахуба, о—нещастя вяликое, няўроджай хлѣба. И такое, братяцъ ты мой, худолѣтьтя було, што ня ўродило жита а ни кустика. Ну, што жъ: люди кору ѣли зъ ильма, папороть, липовый листъ рвали да товкли, да изъ етаго хлѣбъ пякли. И до того, братяцъ ты мой, дойшло, што хлѣба нечимъ сѣять, нема сѣмяно, ничимъ чаго, ни Божа мой. Тяперака, яны пошли икъ батьку у склепъ: «што намъ тяперака, татулька, дѣлать, такъ и такъ, такое и такое дѣло,—нечимъ намъ сѣять поля, сышлось съ плода жито?» Ну, ёнъ имъ сычасъ отвястивъ: «оритя, мое́ сыны, то-

локу ўсю! Што Господи сошле, то я выдумаю!» И вялѣвъ ёнъ орать поля ўсё чисто. Ну, по'рали яны пóля усё чисто, приходять къ яму. «Ну, што, тать: якъ скажашъ?»—А вотъ што, моѐ сынки: дярите крыши и съ хатъ, солому, и съ хлявовъ, усю чисто, и возитя на пóля. Тяперака, услучай, моѐ сыны, зовитя своихъ дятей и жонъ, гонитя на пóля, и кладитя солому у борозну и привдрўйтя зямлёй. Што Господи дасть, тое й будя!..

Ну, тяперака, яны узяли ето, позвали, и давай ето орать; а яны давай ето у межи класть. Тяперака, такъ имъ Господь давъ —къ восяни такое жито! Здѣлалося съ тыѐ соломы жито такое, што Божа мой! Тяперъ, уздивилися люди, котрые сусѣди, и сельскія мужики, што ни ў кого нема ни колоса, а ў ихъ жито такое. И здѣлали притясненію па ихъ: «хто вамъ показавъ ето? скажитя, да скажитя!» И боялись яны отвѣтить ето слово,—што протчихъ стариковъ усихъ прибрали, а нашъ десятокъ годъ лишнихъ живе: ти буця имъ за ето штрапъ, ти нѣ? Отъ яны ўзяли, да ў томъ слови и повинилися,— вызналися обчаству̀: «ну, што жъ, говóрать, господа громада! Мы вамъ винуемся: нашъ старый, батька, значитца, живъ щѐ: мы яго, значитца оставили на прокормленіе,—и ёнъ ето намъ выдумавъ. И тяперака мы благодаримъ свойму старику до вѣку вякомъ!»—А гдѣ жъ ёнъ?—«А ў склепи у насъ!» Прихóдять къ яму̀: ти ты ето выдумавъ?—Я! Мнѣ Господи такъ давъ!.. Ну, съ тыхъ поръ, развялось опять жито на зямлѣ.

Дойшло дѣло ето, дальше да дальше, до санота. Разобравъ санотъ, што именно у стариковъ—якъ яны много живуть—именно выходять хорошія слова и выдумки. Составили совѣтъ своимъ санотомъ, што оставлять стариковъ до своѐ истинныя смерти, покуля̀ Богъ прибяре яго душу̀, а ў лóповщину не отправлять.

С. Корма, гом. у. Отъ 72-лѣтн. стар. Устина.

41. Тоже.

Ты вотъ говóришъ про лóповщину. Слухай-ка суды, я табѣ што скажу. Мнѣ вотъ тяперака, гляди-тка, годовъ семдесятъ, да йщѐ й съ хвостикомъ семдесятъ: ну, а якъ мнѣ було такъ годовъ дванатцать, дакъ дѣдъ мой покойный расказававъ намъ, дятя̀мъ, што зъ яго дѣдомъ—пращуромъ уже значитца нашимъ, бывъ такій злучай. «Ѣхавъ я, кажа, разъ зъ Вѣтки у Зыбкую, вёзъ товаръ па пари кóній. Ну, вёзъ, вёзъ,—дѣло уже къ повдню потходя, кони позаморились.» А тогды жъ ня то, што тяперъ, усюдахъ свѣтъ волный ставъ; тогды жъ такія пущи у насъ были

што Божа, Божа! [1]) Вотъ ёнъ, дѣдъ, думая сабѣ: проѣду ще трохи, тутъ знакомый москаль живе, коло яго и попасу. Звѣстно бо̀язно; ну да й думая—зайду, квасу попрошу̀, размочу скорынку хлѣба, самъ трохи понащусь. Тяперака, слухай-ка суды, проѣхавъ ёнъ тамъ кольки, пріяжджая къ той сялитьби. Отпрогъ коній, спутавъ, усё якъ треба, и пошовъ у хату,—такъ побочь дороги стояла. Приходя ёнъ значитца ў хату, а тамъ гробъ стоить, корыто зъ дубовой колоды, якъ во и тяперака у ихъ дѣлають. Перадъ бога̀ми свѣчка восковая горить; а Максимъ, хозяинъ, значитца, стоить на ўко̀лѣнцахъ и Богу молитца. А ззади два сыны̀ яго стоять: одному годовъ, знать, съ пятьдесятъ, а другому, такъ, годовъ сорокъ. И одинъ довбню держа. Вотъ дѣдъ пришовъ и ставъ у порози. А Максимъ усё Богу молитца, усё Богу молитца. Тыя сыны ждали-ждали, ды гово̀рать: «ну, батюшъ, кончай!» Той помолився, уставъ; ставъ зъ дѣдомъ здраствоватца: «ахъ, слава Богу, говора, што тябе Богъ нанёсъ!» —Ну, зачимъ? што тутъ у васъ?—А ты хиба ня бачишъ? сыны ка̀жать: яму̀ у лоповщину пора,—уже восемдесятъ годовъ проживъ!—«Ахъ, сынки моѐ, кажа старикъ той: я жъ крѣпокъ ще, я жъ работаю!»—Ну, да! што съ твоѐ работы? Мы во̀ якъ бъёмся, а ни на насъ, ни ў насъ! Пора, пора, батюшъ! Ты на свѣти нажився, дай людямъ жить!.. Да й за довбню. «Ахъ, сынки моѐ, говора, дорогія: мнѣ жъ еще двухъ годовъ нема до восемдесятъ! Братъ Пятрокъ, на дѣда кажа: поговори ты имъ, можа тябе послухають!» Правды, тутъ и дѣдъ умѣшався: «што вы ето, кажа: старикъ ще жить хоча, а вы ў лоповщину. Гляньтя на̀ Бога: ёнъ жа жъ тыки кормивъ васъ, поивъ! Ну, хоть два годы̀ дайтя строку, нехай до восемдесятъ доживе!» Такъ—сякъ, такъ—сякъ, стали уговаравать—и ўговорили тыки. «Ну, кажа, батюшъ: моли Бога за Петрока,—даемъ табѣ строку два годы. Ну тольки коли не помрѐшъ самъ, тогды уже не просись!» Сычасъ домовину тую вонъ, довбню вонъ, утихомирились и ничо̀го. И жить стали. Правды, што дѣдъ у тыхъ сторонахъ уже ня бывъ боли, не привялось. Дакъ во̀ яна якая лоповщина!

Вылевск. в. гом. у.

42. Тоже.

Живъ кравецъ. И пошовъ ёнъ, отъ пановъ ўцёкъ, дужа далёко, у чужую сторону̀. А тамъ была такая *мода*, што покуль жанитца, дыкъ сшіюць молодзенцу боты, а молодуси чаравики; и якъ вѣнчаютца, насыплюць повны боты и чаравики пяску, и повѣсюць. И што упярадзи поцячѐць—ци ботъ, ци чаравикъ, того тоды у труну̀ живого кладуць и вя-

1) Еще на нашей памяти край этотъ славился разбойничествомъ.

зуць на саночкахъ у такій ровъ, што вылѣзьци ниякъ ня можно, и ставюць яго тамъ. И прилетаець туды такая птушка, што якъ лизнѐць, дыкъ отразу и душу и грудзи вылижець.

Ну, дыкъ ёнъ пришовъ у ету сторону, и спудубàвъ сабѣ дзѣвку, и захоцѣвъ изъ ёю жавитца. Яму̀ кажуць, што жанитца можно, только у насъ мода такая, што хто хочець жанитца, дыкъ яму̀ шіюць ботъ, а ёй чаравикъ; и насыпавши пяску, повѣсиць. Коли ботъ уперадзи попячѐць, дыкъ мужука надо хуваць; а коли чаравикъ, дыкъ жонку. Ну, ёнъ каець: дармò сабѣ! И жанився. Яму̀ пошили ботъ, а ёй чаравикъ, повѣсили умѣсьци, насыпавши пяскомъ.

Прожили яны тамъ изъ жонкой ци много, ци мало—ня вѣдую я гэтого—только ботъ поцёкъ. Треба, значитца, яго везьци хуваць. Вотъ яму̀ здзѣлали труну и вязуць у ровъ. Ёнъ каець: вязиця сабѣ, только укладзиця мнѣ у труну моё ремяйствò: можа я тамъ кому-нибудзь што пошію! Ну, яны яму̀ ножни у труну поклали и повязьли у ровъ, и поставили яго тамъ. А вылѣзьци оттуль ня можно. Стойць ёнъ у трунѣ.

Прилетаець тая птушка. Якъ лизнула разъ—дошку до грудзей такъ и пролизала. Ёнъ тоды ножни узявъ, и якъ только яна у дру̀гій разъ лизь! —ёнъ ножнями якъ хвацивъ,—языкъ ёй и отрѣзавъ. Такъ тая птушка и поляцѣла безъ языка.

Ёнъ тоды вылѣзъ съ труны̀, и давай ножнями копатца. Давай копатца, давай копатца, понямножку вылѣзъ-тки зъ рову. Прихòдзиць ёнъ тоды къ жонцы,—яго нихто ня видзиць; ёнъ хуць и кричиць—нихто яго ня чу̀ець; ёнъ сабѣ што поѣсь—нихто гэтаго ня видзиць. Ну, ёнъ поживъ тамъ гэдыкъ скольки,—остаѐтца яму̀ няможно жиць. Пошовъ ёнъ у свой бокъ.

А тоды якъ-разъ жито жали и пожни косили. Дыкъ ёнъ идзѐць—идзець, захочець ѣсь,—за̀йдзець ци къ бабамъ, ци къ косцамъ, ды й поѣсь ихную потраву; а самъ и пòйдзець дали: яны яго и ня у̀видзюць.

Вотъ тоды пришовъ ёнъ у свою сторону̀ такъ. Ну, якъ пришовъ, такъ и стали яго видзѣць. И ставъ жиць.

Ряси. в. сѣнн. у. Кр. Кириллъ Аникіевичъ, грам.

43. Богъ и засуха.

Бывши одна дзяревня, примѣрно, бѣдная,—не большая дзяревня, такъ дворовъ дванатцаць, ци мени. И ето несядьни було, можа годовъ сто тому. И бывши мизь етой дзяревни силный богачъ одзинъ. Ну, и давъ Богъ спаленія погоды за̀сѣву ярового хлѣба, што ня можно было спаситца, нѣякъ, што нема дожжу. Тоды етый богачъ собравъ толоку.

Бабы пришли зъ ведрами, мущины на лошадзяхъ зъ бочонками, возиць воду на поля, поливаць ярь. Силная толока, богатая, поливаць ярь, што ярь соусимъ погибла. Ну, найшло, наѣхало—сила. И съ протчихъ дзерявень были. Да!

Откуль бывши, ишовъ старичокъ, по ходзьби, ци якъ яму Богъ давъ, —сивенькій старичокъ. Потомъ и спрашаець у ихъ: «што ето у васъ такая за 'казія, што воду возюць, и поливаюць?» Яны отвѣщаюць етому старичку: «што Богъ насъ наказавъ, отобравъ у насъ ярь погодою, жарóтою. Якъ нашъ богачъ,—собравъ толоку и поливаець ету ярь, якъ ба яѐ спасьциць!» Ну, старичокъ етый пошовъ на дзяревню. И 'быйшовъ ету дзяревню пости-што усю. Ну, мизь етой дзяревни силно богатый домъ. Серёдъ дня ета хозяйка топиць печь,—обѣдъ готуець етой толоцѣ. Етый старикъ заходзиць у той домъ и спрашаець у хозяйки: што ето у васъ на поли дзѣетца? Яна яму отвѣчаець: «старичокъ! ето мой хозяинъ собравъ толоку. Богъ у насъ ярь попаливъ, то мы собрали толоку ярь поливаць!» Да. «Ну, хозяйка, ци нема у васъ грячихи?»—Ёсь, говориць, дзѣдушка!—«Ну, уняси жъ ты мнѣ горстку грячихи!» Яна яму унясла. «Ну, ходзяечка: откаци жъ ты еты дровы, у печцы, къ одному боку, и горшки переставъ, а другую сторонку отмяци, каець, чисценько къ однэй сторонѣ!» Яна отмела, якъ 'гонь горѣвъ. Ёнъ узявъ, грячихи горсточку укинувъ у печь. «Ну, идзи жъ ты, бабка, суды воды приняси!» Покудова суды воды принесла--грячиха у печи зацвѣла,—а тамъ дрòвы горяць. «Голубка, ня йдзи жъ ты проци Бога!»

Богъ давъ, што гонь гориць, и грячиха цвѣцѐць.

М. Монастырщина. мст. у. Отъ кр. Никиты Трофимова.

44. Жертва Богу.

Вотъ живъ сабѣ одзинъ старичокъ, и одзинъ-однымъ душою. Ну, ёнъ живъ и собравъ дзенегъ силу порядошную. Доживаець ёнъ вѣкъ и чуствуець самъ, што уже много ня жиць мнѣ. Чуствуець самъ—ня жиць много—и дзѣ жъ мнѣ еты дзеньги дзѣць? Ну вотъ, цяперь, дыкъ у цэрькву, хто свѣчку купиць, хто у скорбóнку, хто якъ, ну, а упярёдъ етаго нé было; упяредъ было такъ: собравъ хто дзенегъ, ци хлѣба, хочець Богу пожертуваць—пóйдзець на пóля, развядзéць цяплó, вóзьмець и положиць на огонь. Дымъ етый и идзéць по воздуху и доходзиць къ Богу.

Ну вотъ, тэй и старикъ вышовъ ва пóля, запаливъ цяплó у кусьцику, и спаливъ тэя гроши. Дымъ тэй пошовъ по воздуху, Господзь тую жертву и принявъ яго. И ссалаець двухъ ангаловъ: попросиця, говóриць,

у яго: што яму отъ Бога надо? Еты ангалы прилетаюць: «старикъ, говорить,—што табѣ отъ Бога надо?»—А мнѣ, слава Богу, ничого не надо! Тоды еты ангалы прилетаюць къ Богу и говорюць: «сказавъ тэй старикъ, што мнѣ, каець, ничого не надо!»—Якъ то старому чаловѣку ничого не надо? Идзиця, ящо спросиця: моо, ёнъ чаго нѐбудзь хочець отъ Бога! Яны поляцѣли: старикъ, говориць,—чаго ты хочешъ отъ Бога?—А мнѣ, слава Богу, ничого не надо: сытъ, прикрытъ. А коли сытъ, цѣло прикрыто, дыкъ больше ничого мнѣ й не надо! Ну, ладно. Прилетаюць яны къ Богу: сказавъ тэй старикъ, што ничого ёнъ не хочець: коли, каець, сытъ и цѣло прикрыто, дыкъ больше ничого й не надо!—Ну, идзиця жъ спросиця у третьцій разъ, што яму надо отъ Бога, моо, ёнъ чимъ небудзь хочець быць? Ну, сичасъ яны зляцѣли къ тому старику. «Старикъ, што табѣ надо отъ Бога?»—А мнѣ, слава Богу, ничого не надо!—«Моо, чимъ хочешъ быць?»—Нѣ, такъ, говориць, ничимъ не хочу быць—ни становымъ, ни справникомъ, ни мировымъ, ни членомъ, а такъ, виджу на свѣци някуратнось, хоцѣвъ ба богомъ побыць! А почаму някуратнось—вотъ, у насъ буваець, братъ брата ругаець, сынъ бацьку, бацька сына,—а я бъ, говориць, зьмиривъ, бывши богомъ!...

Приляцѣли ангалы къ Богу: «такъ и такъ, Господзи: ничимъ не хочець быць, тольки хочець быць богомъ!»—Ну, идзиця, говориць, возьмиця яго! Ну, яны зляцѣли и ўзяли яго къ Богу на небо.

Такъ Господзь милосливый узявъ, сичасъ усю ўласъ свою и отдавъ: якъ хочешъ, такъ и зьмиряй, на польную твою волю отдаю! Ну, отдавъ Господзь усю ўлась,—ёнъ усё й знаць ставъ: хто што здзѣлавъ, хто сказавъ. Вб й самъ я, грѣшный: думаю и тое и тое здзѣлаць, а Господзь дась, моо, я й помру до заўтраго: усё моё и застанетца.

Ну, такъ сичасъ ставъ ёнъ богомъ, и стали два браты дзялитца: одзинъ сляпэй, другій видущій. Стали етыя два браты дзялитца, и етый видущій—сабѣ мѣрку хлѣба насыпиць ды: щупай, каець,—ци повно? Сляпэй пощупаець: повно! Ёнъ сабѣ яѐ. Тоды вбзьмець, мѣрку перявернець,—на дно насыпиць. «Ну, щупай опяць: ци повно?»—Повно! Дыкъ ёнъ яму у засикъ. Ну, етый старикъ видзиць ету някуратнось—што Богу жерству приносивъ—напусьцивъ тутъ молодьни, трескотьни, громъ такей; узявъ домы палиць! Такъ сичасъ—вотъ, звѣсно, якъ бы и ў насъ у дзяревни, вышли и старый и малый, давай Богу молитца. «Ахъ, Господзи! новый богъ, а якей неўковырный! Старый богъ дыкъ тэй давъ уласъ,—што хочець, тое й дзѣлаець, до вострашнаго суду. А ето жъ: нехай Господзи закрыець отъ еткыхъ ударовъ, ще зроду такыхъ не було! И нехай Господзи закрыець отъ еткыхъ боговъ!» Сычасъ Господзь говориць: «ёнъ ня бывъ ящо Богомъ и ня будзець!» Узявъ принявъ усю ўлась отъ яго,

и пусьцивъ на зямлю. И вѣку ямў ще продовживъ; и принявъ ёнъ голоду и холоду.

Д. Хорошково, пир. в. мстисл. у. Отъ кр. Тим. Терентьева, 26 л. негр. не бывавшаго нигдѣ дальше своего уѣзднаго города.

45. Праведная судья.

Оравъ одзинъ мужикъ у поли, на кобыли, на подсосу,—которая мѣла сабѣ жерябёнка. Потомъ идзéць Микола исъ трóсткую. И узявъ и забравъ жерябёнка съ собой. Мужикъ кричиць: куды ты, старикъ, жерябёнка забравъ съ собой?—Якъ куды? ето, говориць, жерябёнка жерябила моя тростка!.. Ну, узяли волочитца. И дотуль волочились, покуль пристали. И давай уже соглашатца на судъ. Микола говóриць на мужука: «а дзѣ жъ ты знаешъ, говориць, судьдзю такую, штэ ёнъ можець насъ рассудзиць по правилахъ?»—Ёсь у насъ вярсты ў три отъ дзяревни судьдзя; пóйдземъ къ тому, тэй насъ разбярéць!

Приходзюць къ судьдзю. Мужикъ расказавъ свою обиду: «вотъ, говориць: отбираець у мяне старикъ жерябёнка. Говóриць, што ето яго тростучка жерябила. А яго не тростучка жерябила, а моя кобыла жерябила!» А Микола говóриць: нѣ, яго моя тростка жерябила! Ну, пóтомъ судьдзя говóриць: посидзиця, говориць, тутъ нямного: цяперь мнѣ нéколи васъ судзиць!» А Микола спрашаець: а куды ты поѣдзешъ? Судьдзя отвѣчаець: я, говориць поѣду на моря овёсъ сѣиць! Микола говóриць: а на мори жъ, говориць, овса ня сѣюць! А судьдзя отвѣчаець: ну, й тростка жерябёнка не жарéбиць! На томъ и судъ ихъ кончився. Отдавъ Микола жерябёнка мужуку. Найшовъ ёнъ правядную судьдзю. И ставъ судьдзя тэй угодзенъ Богу.

Д. Дубровка, мстисл. у. Отъ кр. Сергѣя Карпова, 28 л. негр. Въ варiантахъ климов. у. мѣсто Миколы занимаетъ Богъ.

46. Судья правильный.

Горѣвъ лѣсъ; и чуець лясьничый, што кричыць громкимъ голосомъ: ратуйця, хто Богу вѣруець! Потхóдзиць ёнъ у етый пожаръ и видзиць—на соснѣ сядзиць зьмiя, на самымъ вярхў. И говóриць ямў: сыми мяне! а коли ты мяне ня сóймешъ, то я цябе зьѣмъ; а сóймешъ, то я табѣ ничóго дзѣлаць ня буду! Ёнъ согласився зьняць яé. Ина ўзяла, зьлѣзла ямў на шiю, и обвярцѣлася. И довго ёнъ просивъ яè, кабъ ина зьлѣзла исъ шiи,—ина ня лѣзець. И што дали, то шiя боли распухаець, и рас-

пухла у хатное бервянd, и зравнувалася изъ головой рóвно. Якихъ ёнъ средствiевъ не находзивъ, лячився—нихто не давъ яму̀ пользы.

Тольки стрѣцивъ ёнъ чаловѣка; чаловѣкъ и нараивъ яму, што ёсь судьдзя надъ мальчыками, коло кóнiй—конюхи̂. [1]) Судьдзёй ёнъ надъ мальчыками дватцаць пяць годовъ, и су̀дзиць правилно, такъ што ни бацьки̂ ни матки не ўмѣшаваютца къ дзяцёмъ, коли ёнъ ихъ наказавъ, бивъ.

И пришовъ етый лясьничый икъ яму̀ изъ зьмяёй, и ставъ кланятца яму̀ ў ноги: дай мнѣ пользы! Ну, ёнъ поставъ мáльцовъ у лѣсъ: идзиця, хлопцы, прутьця нарѣжця! я ёй дамъ пользы! А ёй каець: лѣзь, окаянная! ли чаго ты чаловѣка убйдзѣла? Ёнъ цябе поратувавъ, а ты яго зьѣсь хочашъ на вѣшнось! Ина сiйчасъ зьлѣзла, давай прощенiя просиць, кланятца.—Нѣ, окаянная: не прощу! Ты чаловѣка зьѣла ужо, соссала кровъ! И ўзявъ яѐ за голову̀ и прутьцемъ яѐ сѣкъ-сѣкъ, и засѣкъ!

И много людзей ходзило къ яму. И ёнъ правилно судзивъ. И дойшлося ето царю, што ёнъ правилно судзивъ. И спросили яго къ царю. И царь сказавъ: будзь ты у мяне правилною судьдзёю! Ёнъ отвяцѝвъ: буду, тольки мнѣ здзѣлайця, што я скажу!—Ну, што табѣ здзѣлаць? царь спрашаець.—Выкольця мнѣ обáя глазы вонъ, то я буду судзиць; ня буду видзѣць ни богатаго, ни бѣднáго. А якъ я буду видзѣць, то я погáлюсь на што-нибудзь!.. Ну, яму глазы выкололи.

Судзивъ ёнъ дванатцаць годовъ правилно; такъ што зьѣжжалися къ яму много людзей, царей, усихъ. И злучилося яму̀ рака зь люгашкой судзиць. Ракъ вырыець сабѣ пячуру у рѣки, а люгашка прйдзець, выгониць яго, отъѣсь ноги яму̀. Ина яго съ трёхъ печаръ выгоняла етыкъ. Ну, й пришли яны на жалобу къ етому судьдзю. Раказали яны яму̀, якъ што було. Ёнъ осу̀дзивъ, што люгашка виновата: ня мѣець праву выгоняць зь яго дому. И ўзявъ яе за голову̀ и спросивъ: рòзокъ подайця мнѣ! Яму розокъ подали; ёнъ ставъ сѣчь яѐ. Сѣканувъ яе—пала крòвъ на глазъ на яго. И ёнъ ставъ видзѣць на 'дзинъ глазъ. Ёнъ ящó сѣканувъ—брызнула кровъ на другей глазъ; и тэй ставъ видзѣць.

Дыкъ во якъ! Дванатцаць годовъ незрящiй бывъ, судзивъ правилно; и давъ Богъ яму, што ставъ видзѣць зь люгашки.

М. Студенецъ, черик. у. Кр. Тим. Алексѣевъ 45 л. негр.

---

1) Ночлежники дѣйствительно имѣютъ свое самоуправленiе—старосту, судей и т п. Мы помнимъ фактъ, что виновный мальчишка былъ даже приговоренъ своими сверстниками къ смертной казни.

47. Христовъ братъ.

Якъ живъ сабѣ у дзяревни сынъ изъ мацерью. И ёнъ бывъ благочасьливъ силно. И жана яго тожа. Мацъ жа яго не навидзила ни нищихъ ни бѣдныхъ. Ну, а ёнъ бывъ милосьцивый, такѐй, што никогда ни побѣдаець одзинъ, ни повячеріиць.

Дождався Христовой свѣтлой паски, освяцивъ паску, пришовъ домой. Такъ сичасъ мацъ: «ну-ка, говориць, сынокъ,—обѣдаць скорѣй!» —Погодзи, говориць сынокъ: пойду отдыхну на дворѣ! Вышовъ на вулицу, —посмотриць, бягиць солдатъ съ приказаніемъ (бумагами, приказами). Ёнъ на яго говориць: «служивый, говориць: зайдзи ко мнѣ разговѣтца, говориць, пожалуста!» Ёнъ говориць: неколи мнѣ, надо дзѣло скорѣй у полкъ несць! «Да мы жъ не забавимся; мы сичасъ побѣдаемъ, тольки разговѣемся!»—Ну, спасибо,—зайду! Увидзила яго матка, што ёнъ яго вядзець, сичасъ и засипѣла на яго, якъ змѣя ў кусьци: «мы, говориць, николи не побѣдаемъ одны!» То солдатъ сичасъ сѣвъ, побѣдавъ,—разговѣлися паскою. Тоды сичасъ благодариць яго: «ну, благодаримъ цябе, хозяинъ, за твою хлѣбъ-соль! На другѐй празьникъ свѣтлаго Христоваго воскрясэнія прибудзь ко мнѣ ў госьци!» Ёнъ жа жъ отвѣщавъ яму: «я жъ не знаю, куды, говориць, къ табѣ, служивянькій!»—А вотъ, говориць: якъ дождҗесься паски, выйдзи на дворъ, я пришлю лошадзя за тобой: будзець стояць лошадзь сивая у сядлѣ. Тоды ты на ету лошадзь садзися и поѣжджай!..

Ну, ёнъ дождався свѣтлаго Христоваго воскрясэнія, вышовъ на дворъ. Посмотриць—стоиць сивая лошадзь у сядлѣ. Ёнъ сѣвъ и отправився. Якъ сѣвъ, такъ тая лошадзь и поднялася на воболки. Привозиць лошадзь тая къ двору: етакій огромный дворецъ! Выходзиць тэй жа самый солдатъ, у тэй самый одзежи. Похристосовався зь имъ и повёвъ яго у домъ. Ну, сѣли, разговѣлися. Тоды ёнъ и говориць, солдатъ етый самый: «вотъ табѣ, говориць, мѣста ўси, ходзи и смотри уси каморочки, уси закомурочки; вотъ твоё мѣсто, вотъ твоѐ жаны!» Ёнъ своё мѣсто увидавъ—силно привукрасное; и жонкино тожа отлишное мѣсто. Тоды привёвъ къ каморцы, лыкомъ завязана: «вотъ суды, говориць, хуць смотри, хуць не смотри: ето твоѐ матки мѣсто.» И самъ скрывся. Ну, а яму, звѣсно, любопытно стало,—посмотрѣць надо. Отвязавъ лыко, уходзиць туды,—ажъ ина кипиць у смолѣ! Тольки за свой вѣкъ дала милосьцины кусьцикъ цубули, перякинула рукой церезъ барканъ, зъ горду,—дыкъ тольки тая рука и слободна була. Тоды ёнъ схвацивъ—мацери своѐ пожалѣвъ—схвацивъ за волосы яѐ, повярху плавали. Ну, и яна тащитца. И нѣскольки душъ ёй за ноги ўчапилися, кабъ и ихъ выцягнувъ.

И ёй стало уредно, што за ёю тащутца; тоды стала трепетаць ногами, отъ сябе откидываць ихъ. Трепеталась, трепеталась, покуль вырвалась у сына зъ рукъ,—тольки хохолъ остався у рукахъ. Издѣлався плѣшъ на головѣ, а яна й потонула опяць. А яѐ хоцѣвъ Господзь вызволиць за сына, и ящо нѣскольки душъ.

Тоды ёнъ сичасъ волосы тыя у карманъ уклавъ и каморку тую зачинивъ, и лыкомъ завязавъ. Самъ уходзиць у комлаты, и являетца Господзь яму—солдатъ тэй бытто. И говориць: «а што видавъ своё мѣсто?» —Видавъ, говориць, Господзи!—«А жанѣ своёй? хорошія мѣста?»—Хорошія, Господзи! говориць. «А мацери твоёй видавъ?»—Видавъ, Господзи: мѣсто дренное. Ну йна того и стоиць: я хоцѣвъ, говориць, вызвулиць яѐ и нѣскольки душъ, и тое ёй уредно стало, говориць. Ну, распросцивсь и поѣхавъ.

Пріѣджжаець домой, ина на яго и напусьцилась: «идзѣ ты бывъ, такій ты, етакій?» Ёнъ говориць: мамъ, говориць,—не кричиця: я, говориць, видавъ своё мѣсто и ваша. Наша мѣсто, говориць, слава Богу; а ты, говориць, кипишъ у смолѣ!—Ахъ ты, такій ты, етакій! разви ты ў Бога бывъ? И видзивъ? А ёнъ говориць: не кричи, мамъ! Вò, говориць, твой хохолъ у мяне у кармани, якъ съ смолы цягнувъ! Такъ ина сичасъ чапецъ свой схвацила долой, и пощупала. Ажно плѣшъ на головѣ,—голова голая!.. Такъ тутъ и счезла, и конецъ. Спужалась, и помёрла.

Соинск. в. мст. у. Отъ кр. Максима Поликарпова, 60 л.

Въ варіантѣ изъ *м. Хотимска*, климов. у. не гостепріимны были отецъ и мать Христова брата, и за свой вѣкъ «подарили» нищимъ только одинъ кустъ цыбули. Сынъ же ихъ и жена его были очень «друголюбны;» такъ что, когда мужъ отыскалъ на большакѣ нищаго старика, то жена велѣла ему поднести его: можа ёнъ якій нездоровый. Послѣ обѣда Христосъ говоритъ: я пойду, у мяне много дзяловъ! Но сынъ съ невѣсткою его не пускаютъ и угощаютъ три дня: «цяперь тридневный празьникъ, ниякихъ дзяловъ дзѣлаць ня можно.»

Когда на другой годъ онъ пріѣхалъ къ Христу, на присланной послѣднимъ лошади, то послѣ обѣда Христосъ сказалъ ему: «ну, мой другъ, —табѣ скушно тутъ; пройдзи по мойму саду, у мяне ў саду весело. Тольки ёсь тамъ чугунная комнатка, не поглядзи ў яѐ!» Тотъ, гуляя, посмотрѣлъ въ комнатку и увидѣлъ родителей въ кипящей смолѣ. Тѣ просятъ его: «сынъ нашъ возлюбленный, попроси ты Господа Бога, ци не збавивъ бы ёнъ намъ етыя муки!» Сынъ заплакалъ и пошолъ къ Христу. Тотъ спрашиваетъ: «што, мой другъ, у цябе вочи красны; вѣрно вѣцеръ надувъ?» Сынъ признается, что видѣлъ родителей и тѣ про-

сили объ облегченіи мукъ. Господь говоритъ: «можешъ ихъ изъ пекла выцягнуць, тымъ, што было ими дарува́но нищимъ на бѣломъ свѣци!» Сынъ побѣжалъ туда и началъ тащить ихъ за кустикъ цыбули, бывшій въ ихъ рукахъ. Но нечистая сила не пускала ихъ, и сынъ крикнулъ: пусьциця ихъ! Какъ крикнулъ, такъ цыбуля перервалась, и они остались въ пеклѣ. Господь потомъ объяснилъ: «коли я дозволивъ, то ты могъ выцягнуць ихъ и шовковой ниткой, и не надо было кричаць!» И гостилъ онъ у Бога тридцать три года, а ему показалось всего три дня. Такъ что, когда воротился домой, старики давно были похоронены, жена дѣтей повыростила, поженила и замужъ поотдавала.

48. Батька и сынъ.

Бывъ чаловѣкъ богатый; було ў яго анбары чатыре хлѣба, на дворѣ стояло. И ў яго бывъ одзинъ сынъ, жанатый. И етый чаловѣкъ залежавъ. И приходзюць объ ето ўремя къ яму̀ людзи просиць хлѣба. Сынъ спрашіець: оцецъ, ци отдаваць мнѣ бѣднымъ хлѣбъ? А ёнъ каець: коли хочешъ на свѣци жиць, дыкъ давай!—А якъ жа мнѣ, говорйць, даваць? —А чецьверць, говорйць, дай, и ў повторы возьми!.. Ну, пришли ето къ яму̀ народы хлѣба браць, ёнъ и пораздавъ увесь: два 'нбары съ половиную отдавъ. Значитца, вясною раздавъ, а восеньню собиравъ. Дыкъ ёнъ, значитца, росту ничого не бравъ, а зъ бѣдныхъ и вду̀ся не бравъ: привязе́ць который—назадъ отошле́ць.

Ну, потомъ того поднявся яго оцецъ. «Ходзи, говорйць, сынъ, пыглядзимъ, кольки ты хлѣба собравъ?» Приходзюць кы 'нбару, и зирнувъ ёнъ на етый хлѣбъ: ну, говдрйць, сынъ: а йдзѣжъ ты етый хлѣбъ подзѣвъ?—А на бѣдныхъ людзей, говорйць, раздавъ!—Ну, пойдземъ-ка домой! Пришли яны—оцецъ съ сыномъ, домой: ну, становись, говорйць, передо мною на колѣни! Ёнъ ставъ. А бацька яму̀ краюшку хлѣба давъ: на̀, говорйць, и ўбирайся зъ мойго дому соўсимъ! получай жану и убирайся! Ну, яны ўзяли и пошли. Тоды, ишли-ишли по дорози, жана спрашіець: «куды мы, говдрйць, идзёмъ?»—А куды Господзь покажець!.. Пришли ў лѣсъ, напяли булга́нчикъ, и стали жиць. Хлѣбушка етый у ихъ вядзе́тца; яны ѣдзяць, а ёнъ цѣлъ. Дождалиси Христоваго дня—суботы. Яны зъ жаной ра́дзютца: якъ намъ, говорйць, празьничекъ пробыць? Хлѣбушка-то ёсь, а разговѣтца-то нечимъ? Ну, говдрйць,—ты тутъ мы̀й, якея тамъ были лавки, ци што—а я пойду ў лѣсъ пройдусь! Ина стала мыць, а ёнъ пошовъ у лѣсъ. Приходзиць къ ку̀сту—у ку̀сьци сядзиць цяцеря. Ёнъ за яѐ—живую ў руки ўзявъ. Подъ тэю цяцерею повно гнѣздо яецъ. Ну, ёнъ яйцы тыя забравъ у поста́ньня, а цяцерю потъ-паху̀.

Приходзиць домой къ жанѣ. «Ну, говорыць, жана: слава табѣ, Господзи! ёсь разговляньня ў насъ; ёсь и мясо и яйцы!» Ну, узяли яны, цяперку тую зжарили, а яйцы зварили. Жана спрашіець: а идзѣ жъ намъ цяперь паску посвяцйць? А ёнъ каець: Богъ посвѣцыць! на пенушку поставимъ, Богъ и посвѣпиць! Ну, узяли паску на пенушку поставили. Тоды, ёнъ пошовъ чаловѣка къ сабѣ искаць, што яму Богъ давъ. Ходзивъ-ходзивъ, не нашовъ никого. Пришовъ одзинъ душою. Сѣли обѣдыць,— на Христовъ дзень, на вяликодня. Якъ по'бѣдыли, и переставилиси óби разомъ. Будка ета ихъ стала храмомъ; и жито ето, што ёнъ дававъ, два замки ля ихъ тутъ, и гробы имъ выстроилиси...

Д. Ганновка, березк. в. клим. у. Отъ кр. Өедора Данилова, 48 негр.

49. Богъ въ гостяхъ.

Жили сабѣ такъ два браты у воднэй дзяревни. Тоды яны подзялилися. И одзинъ ставъ богато жиць, а другей збяднѣвъ. Тоды богатый говóрыць бѣдному: «знаешъ што? табѣ ўсё ровно найматца у кого нибудзь: наймись, говорыць, у мяне на годъ! Я табѣ, говорыць, заплачў, ня 'биджу!» Ёнъ нанявсь. Годъ отслуживъ. «Братъ, говорыць: расчитай мяне!»—Эхъ, братъ: усё ровно, ты нáймесься у кого-нéбудзь,—послужи ще годъ у мяне: я табѣ заплачў!... Ну, ёнъ оставсь на другій годъ. Прослуживъ годъ; прóсиць расчоту. А братъ опяць каець: послужи ще годъ у мяне; у кого служиць, дыкъ служиць—усё ровно я табѣ заплачў! Прослуживъ ёнъ три годы, просиць расчоту. Братъ опяць каець: служи у мяне, куды ты пóйдзешъ? Нѣ, каець: пойду домовъ, расчитай мяне! Тоды богачъ пошовъ къ жонцы и пытаець: «знаешъ што, жонка? што мы яму дадзимъ? дадзимъ яму курочку за три годы̀?»—Якей ты глупэй: можа яго рука цяжолая,—ящо курей звядзéць у насъ: дадзимъ яму лѣпей пѣвника! Ну, ёнъ узявъ, пѣвника ўловивъ: «нá, братъ, говорыць, Восипъ: за три годы заслуживъ ты у мяне пѣвника!» Ёнъ заплакавъ: ну, братъ, говорыць; спасибо й за ето! Узявъ и пошовъ домовъ.

Приходзиць домовъ: «вó, жóнка,—заробивъ я ў брата за три годы пѣвника! Што мы ямў будземъ дзѣлаць?» Ина говóрыць: а што, говорыць, Восипъ: кинули бъ мы яго на сѣмя—хто нéбудзь забъéць, пропадзéць твоя праца. А дай мы яго зарѣжамъ!.. Узяли, етаго пѣвника зарѣзали, ды й згутували. Сичасъ, згутували етаго пѣвника и 'бдумались: «якъ намъ яго ѣсь? Ето жъ мой крывавый, трудовэй за три годы! А позовёмъ мы Господа Бога пѣвника ѣсь! Можа ёнъ и ня пóйдзець, али ўсё жъ посовѣтыець, якъ яго ѣсь, трудовóго!»—Такъ, говорыць: такъ, такъ, Восипъ, и здзѣлай! Можа ёнъ ня прйдзець, а можа посовѣтыець намъ яго

и воуся ня ѣсь!.. Тоды Восипъ: «пойду, каецъ, на гору̀ и гукну̀: коли я Богу угодзенъ, Богъ мнѣ отгукнѣтца!»

Узышовъ на гору и кричицъ: «Господзи, прошу я васъ: заробивъ я ў брата за три годы пѣвника и зарѣзувъ. Ну, й не могу почацъ яго ѣсь, якъ ёнъ мой трудовэй и крывавый. И прошу васъ, Господзи, къ сабѣ на чесь, пѣвника кушацъ!» Отвѣчаецъ яму Богъ: «милосьливый Восипъ, приду!»

А тутъ ёнъ, туды идучи, говорицъ жонцы: глядзи, говд̀рицъ: ты̀ пумяцѝ вулучку и дворъ,—можа Богъ насъ послухаецъ, прѝдзецъ!

Идзѐцъ ёнъ назадъ оттуль, усё поме́цено; и ляжѝцъ на етой вулучцы калѣсство—ни рукъ, ни ногъ, тольки ту̀лово чаловѣцкое, и видно, што живъ. Увышовъ ёнъ у йзбу и говорицъ жонцы: «ахъ, говорицъ,—што я трудзився, у брата три годы служивъ, ды ў мяне ёсь руки й ноги! А то трудзитца, говд̀рицъ, калѣсство,—безъ рукъ, безъ ногъ,—якъ ёнъ живе́цъ? И што мы, жонка, здзѣлаемъ: унясёмъ мы яго у свою хатку, и Богъ казавъ—приду, и будземъ Бога просицъ,—ци не дась яму̀ Богъ хоцъ рукъ!»—А пойдземъ, говорицъ, унясёмъ!

Пошли, яго унясьли зъ жаной, послали посцель коло стола и поклали. И нямного ето уремя прошло—можа съ часъ, алѝ зъ два—сичасъ ина говд̀рицъ: «ахъ, говд̀рицъ, Восипъ: у Бога, говорицъ, усягд̀ много, ёнъ жа жъ сытъ; коли къ намъ прѝдзецъ, дыкъ усётки не голодный. А ето калѣсство можа нѣскульки днёвъ ня ѣвши. Ды ўжу Богъ на насъ за ето сварѝтца ня будзецъ: дадзимъ яму̀ етаго пѣвника покушацъ!» Ну й можа яны три разы уклали яму̀ ў ротъ етаго пѣвника. Тоды Восипъ говорицъ: «вотъ жа, можа ёнъ пицъ хочецъ,—у яго жъ тожа рукъ нема. Дадзимъ яму попицъ!» Дали яму пицъ. Тоды Восипъ штд̀ уздумавъ: «ицъ Богъ, говорицъ, не свой братъ! Мы яго унясьли, а ёнъ можецъ на насъ усе́рдзитца за ето. Дай, каецъ, мы яго вынесемъ у садокъ, посцелимъ посцелю и положимъ тамъ. А прѝдзецъ жа къ намъ Богъ, дыкъ будземъ жа мы якъ-небудзь зъ имъ разгуваривацъ. Дыкъ мы покажемъ яго яму, и будземъ просицъ, кабъ давъ яму ци руки, ци ноги—што нѐбудзь!» И вынесли яго и поклали ў садокъ.

Посли того ўремя дожидали яны часъ ци повтора. И тоды ина говорицъ: «Восипъ, говорицъ, сходзи, говорицъ, къ Богу: ци ёнъ къ намъ прѝдзецъ, ци откажецъ намъ. Нехай бы мы ужу зпали!» Сичасъ Восипъ усходзицъ опяцъ на гору̀, говорицъ: «Господзи, ци вы придзеця ко мнѣ пѣвника мойго трудовд̀го и слезавд̀го кушацъ, ци нѣ?» А Господзь каецъ—гласъ: милосьливый Восипъ, я ў цябе бывъ! благодарю цябе за твою чесь! А вд̀ што я табѣ совѣтую: за твою чесь даю табѣ благодареньня: продай свою хатку, и скорымъ пд̀спѣхомъ, и бяри свою жану,

милую свою, и идзи туды, куды цябе будуць вочи несць, и ночуй тамъ, дзѣ цябе ночь обоймець!..

Етый Восипъ пришовъ, а калѣсства того и нема. Жонка отвярнулась, яго й не стало. Ёнъ жанѣ своёй говорицъ: «Богъ мяне, говорицъ, назвавъ—милосьливый Восипъ. И говорицъ, кабъ мы свою хатку продали и ишли туды, куды вочи будуць несць. Ци будзешъ ты согласна?»—А што жъ, говорицъ, Восипъ: Богъ вялiць—надо йци; я, говорицъ, согласна! Узяли, хатчонку свою продали, шалдобицiйко своё забрали и пошли, куды глазы глядзяць.

Идуць яны; усё оказуетца имъ дзень. Уходзюць у большую пущу. Вотъ Восипъ говорицъ: «Богъ говоривъ нучуваць, дзѣ ночь обоймець; а пуща большая: Богъ вѣдаець, ци выбъемся хоць на край?» Удругъ, трохy пройшли,—видна поляночка, и на полянки стоиць домъ громаднѣйшiй. Потходзюць къ тому дому, и ночь обоймаець ихъ,—огни, видзюць, горяць. Ёнъ и говорицъ, Восипъ: «што, говорицъ, жана: Господзь намъ вялѣвъ, гдзѣ насъ ночь оббймець, нучуваць!» —Што жъ, Восипъ,—коли Богъ вялѣвъ, дыкъ и будземъ нучуваць. Коли Богъ назначивъ смерць, дыкъ намъ смерць тутъ будзець, а коли нучуваць, дыкъ надо нучуваць! Ну, заходзюць у етый домъ. Стоиць пиценьнё—ядзеньнё, што имъ угодно: а никого у доми нема. Етый Восипъ походзивъ—походзивъ по ўсимъ дому и говорицъ: жонка, давай, говорицъ, заночуемъ,—што Богъ ни дасць! Вячеряць жа намъ наставлено; ето жъ никому—намъ; давай повячеряемъ! Повячеряли, Богу помолились, ды спаць. Сичасъ снитца милосьливому Восипу и жанѣ яго: вотъ жа, говорицъ, милосьливый Восипъ: за вашу чесць вамъ усё ето ходзяйство, распоряджатца до вѣку, по своихъ смыслахъ до вѣку!

Назаўтраго Восипъ устаець и идзець оглядаць ходзяйство. Пришовъ уво 'дзинъ инбаръ—насыпанъ инбаръ грошей; другiй инбаръ—жита: третьцiй инбаръ ячменю, чацьвёртый гречки, пятый—съ овсомъ. Ето Восипъ видзючи, *количество* етакое, нанявъ сабѣ дворника. И ставъ жиць.

Удругъ, пошли худэя годы. Ну, и стали яго знаць людзи; Восипъ людзей вызволяець. Вотъ сичасъ, дальше—больше, годы пошли худжѣйшiя; ставъ ёнъ людзямъ хлѣбъ даваць на новъ: вясной дасць, а ў восень отбираець. Чецьверць даёць, а бярець—на дно чецьверць насыпавши и подъ счоркъ—и исцинное и проценты, и ўсё тутъ. А ўсё-тки зъ засѣковъ сыплетца. И узнали ето людзи и собирались къ яму, и стольки, што дзесяцинъ на чатыре, на пяць стояли обозы, разбираць хлѣбъ.

И почувъ яго братъ, што ёсь нѣйкiй купецъ имянитый, который сходно хлѣбъ позычаець, и на дзеньги отдаець сходно. «Нука, говорицъ, сынки,—зьѣдзиця. Можа годы ще поплошѣюць, купiця пудовъ шезьдзесятъ,

на шасьцёрцы; нехай у нас тутъ поляжйцъ, мы на имъ и тутъ заробимъ!»

Ну, яго сичасъ ѣдуць еты пляменники и бѣдныхъ мужуковъ труць, лумаюць колёсами и конями богацкими. Ёнъ говориць: «што вы, баловщики, дзѣлаеця?»—Мы, говориць, господзинъ купецъ, на готовыя гроши! Ёнъ говориць: чортъ цябе бяри изъ грошами: у мяне, говориць, чарёдъ ёсць, хуць за гроши, хуць даромъ,—усё 'дно идзёць черядомъ! Ну, удругъ ёнъ ихъ покаравъ, и сичась къ сабѣ призвавъ: «ци узнаецё вы мяне?»—Нѣ!—«Я жъ дзядзька вашъ, Восипъ!» Ставъ имъ тамъ расказываць. Яны говорюць: узнаёмъ! Ну, ставъ ихъ часьциць. За столомъ спрашіець: «ну, ци здоровъ жа вашъ оцецъ, а мой братъ, и маць ваша ци здорова? И прошу на промилуй Богъ, кабъ прибыли яны ко мнѣ ў госьци. И скажиця, што будуць и сыты и довольны, и 'тъ Бога благодарны. Тольки кабъ пріѣхыли!» Сичасъ, ня довго думавши, насыпавъ имъ шесь возовъ хлѣба, своимъ плёмешамъ: «и кланійцесь свойму отцу, и скажиця, што вамъ братъ вашъ насыпавъ шесь возовъ хлѣба; и вотъ вамъ узёлъ грошій, и прошу, кабъ у госьци ёнъ прибывъ изъ жаною!» Пріѣхыли яны и хвалютца; «эхъ, говориць, татъ! ето жъ дзядзька нашъ Восипъ! Што ў яго ёсь? што у яго дзѣетца? скольки хлѣба ў яго, скольки чаго! Насыпавъ и намъ шесь возовъ—безъ копѣйки, и ще вузёлъ грошей табѣ прислявъ на госьцинецъ!» Ёнъ говориць: отъ, жонка, глядзи, скольки у нашаго Восипа грошей! мнѣ скольки прислявъ на госьцинецъ!—Эхъ, говориць: дай зьѣздзимъ, поглядзимъ, откуль у яго богасство: либо укравъ што, либо зъ нашаго пѣвника,—по доли пошло!

Ну, запрягали коня и ѣхыли туды. Дороги не пытаць, сыны ужу расказали. Пріѣхыли къ Восипу, Восипъ ихъ принявъ до чесьци, якъ надо быць: усё ровно, якъ родного отца.

Сичасъ, ночь яны гуляли изъ братумъ, изъ нявѣсткую, назаўтраго говориць: братъ, говориць: пойдземъ, полядзи мойго хозяйства! А жана осталась тутъ зъ нявѣсткуй. Тая говориць: «ты, говориць, скажи, сястрица,—дзѣ вы сабѣ такого добра нажили?»—А, говориць, сястрица: добро ето намъ Господзь такъ пославъ, говориць; ето за вашаго пѣвника, што *мой* заробивъ у васъ пѣвника за три годы. Заробивъ пѣвника у васъ, вотъ мы яго зарѣзали, и позвали Бога ѣсь того пѣвника. Богъ пришовъ, побывъ на часьцй у насъ, и сказавъ: до вѣку вамъ ето хозяйство!.. Больше ничого не сказала ина ей.

Оборачиваетца яé мужикъ у комлату, ина сичасъ и говориць: «ѣдземъ домой! Жива ня буду, ѣдземъ сичасъ!» И скольки не просивъ яе дзеверь и нявѣстка, и мужикъ,—нихто не ўпросивъ: «ѣдземъ!» Ну, поѣхыли. Выѣхыли зъ дому, удругъ ина говориць: богачъ ставъ за нашаго пѣвника! Ты, говориць, ня вѣдыешъ: што ты давъ имъ пѣвника, яны

згутували, ды Бога позвали покушаць. Вотъ имъ за ето Богъ давъ богасство! Ну мы забъёмъ кабана, зарѣжемъ вола, гусей пары три, говориць, зарѣжемъ, и завѣсимъ котлы и ўсю божію, говориць, *свиту* угосьпимъ. То намъ Богъ, говориць, ящо утроя дась, якъ Восипу!

Сичасъ, прiѣхыли домой, вола зарѣзыли, кабана забили, гусей пары три зарѣзыли, и завѣсили котлы, приставили поваровъ, и варюць обѣдъ хорошiй-хорошiй. Такъ сичасъ ина кричиць: «ну, обѣдъ готовъ; ступай Бога зови! Ды живо! Хуць сабѣ со ўсёй свитый нехай идзець,—будзець съ усихъ!» Ёнъ приходзиць на гору́ на тую на самую, идзѣ Восипъ гукавъ. «Господзи, говориць: приходзили вы, говориць, къ мойму брату Восипу одного пѣвника кушаць,—ну я прошу на ўвесь обѣдъ, ну, коли хочеця, говориць,—съ усёю свитую!» И Богъ отказыецъ: ну, приду, говориць: дожидай, приду!

Сичасъ ёнъ идзёць, сичасъ ляжиць коло воротъ на вулицы калѣство—ни рукъ, ни ногъ, одно тулово чаловѣцкое. И видно, што живъ. Ёнъ сичасъ па сямью: «ахъ вы, говориць, туби-вашу-растуби,—вы ня видзиця, што тутъ сквернось вяляетца!» И давай яго выспяткомъ: ты, говориць, куды йдзешъ? ты не знаешъ, хто я? Я, говориць, Бога дожидаю на 'бѣдъ, а ты тутъ валяесься! Ды давай яго выспятками! По вулицы кацивъ—кацивъ, и за волосы у крапиву скинывъ. А къ жанѣ говориць, пришовши: а твой, говориць, недоглядъ, што тутъ етакое вяляетца!—А почомъ я, говориць, знала: можно було кому нибудзь поглядзѣць!

Ну, сидзяць яны посьли того часъ и два, и третьцiй, и здзѣлалось уремя посьли того позьнее. Ина яму̀ говориць: идзи ты къ яму: ци нехай ёнъ идзець обѣдаць, ци ня йдзець, дыкъ откажець; мы безь яго по'бѣдаемъ. А мы богасствомъ вѣкъ и своимъ проживёмъ!

Сичасъ ёнъ выходзиць на тую гору—ёнъ жаны слухаець—и говориць: Господзи, говориць: ци прйдзеця вы, говориць, ци нѣ? Коли ня придзеця, дыкъ откажиця,—мы безъ васъ по'бѣдаемъ! Богасства хвациць у насъ свойго, безъ вашаго! А Богъ говориць: вотъ, говориць, богачъ: узглянь ты на свой дворъ и самъ на сябе! Тутъ ёнъ тольки узглянувъ на свой дворъ—свой дворъ наскрозь земли пошовъ; а ёнъ на тотъ мѣсьци, якъ стоявъ. Во̀!

Д. Нов. Дѣдинъ, хотов. в. клим. у. От кр. Петра Якимова, 37 л. неграм.

Аналогичны съ этимъ прiуроченныя къ извѣстной мѣстности преданiя о такъ называемыхъ «святыхъ озерахъ», образовавшихся будто бы вслѣдствiе проваловъ селенiй. Въ Бѣлоруссiи такихъ озеръ множество. Почти всѣ они имѣютъ форму болѣе или менѣе правильнаго круга и большею

частью расположены вблизи древнихъ городковъ. Такъ какъ въ преданіяхъ говорится, что вмѣстѣ съ селеніями проваливались и бывшія въ нихъ церкви—благовѣстъ которыхъ и теперь бываетъ слышенъ въ пасхальную ночь, «якъ запяюць: Христосъ воскресъ.»—то возможно предположеніе, что нѣкоторые изъ городковъ служили мѣстами для совершенія богослуженій у нашихъ предковъ, и что съ перемѣною религіи изображенія древнихъ божествъ и жертвенники—если таковые были—ввергались въ эти озера, откуда послѣднія получали названія «святыхъ», а на мѣстѣ старыхъ святынь ставились массивные каменные кресты, которые также нерѣдко находятся при святыхъ озерахъ и въ настоящее время. (См. напр. Древности, т. XI, 2, 85) Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ озерахъ послѣ бурь находятъ предметы утвари: ложки, чашки, скамьи, а также доски, бревна. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что здѣсь могли быть и такъ называемыя свайныя постройки. Мысли, какъ извѣстно, не новыя; но онѣ напрашиваются сами собою.

Почти всѣ подобныя озера отличаются большою глубиною, при отвѣсныхъ берегахъ. Это обстоятельство, по нашимъ наблюденіямъ, объясняется тѣмъ, что они постепенно заростаютъ сверху и представляютъ, въ сущности, только остатки нѣкогда обширныхъ озеръ, отъ которыхъ уцѣлѣли только наиболѣе глубокія, срединныя пространства. Одно изъ преданій приводимъ.

50. Богъ и вдова.

Ишовъ Господзь и Микола и Ягорій. Было ўремя на за́говины. Просилися нучувацъ по дзяревни, и нихто ихъ не пусьцивъ; сышли ўсю дзяревню—нихто не пусьцивъ. На концы дзяревни жила сабѣ удовушка, побѣдная головушка. И пришовъ къ ёй Господзь и Микола и Ягорій, и про́сютца у яѐ нучувацъ: «пусьци насъ пунучувацъ, бабушка! усю дзяревню сышли—нихто насъ не пусьцивъ!»—Рада бъ я, дзядзеньки, васъ пусьцицъ пунучувацъ, дыкъ та́кей сягонишній дзень, што людзи заговляюць, а ў мяне не́чимъ! И яны отвѣщаюць ей: «Богъ пошлѐць усё, тольки пусьциця пунучувацъ!»—Ды за ношлегъ, дзядзеньки, мы не споримъ: ночуйця сабѣ!

Занучували. Клопоцицъ бабушка ета, што нема у яѐ хлѣба. Господзь гово́рицъ ей: няси, баба, дзежку сюды! Ина ўнесла. Улила воды. Господзь узявъ, усыпавъ горсць муки: «закрый, говорицъ, бабушка яѐ!» Ина закрыла и поставила на лежанку. И думаецъ ина сабѣ: што́ тутъ ёсць, што ёнъ усыпавъ? У насъ не такъ дзѣлаюць,—побольшъ сыпюць! И пошла по дзяревни просицъ муки добавицъ больше,—и нихто не давъ.

И баби етой ня спитца и не ляжитца; думыецъ—якъ мнѣ етыхъ лю-

дзей зӑутри привӗцицъ? Ну, пунучували; устали, помылись, Богу помолились. Посмотри̂цъ баба у дзяжў—цѣлая дзежа хлѣба! То ўсхвалила ина Господа Бога! И то ина удумала, што ето не якея-нибудзь людзи, а якея-нибудзь пророки. Напекла ляпёшакъ, и подносицъ имъ снѣдацъ. Ну, яны тамъ ци снѣдали, ци не снѣдали, поблагодарили е́й и пошли. Пошли яны, выходзицъ баба съ свое́, хаты, посмотри̂цъ—дзяревни нема! А становилось озяро̂. То ина силно злякнулась и спугалась, начала̂ Богу молитца.

М. Забѣлышинъ, клим. у. Также же и въ с. Озеранахъ, рогач. у.

51. Богъ, вдова и богачъ.

Ишовъ Господзь по дорози, и Микола и Ягорій. Бѣжа̂цъ къ имъ вовки, и давай просицъ у Бога, штобъ Господзь имъ послав якую нибудзь скоцину. Господзь говорицъ: идзиця, вовки, къ пустуху у стаду, тамъ ходзицъ корова удовиная, лысая, и будзецъ перядъ ей свѣчка горѣцъ—тае́ вы зѣжця! Миколи стало жалко: за што жъ бѣдную ўдову разобиждацъ? И говорицъ Богу: Господзи, лучче богачову корову зарѣзали бъ, чимси удовинў! Господзь говорицъ: нѣ, нехай удовину! Микола отвороцився отъ Бога и пошовъ къ пустуху у стаду, и узявъ, дёхцемъ вымызавъ корови лысину. Етыя вовки прибѣгли къ пустуху у стаду, бѣгали-бѣгали яны, не нашли нійдзѣ лысой коровы.

Прибѣгали опяцъ къ Господу Богу: Господзи, говорицъ: нема коровы лысой нидзѣ! Господзь говорицъ Микулаю: «Микулай! ето ты постарявся ўжў?»—Я, Господзи! Жалѣю етый удовы, што ина бѣдная, и зъ дзѣтками зъ дробными, будзецъ гурюва̂цъ! Господзь говорицъ: «любя я́е! И збавитца ёй грѣха, и принита будзецъ у царство нябесное!» Такъ пославъ Господзь вовковъ у стадо. И зарѣзыли ету корову. Начала̂ ета бабушка выцъ и тужицъ, и плакыцъ. По̂томъ того, давай Бога просицъ: слава Богу за ўсё! Богъ давъ, Богъ и ўзявъ!

Ну, пошли яны опяцъ по дорози. Ко̂цитца бочка золыта. Микулай говóрицъ Богу: «Господзи, куды ета бочка золыта ко̂цитца?»—А ето къ богачу!—«Господзи, лучче удовѣ нехай ета золота бочка!» Господзь говорицъ: удовѣ ня треба золото али серябро, а ёй царство нябесное!.. То пошли яны по дорози и зайшли къ богачу нучувацъ. Ёнъ ихъ пусьцивъ и сказавъ имъ,—што ў мяне у хаци нучувацъ не будзеця, а коли угодно, дыкъ у свинна́рокъ идзиця!—Ну, дыкъ што жъ, Господзь говорицъ: мы й етымъ довольны! Богачъ говорицъ: работникъ! завядзи ихъ у свинна̂рокъ! Ёнъ ихъ завёвъ къ кабанамъ.

Воткрывъ святый Микола книгу, запаливъ свѣчку и ставъ чатацъ. То кабаны̂ спокойно лежали. На́чивъ усякія пропове̂дзи, жыціи чатацъ,

божія законы, за што грѣхъ, за што спасеньня, и якъ треба человѣку спасцитца. И богачъ спавъ у винбари, и не заспалося яму̂. И расслухавъ ёнъ, што хорошо чатаюць, и понаравилася яму молитва ета. Устаёць ёнъ съ винбару и приходзиць къ имъ у свиннарокъ: ходзиця, брація, у мою хату! Мнѣ понаравилась ваша молитва, и не заспалося. Принимиця мяне къ сабѣ!—Приймемъ, ходзи!

Пошли назаўтраго по дорози. Ишли-ишли по дорози, Господзь говориць етуму человѣку: посмотри назадъ! Посмотриць ёнъ назадъ—гориць яго домъ! Такъ ёнъ згоряча побѣгъ зы златомъ, зы грошами. И ўборснувсь ёнъ уво 'гонь; тамъ ёнъ и згорѣвъ. То Господзь сказавъ: будзешъ ты ў смолѣ кипѣць неўтолимой, итнинѣ и до вѣку.

Тамъ же.

52. Богъ, богачъ и бѣднякъ.

Живъ сабѣ такъ дужа прабѣдный человѣкъ. И нечимъ яму кормитца було и дзяцей прокормиць. Занимався ёнъ ткаць ряшоты. Наткавъ ряшотъ цѣлый возъ, запрёгъ свою лошадзь и повёзъ продаваць. А жану покинувъ зъ дзяцьми дома. Выѣхавъ на по̂ля, стрѣчаетца уперядзи крестовая дорога. И стрѣкаетца два человѣки зъ имъ. «Здрастуй табѣ, говориць, хозяинъ!»—Здрастуй, здрастуй!—«Куды ты, говориць, вязешъ ряшоты?»—Продаваць!—«Пожалуста, говориць: скинь ты ряшоты, подвязи ты насъ о̂тъ до етой дзерявушки: мы заморилися дужа!» Ёнъ бывъ якъ слабаго *харакцеру*, такъ сощапивъ руки перядъ ими и слезно заплакавъ: ахъ, братцы! большâя моя бѣдносць! Радъ бы я ряшоты скинуць,—ихъ хто-нибудзь пубярѐць! А старички еты отвѣчаюць: ня бось, *борсай* ихъ сюды, у канаву! цѣло твоё ўсё будзець! Ёнъ послухавъ етыхъ старичковъ, сбросивъ ряшоты ў канаву, и посадзивъ ихъ на лошадзь, старичковъ, и поѣхали умѣсьцямъ.

Доѣжжаюць до дзяревни, сычасъ: «идзи, говориць, попросись на ночь у етымъ доми! Етый домъ, иць, хорошій,—пусьцюць насъ перенучуваць!» Етый бѣднякъ пошовъ просйтца на ночь. Подышовъ подъ вокно: «добрый вечеръ! пусьциця перенучуваць пожалуста!»—Што зâ людзи? отвѣчаець старикъ.—«Мы на 'дной лошадзёнки ўтроихъ!»—Да, побирашки! хозяинъ сказыець: у мяне такимъ ношлегу нема, у мяне купцы ўсегда ночуюць!.. Потомъ етый приходзиць къ своимъ товаришамъ къ етымъ и говориць: нѣ, братцы,—не пускаець! Етый старичокъ старѣйшій говориць: ѣдзь прямо на дворъ! Яны узъѣхали на дворъ и отпрягли свою лошадзь, и пошли у хату. Увышли ў хату, яны вячеряюць. «Добрый вечеръ, Богу й хозяину!» Яны ня 'твѣчаюць ничого. Потомъ яны пройшли къ полу

и сѣли ўмѣсьцямъ. Еты вячеряли-вячеряли, скольки було харчей, ўсё поѣли, и блиновъ рѣшето—и не подъѣли. Етый хозяинъ говорицъ: «ступайця, унясиця, ковриги двѣ хлѣба и вядро капусты!» И ўсё ето *зъли*, ящо не подъѣли, и лѣзуцъ голодныя изъ-застольля вонъ. Потомъ етый хозяинъ помолився Богу и плюнувъ на зямлю: «эхъ, што такое? николи такъ не случалось, якъ сягони: скольки чаго поѣли, и голодныя зъ застольля вылѣзли!» Сичасъ ложитца на канапу хозяинъ. Етый старшій старичокъ, который у ихъ на ношлези ночуецъ, пришовъ къ столу поближе, перехрясьцилися Богу, развязавъ платочекъ, и вынивъ проскурочку; разрѣзавъ на три часьци, потомъ гукаецъ вячеряцъ своихъ товаришовъ. Подыйшли яго товариши къ столу и сѣли вячеряцъ. Потомъ етый бѣднякъ укусивъ три ра́зы и сытъ ставъ. Вылѣзъ зъ застольля, положивъ на столъ ету проскурочку. Товаришъ яго частуецъ: што ты скоро вылѣзъ та́къ?—Нѣ, благодаримъ, братцы: сытъ я отъ васъ и 'тъ Бога! Етый хозяинъ, што лежавъ, уско́чивъ съ канапы и плюнувъ уторэй разъ: што за такое? одну яврейскую булучку узяли, и на три часьци разрѣзали, и тэй довольно изъ васъ съ усихъ, и ще́ 'тсталось? Мы жа стольки харчей зѣли, надобавокъ ящо двѣ ковриги хлѣба зѣли, и вѣдзь вядро капусты, и голодныя зъ застольля вылѣзьли! А етый человѣкъ бѣдный подупроцивъ яму: нечего на Бога убражацъ! слава Богу, сыты мы!

Ложатца спацъ наконецъ. Тольки позаснули ўси,—а еты лягли на печцы прохожіе—якъ заснули тольки хозяины, етыя старики посылаюцъ етаго бѣднаго: «идзи, съ-подъ голо́въ у ихъ повы̆волоки подушки, и посьцелемъ мы и ляжемъ спацъ помякчѣй!» Ёнъ дужа спужався: ахъ, братцы! што вы дзѣлаеця? застанетца моя тутъ и лошадзь, и насъ прибъюцъ! Еты 'твѣцили старики: «ня бось никого, дзѣлай, што мы́ табѣ приказыемъ. Ступай, узодми видное!» Ёнъ сычасъ ускричавъ: адзѣ я буду шукацъ? «Ступай у ихній инбаръ, тамъ дзьвери 'тчиняты, и горяцъ три свѣчки. И стояцъ два бочонки золота и бочонокъ се́ребра. И ускачивай на свое́ сани!» Ёнъ сичасъ пошовъ на дворъ, и растворилися, видзицъ, у инбари дзьвери, и горяцъ три свячй. Увышовъ ёнъ у инбаръ, и вѣрно ихъ слово: такъ и ёсь, якъ говорили: и золото и сѐребро! Боюся тольки узложицъ! думаецъ бѣднячокъ. Потомъ подворопивъ сани, и ўзваливъ ето на сани. И сычасъ запрегаецъ свою лошадзь. Запрёгши свою лошадзь, увышовъ у хату и кричицъ цихимъ голосомъ на туваришовъ своихъ: братцы, поѣдземъ отсюдова! я ўжу справився! Яны спрашуюцъ: «хто жъ табѣ пусублявъ накладацъ?»—Вѣдзь, мнѣ знацъ Господзь пособивъ!—«Ну, отпряги свою кобылу, и ложися спацъ; ящо няскоро дзень будзецъ!»

Етому бѣдняку ня спитца—думаетца; и плачецъ. Еты туваришы лежацъ безъ заботъ. Скольки разовъ ёнъ зачинавъ плакацъ, и самъ не

знаець, якъ зь естаго двора увыйциць. Потомъ, давъ Господзь свѣтъ. Ёнъ заснувъ передъ свѣтомъ. И товаришъ бўдзиць яго старшій: уступай, хозяинъ! Пусмотри, уже на дворѣ раньня! Етый у йспугу усхвацився, не знаець, што дзѣлаць. Наконецъ, яны умылися и помолилися Богу! раньня ўжу пырядошное. А ета ўся семъя етаго дому спиць крѣпкимъ сномъ. Потомъ яны поѣхыли изъ двора долой. Доѣхыли до етыхъ до ряшотъ: «и вотъ твоѐ, вѣдзь, ряшоты лежаць. Збирай цяперь на возъ ихъ и вязи домой. Тольки, братъ, сослужи мнѣ службу; зьбѣгай у етый домъ, адзѣ мы нучували: забывъ я своѐ перщаточки; и лежаць яны на стовпѐ, якъ лежали!» Мужучокъ етый сильно заплакавъ, и не знаець, што здзѣлаць; и растрявся ёнъ съ умомъ. По̀тымъ подумавъ на Бога: эхъ, когда я буду Богу ўгодзенъ, то нихто мойго не захочець! Перехрясьцився и побѣжавъ назадъ. Прибѣгаець къ етуму дому—нема ни двора, ни кола, тольки одзинъ попелъ. И стоиць печь и стовпъ обгорѣлый, и лежаць перщаточки на стовпѣ цѣлыя! По̀тымъ ёнъ становився на колѣнки, и ўздыхнувъ и сильно заплакавъ: о Господзи, вялйка ваша сила! И ўзлвъ еты перщаточки съ стовпа и вярнувся назадъ. Прибѣгаець къ туваришамъ, еты тувариши дожидаюць. Ёнъ пришовъ къ туваришамъ, къ святымъ, уклонився до самой зямли, заплакавъ. Товариши яго спрашіюць: што тамъ видзивъ?—Господзи—вуззвавъ: вялика ваша сила! нема тамъ ни двора, ни кола, одзинъ стовпъ стоиць, адзѣ ва̀ши перщаточки лежали!..

По̀тымъ еты—Господзь и Миколушка—распрощались зь естымъ зъ бѣднякомъ и сказали: «вязи ето двору, што на возу; и ўсё ето добро, што було у того купца, перяйшло къ табѣ у домъ! И молися Богу и не забувай на Бога никогда, и Господзь на цябе никогда не забудзець!» Попрощалися и пошли тою дорогою, откудова ишли. А ёнъ вярнувся дво̀ру. Такъ и ёсь: усё добро того хозяина перяйшло къ яму! и клѣци и инбары, и ўсё.

Ну, поетымъ ёнъ забогацѣвъ, и ставъ жиць хорошо, и на Бога не забываець.

Д. Прудокъ, забѣл. в. клим. у. Отъ кр. Ивана Моисеева, 35 л. негр.

53. Наземное богатство и нябесное.

Было два браты, у дзяревни жили; и яны были недзялёмшись. Яны ‘боя были жанатыя: ну ў водного дзѣци ёсць, а ў другого нема. И етый братъ, што безь дзяцей, бывъ кумомъ тому, што ёсць дзѣци—хрисьцивъ дзяцей у яго. Ну, тоды, надокучило имъ жиць укучи—што у етаго ёсць дзѣци, а ў етаго немашъ—дакъ ёнъ сказуя: што жъ я буду рабогаць на твоихъ дзяцей: я сабѣ другое мѣсто найду! Ну, й раздзялили своё

добро́, тамъ што было̀ ў ихъ. Етый жа зь дзяцьми оставсь тутъ жыць, а тэй поѣхавъ у другую дзяревню. Ну й купивъ сабѣ домъ и ставъ жыць, и разбогацѣвъ. А етый тутъ зь дзяцьми збяднѣвъ.

Тоды, пришло ето ўремя, во ўремя Молодзёнъ—назаўтраго Рожства —захоцѣвъ, ёнъ, бѣдный етый, свойму куму отнесць пирогъ съ поштэніемъ. Ну, ёнъ собравъ мучыцы, спёкъ пирожокъ, и понёсъ брату свойму. И було до яго далины̀ дватцаць пяць вёрстъ. Одзе́жа у яго была̀ плохая, у етаго у бѣднаго, а морозы таке́я большэя. Понёсъ ёнъ пирожокъ. Покуль ёнъ дойшовъ до дому до яго, то й зьме́рзъ на-пра́хи. Тольки къ яму̀ ухо̀дзиць у хату, у яго госьци за столомъ. Ёнъ отказу*ець*: што ты, братъ, пришовъ? А ёнъ отказу*я*: якъ вы мнѣ называецесь кумъ, дыкъ я вамъ пирожокъ принёсъ! Ёнъ отказавъ: вотъ-то не бачыли твойго пирожка! Да. Тамъ можа дома нечымъ дзяцей покормиць у цябе; а ў мяне и безъ твойго много пироговъ ёсць! Идзи, братъ, сабѣ съ Богомъ назадъ!

Братъ етый заплакавъ: што дужа зьме́рзъ, а ёнъ яго не принявъ до чесьци къ столу и отсылаець назадъ ня 'богрѣвшыся. Заплакавшы и пошовъ назадъ. Пройшовшы у повдороги назадъ, и уже выбився ись чуствя; прихо́дзя яму̀ то̀, што ўже поме́рци. Оглянувся у правый бокъ—горицъ гонёкъ. Ёнъ поднявсь и пошовъ къ гоньку къ етому. Подыходзиць туды—стоиць каменный домъ, мурува̀ный. И ли яго стоиць у гору̀ (на чердакъ) лѣсьвичка. Полѣзъ ёнъ по етой лѣсьвички у гору̀, и увышовъ у домъ. Сядзиць тамъ старэй стыричокъ и пишыць. По̀тымъ етый отказуя: дзѣдушка, пусьці̀ця мяне обогрѣтца! А ёнъ отказавъ: а вотъ, стань ли грубки, обогрѣйся! Да. Ето ёнъ не знавъ стыричка етаго: ето бывъ самъ Богъ.

Ну, ставъ ли грубки 'богрѣватца и задремавъ. Тоды ноги подъ имъ колыхнулися, и ёнъ перехрисьцився и сказавъ: Господзи, помилуй мяне грѣшнаго! Дзѣдушка, каець: позвольця мнѣ переночавацъ? Ёнъ каець: а ночуй сабѣ, отъ ли грубки! Ну, ёнъ и лёгъ. Тоды, назаўтраго, прошнувся, ставъ благодариць: спасибо табѣ, дзѣдушка, мой бацюшка, за ношлегъ, што ты изьбярёгъ душу̀ мою отъ смерци! А ёнъ ставъ распытываць: а дзѣ жъ ты бывъ такъ? Ёнъ отказуець: братъ мой у мяне хрисьцивъ дзяцей моихъ, якъ мы жыли укучы. А цяперь ёнъ отъ мяне отдзялився и выѣхавъ у другую дзяревню; ну, такъ я собравъ мучыцы на пирожокъ, и сьпякли, и понёсъ я къ свойму брату за то, што ёнъ у мяне хрисьцивъ дзяцей. И идучы я по дорози—одзежа моя плохая—я зьме́рзъ дужа: не могу больше побыць (пожить). Тольки приходжу къ яму̀ на двери, и ў яго госьцей за столомъ засоджано. Ну, и ёнъ недово̀лянъ ставъ моимъ пирожкомъ, и не давъ мнѣ обогрѣтца; и ня 'тпусь-

цёмши мяне отъ порогу дальше, отославъ назадъ. Вотъ я, идучы назадъ, чуць ня зьмёрзъ. Тоды и повидзивъ етый огонёкъ и пришовъ къ вамъ. И за ето васъ благодарю, што вы мяне зьберягли!.. А ёнъ отказуець: а якого ты хочашъ богатства: али наземнаго, али нябеснаго? Мужыкъ тэй отказываець: я хочу̑, кабъ мяне Господзь отъ нябеснаго богатства не 'твярнувъ; а наземнаго намъ уже ня ймѣць,—за то што дзѣци моѐ дробныя. Хуць ба давъ Богъ такъ на зямлѣ, кабъ було што изь дзицями подъѣсць и у̑во што одзѣтца. А запасу нияко̀го не жалаю! Ну, тоды сказуець старичокъ: ну, идзи сабѣ зъ Богомъ, чаловѣча!

Приходзиць ёнъ домовъ и зацѣваець свою жану хату топиць, да кабъ було чымъ дзяцей покормиць. А жана отказаваець: къ чаму жъ я буду топиць, коли у̑ мяне нема ничо̀го! А ёнъ отказуець: вотъ, я пирожокъ назадъ принёсъ: а ты йдзи назадъ у клѣць у свою, и помяци найзновъ за̀сѣки,—можа на кулёшъ муки и зьмяцёшъ! Тоды ина не хоцѣла ици, ну яго у̑цѣшила, пошла. Отчыняець клѣць—дакъ тамъ усяго ёсць: засѣки кажы̀ныя изъ му̀кою, и видчыны̀ усякія много, говядзины, и одзежы усякія! Ина рада тому стала, и побѣгла зъ радосьци къ мужу къ свойму. И каець: ходзи-тка поглядзи, што у насъ дзѣетца у клѣци! Ёнъ пошовъ, поглядзѣвъ, тоды говòриць: ето намъ Богъ давъ! Ну, й ставъ расказываць: ето вѣрно у божжамъ доми я бывъ! Што такъ 'мяне ня бу̑ло, а стало много у̑сяго!. И стали жыць.

Нѣскульки пожывши, разжылися у̑же много, богаты стали. Построили хорошый дворъ сабѣ и по'дзѣли дзяцей хорошо. На столѣ у ихъ зау̑сягды чаго захочышъ, дыкъ ёсць.

И у̑ етомъ у самомъ сяленіи бывъ отъ такéй-то я̀рмалокъ, што зьѣжджалися людзи съ усихъ сторонъ. И братъ яго пріѣхавъ. Да не заѣхавъ жа къ яму̑ у дворъ, а заѣхавъ къ другому сусѣду. Та̀къ етому брату жалко стало, што ёнъ варекáетца 'тъ яго! И пошовъ слёзно просиць яго къ сабѣ. Ёнъ ня хочыць ициць къ яму, говòря: што, я не видавъ тамъ твойго мосту разла̀манаго, ци дзяцей твоихъ тамъ зама̀заныхъ! А ёнъ отказуя яму̑: нѣ, брацецъ,—у̑ мяне усё чысто: прошу покорно! Ну, тоды братъ пошовъ къ яму̑. Уходзиць у яго у̑ хату. Помолились Богу и сѣли за столъ. Тоды стали 'бѣдаць. У ихъ кушанья було на столѣ, якое яны хоцѣли: разное кушанья, разныя напитки. Ну, поѣвши ето, побѣдавши, ставъ благодариць брата и распрашаваць: откуль ты, братъ, такъ разжывся? вѣрно ты занявся вуруваць, што ты и дзяцей своихъ хорошо 'дзѣвъ, и дворъ хорошій построивъ? Ты жъ у мяне бывъ недавно, дыкъ на табѣ ничо̀го не було̀! Ну ёнъ отказавъ: ето мнѣ Богъ давъ!—Дыкъ извѣсно жъ: тому Богъ даéць, хто крадзець,—коли увя-

се́ць! Да. А ёнъ отказавъ: нѣ, вѐрно мнѣ Богъ давъ: я не кравъ нидзѣ —А дзѣ ты могъ Бога видзѣць? А ёнъ отказавъ: коли ты хочашъ дыкъ я табѣ укажу! ʻОтъ у тое ўремя, якъ я пирожокъ къ табѣ нёсъ дыкъ я дужа зьмёрзъ, чуць не помёръ; а ты мнѣ не давъ ʻбогрѣтца, назадъ мяне отправа̀дзивъ. Пошовъ я назадъ отъ цябе, дойшовъ у повдороги, и ўжо больше ицпць не могу. И завидзѣвъ у правый бокъ цяпло̀, и приходжу къ етому къ цяплу̀. Стойць домъ и лѣсьвичка. Я по лѣсьвички полѣзъ, и ў домъ увыйшовъ. Тамъ сядзйць стыричокъ и пишыць. Ну, тоды я попросився у яго обогрѣтца. Ёнъ позволивъ, и я у яго переночававъ. И ёнъ у мяне спросивъ: адзѣ ты бывъ? И я сказавъ, што у брата. Поблагодаривъ яму за ношлегъ, и ёнъ у мяне спросивъ якого хочашъ богатства, ци наземнаго, ци нябеснаго? Ну, я яму̀ и ʻтказавъ, што не ʻтварнувъ ба Богъ отъ нябеснаго, а наземнаго намъ не видаць! То ёнъ сказавъ: ну, идзи сабѣ изъ Богомъ! Ну, изъ естаго мнѣ Богъ и давъ. Я дознаюсь, што я бывъ у Бога!.. Ну, ёнъ тоды сказавъ: ну, постой-жа, и я довѐдаюся!

Ну, поѣхавъ домовъ, и здзѣлався мёрзлымъ—што вотъ ишовъ тамъ, ци ѣхавъ, и зьмёрзъ на дорози до того, што цярпѐць ня можыць,—хочыць погрѣтца. Зирнувъ у тэй бокъ, адзѣ тое горѣло цяпло̀, што бывъ яго братъ,—и ёнъ повидзивъ. Прихо́дзя къ цяплу къ етому. Такъ и правда: стоиць домъ и лѣсьвичка. Тоды ёнъ по лѣсьвички полѣзъ и ставъ у доми. Такъ жа само стыричокъ сядзиць за столомъ и пишыць. Ну, ёнъ попросивъ у яго обогрѣтца. Ёнъ сказавъ яму̀: стань ли грубки, обогрѣйся сабѣ! Ёнъ такжа пригрѣвсь ли грубки, задремавъ и сколыхнувсь. И тоды перехрисьцився и сказавъ: Господзи, помилуй мяне! Дзѣдушка, позвольця мнѣ поночаваць у васъ! Ёнъ отказавъ: ночуй сабѣ! Тоды ёнъ, поночававши, уставъ и ставъ благодариць за ношлегъ: спасибо табѣ, дзѣдушка, мой бацюшка, што ты мяне забярёгъ отъ смерци! Коли бъ не пусьцивъ у хату, то бъ я й зьмёрзъ! А ёнъ отказавъ: а дзѣ жъ ты такъ бывъ!—Ишовъ по дорози, и заморився,—зьмёрзъ бывъ! —Ну, а ты яко́го хочашъ богатства сабѣ: ци наземнаго, ци нябеснаго? А ёнъ отказавъ: на што мнѣ нябесное богатство? хто мяне будзець знаць, што я богатъ? Коли я буду на зямлѝ богатъ, то мяне ўси людзи будуць знаць!—Ну, идзи жъ сабѣ ў двору! Ёнъ и пошовъ.

Тамъ зачымъ то злучылось ици у вынбаръ жанѣ яго. Полядзиць—дыкъ яго добро ка̀жыная мышъ по со́бѣ волочѐць во ўси бокѝ!.. И разволокли годы ў три, што ўсё пусто стало. И ёнъ ўсё оряшйвъ, и приѣхавъ назадъ къ брату, дожываць до смерци своѐ.

М. Студенецъ, чер. у. Кр. Ив. Будзько, 37 л. слѣпецъ.

54. Счастье.

Жили два браты: одзинъ богатый, другій бѣдный. Етый богатый и плошѣй работавъ, и хорошо живе́; ну бѣдный кажетца и хорошо работая, а живе бѣдно—не шаньдзйць ни ў чомъ. Та́къ ёнъ бѣдный устае́ рано, смотрйць—у брата тая работа ужо здзѣлана. Усё братъ попе́редзи.

Ну, дождали яны ўремя, поѣхали сѣяць жито. Потомъ етый бѣдный братъ, ру̀питца, якъ ба ранѣй устапь и захвацпць перёдъ, посѣяць ранѣй брата—ци ня лучче будзя. Пріѣжжая ёнъ къ своёй полосѣ ще́ цёмно; чуя, сѣетца братово жито, чвика̀ютца зерняты объ сявно́, и ня видно хто, цёмно. И такъ, што ня можа ёнъ поперядзйць брата ни ў чомъ. Дождали ўремя; уродзило жито; богатаго—того лучче, а бѣднаго хуже. По́томъ ёнъ посьли жнива̀ склавъ своё жито у ко́пы. Тое худое и топчетца и травитца; дыкъ ёнъ пошовъ сцяречь на ночь. А поло́сы зъ братомъ были ўмѣсьци. Смотрйць—хо́дзя по братней полосѣ бурая корова, собирая колосься; и по чужихъ полосахъ хо́дзя, ды ў богатаго брата копу но́ся. Тоды пришла й на яго полосу, и давай щипаць колосься зь яго копы. Тоды ёнъ, бѣдный братъ, зъ-за копы! Поймавъ за ро́ги ету корову и ставъ яе́ наказываць, поймавши, цапко̀мъ. «Што ты, гово̀ря, вовкъ цябе рѣжъ! што ты такая за корова: идзѣ много, туды й носишъ, у нашихъ полосахъ бярѐшъ?» Ина гово̀ря яму̀: «я, говоря, не корова, а твойго брата Ща̀сьця!»—Ну што жъ, говоря: я ящо буду цябе биць: укажи, говоря, моё Щасьця!—«Да я, гово̀ря, укажу и твоё Щасьця,—ня бй тольки мяне! Идзи, гово̀ря,—у такимъ то гомо̀нищи (урочище) стоиць липа дуплинатая. И ў тэй липи твоё Щасьця у карты гуляя, съ протчими. Ты йдзи и бяри яго за хохолъ!»

Ёнъ пусьцивъ тую корову и пошовъ къ липи. Пришовъ къ липи, смотрйць—два лйцы гуляюць у карты. Ёнъ тоды тое за лобъ, што корова указала: ты што, говоря, у карты йграешъ, а на мяне забываешъ! *Ина* тоды гово̀ря: стой, ня бися! ты ня тымъ занимаесься! Я бъ табѣ помогала, дыкъ табѣ не треба ни пахаць, ни косиць, а табѣ треба заниматца торговлей! А ёнъ гово̀ря: чимъ мнѣ заниматца торговлей—гро̀шей у мяне нема?—Ну вотъ, говоря: на̀ табѣ на 'сигнацыю два гро̀ши (полушку), идзи на базаръ, и купи сабѣ, што трапитца!

Ёнъ прихо́дзя на базаръ. Но́ся человѣкъ большую щуку продаваць: перекинувъ черезъ плечо и нося продаваць. Ну, ёнъ, етый бѣдный человѣкъ, думая: што купиць? купиць ба сабѣ ету рыбу—гро́шей тольки два гро́ши у мяне! Приходзя къ етому человѣку и думая: куплю, не куплю, а хуць поторгую, што ёнъ за яе́ про́ся. И спрашуя: што табѣ за рыбу? Ёнъ сказавъ тамъ копѣекъ дватцаць, ци тритцаць; а ў яго

тольки два грошй. Ёнъ кажа: я бъ табѣ давъ больше, ды нема больше у мяне. Бяри, коли хочешъ, два гроши! Етый человѣкъ носився-носився зь естою рыбою, не даѐ больше нихто, якъ ёнъ посуливъ. Ёнъ сустрѣкая етаго человѣка и говоря: больше нихто не даé,—давай два грóши, бяри рыбу, покорми дзяцей! Ёнъ узявъ, отдавъ ямў два гроши, узявъ рыбу.

Такъ ёнъ принёсъ ету рыбу домой, и приказавъ хозяйцы обчисьциць и потрошйць. Такъ хозяйка выпотрошила яѐ нутры и бросила у корыто. Потомъ покормила семяйствó и остальное вынесла вонъ. Дожидаючи ночй, просютца къ ямў на ночь два купцы. Ёнъ отказуя имъ: я радъ пусьциць васъ, господа. дыкъ моя хата грязна ли такихъ людзéй! Потомъ яны отказали: ну, што жъ, говоря: у дорози злучаетца усякъ: идзѣ худо, идзѣ хорошо,—однача намъ нравитца у цябе переночеваць! Ёнъ пусьцивъ ихъ на ночь, зготовавъ рыбы, давъ повячеряць,—принявъ ихъ, чимъ могъ. Пóтомъ яны погасили огонь и лягли спаць. Такъ изь естыя рыбы стало осіяць. Яны будзюць хозяина етаго: што, хозяинъ, у цябе ето ў корыци? Ёнъ говбря: а што жъ, говдря: я вялѣвъ хозяйцы выбросиць нутры зъ рыбы вонъ, а ина—баба—убросила у корыто. Што, можа вамъ сьмярдзиць? Яны говорюць: нѣ, ето хорошо, што ина ня выбросила: ты намъ продай етыя нутры̀! Ёнъ говоря: я не знаю, што яны стоюць! Яны говорюць: мы знаемъ, што яны стоюць, мы ня хочемъ цябе обижцаць! Посмотрѣли яны—у етыхъ кйшкахъ драгоцѣнныя камни. Яны ямў дали грóшей, скольки яны мѣли.

Пóтомъ, дзеньги етыя получóмши, ёнъ узрадовався; опяць начавъ справляць хозяиство, якъ у брата; купивъ хлѣба, справивъ лошадзéй, и начавъ заниматца, якъ и братъ. Ну, потомъ, ци много ци мало поживъ —зжився опяць,—не шаньдзйць ямў. Ну, зжився; опяць къ липи Щасьця шукаць пошовъ.

Якъ ёнъ пришовъ, явилася ина ямў и говóря: я табѣ не казала етымъ заниматца! Даé ина яму волосянўю торбу и говоря: якъ захочешъ ѣсць, дыкъ говори: столъ съ торбы! Ну, пошовъ ёнъ домой. Пройшовъ нямного зь естой торбой, конешня, ѣсци хочетца, и надо жъ полюбопиствоваць, што покажетца съ торбы. Такъ ёнъ сказавъ: столъ съ торбы! Оявляетца ямў ўсё: хлѣбъ-соль, и пиць, и ѣсць—што ямў угодно.

Ну, пóтомъ, поживъ ёнъ зь естою торбою, усимъ доволенъ; ну ня видзиць нихто богатства. Давай тоды зъ братомъ мѣняць: братъ яму давъ кóній, коровъ, усё, а ёнъ брату торбу. Ну, братъ разумный, думаець: на што мнѣ работаць, коли можно не работаючи жиць, и пиць и ѣсци. Ну, а тэй зъ братомъ промѣнявъ, и 'пяць прожывъ усё хозяйство, и 'пяць ставъ бѣдзенъ. Опяць треба ици къ липи просиць Щасьця (вин. п.)

Приходзя къ липи, оявляетца яму яго Щасьця: ну, на што жъ ты изводзївъ свою торбу, што я табѣ дала? Ты бывъ сытъ сь сямействомъ! Хто жъ табѣ виноватъ, што ты дуракъ! Учиць цябе треба. Ну, далà жъ я табѣ волосяную торбу, а цяперича нà табѣ золотую торбу. Зь естой торбой якъ захочешъ пиць да ѣсць, скажи: два съ торбы! А якъ будзешъ сытъ, дыкъ говори: два ў торбу!.. Ну, пошовъ ёнъ домой. Вотъ ёнъ пройшовъ, любопитно яму̀. Пройшовши и говòря: два съ торбы! Такъ является яму два молотца зъ дубинами, и давай яго кормиць дубинами, у два дручкà, што ня ўмѣвъ жиць. Покуль зь естыя чесци ня ўздумавъ сказаць: два ў торбу! дыкъ яны усё яго ду̀ли.

Ну, тоды, попотчивали яны яго, приходзя домой ёнъ къ брату съ тою торбою. И хвалитца брату: ну вотъ, братъ: тая торба была хороша, што я табѣ отдавъ, ну а сабѣ доставъ луччую,—золотую! Тэй давай просиць яго: давай, братъ, замѣняемъ! Ну, конешня, тэй согласенъ. Замѣняли. Ну вотъ жа, братъ: на ету ужо не кажи: столъ съ торбы! а кажи: два съ торбы! А якъ станешъ сытъ, кажи: два ў торбу! Вотъ тэй, бѣдный, узявъ свою волосяную торбу и ставъ жиць хорошо. Тэя наўчили *два съ торбы*, якъ жиць; досъ мѣняць. И хозяйство богатаго зьвёвъ и торбой золотой яго надзяливъ. А богатый ставъ радъ. Потребувалося яму тамъ пиць ци ѣсць, вотъ ёнъ кажа: два съ торбы! Ну, и оявляютца два съ торбы зъ дручками потчиваць; и потчивали яго, покуль ёнъ ня ўздумавъ сказаць--два ў торбу! Ну, и ставъ зживатца.

С. Палужъ, чер. у. Кр. Евф. Азаровъ, 50 л. неграм.

55. Доля.

Былò два брата, одзинъ богатый, а другéй бѣдный. У богатаго жъ рожъ зародзивъ густэй, а ў бѣднаго плохей. Тоды бѣдный осмотрѣвъ— яго копы расцягаваютца, жито, снопы, а богатаго ящо повнѣець: то густо было на полосѣ, а то ящо повнѣець. Тоды бѣдный пошовъ спяречь. Ну, и смотрïць—котъ зь яго копы снопъ цягнець, и нясець у копу богатаго. Уловивъ бѣдный кота и давай биць яго, на што снопы цягаець, —говòриць: ёнъ и безъ моихъ сноповъ богатъ, а ты ящо моé послѣднiя цягаешъ! А ёнъ отказаець: я обвязанъ яму̀ цягаць: я яго Доля! А ёнъ бьёць етаго кота, ды говòриць: што жъ такое? ты яго Доля, а йдзѣ жъ моя Доля? А ёнъ отвѣщаець: твоя Доля подъ лѣсомъ, на камени спиць, мохомъ заросла! Тоды бѣдный етый человѣкъ узявъ добрую дубину и пошовъ будзïць свою Долю. Подышовъ къ ёй, ды дубиной пò верху: «уставай! Чужѐя доли хорошо стараютца, а ты мнѣ ниякъ не стараесься!» Ина яму отказала: мнѣ тутъ нельзя табѣ старатца! Продавай усё своё

имушаство и выѣжжай у другей городъ! Тоды я табѣ у другимъ городзи буду служиць хорошо!»

Ёнъ пришовъ и сказавъ своей жанѣ: продадзимъ вотъ своё имушаство и выѣдземъ у другей городъ? Жана сказала: ну, й продадзимъ, и выѣдземъ у другей городъ—нехай тутъ усё остаетца,—усё ровно нема ни ў чомъ щасьця! Ина етому рада. Тоды яны продали усё, собралиси, и пошли. И не ўзяли съ собойниякого судна. Ну, тоды, ишли коло пруду, по греблi, и захоцѣли пиць. Было у ихъ три малыхъ мальчишки, дыкъ тэя пиць захоцѣли. И осталося у ихъ дома два судны. Тоды жонка посылаець яго у дворъ за судзенцомъ: сходзи, говрiць, возьми биклагу! Ворoцився ёнъ, пошовъ дома, за судзенцомъ своимъ, биклагою. Приходзиць ёнъ дома, пищаць у яго доми—плачуць. Ёнъ говориць: хто тутъ плачець?—Мы, Злыдьни твоѐ!—Чаго жъ вы плачеця?—На што жъ ты насъ одныхъ покинувъ? што мы тутъ одны будземъ дзѣлаць? Бяри и насъ съ собою! Злыдьни ужо говорюць на етаго мужука. А ёнъ отказавъ имъ: васъ жа много ёсь, усихъ я васъ одзинъ не забяру! А коли хочеця, лѣзьця ў биклагу, я й понясу! Яны тоды посьнидались мурашками и полѣзьли у ету у биклагу. Тоды ёнъ заткнувъ ихъ тамъ и пошовъ. Сабѣ думаець: досъ жа вамъ уродоваць! Принёсъ на греблю, и закопавъ ихъ тамъ подъ вярбою! Приходзиць къ жанѣ и кажець: забывся ўзяць судна! А жана и не знаець, што ёнъ злыдьневъ закопавъ. Ну, пойдземъ такъ! ина ужо говрiць.

Тоды, чуць яны греблю перайшли, такъ сичасъ оявився имъ собачка маленькiй. Тоды меньшiй мальчикъ ихъ узявъ етаго собачку на бярéмо, и радъ яму: тать, говориць,—дай яму хлѣба! Потомъ яны хлѣба яму дали, и ёнъ зьѣвъ, и побѣгъ напéредъ ихъ. А яны услѣдъ за имъ. Захоцѣли, идучи, отдыхаць сѣсць. Удругъ собачка отвярнувся на бокъ отъ ихъ, и нясець имъ портомонéцъ грошiй у зубахъ. Яны гроши узяли и рады стали. И опяць напередъ за ихъ побѣгъ, собачка, а яны услѣдъ за имъ, до самаго города.

Приходзиць собачка икъ крайнему двору, и остановляетца. И яны услѣдъ за имъ. Увидзѣвъ яврей у вокошко, што яны стояць, и выходзиць къ имъ, говрiць: куды вы идзецё, людзи? наймицеся у мяне погребъ рыць! Яны сiйчасъ нанялиси рыць у яго погребъ. Рывши етый погребъ, найшли коцельчикъ золота: начала Доля старатца своимъ порядкомъ! Тоды яны, прикончивши ету работу, расчиталися зь явреемъ,—яврей имъ заплацивъ за труды. Ну, яны, пройшовши дальше на городъ, обобрали сабѣ каменный домъ и лавку, и откупили за ето золото. Тоды стали жиць.

И разжився етый бѣдный богачѣй того ўжо богатаго. Што купюць

—съ пользою: што продадуць—съ пользою. И прiѣжжаець у етый городъ дзядзька того бѣднаго, што купцомъ ставъ. Тоды ёнъ и давай распрашавацъ: якъ тамъ мой братъ проживаецъ? Скажиця яму̂ пожалуста, нехай ёнъ у госьци ко мнѣ прiѣдзецъ! Ну, а етый ужо отказуець: ну, а якъ вы тутъ проживаеця? А ёнъ гово̂рицъ: а по̂йдземъ ко мнѣ у домъ! Ну, ёнъ пришовъ къ яму у домъ и говорицъ: ну, хорошо, братъ ражжився! Якъ табѣ Богъ помогъ такъ скоро ражжитца? Ну, покушавъ тамъ хлѣба-соли, поблагодаривъ яму и отправляетца дома. Прiѣжжаець къ тому брату и говорицъ: а твой братъ хорошо ражжився! богачѣй цябе! И просивъ васъ у госьци къ сабѣ! Ну, ёнъ тоды сказавъ: я къ яму̂ не поѣду! ёнъ лянивый человѣкъ! Быць ня можець, кабъ ёнъ тамъ ражжився! Ёнъ лянивый, ёнъ работаць ня можець!» А того не знаець, што ёнъ богачѣй за яго. Ну, али раздумався: возьму поѣду! развѣдую, ци правда ето, ци нѣ, што ёнъ богачѣй мяне!

Ну, прiѣжжаець у етый городъ, и допытався яго дому. По̂томъ, прiѣжжаець къ двору,—собачка ляжи̂цъ у воротахъ етый самый. Ёнъ зирнувъ на етый домъ, и спугався: што етый домъ три ра́зы дорожѣй яго дому. И познавъ етаго собачку, што ето ёнъ имъ живѐць, што ето яго Доля. Говорицъ на брата: братъ! заби ты етаго собачку! на чорта ёнъ табѣ? А ёнъ отвѣчаець: ахъ, братъ,—у мяне ѣсць хлѣба хвацицъ,—нехай ѣсць! А етый опяць отказуець: дармо што у цябе хлѣба много ёсць, али заби яго,—на што ёнъ табѣ? Ёнъ захоцѣвъ свойго брата уцѣшиць, и приказавъ батрако̂мъ забиць етаго собачку. Ну, тоды яны ударили етаго собаку, и ёнъ побѣгъ на етый сарай, а йдзѣ коровы стояць. Трепянувъ вухомъ, и кровъ зь яго капнула на потцёлку. Ета цялîца стала ужо Долею отъ крыви, а етый собака пропавъ. Узнавши етый богачъ, што цялîца яго Доля, ставъ ёнъ слёзно просицъ брата, кабъ ёнъ яѐ зарѣзавъ и яму̂ серца отдавъ. Братъ тэй етаго самъ не знаець, што ета цялица—яго Доля; ёнъ приказавъ яѐ зарѣзыць, и выниць изь яѐ серца, и зварицъ яго и даць яму̂ покушаць; и кабъ нихто кро̂мѣ яго ня спытывавъ. Батраки цялицу зарѣзали, а хозяйка серца згутувала. Стала серца яму̂ подаваць, а сыны яѐ подбѣгли и стали просиць: мама, дай мнѣ! мама, дай мнѣ! мама, дай мнѣ!—уси три. Ина имъ по крошачцы дала. Яны уси стали щасьливы, долею стали имъ наўсягды. Ну, тоды ина яму поднесла серца, а ёнъ узнавъ, што ня ўсё. Тоды говорицъ: нѣ, братъ,—серца ето потронуто! Коли бъ я ўпярёдъ усихъ скушавъ, я бъ твою долю споживъ, а ты бъ узнова бѣдный ставъ! Ну, и ставъ спрашавацъ: отчаго ты, братъ, такъ скоро ражжився? А ёнъ яму̂ отказыецъ у непрiятности: я ражжився хорошо! Нашовъ гроши, да й множаство, и отъ етаго скоро ражжився! Ящо, каець, у запаси

знаю цѣлую биклагу грошей,—на гребли, подъ вербою! А самъ думаець: постой жа! я табѣ укажу, сь чаго ражжився! ражживесься и ты, погуляешъ!

Потомъ ёнъ спѣшно поѣхавъ дома, богатый етый. А на яго сказавъ: ну, щасьця жъ твоё, у цябе ўси три сыны щасьливы будуць; цяпер у цябе щасьця нихто ня 'тымець николи! Прiѣжжаець дома, и сказавъ своёй жанѣ, што—я знаю гроши! Ина сказала: пойдзёмъ скорѣй, отрыемъ; а то ящо хто-нибудзь отрыець,—ци ёнъ, ци ящо хто! Пошли, отрыли; принясьли дома. Яны думали—гроши, ажны тамъ Злыдьни. Яны ототкнули ету биклажку, а яны—справно уси оттуль; рады, што ихъ ототкнули оттуль, и стали богатаго благодарыць. Ёнъ повидзивъ, што ня гроши, а Злыдьни, просиць ихъ: лѣзьця назадъ! А яны отказуюць: ахъ, довольно одзинъ дуракъ обманивъ! а мы жъ видзимъ, што ты добрый человѣкъ! Мы лучче полѣземъ къ табѣ потъ печку, и будземъ жиць помаленьку!

Ну, тоды, за годъ, за два жжили яго, што ня мѣець и куска хлѣба. Тоды ёнъ поѣхавъ къ тому брату свойму хлѣба просиць—ужо жжився соўсимъ. Ну, братъ яму не ўгнявився, што ёнъ бывъ яму лиходзѣй. А глѣдзя на яго бѣднось, насыпавъ яму хлѣба и отсылавъ яму у дворъ. Ну, и такъ поддзержавъ яго до смерци яго. Ну, й на етымъ усё.

Студенецк. в. чер. у. Отъ кр. Ив. Афанасьва, 38 л. негр.

56. Савочка.

Живъ сабѣ Савочка—бѣдный мужучокъ. Идзе́ць ёнъ по дорози и думыець: «крась я боюся, работаць лянюся, пыпросиць стыджуся. Лягу я кыло дороги, ициць не могу!» Зъ голоду звёвся. Ну, лёгъ и ляжиць. Ишовъ по дорози Богъ и Микола и Ягорiй. «Здраструй табѣ, говорюць, мужучокъ!»—Што за́ людзи?—«Своё людзи! Подзи сюды, мужучокъ, зъ нами пысядзи, пыговори!»—Братцы, не могу я!—«Пычаму ты не можашъ?»—А што жъ, братцы: работаць лянюся, крась боюся, просиць стыджуся,—зъ голоду умираю!—«Ды пойдзи зъ нами, мужучокъ, пысядзи, пыговори!» Ну, ёнъ уставъ, пришовъ. «Ну, чимъ жа цябе звацъ?»—А мяне звацъ Савочка!—«Ну, якъ ба мы съ тобой, Савочка, пошли красъ!»—Нѣ, брахненьки,—боюсь!—«Ня бось, говориць: мы недалеко пойдземъ!»—А куды жъ мы пойдземъ?—«А пойдземъ къ быгачу барана́ красъ!»—Ну, пойдземця сабѣ, брахненьки!

Пошли яны барана́ красъ къ быгачу. Господзь ставъ на воротахъ, а Ягорiй коло дзьвярей коло 'вчарка, а Микола пошовъ съ Савочкой барана брацъ. Узяли етаго барана. Микола говориць на Савочку: няси яго!—Нѣ, брахненька: я самъ не могу несь яго,—хуць ба самому дойци до мѣста. А ўжо, брахненька, коли ты яго уловивъ, ты и няси! Узявъ

Микола барана на плечи, и понясли ў лѣсъ. Пришли ў лѣсъ, ну и расклали небольшѐнькій огонь. «Ну, Савка,—ты ужо лупи яго, а мы пойдземъ у дровы!» Савочка етый и нàчавъ лупиць. Нямножко пролупивъ, прорѣзавъ яму животъ и выхвацивъ поскорѣй яму пячонки; на 'гню ихъ поскорѣй пыкачавъ, попёкъ нямного. и то яны ящо настояща сыроваты, и ёнъ ихъ поскорѣй и зьѣвъ. И нàчавъ опяць поскорѣй лупиць баранá. Пришовъ Богъ и Ягорій и Микола изъ дровъ. «Ну што, Савка,—облупивъ баранá?»—Облупивъ, брахненьки!—«Ну, давай, будземъ варицъ яго!» И зварили. Начали дзялицъ. И гыворя̀цъ яны: «Савка! а йдзѣ жъ ето пячонки зъ барана?»—Брахненьки, не видавъ я ихъ у вочи!—«Няўжли баранъ бывъ безъ пячонокъ?»—А я ня вѣдаю, брахненьки. Яйбогу, не видавъ я ихъ!—«Ну, нема ничо̀го! зъ насъ хвациць!»

Зьѣли етыго баранá. «Ну што, Савка: пойдземъ грошн красъ къ быгачу̀?»—А пòйдземъ, брахненьки! Я цяперь здоровъ и вясёлъ ставъ! Пошли къ быгачу гроши красъ. Пришли къ быгачу, увыйшли у инбаръ, и ўзяли скрыню грошей, и вынесли у тую самую пущу. Начали дзялиць етыя гроши, ны пяць часьцей раздзялили. Савочка спрашіецъ: кому жъ пятая часъ?—А пятая часъ тому, хто пячонки зьѣвъ!—Ахъ, брахненьки: ето жъ я зьѣвъ! Ну, тоды Господзь узявъ, свою часъ отдавъ Савочку, и Ягорій отдавъ и Микола: няси, Савочка, етыя гроши къ сабѣ, у свой домъ! Савочка еты гроши на плечи ўзявъ и принёсъ у свой домъ.

Тоды посылаецъ свойго сына къ быгачу за мѣркую; идзи, мой сынъ, попроси у яго мѣрки, гро̀ши мѣрицъ! Пыбѣжавъ етый мальчикъ къ быгачу: «здраствиця, говòрицъ, вамъ!»—А, здраствн, говорицъ. Што ты пришовъ, мальчикъ?—«А ето оцецъ прислàвъ мяне къ вамъ, штобъ вы, дзядзенька, дали мѣрку намъ!—На што йна вамъ?—«А гроши мѣрицъ, дзядзенька!»—Гээ, пини! у васъ крошки й хлѣба нема, а ня то, штобъ ящо гроши мѣрицъ! Да нà ўжо, нá мѣрку табѣ! Ёнъ узявъ и побѣгъ у свой домъ къ отцу. Ставъ етый Савочка гроши мѣрицъ. Помѣривъ гроши, тоды ўзявъ, наторкувъ кыло 'бручей грошей у мѣрцы у етый. «Нà, мой сынокъ, отняси яму мѣрку!» Ну, ёнъ понéсъ, отдавъ. «Глянь, пини! и жъ правда, што гроши мѣривъ! А йдзѣ жъ ёнъ грошей стольки набравъ, што мѣркую мѣривъ? Ну, а Савка етый справивъ сабѣ домъ, накуплявъ сабѣ коровъ, лошадзей накуплявъ и живъ сабѣ настояща богато.

Якъ уѣлиси Злыдни къ яму! Начавъ ёнъ опяць зживатца бѣдно. Пошовъ ёнъ тоды своé Доли шукаць. Шукавъ, шукавъ—не нашовъ. Пришовъ на гумно и лёгъ отдыхаць. Чуецъ—за 'виномъ скрипка играецъ. Ёнъ сабѣ и мыслицъ на мысляхъ: няўжли тутъ моя Доля играецъ? Пошовъ ёнъ за 'винъ, якъ уловивъ свою Долю тамъ, и почавъ яé драць,

наказывацъ: «што ты сабѣ ду̀маешъ, Доля? Я сабѣ богатство наживъ, и опяць зжився, а ты за 'вцнъ забра̀лыся ды ў скрипычку играешъ!» — Нѣ, говѐрицъ, Савочка: ня бй мяне, — я табѣ скажу! — «Ну, расказывай!» — Живъ ба ты, Савочка, дужа хорошо, дыкъ уѣлиси къ табѣ Злыдни! — «А дыкъ што мнѣ имъ дзѣлыць?» — А вотъ што: купи дудку и играй: Злыдни, скажи, — пойдзйця сюды плясаць! Такъ яны, якъ выйдуць съ потпечча и почануць плясаць. Тоды ты, Савочка, ихъ прямо лови за хохолъ, и би ихъ скольки силъ твоихъ!..

Ну, ёнъ пошовъ. Пришовъ у свой домъ и ставъ у дудку играць: эй, Злыдни, каець: идзиця плясаць! Выскычили етыя Злыдни. Якъ ставъ ёнъ имъ играць, якъ начали яны плясаць, якъ начавъ ёнъ ихъ ловиць за хохолъ, якъ начавъ ёнъ ихъ таласкаць! Бивъ — бивъ, бивъ — бивъ! Тоды Доля говѐрицъ: сажай ихъ у мѣхъ, ды няси у сажалку, ды затопи! Ну, ёнъ понёсъ и затопивъ. Доля яму̀ говорицъ: ну, Савка, — живи зъ Богомъ и думай про Бога, и сходзи ў номастырь Богу молитца!

Начавъ етый Савочка опяць жиць хорошо. На хторый годъ уздумавъ Богу молитца, и пошовъ во время такое: птаство пяюць, цвѣты цвѣтуць. Ишовъ, ишовъ, сустрѣкаетца зь имъ человѣкъ: обрацився дыяволъ человѣкомъ, и сустрѣчаетца зь имъ. «Здраствн, мужучокъ!» — Здраствн, добрый человѣкъ! — «Куды идзешъ?» — А, дзядзенька, — иду Богу молитца! — «А хто жъ у цябе дома ёсь, што ты идзешъ?» — Атъ, дзядзенька: я одзинокій человѣкъ! — «А ци много жъ у цябе дзяцей?» — Одзинъ сынъ, дзесяци годовъ, ды дочь ёсь восьми годовъ, и дзѣвочка ящо пяци годовъ! — «Ны кого жъ ты своё хозяйство препоручивъ, што ты въ ето ўремя собрався Богу молитца, коли людзи цяперь работуюць?» — А, дзядзенька, я своё хозяйство тожа препоручивъ сусѣду! — «Ахъ, послухый-ка ты, добрый человѣча, мяне: ня йдзи-тка ты Богу молитца, а йдзи-тка ты домой. Узрасьци-тка ты свойго сына, ды жани̂, хозяйство ты яму̀ здай на̀ руки, — тоды пойдзешъ Богу молитца. Дыкъ табѣ ня будзець думытца!» Етый Савка подумывъ: ето правда! И воропився домой.

Ну, ставъ жиць. Узрасьцивъ свойго сына и ожанивъ. Тоды здавъ имущество свойму сыну, и збираетца ицицъ Богу молитца во время восени. Ну, й пошовъ. Скольки тамъ дней пройшовъ, разболѣлись у яго косьци, заболѣли яго й ноги. А тутъ ужо дзень на проходзи — нельзя яму̀ поспяшиць къ дзяревни, — силъ не хватаецъ. Обнила яго ночь у цёмномъ лясу̀. Ишовъ ёнъ, ишовъ, смотрйць — у правую сторону горицъ огонь. Пошовъ ёнъ къ тому огню на ночь проситца. Пришовъ къ тому огню, — сядзйць старикъ коло 'гня. «Добрый вечеръ, поштэнный старичокъ! Ци не дозволивъ ба мнѣ тутъ нучувацъ?» — Ды я табѣ дозволю тутъ нучувацъ, коли сходзишъ у дровы! — «Дыкъ што жъ: можно, сходзимъ!»

—Ну, ночуй сабѣ. Сходзи за дровми!—«Погодзи, дзѣдушка: отдыхну нямного!»—Ну, отдышъ! Куды жъ цябе Богъ нясе́ць?—«А, дзѣдзушка: иду Богу молитца!»—Да, ето хорошо! Ну, сходзи-ка жъ у дровы! Етуму Савку ня хочетца: косьци боляць, ноги боляць. Огнажды (искаженное —однакоже) поцягнувъ у дро̀вы. Што во̀зьметца за полѣно, то яно рассыплетца; што возьметца, то рассыплетца. Бравъ ёнъ, бравъ, и ничого не принёсъ. Увознавъ ёнъ, што ето сядзѝць ли цепла якій-нибудзь святый. Приходзиць къ цяплу̀, отвѣщаець яму старичокъ етый: «што жъ ты дровъ не принёсъ, мужучокъ?»—Я не знаю, якъ вамъ отвясьцицъ: или назваць васъ святэя, ци сказаць на васъ—Господзи: што возьмусь за полѣно, дыкъ яно разва́ліетца!—«Да; сядзь, человѣча, пысядзи; я табѣ скажу: чаму ты тымъ уремямъ ня йшовъ молитца, якъ зьбирався прежды, ў молодыхъ лѣця̀хъ? Тоды жъ ты йшовъ, птаство пѣли, цвѣты цвѣли; тоды твоѐ ноги ишли вясёло, хорошо! Спусьця лѣто, у малину ня ходзюць. При старысьци лѣтъ нечего ици Богу молитца. Ворòцись домой, —ты умрешъ скорымъ уремямъ!»

Ну, ёнъ вороцився домой. Нямного побывъ дома—дзень, ли два, и помёръ.

Забѣлышин. в. клим. у. Произведеніе, очевидно, подверглось позднѣйшимъ передѣлкамъ.

57. Чортова росписка.

Живъ сабѣ такъ одзинъ мужикъ. И дзяцей у яго було много, а живъ ёнъ при большой бѣдносьци, и ня мѣвъ днявного пропитанія. Тоды ёнъ што надумався? Пошовъ по дорози прямо у пущу: «эхъ, говорицъ: ежали бъ нашовся хто прокормиць моихъ дзяцей, то бъ я отдавъ свою душу тому!» Удругъ сичасъ подъявляетца къ яму, у вобрази человѣчецкомъ: «што̀ ты сказывавъ, человѣча?»—А вотъ я сказывавъ: коли бъ хто нашовся прокормиць моихъ дзяцей, то бъ я отдавъ свою душу̀ тому!—«Отдаси?»—Такъ тошно, я готовъ!—«Ну, давай съ тобой распишемся!»—Якъ жа мы распишемся?—«Разрѣжъ на правой руцѣ мезиный палецъ, и своёй кровъю распишесься! И потомъ даю табѣ отстрочки на дватцаць пяць лѣтъ, распоряджатца своимъ домомъ, и ўсяками достатками,—што ни задумаешъ, усё табѣ будзець!» Мужикъ согласився и расписався на дватцать пяць годовъ. «И ты, кажець,—ежали у цябе выйдзець дватцаць пяць годовъ, и будзець у цябе *свѣча* (обрядъ) у тэй вечеръ, а потомъ я прі̀ѣду къ табѣ ў госьци, и загадаю я табѣ за̀гадку. Ежали отгадаешъ ету за̀гадку, то по̀йдзешъ жиць опяць до своёй судзьбы!»

Пошовъ етый человѣкъ домовъ. То якъ была большáя бѣдносць, то стало у яго большое богатство. Куды ни пóйдзець, то ёсь у яго дзеньги и ўсякая ўсячина. Ну, наконецъ того, ёнъ ставъ молебны служиць, и нищихъ надаряць, и ʻбѣдни служиць. Пройшло етыхъ дватцаць пяць лѣтъ, ўсё-ʻдно якъ дватцаць пяць мѣсяцевъ: ёнъ самъ не ўзнавъ. Наконецъ, приходзиць етый вечеръ. Ёнъ собравъ свою ўсю дзяревню и дожадаець госьця̀, и ненасукуюць свячу,—дожадаюць госьця̀. Удругъ сичасъ оявляетца къ яму проходзящій старичокъ,—попросився нà ночь. Яны приняли яго до чесьци изъ большою радосьцю. Етый старичокъ сказуець: зачимъ дожадаеця, когда міряне собрались, и Господзь благуслувляець? Удругъ хозяинъ сказавъ: нѣ, я дожадаю свойго госьця̀!—Нѣ, не дожадай госьця̀, говориць старикъ, а насукувай зъ Богомъ! Тэй на радосьци яго послухавъ. И насукали свячу. Повячерили. И отправилися уси сусѣдзи по домамъ своимъ.

Пóтомъ, хочець хозяинъ ложитца спаць на лавцы на кутней. Старикъ етый говориць яму̀: нѣ, ня мѣсто табѣ тутъ! А лѣзь-ка на полаци, за бабу, спаць лягъ! Ну, тэй пошовъ лёгъ. И ня спитца етуму хозяину усю ночь, думаетца яму̀. Наконецъ, приходзиць повночь. И ўставъ большѐй вѣцеръ, и выбросивъ ворóты вонъ изъ шулъ. Появляетца шесьцерикомъ, на сѣрыхъ лошадзяхъ и ў крытомъ икипажи со звонкомъ. [1]) Сичасъ выскакуець изъ икипажу прежній яго госць. Подбѣгаець подъ вокно потъ кутнее—и скричавъ: што разъ? Отвѣчаець етый старикъ, который на лавцы: дорога длинна!—Што два?—Дорога корочѣй!—Што три?—Коли бъ я у три сохи ʻравъ, дыкъ бы ня чортъ твоé гроши бравъ!.. Сычасъ зареготавъ и счезъ. Отгадавъ!

Перенучувавъ етый старикъ, и назаўтраго, давъ Богъ дзень, приказыець етуму хозяину: за твоё вѣрное житьцё, и якъ ты просивъ Господа Бога, и Господзь цябе не ʻтставивъ на ўсякомъ мѣсьци, и отвёвъ твою душу̀ отъ вѣшнаго ваду. Цяперь живи и распоряджайся усими грошами, и не забувай на Господа Бога. И коли вынешъ рубъ—перехрясьци, и положишъ—тожа перехрясьци! То *яны* табѣ прибавляли тогды, а цяперь будуць открадаць: коли ты вòзьмешъ рубъ, а яны ў цябе возьмуць дзесяць!

Етый хозяинъ изъ большэя радосьци ня можець етаго старика якъ оцаниць. И ёнъ яму̀ поклонився у ноги, и давай благодариць. И хоцѣвъ яго надзялиць большими дзеньгами, а ёнъ сказавъ: усё твоё! споживай и живи, и не забувай на Господа Бога никогда! И за етымъ прощай!

Забѣлыщин. в. клим. у.

---

1) Ср. стр. 9, о разъѣздахъ Сатаніила по Гомельщинѣ.

58. Богъ и попъ.

Одзинъ попъ бывъ такій скупый, не даривъ никóго. Якъ прійдзець нищій который, ёнъ яго за рукỳ и вонъ пхáець. Пòтомъ, одзинъ разъ, у празьнишный дзёнь, етый попъ перядзѣвся, и идзéць съ хаты, кабъ ужо 'бѣдьню служиць. Оявляетца ямỳ старикъ и просиць у яго милосьцины: подари, бацюшка, Христа-радзи! Ёнъ говòриць: вонъ! ты видзишъ, што я собрався на 'бѣдьню! Васъ не мало тутъ таскаетца! Вонъ!.. Старичокъ вороцився вонъ, и попъ за имъ идзéць, и собаками яго затравивъ. Ёнъ махнувъ рукою, етый старикъ,—не 'казалося ничого! Тольки одзинъ попъ, да ёнъ—ни двора, ничого. И мѣсто ето оказалося попу незнакомое. Ну, старикъ етый пошовъ своимъ пуцёмъ; а попъ етый за имъ услѣдъ: боитца ужо одзинъ остатца. Ну, и ишли яны цѣлый дзень. И дужа попъ етый захоцѣвъ ѣсць. Тоды етый старикъ потхóдзиць—пасець пастухъ скоцину. Ёнъ узявъ откупивъ одного барана, горщóночекъ тамъ бывъ, што пастуху приносили ѣсци, ёнъ и горщоночекъ етый откупивъ, и пошли. И баранъ за ими услѣдъ пошовъ. Отыйшли яны троху, вялѣвъ ёнъ попу разложиць огонь. Огонь попъ разложивъ, ну й разрѣзали барана етого. Вынивъ попъ почки двѣ и серца. Старикъ говòриць: звари ето, а я засну. Пòтомъ мяне узбудзишъ, якъ заваришъ! Попъ етый гутувавъ-гутувавъ, и дужа ѣсць захоцѣвъ. Узявъ одну почку зьѣвъ. И лёгъ самъ спаць, и захропъ. Устаець старикъ и на попа говòриць: уставай, будземъ кушаць, што ты згутувавъ! Ёнъ уставъ, подавъ ямỳ кушанья. Богъ помѣшавъ—помѣшавъ и говòриць: идзѣ жъ ето одна почка дзѣлася? Попъ говòриць: я не знаю: я заривъ и лёгъ спаць самъ!—Ды што ты говòришъ: хто тутъ мижда нами бывъ? Попъ давай клясьцися, божитца, што ето ня ёнъ зьѣвъ. Старикъ етый говòриць: польно табѣ клясьцися,—можа хто зьѣвъ, якъ мы заснули! Возьми, остальное ѣжъ! Попъ етый доѣвъ почку, серца и юшку похлебавъ.—Ну, пòйдземъ дальше!

Пройшли нѣскульки—ляжи́ць куча золота на дорози. Потомъ старикъ говòриць: да, вотъ и находка намъ найшлася хорошая! Якъ будземъ дзялиць? говориць. А попъ отвѣчаець: ды якъ вы сами знаеця, дзядуля! Ёнъ узявъ, разгарнувъ на три кучки: вотъ ета табѣ, а ета мнѣ, а ета трецьпяя часць тому, хто почку зьѣвъ! Попу стало жалко грòшей; ёнъ говòриць: «я, дзядуля, зьѣвъ почку!»—Ну дà, говориць: якъ гроши увидзѣвъ—дыкъ ты зьѣвъ; ты жъ мнѣ раньше казавъ, што ты ня ѣвъ?—«Нѣ, говориць: кабъ я провалився, якъ стою!» И такъ и етакъ,—што я зьѣвъ почку!—Ну, говориць: коли жъ ты зьѣвъ,—бяри жъ ету кучу, и мою, и свою—нехай табѣ ỳсё, коли ты давъ двѣ клятвы: одну—што ня ѣвъ, а другую—што зьѣвъ, якъ увидзѣвъ золото! Тоды ты погàлився

на почку—зьѣвъ, а цяперь на золото! И *благословивъ яго*: «будзешъ ты брацъ зъ живого и зь мёртваго, и зъ бѣднаго, и зъ богатаго, и ўсё табѣ мало будзецъ!» Махнувъ рукой—и ставъ и домъ тэй, и церква. А самагó не стало.

Д. Золочево, малят. в. чер. у. Отъ кр. Бориса Германова, 37 л. негр.

59. Доброхотъ (лѣсовикъ).

Бывъ у насъ такъ вó ляснúкъ. Дыкъ ёнъ разъ у лѣтку, во якъ бы цяперь, кúдавъ стогъ подъ лѣсомъ. И кидавъ ёнъ стогъ, значитца, и не завяршивъ. Двóру яму̂, значитца, далёко ицицъ; ёнъ сабѣ думаецъ: заночую я тутъ, на стогу! Богу помолився и лёгъ. Тольки лёгъ, чуецъ—у дзяревни—близко была дзяревня—щанóкъ брешецъ. И такъ брешецъ цѣлую ночь, якъ звонокъ,—спацъ не даецъ. Чуецъ ёнъ, по лѣсу: тресь! тресь! Гоницъ Доброхотъ вовковъ,—можа ихъ штукъ сорокъ. Выгнавъ на лугъ и говóрицъ: «чуеця щенка?»—Чуемъ!—«Ну вотъ жа, говорицъ: коли яго дó году не задавиця, дыкъ ёнъ васъ усихъ подавицъ!» И погнавъ.

Тэй ляснúкъ перенучувавъ тамъ, а назаўтраго, давъ Богъ дзень—пошовъ у тую дзяревню. Прихóдзицъ туды и ставъ допытывацъ: чі́й—тыки ето собака цѣлую ночь гавчивъ, щанокъ? Ставъ допытыватца, и допытався. Приходзицъ къ хозяину: продай ты мнѣ пожалуста свойго щенка!—Вó, якъ жа я продамъ; ёнъ у мяне такей, якъ звонокъ! Тэй ставъ просицъ, и купивъ—тыки яго,—отдавъ три рубли. Привозицъ домой и прямо яго у погребъ,—покуль, значитца, вы́йдзецъ яго тэрминъ. Продзержавъ годъ; тоды пошовъ на охвоту.

Ну, увыйшовъ у боръ. Тэй собака, вовка якъ завидзицъ, дыкъ и задушицъ; медзьвѣдзя завидзицъ—и медзьвѣдзя задушицъ; лося—и того задушицъ. Кабана—и того задушицъ: задушицъ и кинецъ. Надушивъ дзичины—на возы не забрацъ. Тольки сѣли яны отдыхацъ, ажъ по лѣсу—тресь! тресь! Идзецъ Доброхотъ. «А што, каецъ: ци ня бывъ ты тоды на стогу, якъ я приказывавъ яго задушицъ?» Тэй видзицъ, што ўжу некуды, говóрицъ: бывъ!—«Ну, говорицъ, я бъ не жалѣвъ, коли бъ ты душивъ ихъ ды бравъ; а то ты душишъ, ды такъ кидаешъ! Вó што: у сялѣ на выгони, потъ такимъ то камнемъ возьми скрыню грошій; а яго заби! Ёнъ мнѣ увесь скотъ знистожицъ!»

Ну, тому нечаго дзѣлацъ. Зложився—бэхъ! бэхъ! зъ двохъ стволовъ,—и забивъ. Тоды думыецъ: дай я поляджу, сь чаго у яго сила такая! Разрѣзавъ, полядзѣвъ—а ў яго дванатцацъ пóчакъ!.. Дыкъ вотъ и богатырь. Ну, ёнъ гроши тыя вынивъ и богато жицъ ставъ.

Роднян. в. клим. у. Отъ кр. Степана Павлова, 80 л. негр.

60. Банникъ.

У Чудзянахъ (деревня) пошла дзѣвка замужъ за старика. И никъ ина не звала яго якъ *старый чортъ*,—вэдлу̀гъ шутокъ. И хлопчикъ у ихъ родзився. Ну, пошла ина у лазьню, и хлопчика ўзяла. И говоря старику: я жъ, говоря, посьли лазьни ослабѣю, дыкъ ты, старый чортъ, придзи и возьми хлопчика! Подъ лазьняю посидзи, я гукну̀ цябе, ты й понясе́шъ яго домовъ!

Ну, пошли ў лазьню; ина туды-сюды яго скорѣй обмыла, двери расчинила: «ци тутъ ты, старый чортъ?»—Тутъ!—«Ну, на̀ жъ, возьми яго!»—А давай, дава̀й! Ина отдала, ёнъ и понёсъ. Стала тогды ина мытца, а мужикъ приходзя: «Прося, давай хлопца! Нѣшто ты довго яго мыешъ?»—Якого хлопца,—я жъ табѣ отдала!—«Коли?» Стало ёй ето жалко, и ина обробѣла... Прихо̀дзя домовъ—нема хлопца. Туды-сюды—такъ и поно̀нича нема. Отдала старому чорту—вѣдомо, баннику.

С. Палужъ, черик. у. Отъ кр. Ник. Павлова.

61. Русалка.

А то такъ во̀, мой бацька работавъ на поли ли лѣсу, на Гряной. И поставивъ борону у бярезнику̀. Дыкъ ина злѣзла зъ бярезины, ды зъ бороной стала гулядь. Гуляла-гуляла, ды й ущамилася. И ниякъ. Цигаець борону, а пойци̇ць нельзя. Приходзиць бацька, а йна ўжу и сядзиць. Ну, ёнъ яе́ двору привёзъ. И ина чистая, пригожая, и напрядка хорошая. Дыкъ ина яму̀ цѣлый годъ служила. И што йна ѣла? Якъ горшки выставюць во съ печи, дыкъ ина пары нахапаетца-нахапаетца ротомъ,—объ тымъ и сыта. И ўсё чисто дзѣлала. Разъ тольки покажи ёй, больше ўже не надо. И пряла и ткала, и скоцину доглидала, хату топила—усё. Тоды, якъ годъ отслужила, зновъ пришла Гряная, тоды ина говориць: ну, мнѣ пора ициць, каець: госьци мое́ ўжу прiѣхали! Зайграла, заскакала, и ў лѣсъ! И цѣлый годъ ничого не говорила. Тольки ето й сказала.

М. Родня, клим. у.

У насъ во̀, у сусѣда, у Цитовцы (деревня), русалку поймали у лѣси: на лядзи у борону увязла. Дыкъ ёнъ ослобонивъ и привёвъ домовъ. Откуль ты?—Отъ Ильли пророка!—А куды по̀йдзешъ?—Къ Ильлю пророку! Дыкъ годъ отжила. И ничого ня ѣсць; тольки якъ горшки вымаець, дыкъ па̀ры хапъ-хапъ зъ горшка. А тоды завыла: дру̀жачки-подру̀жачки, возьмиця мяне! И ў лѣсъ. Дыкъ у яе́ ўсё жаноцкое, и цыцки и ўсё. Волосы довгiя. Одзѣта пригожо. *Хотъслав. в. мстисл. у.*

62. Присыпушъ.

Яны (русалки), кажуць—съ позволеньня сказаць—сь скидушывъ. Якъ баба не доносиць, ци такъ мертваго родзиць—ето ўжу йна! Иншія дзейкаюць, бытцамъ яны съ присы́пушывъ; ды нѣ. Присыпушъ—ето подмѣнъ. Ето во́, якъ хто рубиць дровы, ды порубивши, кинець колодку тамъ. Ну, ето ўжу *ихъ* (чертей). Сичасъ здзѣлыюць руки, ноги—дзяцёнка, звѣстно—неживого, и подложуць матцы; а яе́ живѐнькаго сабѣ во̀зьмуць. Тая прошне́тца—замѣстъ дзяцёнка колода; во й присы́пушъ! Небеспремѣнно треба колодки рубиць,а то ўжу здзѣлыюць присы́пуша. *М. Родня.*

63. Языкъ природы.

Бывъ у народзи такій чаловѣкъ, што понимавъ усякій вумъ. Идзець по лясу и понимаець, што лѣсъ шумиць: идзець по полю—понимаець, што трава, што хлѣбъ шумиць; понимавъ, што скоцина говориць,—што собака, што кошка,—усё чисьценько понимавъ. И ёнъ уродзимый такій бывъ. Тольки яму нельга було никому сказаць етаго. Якъ скажашъ, тоды помирацъ уже треба. И ў яго была тольки одна жана, и ёнъ зь ёй живъ хорошо. Хозяйства у яго було тольки осёлъ и волъ. Осёлъ стоявъ у яго на стайни, а на быку̀ ёнъ дровы возивъ. Осла кормивъ овсомъ и сѣномъ, а быка соломой.

Разъ поѣхавъ у дровы, привёзъ дровъ, отпрёгъ быка, пусьцивъ у хлѣвъ. Быкъ увидзивъ осла и говориць: худая моя жисць проци твое́: я работаю, дровы воджу, и тольки ѣмъ солому одну; а ты стоишъ на стайни и тольки й яси, што сѣно и овёсъ! Осёлъ отказавъ яму на ето: ты, быкъ, возьми захворѣй: дыкъ цябе хозяинъ будзець лучче кормиць! Хозяинъ ето, у воротахъ стоючи, слыхавъ—ихнію гово̀рку. Уходзиць у свою избу и усьмѝхаваетца жанѣ, што почувъ такое дзѣло. Хозяйка спрашаваець: што ты усьмихаваесься? што ты тайное знаешъ, што ты усьмихаваесься? Ёнъ говориць: мнѣ табѣ расказаць нельга: што я получу тоды смерць сабѣ!—Якъ ето ты ня можашъ мнѣ сказаць? Можа ты про мяне што знаешъ, ды смяесься? Силно ина добивалась, штобъ ёнъ сказавъ, ну ёнъ тыки не сказавъ.

Переспали ету ночь. Назаўтря, давъ Богъ дзень, пошовъ ёнъ осматриваць свойго хозяйства и захо́дзиць у хлѣвъ. И посмотри̇ць—яго ўжо быкъ нездоровъ. Ёнъ тоды набираець яму сѣна и овса, дае́ць ѣсць. Ну, быкъ ето ѣсць, а ўставаць-то ня хочець, не ўстае́ць. Ёнъ уходзиць у свою хату и гово́риць хозяйцы: нашъ быкъ, говориць, нездоровъ! И обратно усё-тки усьмѝхуетца. Ина яму̀ отвѣщаець: получче яго корми! Ды рас-

кажи мнѣ, чаго ты усьмѝхуесься? Добиваетца у яго ўсё. Ёнъ ёй опяць отказавъ: я табѣ коли раскажу, то увомру отъ тогожда раза. А повѣрь мнѣ, што нельзя мнѣ расказаць! Ина говрѝць: лучче увомри, а мнѣ усёткн раскажи ето! Ёнъ говрѝць: я тоды тольки раскажу табѣ, якъ моя коньчина прійдзець!

Пройшло такъ два дни. Ёнъ повёвъ яё у хлѣвъ, поглядзѣць хвораго быка. Уходзиць у хлѣвъ, быкъ ихъ не поднимаетца,—усё боленъ. Ёнъ говорнць хозяйцы: треба намъ быка зарѣзаць! А то ёнъ здохнець, будуць намъ убытки; а якъ мы яго зарѣжамъ, дыкъ намъ убытковъ ня будзець! Такъ нарочито говорнць у хлѣви. Ина яму отвѣщаець: што обожджи до заўтряго: коли не поправитца, тоды ўжо й зарѣжамъ! Хозяинъ съ хозяйкой вышли съ хлѣва; и хозяинъ—тыки остався слухаць ли воротъ. То сычасъ быкъ ослу и начанаець говорѝць: скольки я ни думай, якое-нибудзь глупство,—ну мнѣ ўсё-тыки худо приходзитца! Осёлъ яму на ето отвѣщаець: поправляйся, быкъ! Лучче табѣ солому ѣсць и дровы возиць, чимся нахальною смерцю отъ ножа помѐрць! Волъ здався на ето: я, говориць, къ заўтряму поправлюся, буду здоровъ!.. А ёнъ ето усё чувъ. Увыйшовъ у хату и ўсьмихаваетца. Хозяйка пытаець: чаго ты сьмяёсься, докажи мнѣ! Ёнъ говориць: я дли того сьмяюсь, што къ заўтряму нашъ быкъ поздоровѣець!—А почомъ ты знаешъ, што ёнъ поздоровѣець?—А я не могу табѣ, говрѝць, сказаць!

Назаўтряго пошовъ хозяинъ у хлѣвъ вутромъ, посмо̀трицъ—ужо быкъ яго здоровый. Ёнъ яго тожъ поткормивъ ящо получче, выгнавъ яго на воду̀. То быкъ нарочито побрыкаваець, штобъ хозяинъ, значитца, знавъ што ёнъ здоровъ. Тоды хозяинъ отъ етаго силно уцѣшаетца, сьмяётца. И уходзиць у хату, и тожа сьмяётца. Хозяйка стала яго силно досадзиць: што чаго ты сьмяесься? стала ругаць. Ты знаешъ якую нибудзь штуку про мяне, што ты ничого не выговаріешъ и сьмяесься коло мяне? Ёнъ зъ большой досады отвѣщаець ёй: разви табѣ лучче будзець жиць безь мяне, якъ я раскажу, ды й помру? А йна говориць: лучче помри, да раскажи! Ина ня вѣриць яму̀. Ёнъ зъ большой досады говрѝць ёй: ну, говориць: досюль жа я живъ ужо! раскажу табѣ усю правду! Узявъ, отъ етаго часу, помывся, надзѣвъ на сябе смярётную рубашку и говориць: коли я раскажу, то помру!

У етое ўремя лежавъ у хаци собака потъ столомъ; а пѣвень по хаци ходзивъ, и *маивъ* сабѣ курицъ. Собака, слышавши ихъ разговоръ, силно плачець,—што жалѣець хозяина, што хозяинъ увомрѐць. А пѣвень ходзиць ли своихъ курей, весялитца, пяець, посвоему. Собака говрѝць на пѣвня: дурень ты, што ты пяешъ? разви ты ня видзишъ, што хозяинъ умираець? ну ты весялисься! Пѣвень яму̀ отвѣщаець: дуракъ нашъ

хозяинъ, што ёнъ отъ жаны умираецъ! Я сабѣ семъ жонокъ маю, и то отъ ихъ ня ўмираю. А ёнъ и отъ одной умираецъ!

Хозяинъ ето услыхавъ, етый разговоръ,—узявъ тэй кнутъ, што быка погонявъ, ѣздзивши у дровы, и ставъ яе́ бицъ, жану. И наказавъ яе́ и ставъ жицъ: «я, говорицъ, якъ ёсцъ чаловѣкъ! Ну, остався жицъ черезъ пѣвня!»

Д. Селецкое, бѣлынк. в. клим. у. Отъ кр. Спирид. Петрова, 29 л. негр.

64. Соломонъ и веробей.

Прямудрый Соломонъ знавъ, якъ говорюцъ пцицы и звѣри. Разъ уставъ Соломонъ отъ сна и умуваетца коло раскутаннаго вокна, у своихъ палатахъ. И чуя ёнъ—на крыши веробъи споровающъ. Веробей па веробъиху говоря: ахъ ты, говоря, дура баба,—што ты со мною спороваешъ? Ты ня вѣдаешъ, што я, коли захочу, дыкъ у водзинъ часъ царськія палаты раскидаю!

Соломонъ самъ сабѣ думаецъ: еткая маленькая пцичка такъ скоро раскйдаецъ палаты, што я семъ годъ строивъ! Призывая веробъя къ сабѣ и говоря: якъ ты можешъ раскйдацъ у водзинъ часъ моѐ палаты, которыя я семъ годъ строивъ? Веробей яму говоря: ваша царськое вяличаство! ето я баби солгавъ; бабу чимъ обманувъ, дыкъ обманувъ! А баба-дура, думая—правда.

Д. Киселевка, самот. в. чер. у. Кр. Игнатъ Кружаевъ.

Важнѣйшіе варіанты.

№№

1. Чуб. 2, 359, Чуб. 1, 142; Ш. Б. п. № 760; Крачк. Бытъ з. р. с. 205, 211. Этн. Об. VI; Вес. Разыск. V; Сумц. Апокр. Драг. 15, 89, 429.
2. Драг. 95.
4. Драг. 17.
5. Драг. 116.
7. Драг. 124.
15. Сад. 270, 272; Чуб. 2, 340; Чуб. 1, 152; Иван. Вол. губ. 218; Этн. Об. V, 153; VII, 74, 77.
17. Этн. Об. VI; Пинч. 189; Драг. 5.
18. Этн. Об. VI; Пинч. 188; Драг. 8.
19. Драг. 13.
20. Сад. 287.
21. Крачк. 206.
26. Сад. 283.
30. Аф. 7, 321.
34. Аф. 3, 33; Чуб. 2, 426, 427. Этн. Об. IV, 92.
35. Аф. 5, 227; Драг. 182, 410.
36. Аф. 5, 159, Чуб. 2, 393—398. Драг. 413.
40. Драг. 56.
42. Чуб. 2, 333; Чуб. 1, 156; Этн. Об. VII, 90.
43. Сад. 266.
44. Иван. Вол. губ. 215; Этн. Об. VII, 88.

№№

55. Сад. 110;
61. Сад. 100, 112;
74. Сад. 241; Аф. 5, 142, 144, 147, 214; Крачк. 200. Вер. Вот. сар. у. 174.
75. Сад. 238.
77. Чуб. 2, 405; Драг. 63.
81. Драг. 75.

Дополненіе.

3. Драг. 42.
10. Ш. б. п. № 765—766. Драг. 4.
15. Сад. 292; Драг. 50, 130, 131, 406. Бѣл. Сб. III, 307.
18. Ш. Б. п. № 761. Драг. 386.
19. Этн. Об. VI; Драг. 8.
21. Драг. 13.
22. Сад. 251.
24. Драг. 9.
28. Чуб. 1, 156; Этн. Об. VII, 78. Драг. 14.
33. Крачк. Бытъ з. р. с. 123.
34. Сад. 383; Аф. 4, 121;
40. Чуб. 2, 526. Вер. Вот. сар. у. 178; Этн. Об. I—III, ст. Каллаша.
52. Сад. 253.
56. Сад. 136; Худ. 2, 49, 52; Аф. 2, 219, 222; 6, 366; Чуб. 2, 354.
62. Чуб. 1, 194.

